НѢМЕЦКОЕ ПРАВО

ВЪ

ПОЛЬШѢ И ЛИТВѢ.

Сочиненіе

Владимірскаго-Буданова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

НѢМЕЦКОЕ ПРАВО

ВЪ

ПОЛЬШѢ И ЛИТВѢ.

Сочиненіе

Владимірскаго-Буданова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1868.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
669
631
36
71

НѢМЕЦКОЕ ПРАВО ВЪ ПОЛЬШѢ И ЛИТВѢ.

Считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о причинахъ появленія этой статьи.

Извѣстно, что въ современномъ экономическомъ быту Россіи есть одно странное явленіе: въ западной части ея высшая экономическая дѣятельность (торговля, ремесла и обработывающая промышленность) предоставлена чужому племени. Городскія поселенія этой части нашего отечества (несоразмѣрно многочисленныя) населены Евреями, — явленіе, котораго не представляетъ никакое другое государство Европы и которое сопровождается невыгодными результатами, какъ въ соціальномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ: оно парализуетъ самыя лучшія и щедрыя мѣры въ пользу земледѣльческаго класса. Вмѣстѣ съ этимъ замѣчается весьма низкая степень экономическаго развитія страны и застой его во многихъ отрасляхъ, даже въ сравненіи съ другою половиною той же Россіи. Было бы чрезвычайно любопытно сравнить западную Россію съ сѣверною и восточною въ экономическомъ отношеніи, хотя статистическія цифры въ этомъ случаѣ далеко не могутъ быть полными и точными знаменателями дѣйствительности; наглядный опытъ свидѣтельствуетъ о значительной разницѣ между ними.

Хроническое истощеніе этой страны не есть явленіе новое, не есть результатъ новѣйшихъ политическихъ потрясеній, — въ этомъ согласны всѣ: Польша передала Россіи города въ состояніи, еще худшемъ теперешняго ихъ состоянія.

Утвердилось мнѣніе, что въ прежнее время (приблизительно до XVIII в.) экономическое состояніе двухъ названныхъ странъ находилось въ обратномъ отношеніи: города и городскіе промыслы западной Россіи (входившей тогда въ составъ Рѣчи Посполитой) процвѣтали; а города и городскіе промыслы восточной Россіи находились

въ глубокомъ упадкѣ, или правильнѣе, въ младенчествѣ (хотя періодъ упадка городовъ польскихъ и западно-русскихъ относятъ обыкновенно къ концу XVI вѣка). Какъ на ясный признакъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на причину бывшаго процвѣтанія городовъ въ Польшѣ и въ западной Руси, указываютъ обыкновенно на свободное городское устройство ихъ, то-есть, магдебургское право.

Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ работъ я пришелъ къ убѣжденію, что основною причиной упадка городовъ юго-западнаго края было именно самое это устройство ихъ, то-есть, нѣмецкое — магдебургское право.

Но едва-ли эту мысль можно сдѣлать очевидною для всѣхъ при помощи только актовъ городскаго управленія, относящихся къ XVII и XVIII столѣтіямъ.

Въ русской литературѣ, сколько намъ извѣстно, нѣтъ ни одного изслѣдованія ни вообще о нѣмецкомъ правѣ въ Польшѣ и Литовско-Русскомъ государствѣ, ни въ частности о городовомъ, магдебургскомъ правѣ въ этихъ двухъ странахъ. Въ польской же и нѣмецкой литературахъ господствуютъ разнообразныя, иногда прямо противоположныя другъ другу мнѣнія объ этомъ предметѣ. Такимъ образомъ мы вынуждены были установить (въ общемъ очеркѣ) предварительно точку зрѣнія на нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ и опредѣлить мѣру и свойство его вліянія на общественное устройство этихъ странъ.

Замѣчанія, которыя представляемъ теперь на судъ читателей, составляя отдѣльное изслѣдованіе, въ то же время служатъ только предварительною частію нашего труда, потому что къ сожалѣнію, для болѣе подробной обработки собранныхъ нами матеріаловъ мы могли удѣлить лишь немного времени.

I.

Сфера дѣйствія нѣмецкаго права въ Польшѣ и Литвѣ.

Чтобы выводы, которые читатель найдетъ въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи, не показались преувеличенными, нужно прежде всего отказаться отъ того ошибочнаго представленія, будто дарованіе нѣмецкаго права въ Польшѣ было рѣдкимъ исключеніемъ въ пользу небольшаго числа общинъ и лицъ. Такъ дѣйствительно было въ древнѣйшее время, въ XII и началѣ XIII вѣка. Съ XIII-го же вѣка до конца XIV нѣмецкое право распространилось по всѣмъ областямъ, населеннымъ польскими племенами, съ различными, впрочемъ, послѣдствіями

въ разныхъ областяхъ. Такъ, послѣдствіемъ его распространенія въ западныхъ областяхъ (въ Силезіи) была почти полная утрата здѣсь славянской національности: нѣмецкое право распространялось въ Силезіи чрезъ вызовъ нѣмецкихъ колонистовъ; около половины XIV в. *всѣ деревни и города* Силезіи получили нѣмецкое право. Въ собственной Польшѣ (Великой, Малой и Мазовіи) нѣмецкое право было сначала правомъ колоніальнымъ (извѣстнымъ Россіи по ея колоніямъ Волжскимъ); но потомъ оно распространялось не столько чрезъ колонизацію, сколько чрезъ усвоеніе нѣмецкаго права польскими деревнями и городами; Нѣмцы-колонисты составляли большею частію населеніе городовъ, хотя далеко не исключительное; въ селахъ же нѣмецкія колоніи были до того рѣдки, что въ актахъ трудно отыскать указанія на нихъ; поэтому здѣсь нѣмецкое право не принесло такихъ гибельныхъ плодовъ въ національномъ отношеніи, какъ въ Силезіи. Но мы имѣемъ основанія думать, что въ XV вѣкѣ нѣмецкое право вытѣснило совершенно изъ всѣхъ польскихъ деревень и городовъ прежнее славянское устройство ихъ. Огромное число до сихъ поръ сохранившихся грамотъ на нѣмецкое право наглядно доказываетъ всеобщее распространеніе его въ Польшѣ [1]). Замѣтимъ, впрочемъ, что перечисле-

[1]) Вотъ для примѣра перечень деревень, получившихъ нѣмецкое право въ трехъ воеводствахъ: Краковскомъ, Люблинскомъ и Сандомирскомъ, по одному только тому актовъ (Codex Diplomat. Polon. изд. Бартошевича): Крыжановицы (1247 г.), всѣ деревни монастыря св. Клары (1257 г.; здѣсь перечисляются 22 деревни и г. Завихость), Броновица (1274), Пшегиня (1276), Кенты (прежде 1279), Бресничь (1282), Бибихи и Мешовъ (1288), деревни монастыря Сулейовскаго (1298), Венгриново (1302), всѣ деревни Цистерціанскаго ордена (4-хъ монастырей, 1308), всѣ деревни Станіотскаго монастыря (перечисляются 22 деревни, 1317), Круплино (1318), Вильковискъ (1324), деревни монастыря Тынецкаго (1326, см. другіе акты того же монастыря подъ №№ 109, 176 и др.), оба Тарнова (1328), новый городъ Гринбергъ (1340), Либуша (1348), всѣ деревни монастыря св. Креста in Calvo Monte (перечисляются, подъ № 212, 25 деревень и два города одного имени, 1351), Едлова-Гора (прежде 1353), новыя колоніи (тогда же), всѣ деревни по обоимъ берегамъ р. Ропы и всѣхъ ея притоковъ (1359), Барвальдъ (1361), мѣстечко Стобница и села: Стобница и Фаланчинъ (1362), Лишки, Смердхонца и Кашовъ (прежде 1363), гор. Скавина (1364), Муховъ (прежде 1381), Янушова (1384), Климунтовъ (прежде 1381), Лисовъ (1385), Тарховъ (прежде 1388), Кшыжовица (1392), Будзишовъ (1417), Зубкова-Воля (прежде 1424), Злотники и Крамче (прежде 1437), Мшальница и Ценява (1464). Города не вошли въ этотъ перечень, потому что они, какъ извѣстно, всѣ безъ изъятія пользовались нѣмецкимъ правомъ (см. Staroz. Polsk. Balinsk. t. II). Но что перечень этотъ далеко не исчерпываетъ всѣхъ случаевъ дарованія нѣмецкаго права въ упомянутыхъ трехъ воеводствахъ, доказывается ино-

ніе случаевъ пожалованій нѣмецкаго права въ цѣлой Польшѣ — трудъ громадный, но безполезный, потому что есть возможность опредѣлить сферу дѣйствія нѣмецкаго права и безъ помощи этихъ грамотъ: ее легко опредѣлить при помощи тѣхъ признаковъ нѣмецкаго права, опредѣленіе которыхъ составитъ предметъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

гими актами, которые относятся къ этимъ воеводствамъ, но не вошли въ кодексъ Бартошевича, а напечатаны въ разныхъ спеціальныхъ изданіяхъ («Tinecia», «Miechovia» и проч.). Такъ, сюда нужно причислить всѣ деревни монастыря Меховскаго, одного изъ богатѣйшихъ монастырей Польши (по привилегіи Казиміра 1354 года къ нему относятся два города — Меховъ и Скаржевъ и 32 деревни, изъ которыхъ 24 въ воеводствѣ Краковскомъ).

Изданныя теперь грамоты о дарованіи нѣмецкаго права заключаются 1) въ общихъ собраніяхъ актовъ польской исторіи, каковы:

а) Codex diplomaticus Majoris Poloniae, изд. Эдв. гр. *Рачинскимъ* въ Познани въ 1840 году,

б) Codex diplomaticus Poloniae, изд. сперва *Ржищевскимъ* и *Мучковскимъ*, а потомъ *Бартошевичемъ* въ Варшавѣ. Третій томъ (Бартошевича) вышелъ въ 1858 г. Каждый томъ заключаетъ въ себѣ акты одной изъ провинцій бывшей Польши (во 2-мъ Куявіи, въ 3-мъ Малой Польши).

в) *Fr. Wilh. Sommersberg.* Silesiacarum rerum scriptores, три тома. При первомъ томѣ (Lipsiae 1729) приложены: 1) Codicis Silesiae diplomatici specimen (152 акта); 2) Diplomatarium Bohemo-Silesiacum (208 актовъ Богеміи, Моравіи и Силезіи). При второмъ томѣ (Lipsiae 1730) приложены: 1) Statuta civitatis Swidniciensis, 2) Mantissa diplomatum. При третьемъ томѣ (Lipsiae 1730)—Diplomatarii Bohemo-Silesiaci continuatio (203 акта). Въ этихъ сборникахъ Зоммерсберга заключаются не только силезскія, богемскія, моравскія и венгерскія грамоты, но нѣсколько и собственно-польскихъ и мазовецкихъ. Кромѣ жалованныхъ грамотъ на нѣмецкое право и другихъ актовъ, относящихся къ устройству городовъ и деревень по нѣмецкому праву, въ собраніи Зоммерсберга есть акты особенно важные для опредѣленія и уясненія феодальнаго порядка въ Польшѣ.

г) Codex diplomaticus Regni Poloniae et M. D. Litwaniae etc., изданіе Виленскихъ піаровъ *(Collegii Vilnensis scholarum piarum)*, подъ редакціей *Догеля*. Т. I (Vilnae 1758), Т. IV (Vilnae 1764), Т. V (1759). Все изданіе должно было содержать 7 томовъ и обнять собою какъ акты собственно Польши и Литвы, такъ и договоры, трактаты и проч. Польскихъ князей и королей съ разными государствами Европы; слѣдовательно, акты этого кодекса имѣютъ преимущественную важность для политической исторіи. Но между ними есть много актовъ, относящихся къ бытовой исторіи вообще и нѣмецкому праву въ частности. Въ этомъ отношеніи особенно былъ бы важенъ т. VII, гдѣ предполагалось помѣстить: jura, libertates etc. Мацѣевскій говоритъ, что не изданные томы хранятся въ С.-Петербургской Императорской Публичной Библіотекѣ. Желательно бы увидѣть ихъ когда-нибудь въ печати.

2) Акты нѣмецкаго права заключаются въ частныхъ изданіяхъ: а) *Miechovia*, sive promptuarium antiquitatum monasterii Miechoviensis, *Сам. Наклъскаго*

Число извѣстныхъ намъ, изданныхъ до настоящаго времени грамотъ, какъ оно ни велико, составляетъ, конечно, ничтожный остатокъ старины глубокой, даже включая сюда и тѣ, которыя хранятся или гніютъ въ архивахъ. Но не слѣдуетъ думать, что нѣмецкое право распространялось только при помощи жалованныхъ грамотъ; оно распространялось быстрѣе и въ большемъ объемѣ посредствомъ вліянія примѣра. Въ древнѣйшее время, когда дарованіе его составляло исключеніе, когда оно было знакомъ особенной милости князя, для введенія его требовалась непремѣнно грамота, или особая на каждое поселеніе, или общая на цѣлое имѣніе. Позднѣе князья даютъ землевладѣльцамъ право вводить нѣмецкое право въ деревняхъ не только существующихъ, но и имѣющихъ существовать. Когда же нѣмецкое право сдѣлалось обычнымъ въ Польшѣ, обняло собою значительную часть народа, остальные землевладѣльцы и сами короли вводили его въ своихъ деревняхъ уже безъ всякой грамоты, посредствомъ экономическихъ распоряженій, такъ что названіе „нѣмецкое право“ (не въ смыслѣ городоваго права) встрѣчается въ актахъ лишь до 2-й половины XV вѣка, а далѣе оно уже теряетъ свое спеціальное имя, уже память о его происхожденіи утрачивается: оно сдѣлалось отечественнымъ польскимъ правомъ. Съ этого времени по всей Польшѣ мы находимъ всѣ существенные признаки его (jus ducale въ рукахъ землевладѣльцевъ. институтъ солтыства, волочное хозяйство съ его послѣдствіями, о чемъ и намѣрены мы говорить въ этомъ изслѣдованіи).

Точно также, какъ въ собственной Польшѣ, въ древнѣйшее время начало распространяться нѣмецкое право въ одной изъ русскихъ земель — въ землѣ Галицкой. Еще задолго до соединенія Галиціи съ Польшею начинается нѣмецкая (а вмѣстѣ съ тѣмъ и поль-

---

(Crac. 1634). Здѣсь собраны драгоцѣнные акты отъ половины XII до полов. XVII вѣка. б) *Tinecia*, seu historia mon. Tinecensis (Crac. 1668).

3) Между спеціальными собраніями актовъ нѣмецкаго права намъ извѣстно замѣчательное изданіе *Tzchoppe und Stenzel:* Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Staedte in Silesien und Ober-Lausitz. Важнѣйшую часть книги составляетъ «Urkundenbuch» — собраніе болѣе 200 актовъ, прямо или непрямо относящихся къ нѣмецкому праву въ Силезіи. Самое же изслѣдованіе, весьма обстоятельное, приводитъ большею частію къ крайне ошибочнымъ выводамъ. Изъ него сдѣлано извлеченіе *Кавелинымъ* и напечатано подъ заглавіемъ: «Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ и введеніе нѣмецкихъ колонистовъ» сперва въ «Сборникѣ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи» Д. В. (Валуева), а потомъ перепечатано во 2-й части «Полнаго собранія сочиненій К. Кавелина».

ская) колонизація въ Галиціи [1]). Хотя уже Зубрицкій находитъ около 1287 года войтовъ во Львовѣ, Владимірѣ и Луцкѣ, но до сихъ поръ не было извѣстно, что русскіе князья Рюриковичи давали городамъ и деревнямъ нѣмецкое право. Въ кодексѣ, изданномъ Бартошевичемъ, находится грамота (на латинскомъ языкѣ) 1339 года, данная Юріемъ, княземъ Русскимъ, Сандомірскому гражданину Барткѣ на войтовство въ городѣ Санокѣ „со всею властію и юрисдикціею тевтонскою или правомъ магдебургскимъ“ [2]); въ перечисленіи жителей, подлежащихъ судебной власти войта, стоитъ такой порядокъ: Нѣмцы, Поляки, Венгерцы и Русскіе; привилегія дана во Владимірѣ-Волынскомъ. Со времени соединенія Галиціи съ Польшею, нѣмецкое право утвердилось въ первой, точно также какъ и въ послѣдней.

Самымъ осязательнымъ доказательствомъ всеобщаго распространенія въ Польшѣ нѣмецкаго права служатъ памятники о введеніи этого права въ Литовско-Русское государство. Въ изданныхъ актахъ западной Руси нѣтъ почти ни одной грамоты на нѣмецкое право въ деревняхъ; существуютъ только грамоты на городовое-магдебургское право, которое, какъ увидимъ, есть только одна изъ формъ нѣмецкаго права, дальнѣйшая степень его развитія. Между тѣмъ существуетъ множество распоряженій (подъ разными наименованіями), посредствомъ которыхъ князья, короли и паны вводятъ въ своихъ владѣніяхъ всѣ порядки нѣмецкаго права [3]). Образецъ этихъ порядковъ они видѣли уже въ Польшѣ, а не въ Германіи; въ Польшѣ они сдѣлались до такой степени обычными и повсемѣстными, что, какъ замѣчено выше, не требовали уже спеціальнаго имени для своего обозначенія. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ дѣйствіе нѣмецкаго права начинается тотчасъ по соединеніи Литвы съ Польшею; мы видимъ ясно его распространеніе въ XVI вѣкѣ и наконецъ, значительное преобладаніе въ XVII.

Такова географическая карта распространенія нѣмецкаго права. Юридическій объемъ его не ограничивается переустройствомъ городовъ; оно подѣйствовало на весь соціальный бытъ Польши и Литвы:

---

[1]) Полн. Собр. Лѣт. II стр. 196.

[2]) Cod. Dipl. Pol. III. № 88. (20-го января 1339 г.). Обыкновенно оканчивали линію здѣшнихъ русскихъ князей 1335-мъ годомъ (Зубрицкій — «Ист. Галицко-русскаго княжества» III, стр. 254; Смирновъ — «Судьбы Червонной или Галицкой Руси», стр. 59. Предоставляемъ любителямъ судить о личности, которая пишется такъ: «Georgius Dei gracia dux et heres regni Russie»).

[3]) Уставъ о волокахъ кор. Сигизмунда-Августа, инвентари имѣній частныхъ владѣльцевъ и проч. См. Пам. Т. II и III.

а) ослабило княжескую власть въ Польшѣ (а чрезъ нее и въ Литвѣ), лишивъ ее большей части финансовыхъ правъ и утвердивъ воззрѣнія, заимствованныя изъ частнаго права, на судебную и административную власть; б) оно рѣшительно измѣнило бытъ сельскихъ обывателей, ихъ личныя и имущественныя права; в) оно создало новое понятіе о городѣ и городскомъ сословіи.

Мы ограничиваемся только этою стороною нѣмецкаго права, то-есть, вліяніемъ его на такъ-называемое государственное право и соціальный бытъ Польши и Литвы, хотя въ дѣйствительности вліяніе нѣмецкаго права не ограничивалось этимъ: оно измѣнило уголовное и гражданское право древней Польши; но разработка этихъ послѣднихъ вопросовъ требуетъ отъ изслѣдователя спеціальнаго юридическаго образованія; наука ждетъ изслѣдованія ихъ отъ нашихъ образованныхъ юристовъ.

II.

Княжеская власть (jus ducale) по нѣмецкому праву.

Что̀ называется нѣмецкимъ правомъ въ Польшѣ? Мы отказываемся отвѣтить на этотъ вопросъ короткимъ и яснымъ для всѣхъ опредѣленіемъ; отвѣтомъ на него будетъ служить все дальнѣйшее изслѣдованіе. Таково, впрочемъ, свойство всѣхъ сложныхъ историческихъ явленій: они не поддаются опредѣленіямъ безъ предварительнаго генетическаго уразумѣнія ихъ.

Мы начнемъ съ изслѣдованія того, съ чего начиналось дѣйствіе нѣмецкаго права въ польскихъ земляхъ, то-есть, съ жалованныхъ грамотъ на нѣмецкое право.

Какой-нибудь князь или король, желая наградить своего дружинника за военныя заслуги, или рѣшаясь загладить грѣхи свои щедростію къ церкви, или, наконецъ, обнаруживая наклонность къ приращенію своихъ экономическихъ выгодъ, даетъ жалованную грамоту, въ первыхъ двухъ случаяхъ, землевладѣльцамъ, въ послѣднемъ случаѣ, общинѣ, то-есть, своему городу или деревнѣ. Грамота эта гласитъ, напримѣръ, такъ:

„Мы, Владиславъ, Божіею милостію король Польскій и князь земель Краковской и проч., желаемъ довести до свѣдѣнія какъ нынѣ живущихъ, такъ и будущихъ, что видя вѣрную службу вѣрнаго нашего (слуги) Петра Куницкаго.... и намѣревалось поощрить его къ такой же службѣ (на будущее время), позволяемъ перенести его вотчину (haereditatem) Вильковиско.... изъ права польскаго въ право тевтонское, то-есть, неймарктское (novi fori), которое въ просторѣчіи именуется шродскимъ (sredense): освобождая самого

Петра и всѣхъ его поселенцевъ и вилановъ, живущихъ теперь или имѣющихъ жить, отъ всѣхъ правъ польскихъ, какъ то: sep, stan, naraz, powolowe и прочихъ службъ, ангарій и перангарій (angariis, perangariis), какія бы ни были и какимъ бы именемъ они ни назывались, которыя обыкновенно нарушаютъ право тевтонское. Вышепомѣненованный Петръ и его законные наслѣдники и преемники мирно и свободно будутъ пользоваться не какимъ-либо другимъ правомъ, а только своимъ тевтонскимъ-шродскимъ во всѣхъ дѣлахъ уголовныхъ, большихъ и малыхъ, на вѣчное время, вмѣстѣ съ солтысомъ и вилланами своими. Освобождаемъ часто упоминаемыхъ вѣрныхъ нашихъ отъ всякихъ присудовъ (jurisdictionibus), каштелановъ, воеводъ, судей, подсудковъ и всѣхъ другихъ урядниковъ, такъ что если когда-нибудь они и будутъ вызываемы къ нимъ, то не должны отвѣчать на этотъ вызовъ; если же будутъ вызываемы къ намъ посредствомъ грамоты, запечатанной нашею печатію, то всякому жалующемуся на нихъ будутъ отвѣчать по своему тевтонскому праву.... 1324 года“ [1]).

Въ этой жалованной грамотѣ, равно какъ во всѣхъ подобныхъ, нѣмецкимъ правомъ названо освобожденіе землевладѣльца вмѣстѣ съ его поселенцами (или общинъ) отъ всѣхъ (или нѣкоторыхъ) податей и повинностей въ пользу князя и полное (въ нѣкоторыхъ неполное) освобожденіе поселенцевъ отъ суда княжескихъ чиновниковъ. Обратныя этимъ отношенія землевладѣльцевъ и общинъ къ князю называются польскимъ правомъ.

Отсюда возникаютъ два ошибочные взгляда на нѣмецкое право въ Польшѣ. Тѣ изъ нѣмецкихъ писателей, которые видятъ въ такихъ привилегіяхъ благо, считаютъ ихъ характеристическою особенностію германскаго права [2]).

Ошибочность этой мысли открывается легко при сличеніи любой жалованной грамоты на нѣмецкое право съ жалованными грамотами сѣверно-русскихъ князей [3]); грамоты съ подобнымъ же содержаніемъ давались и польскими князьями независимо отъ нѣмецкаго права и до времени распространенія его въ Польшѣ [4]).

---

[1]) Cod. Diplom. Pol. III; № 79.

[2]) Tz und Stenz.—Urk. zur Geschichte des Ursprungs der Städte c. 9.

[3]) «Сиротамъ, кто иметь сѣдѣти на землѣ св. Богородицы (Тверскаго Отроча монастыря) ненадобѣ имъ никотораа дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни осминичее, ни сторожевое, ни писчее, ни кормъ, ни медовое, ни иныи которыи пошлины къ городу, ни къ волости, ни служба, ни дѣло княже, ни дворскіи, ни старосты отъ ихъ ни займають ни про что. Такоже и намѣстницы наши и волостели ажъ не въѣздять и не судять тѣхъ людій.... А что ся учинеть или розбой, или душегубьство, или татьба, который судъ будетъ межи монастырьскихъ людій, судитъ ихъ и дворянъ даетъ монастырскій тивунъ одинъ, а нашимъ судьямъ ненадобѣ ни что». А. А. Э. I. 5.

[4]) Dypl. II, у Лелевеля: Pocz. Praw. Pol.

Тѣ изъ польскихъ писателей [1]), которые видятъ въ такихъ привилегіяхъ не благо, а зло для страны, стараются найдти разницу между грамотами на нѣмецкое право и просто жалованными грамотами; по ихъ мнѣнію, первыя даютъ права общинамъ. а вторыя открываютъ просторъ для произвола „деспотовъ“ — землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, зло, вносимое одинаково и тѣми и другими, то-есть, ослабленіе княжеской власти, въ первомъ случаѣ вознаграждается тѣмъ, что княжеская власть переходитъ въ народное самоуправленіе; но тѣмъ не менѣе зло остается зломъ.

Мы надѣемся, что въ дальнѣйшемъ нашемъ изслѣдованіи ошибочность этой мысли сдѣлается очевидною. Не забѣгая впередъ, мы ограничимся здѣсь однимъ замѣчаніемъ, что жалованныя грамоты на нѣмецкое право опредѣляютъ отношенія землевладѣльца къ княжеской власти и нисколько не касаются отношеній землевладѣльца къ людямъ, поселеннымъ въ его имѣніи (конечно, за исключеніемъ жалованныхъ грамотъ княжескимъ городамъ и деревнямъ).

Между тѣмъ, разница между грамотами на нѣмецкое право и просто жалованными грамотами существуетъ дѣйствительно; не безъ причины въ самыхъ жалованныхъ грамотахъ на нѣмецкое право привилегіи, даруемыя ими, считаются характеристическою принадлежностью нѣмецкаго права.

Въ послѣдствіи мы увидимъ, что хотя привилегіи эти, какъ исключеніе, могли возникнуть и безъ нѣмецкаго права; но *всеобщимъ распространеніемъ* ихъ въ областяхъ польскихъ и литовскихъ и *крайнею широтою* ихъ объема Польша обязана нѣмецкому праву.

Привилегіи, содержащіяся въ жалованныхъ грамотахъ на нѣмецкое право, взятыя въ своемъ полномъ объемѣ, составляютъ такъ-называемое jus ducale, столь извѣстное въ польскомъ законодательствѣ. Оно есть сумма правъ княжескихъ, принадлежавшихъ сперва исключительно княжескимъ родамъ, а потомъ (съ XII—XIV вѣка) сдѣлавшихся достояніемъ землевладѣльцевъ и общинъ. Въ понятіи jus ducale заключаются права на подати, повинности, регаліи, права судебной и административной власти. А извѣстно, что право суда и власть, относившаяся къ налогамъ, исчерпывали всѣ права верховной власти въ средніе вѣка.

---

[1]) Лелевель: Pocz. Pr., по изд. 1828 года, стр. 88 и дальн.

Судъ и подати — вотъ все, что̀ дается жалованными грамотами на нѣмецкое право.

Чтобы показать, на сколько нѣмецкое право участвовало въ ослабленіи королевской или княжеской власти чрезъ ея раздробленіе, мы должны разсмотрѣть содержаніе грамотъ по отношенію къ этому вопросу.

1. *Налоги, повинности и регаліи.* Приблизительно до XIV вѣка польскіе князья имѣли обширныя права относительно налоговъ.

Они, подобно князьямъ всѣхъ славянскихъ земель, получали съ каждаго населеннаго участка земли прямую, общую и постоянную подать. Какъ единица, облагаемая податью, такъ и свойства, размѣръ и названіе подати были различны; но обыкновенно въ Польшѣ облагался участокъ земли (radło — соха), который крестьянинъ можетъ воздѣлывать парою воловъ или лошадей, отъ чего подать получила названіе *поральнаго* (poradlne, то-есть, посо̀шное), или „дымъ“ — жилое мѣсто, отъ чего та же подать носитъ названіе *подымнаго*. Подать эта до Людовика Венгерскаго равнялась 12-ти грошамъ съ лана, а со времени изданія знаменитаго акта этого короля [1]) низведена до 2 гр.; въ послѣдствіи, при Сигизмундѣ III, она совсѣмъ изчезла [2]). Слѣдовательно, именно въ то время, когда на западѣ возникало правильное обложеніе постоянными податями, въ Польшѣ совершенно прекратилось взиманіе прямыхъ общихъ налоговъ [3]).

Рядомъ съ постоянною податью существовалъ экстраординарный налогъ, который взимался временно по требованію необходимости; со времени развитія сеймовой власти, установленіе этого налога требовало согласія сейма. Онъ назывался *exactio, collecta, szos;* въ

[1]) См. ниже.

[2]) Vol. leg. III, 767.

[3]) Мацѣевскій отрицаетъ существованіе съ древней Польшѣ постояннаго налога. Онъ считаетъ *поральное* экстраординарнымъ налогомъ и приписываетъ право налагать эту подать сейму даже въ тѣ времена, когда сейма не было. Тамъ же, гдѣ акты прямо противорѣчатъ этому, онъ видитъ въ поральномъ — чиншъ (доходъ съ государственныхъ имуществъ). Сообразно съ этимъ, онъ утверждаетъ, что Людовикъ освободилъ шляхту не отъ податей, а отъ чинша и что Польша, какъ прежде, такъ и послѣ, платила подати одинаково (то-есть, временно, съ согласія сейма). Онъ не обратилъ вниманія на выводы ученыхъ изслѣдователей финансоваго права древней Польши и другихъ славянскихъ земель (Tzschoppe und Stenzel, Палацкій, Гагенмейстеръ, гр. Толстой); во второмъ изд. Hist. Prawod. онъ повторяетъ ту же мысль (Т. II, §§ 301 и дал.). Но извѣстна привычка этого ученаго переносить позднѣйшія польскія учрежденія въ отдаленную древность.

Литвѣ же — *серебщизна* и *ордынщина*. Налогъ этотъ существовалъ до паденія Рѣчи-Посполитой.

Кромѣ поральнаго, взимались, въ видѣ постоянной подати, разные продукты натурою въ опредѣленномъ количествѣ съ каждаго лана, а именно отсыпной хлѣбъ (2 мѣрки ржи и овса съ лана), что̀ называлось *annona ducalis* (позднѣе dziakły, въ Литвѣ дяклы), — далѣе, vacca, bos, porcus и тому подобное.

Налоги непрямые были въ большомъ употребленіи: всякій товаръ при вывозѣ на рынокъ подвергался оплатѣ, взимаемой натурою: съ воза рыбы — двѣ рыбы, и тому подобное; эта подать называлась *targowe*. Въ послѣдствіи переложенный на деньги, этотъ сборъ назывался цломъ и мытомъ, когда присоединился сюда сборъ за провозъ товаровъ (что̀, однако же, нужно отличать отъ таможенныхъ пошлинъ) [1]).

Соединеніе податей и повинностей представляютъ собою такъ-называемыя *стаціи* (statio). При объѣздахъ князя по дѣламъ правительственнымъ (судебнымъ) или для забавъ и охоты, землевладѣльцы и крестьяне селъ, лежавшихъ на пути его, должны были встрѣчать, помѣщать, содержать и провожать его и его свиту; повинность эта нерѣдко перелагалась на деньги и такимъ образомъ становилась прямымъ, постояннымъ налогомъ.

Но древнѣйшею и наиболѣе тягостною повинностію въ Польшѣ (какъ и вездѣ) считалась *подводная* (powoz, prewod, podwoda etc.); этою повинностію выражалось иногда подданство извѣстнаго племени тому или другому князю. Состояла она въ томъ, что княжескіе гонцы и военные обозы требовали подводъ на пути слѣдованія; крестьяне обязаны были доставлять продукты, слѣдовавшіе князю, въ его замки на своихъ подводахъ.

Далѣе въ ряду повинностей идетъ обязанность производить различныя работы (издѣльная повинность) въ пользу князя; кажется, вся совокупность этихъ работъ называлась angaria и perangaria [2]). Это — работы при ремонтѣ княжескихъ замковъ, исправленіи плотинъ и прочее, обязательная помощь при княжескихъ охотахъ; сюда,

---

[1]) Къ пошлинамъ нужно отнести, конечно, самую доходную статью древнихъ финансовъ, именно судебныя пошлины; но такъ какъ онѣ составляютъ одну изъ существеннѣйшихъ частей судебной власти князя, то намъ придется упомянуть о нихъ при разсмотрѣніи этой послѣдней.

[2]) Въ Босніи слово «angaria» переводится словомъ «беглукъ» — барщина. См. Сб. Гильферд. 425.

кажется, должна быть отнесена и *стража* (stroża), хотя она весьма рано замѣнялась или натуральными, или денежными оброками.

Кромѣ податей, пошлинъ и повинностей, княжескія регаліи были основаніемъ многочисленныхъ правъ князя надъ всѣми землями его княжества. Право владѣнія лѣсами и водами было княжескою регаліей. Лѣсные законы были строги, какъ повсюду въ западной Европѣ въ средніе вѣка; убившій звѣря былъ судимъ какъ преступникъ въ оскорбленіи величества и приговариваемъ къ высшему штрафу (70 гр.) [1]). Основаніе этой строгости заключалось, между прочимъ, въ томъ, что цѣнныя шкуры звѣрей (kuny) имѣли денежное обращеніе. Ловля рыбы, построеніе мельницъ и бань составляли тоже княжескую регалію. Ископаемыя богатства, на чьей бы землѣ ни были найдены, принадлежали князю.

При такихъ обширныхъ правахъ князей надъ всею землею, собственно поземельныя имущества не составляли важной статьи въ ихъ доходахъ: Князь, наслѣдовавшій права общины, былъ верховнымъ владѣльцемъ всѣхъ участковъ, не тронутыхъ культурою [2]). Они составляли то, что́ мы называемъ государственными имуществами и что̀ рѣзко отличается отъ частныхъ владѣній: князь владѣетъ ими не какъ частный собственникъ, а какъ представитель общины. Если эти земли были отдаваемы въ обработку въ частныя руки, то новый владѣлецъ ихъ признавалъ за собою обязанность исполнять разныя повинности для всего общества или для князя, какъ представителя общества. Между этими повинностями первое мѣсто занимаетъ *военная повинность*.

Здѣсь мы касаемся очень важнаго вопроса, связаннаго со многими вопросами финансоваго и государственнаго права, и къ сожалѣнію, принуждены коснуться его только вскользь.

Справедливо замѣчаютъ, что у европейскихъ народовъ было два способа отправленія военной повинности: способъ войны дружинный и всенародный (ополченіе). При исключительномъ господствѣ дружиннаго способа является необходимо феодальный порядокъ вещей: тогда нельзя удовлетвориться небольшою дружиною, постоянно живущею при князѣ; она составляетъ цѣлое огромное сословіе. Ее нельзя содержать податями и натуральными продуктами при княжескомъ дворѣ: она получаетъ участки земли, или заселенные, или не

---

[1]) Bantkie. Hist. Pr. Polskiego, стр. 144.

[2]) Bantkie. Hist. Pr. Pol. 138.

заселенные. Въ первомъ случаѣ дружинникъ можетъ получать поземельный доходъ. Во второмъ случаѣ, при малонаселенности страны, поземельный доходъ невозможенъ безъ предварительной затраты капитала (постройки, орудія, рабочій скотъ, сѣмена и прочее) и безъ особыхъ привилегій для привлеченія колонистовъ. Затратить капиталъ можетъ всякій безъ особенной милости князя, когда свободная земля находится еще въ изобиліи. Въ чемъ же заключается награда дружиннику, плата ему за военную службу? Въ томъ, что князья отдаютъ ему право на подати и повинности, которыя должны бы слѣдовать князю съ населеннаго участка. Свободою отъ податей приманиваются колонисты и даютъ владѣльцу поземельный доходъ; но право на подати и повинности съ нихъ сохраняется за владѣльцемъ, и въ послѣдствіи можетъ имъ быть возстановлено. Наконецъ, князь можетъ отдать дружиннику извѣстный участокъ только съ правомъ собирать себѣ подати и повинности съ жителей этого участка; а поземельный доходъ идетъ или князю, если это его земля, или другому дружиннику-землевладѣльцу, или никому, если участокъ составляетъ общинную собственность.

Такъ образовалось три рода дружинниковъ-землевладѣльцевъ: землевладѣльцы, не освобожденные отъ податей и повинностей, землевладѣльцы, соединяющіе права землевладѣнія съ правами княжеской власти, и наконецъ, землевладѣльцы, получающіе участокъ въ кормленіе. Очевидно, во всѣхъ этихъ случаяхъ понятіе землевладѣнія отдѣляется весьма неясными границами отъ понятія должности („уряда“, какъ говорилось въ Польшѣ): первое понятіе преобладаетъ въ первомъ случаѣ, второе въ третьемъ, случай же средній есть соединеніе того и другаго и представляетъ собою самое существенное свойство феодальнаго права. Къ нему мало по малу приравнялись и оба остальные, то-есть, землевладѣльцы, получавшіе только ренту, захватили и подати, землевладѣльцы же, получавшіе только подати, захватили и ренту [1]).

Съ другой стороны, дружинникъ получаетъ участокъ земли только какъ плату натурою за военную службу: плата должна прекратиться,

[1]) Конечно, не всегда бывало такъ: княжескія и общинныя земли большею частію переходили въ полное владѣніе тѣхъ, кому отданы въ кормленіе; но имѣнія другихъ дружинниковъ-землевладѣльцевъ оставались при своихъ владѣльцахъ и кормленщики получали съ нихъ только подати. Въ Босніи, гдѣ средневѣковые порядки сохранялись неизмѣнно до послѣдняго десятилѣтія, были всѣ три рода дружинниковъ-собственниковъ: *беги, капетаны* и *спахіи*.

когда прекращается служба, то-есть, или тогда, когда умираетъ владѣлецъ, или когда онъ отказывается отъ службы — нарушаетъ военный долгъ; имѣніе наслѣдуетъ или конфискуетъ король (или князь). Имѣніе можетъ переходить и въ наслѣдство, если переходитъ въ наслѣдство обязанность службы; при отсутствіи дѣтей мужескаго пола у умершаго, владѣльца король (или князь) долженъ позаботиться о пріисканіи наслѣдника правъ и обязанностей умершаго дружинника, то-есть, пріискать мужа для дочери его; такимъ образомъ соединялась наслѣдственность съ пожизненностію владѣнія. Въ послѣдствіи наслѣдственное право беретъ рѣшительный перевѣсъ.

Такъ возникаютъ обѣ существенныя стороны феодальнаго права: княжескія права каждаго владѣльца-вассала внутри имѣнія его и вмѣстѣ съ тѣмъ ленная зависимость его отъ сюзерена по имуществу.

Въ странахъ, гдѣ способъ войны не дружинный, а всенародный, послѣдствія должны быть противоположныя; но какъ такихъ странъ нѣтъ или почти нѣтъ, то дружинному способу отправленія военной повинности можно противопоставить только смѣшанный способъ отправленія ея, господствовавшій во многихъ странахъ. Этотъ способъ состоялъ въ томъ, что рядомъ съ дружиною стоитъ народное ополченіе, превосходящее дружину и своею численностью, и своимъ значѐніемъ. При такихъ условіяхъ дружина можетъ вознаграждаться тѣми же способами, какіе были указаны, и будутъ возникать явленія чрезвычайно сходныя съ феодальными порядками; но при малочисленности дружины феодализмъ не можетъ охватить собою всего государственнаго строя. Онъ не можетъ перейдти изъ области гражданскаго права (именно — законовъ о поземельной собственности) въ область государственнаго права: дружинники не могутъ сдѣлаться полноправными государями въ своихъ владѣніяхъ, потому что княжеская власть и независимость общинъ сильны постоянною взаимною поддержкою.

Никто не сомнѣвается, что въ западной Европѣ преобладалъ первый способъ отправленія военной повинности, что́ легко объясняется исторіею ея: не легко́ было, напримѣръ, въ Италіи ввести всенародное ополченіе во времена готскаго владычества, когда народъ (Римляне) находился въ открытой войнѣ съ дружиною и ея предводителями — королями.

У нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ (говоримъ — нѣкоторыхъ, потому что исторія южныхъ Славянъ, завоевавшихъ страны восточной Римской имперіи, крайне плохо извѣстна, а исторія Славянъ, завое-

ванныхъ Нѣмцами, хорошо извѣстна), не завоевавшихъ своей страны и не завоеванныхъ, способъ веденія войны былъ преимущественно всенародный. Это, главнымъ образомъ, нужно сказать о Русскихъ [1]).

То же было первоначально и въ Польшѣ: способный носить оружіе обязанъ былъ, по призыву, являться пѣшимъ или коннымъ, смотря по достатку. Дружина, существовавшая рядомъ съ ополченіемъ, не составляла сословія землевладѣльцевъ; члены ея назывались просто „milites“. Оттого бо́льшая часть собственности находилась въ рукахъ общинъ.

Но съ XIV вѣка обычай народнаго ополченія исчезаетъ въ Польшѣ постепенно, хотя и проявляются попытки возстановить его (конституція 1544 года); его имя осталось въ названіи „pospolite ruszenie“, которое въ настоящемъ своемъ видѣ почти никогда не дѣйствовало, за исключеніемъ развѣ знаменитыхъ своею комичностью парадовъ („okaz“) или смотровъ. Съ XIV вѣка поземельная собственность попала исключительно въ руки шляхтичей-дружинниковъ (и духовенства), такъ что военное званіе и право поземельной собственности сдѣлались синонимами. Горожанамъ отказано въ правѣ владѣть землею именно на томъ основаніи, что они плохіе воины [2]). Оттого далѣе, шляхтичи получили верховныя права въ своихъ имѣніяхъ, освободясь отъ податей и повинностей, владѣя высшею судебною властію. Если собственность ихъ сдѣлалась наслѣдственною, то также точно сдѣлались наслѣдственными лены западныхъ бароновъ; но какъ тамъ, такъ и тутъ, короли сохраняли за собой право лишить собственности владѣльца за неисполненіе военной повинности вслѣдствіе предварительнаго судебнаго рѣшенія (что, какъ извѣстно, королямъ не легко было приводить въ исполненіе и на Западѣ, и въ Польшѣ).

Итакъ, именно въ то время, когда на Западѣ призывъ народныхъ ополченій сдѣлался причиною и знакомъ паденія феодализма, когда, по выраженію Гервинуса, пѣхота стала брать перевѣсъ надъ конницею, — именно въ это время Польша вступаетъ на тотъ путь,

[1]) Вопреки словамъ Мацѣевскаго, который говоритъ: «Тамъ (на Руси и Литвѣ) способъ веденія войны былъ дружинный, поэтому тамъ феодализмъ принялъ суровый характеръ». Въ Польшѣ видитъ онъ противоположный порядокъ (pospolite ruszenie). Какъ въ древней — Кіевской, такъ и въ Московской Руси народное ополченіе принимало самое дѣятельное участіе не только въ оборонительныхъ, но и въ наступательныхъ войнахъ. Для русскаго образованнаго читателя приводить факты мы считаемъ излишнимъ: пусть только вспомнитъ читатель случаи съ Изяславомъ Ярославичемъ, споръ князей на Долобскомъ съѣздѣ, Кіевское вѣче 1147 года, и проч.

[2]) Vol. leg. I, 271.

который прошла Европа среди тяжкихъ испытаній феодальнаго безправія и потомъ кровавой борьбы съ феодализмомъ.

Отчего же Польша отказалась отъ благъ, дарованныхъ ей тунѣ? Отчего князья сами лишили себя крѣпкой опоры своей власти — народнаго ополченія? Отчего расточили они свои финансовыя силы, уступивъ подати, повинности, регаліи и поземельныя имущества въ пользу дружинниковъ-собственниковъ?

Чувствуя важность этихъ вопросовъ, спѣшимъ предупредить читателя, что мы говоримъ о нихъ лишь мимоходомъ.

Польскіе ученые, касавшіеся финансоваго права древней Польши, видятъ въ немъ слѣды заимствованія изъ нѣмецкаго права. Но какъ? Бантке [1]) увѣряетъ, что введеніе податей, повинностей, всей суммы финансовыхъ княжескихъ правъ должно быть приписано „ленному праву и военному устройству (wojskowości)“, которыя перешли въ Польшу съ запада. То же самое говоритъ и Мацѣевскій [2]). Не говоря уже о томъ, какъ мало согласуется ленное право и военное устройство феодальное съ увеличеніемъ княжескихъ финансовыхъ средствъ, (о чемъ мы только-что упоминали), на какіе факты могъ сослаться историкъ польскаго права въ доказательство своей мысли? На то обстоятельство, что Рикса (жена Мечислава II) и Кристина (жена Владислава — около 1142 года), Нѣмки по происхожденію, были виновницами введенія разныхъ поборовъ къ столу короля. И только! Совершенно напротивъ, финансовыя средства первыхъ князей должны быть приписаны польскому праву, а постепенное ослабленіе ихъ вліянію внѣшнему. Съ одной стороны, тѣ же самыя подати и повинности мы находимъ и въ Московскомъ государствѣ, гдѣ, конечно, нельзя открыть вліянія нѣмецкаго права [3]); съ другой стороны, акты указываютъ съ неопровержимою ясностію, что освобожденіе отъ даней и повинностей есть именно то, что называется въ нихъ нѣмецкимъ правомъ въ противоположность польскому: „освобождаемъ, говорится въ нихъ постоянно, отъ всѣхъ службъ.... и прочихъ правъ польскихъ, которыя обыкновенно нарушаютъ право тевтонское“ [4]). Впрочемъ, чрезъ нѣсколько страницъ самъ же Бантке признаетъ одною изъ при-

---

[1]) Hist. Pr. Polsk. 138—139.

[2]) Hist. prawod. Słow. II, 243 и 263 (1858 года).

[3]) См. перечисленіе даней и повинностей въ вышеприведенной грамотѣ Тверскихъ князей.

[4]) Cod. Dipl. Pol. III, № 76. и множ. др.

чинъ ослабленія княжескихъ доходовъ пожалованіе нѣмецкаго права. Съ этимъ нельзя не согласиться.

Нѣмецкое право оказало вліяніе на уменьшеніе финансовыхъ средствъ Польши двумя способами: а) непосредственно, чрезъ освобожденіе все бо́льшаго и бо́льшаго числа духовныхъ и свѣтскихъ владѣній отъ податей и повинностей, и б) косвенно, чрезъ освобожденіе общинъ отъ военной повинности, что̀ заставляло князей (и королей) увеличивать массу дружинниковъ, и слѣдовательно, давать имъ содержаніе, то-есть, вышеупомянутыя права дружины на княжескіе доходы въ имѣніяхъ.

Говоря о первой сторонѣ вліянія нѣмецкаго права, нужно различать пожалованіе нѣмецкаго права общинамъ, живущимъ на государственной (то-есть, княжеской) землѣ, или новымъ колоніямъ, водворяющимся на этой землѣ, отъ пожалованія его духовенству и частнымъ собственникамъ.

Когда князья жалуютъ нѣмецкое право своему собственному имѣнію, то иногда откровенно указываютъ на свое желаніе пріумножить доходъ, какъ на побужденіе, руководящее ими въ этомъ дѣйствіи. Конечно, въ такомъ случаѣ они не обманываютъ и не обманываются: дарованіе нѣмецкаго права, дѣйствительно, увеличиваетъ ихъ доходъ. Незаселенные и невоздѣланные участки подвергаются обработкѣ [1]); населеніе, чрезвычайно рѣдкое, увеличивается отъ наплыва колонистовъ [2]) изъ притѣсненной Германіи и покоренныхъ Нѣмцами славянскихъ земель. Для такихъ колонистовъ дарованіе нѣмецкаго права есть самая дѣйствительная приманка, потому что оно заключаетъ въ себѣ, кромѣ финансовой стороны, много другихъ выгодъ, какъ увидимъ ниже. Колонисты же изъ земель польскихъ привлекаются, большею частью, срочными льготами отъ всякихъ уплатъ, обыкновенно соединяемыми съ пожалованіемъ нѣмецкаго права. На необработанныхъ участкахъ срокъ льготы обыкновенно продолжителенъ, отъ 16—20 лѣтъ и болѣе; на обработанныхъ вдвое меньшій [3]). Въ послѣднемъ случаѣ король ничего не теряетъ въ настоящемъ и выигрываетъ въ будущемъ, потому что обработанный, но незаселенный участокъ не приноситъ дохода, при заселеніи же будетъ приносить по истеченіи

[1]) Cupientes utilitates regni nostri peramplius ampliare, de sylvis, de quibus nobis nulla penitus utilitas proveniebat.... damus villam.... jure theutonico locandi. .. Cod. Dipl. P. III. 101, 92.

[2]) Ibid № 77: Volentes villam nostram magis kmethonibus populari....

[3]) Cod. D. P. T. III, № 63. 87.

льготы; въ первомъ случаѣ король выигрываетъ немедленно, потому что первоначальная обработка земли есть уже капиталъ, съ избыткомъ вознаграждающій за льготу.

Если же нѣмецкое право дается уже заселеннымъ мѣстностямъ, то срокъ льготы меньшій (но льгота давалась всегда, что̀, какъ увидимъ ниже, было рѣшительно необходимо при введеніи нѣмецкаго способа хозяйства). Но во всѣхъ этихъ случаяхъ измѣняется характеръ уплатъ: онѣ приводятся къ большему единству и перелагаются на деньги. Вмѣсто общественныхъ податей и повинностей, а иногда и вмѣстѣ съ ними, установляется частно-владѣльческая рента — чиншъ [1]), все равно, касается ли это деревень или многолюдныхъ торговыхъ городовъ. Въ этихъ послѣднихъ является рента двоякаго рода: общая и главная — съ дворовъ собственно (area) — и поземельная рента съ участковъ земли, принадлежащей городу, если такіе участки находятся во владѣніи гражданъ. Кромѣ того, когда увеличивается городское населеніе, умножается и торговля; князья въ жалованныхъ грамотахъ выговариваютъ себѣ постоянное право на сборъ пошлинъ съ магазиновъ и лавокъ (cameris, kramis).

Итакъ, дарованіе нѣмецкаго права княжескимъ имѣніямъ влечетъ за собою не уменьшеніе, а увеличеніе финансовыхъ средствъ князя.

Совсѣмъ иное дѣло, когда оно жалуется частно-владѣльческимъ имѣніямъ.

Тогда эти имѣнія освобождаются отъ общей поземельной подати — поральнаго [2]). Нужно, однакожь, думать, что освобожденіе отъ этой подати было неполное; если и бывало полное, то очень рѣдко. Мы знаемъ уже, что въ Польшѣ до самаго Сигизмунда III сохранялись остатки этой подати. Кажется, что нѣмецкое право понижало ее до 2 грошей съ лана Въ Литвѣ, въ 1424 г., великій князь Свидригайло даетъ Драгосиновичу село Косово съ монастыремъ въ потомственное владѣніе, съ мельницами, съ полями, и проч., съ ловами звѣриными и птичьими. „А тое село первореченное имѣютъ намъ давати, подлугъ права Волоского ты-то доходы.... съ каждаго кметя по два гроши польскихъ Краковского рѣзу у каждый годъ“ [3]). Право волоское, упоминаемое здѣсь, есть право нѣмецкое: какъ названіе „Нѣмцы“,

[1]) Miscel. Cracov. Fasc. II. 63. Cod. Dipl. Pol. III. 88. 101, и т. д. Мы желали бы обратить вниманіе людей, занимающихся финансовымъ правомъ древности, на этотъ переходъ податей въ поземельный доходъ, какъ на явленіе чрезвычайной важности. Мы отмѣчаемъ только фактъ.

[2]) Cod. Dipl III. 80. Tz. und Stenz. Urk. № 26, 44, 48 (podworowe).

[3]) А. Ю. и З. Росс. I. № 15.

общее для всѣхъ германскихъ племенъ, прилагалось нерѣдко ко всѣмъ западнымъ народамъ, такъ и названіе „Влахи“, общее для всѣхъ романскихъ племенъ, прилагалось иногда ко всему Западу. Отъ подати чрезвычайной (временной) не освобождались нѣмецкія поселенія частныхъ владѣльцевъ [1]), конечно, за исключеніемъ опредѣленнаго числа лѣтъ первоначальной льготы [2]).

Annona ducalis сохранилась и въ грамотахъ на нѣмецкое право, по преимуществу въ силезскихъ [3]). Въ послѣдствіи въ Польшѣ и дякла перешла отъ князей къ землевладѣльцамъ [4]). За то другіе натуральные поборы совершенно и постоянно уничтожаются жалованными грамотами на нѣмецкое право: absolvimus.... a vacca, a bove etc.“ [5]), есть постоянная форма такихъ грамотъ.

Особенную важность имѣетъ освобожденіе отъ стацій, даруемое нѣмецкимъ правомъ [6]), потому что оно придавало землевладѣльцамъ даже внѣшній видъ независимыхъ князей: уничтоженіе стацій привело къ тому, что король безъ позволенія землевладѣльца не могъ въѣхать въ границы имѣнія послѣдняго.

Подводную повинность уничтожаютъ князья постепенно при дарованіи нѣмецкаго права: сначала съ нѣкоторыми исключеніями въ свою пользу [7]), потомъ уже безъ всякихъ исключеній. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, силезскіе князья обнаружили гораздо болѣе благоразумія, чѣмъ собственно-польскіе. Они сохраняли сначала за собою подводную повинность въ военное время для доставленія провіанта и перевоза плѣнниковъ, то-есть, именно то, что̀ называлось prewod въ отличіе отъ powoz и podwoda [8]). Въ грамотахъ же князей восточной Польши постоянно стоитъ общая форма: „absolvimus.... a powoz, prewod“ [9]) etc., все равно, дается ли грамота собственному имѣнію князя, или частно-владѣльческому.

---

[1]) Tz. und Stenz. Urk. № 39. Ср. C. D. III. № 62.

[2]) C. D P. T. 62 66.

[3]) Urk. (Tz. und Stenz). №№ 5, 27, 47, 49 и проч.

[4]) Пам. Врем. Ком. III. Отд. 2, стр. 97.

[5]) C. D. P. III. 80.

[6]) Ibid. № 82.

[7]) Tz. und St. Urk. № 49: Powoz non ducant, nisi sicut alie ville Theutonicales ad expeditiones vel alia vice consueverunt ab antiquo ducere justo modo.

[8]) Urk. № 54: Omnes homines... erunt immunes et liberi ab omni powoz et podwoda, sed prewod ducent militare et tantummodo in his rebus ferinis carnibus etc. et militem captivum, qui dicitur clodnik.

[9]) C. D. P. III. 80, 82 и пр.

Какъ prewod, такъ и stroża, составляя часть военной повинности, заслуживали бы особеннаго вниманія со стороны князей; между тѣмъ и та и другая [1]) повинности расточаются съ одинаковою щедростію при пожалованіи нѣмецкаго права.

Торговыя и другія пошлины относительно имѣній частныхъ владѣльцевъ, конечно, не имѣютъ важнаго значенія, потому что составляютъ значительную статью доходовъ только въ большихъ торговыхъ городахъ, которые большею частью принадлежали еще князьямъ. Если же такіе города попадали въ частное владѣніе, то само собою разумѣется, и пошлины переходили въ руки землевладѣльцевъ. Но грамоты не забываютъ упоминать объ освобожденіи отъ торговыхъ пошлинъ [2]).

Изъ регалій право на владѣніе водами постоянно соединяется съ прочими привилегіями нѣмецкаго права, безъ ограниченій или съ извѣстными изъятіями. Такъ, въ древнѣйшихъ грамотахъ исключается право на ловлю бобровъ въ пользу князя [3]); въ послѣдствіи же уничтожается и это изъятіе [4]). Даже рыболовство подвергалось иногда нѣкоторымъ ограниченіямъ, — конечно, чрезвычайно рѣдко [5]). Рѣки отдаваемы были въ частное владѣніе или на всемъ протяженіи ихъ, или отмѣрялось точное количество вверхъ и внизъ по теченію отъ того города или имѣнія, которому дается грамота. На этомъ пространствѣ владѣльцы могли строить или сколько угодно мельницъ, или въ назначенномъ отъ князя количествѣ [6]). Точно также и лѣсная регалія уступаема была сначала съ нѣкоторыми ограниченіями относительно права охоты, потомъ безъ всякихъ ограниченій [7]). Въ городахъ право охоты получалъ одинъ войтъ.

Горная регалія, даже въ пунктахъ чрезвычайной важности для всего государства, переходила въ частное владѣніе сперва по простымъ жалованнымъ грамотамъ, потомъ закрѣплялась грамотами на нѣмецкое право. Такъ, соляныя копи въ Величкѣ перешли въ частное владѣніе монастыря Тынецкаго [8]). Тѣмъ легче переходило въ

---

[1]) Tz. und St. Urk. №№: 3, 10, 30 и др. C. D. P. III. № 82.

[2]) Per alia fora terre nostre in rebus emendis, vel vendendis theloneum non solvent. Urk. № 26.

[3]) Urk. № 6.

[4]) Ibid. № 26.

[5]) Ibid. № 85.

[6]) Cod. D. P. III. № 63.

[7]) Ibid.

[8]) Szczygel. Tinecia. 139.

частное владѣніе право на ископаемыя богатства, могущія открыться на землѣ, уже бывшей въ частномъ владѣніи, о чемъ упоминаютъ грамоты на нѣмецкое право, съ нѣкоторыми лишь ограниченіями относительно княжескихъ городовъ [1]).

Сначала очень осторожно поступали князья съ монетною регаліей и исключали ее изъ пожалованій нѣмецкаго права [2]). Но право чеканить монету, однако, утвердилось въ земляхъ, занятыхъ рыцарями тевтонскими, за землевладѣльцами и городами, которые получили нѣмецкое устройство; такъ Торнъ, Эльбингъ и Данцигъ пользовались этимъ правомъ до послѣднихъ временъ польскаго владычества. По примѣру этихъ земель начало утверждаться то же право за землевладѣльцами и городами въ княжествахъ польскихъ. До насъ не дошли грамоты, по которымъ бы можно было ясно судить о связи этого пожалованія съ нѣмецкимъ правомъ; но связь эта ясна при помощи простыхъ соображеній: стóитъ только сличить этотъ фактъ съ однородными явленіями въ западно-европейскомъ финансовомъ правѣ. Архіепископъ Гнѣзенскій и епископъ Познанскій получаютъ это право на тѣхъ же основаніяхъ, какъ получали его епископы и герцоги — князья Священной Римской имперіи. Можно предполагать, что это право въ XIV вѣкѣ было чрезвычайно распространено въ городахъ, пожалованныхъ нѣмецкимъ правомъ. Длугошъ, разказывая (подъ 1343 г.) о присоединеніи къ королевству Польскому земли и города Всховы, говоритъ, что городъ этотъ и послѣ присоединенія „сохранилъ особыя права и прерогативы, а именно право чеканить особую монету“ [3]) и проч. Чѣмъ же городъ Всхова былъ важнѣе другихъ городовъ? Дѣйствительно, мы знаемъ, что такое же право получилъ и городъ Сандомиръ [4]); но грамотъ на эту именно привилегію мы не имѣемъ теперь: отсюда можемъ заключить, что для насъ утрачены грамоты на такое же право и относительно многихъ другихъ городовъ. Въ послѣдствіи, очевидно, это право выходило изъ употребленія.

Всѣ вышеизложенныя уступки со стороны княжеской власти не составляютъ характеристической особенности нѣмецкаго права; мы находимъ бóльшую часть ихъ въ простыхъ жалованныхъ грамотахъ польскихъ и литовско-русскихъ князей, равно какъ въ тарханныхъ грамотахъ московскихъ и другихъ сѣверно-русскихъ князей. Особен-

[1]) Cod. Dipl. III. 63.
[2]) Urk. № 6.
[3]) Dług. lib. IX. (стр. 1069 изд. 1711 г.).
[4]) Narusz. V. 285.

ность жалованныхъ грамотъ на нѣмецкое право составляетъ освобожденіе отъ военной повинности, не потому, чтобъ этой привилегіи нельзя было найдти въ тарханныхъ грамотахъ русскихъ князей,[1]), а потому, что въ жалованныхъ грамотахъ на нѣмецкое право она получаетъ строгую опредѣленность, которая потомъ имѣла замѣчательное вліяніе на все государственное право Польши.

Въ древнѣйшихъ грамотахъ нѣкоторые находятъ указаніе на то, что колонисты не освобождались отъ военной повинности [2]), такъ какъ какъ въ такихъ грамотахъ обыкновенно стоитъ слѣдующая фраза: „ad expeditionem ibunt sicut alii Teutonici"; но изъ этого выраженія очевидно, что колонисты несутъ военную повинность не такъ, какъ поселенцы польскаго права, слѣдовательно, съ какими-то облегченіями. Въ чемъ состоятъ эти облегченія, объясняется точно и удовлетворительно актами того же времени. „Колонисты, говоритъ одинъ Силезскій князь, будутъ служить мнѣ, если случится война противъ моей земли (expeditio super terram meam) или въ моей землѣ (in terra mea); если же я захочу начать походъ внѣ моей земли, то они должны въ гарнизонъ одного моего замка поставить, по договору, трехъ хорошо вооруженныхъ людей съ достаточнымъ продовольствіемъ, до моего возвращенія въ свою землю" [3]). Такимъ образомъ, военная повинность колонистовъ ограничивается войнами оборонительными и внутренними; отъ внѣшнихъ войнъ они освобождаются всегда. Но и во время внутреннихъ войнъ колонисты несутъ военную повинность съ ограниченіями; они тогда принимаютъ участіе въ защитѣ страны, когда война касается границъ ихъ поселеній (nisi sit in confinio ipsorum) [4]). Итакъ, нѣмецкое право обязываетъ колонистовъ къ тому, къ чему обязываетъ каждаго чувство собственнаго самосохраненія: во время войны жители открытыхъ мѣстъ и безъ того бѣжали въ ближайшіе замки и принимали участіе въ ихъ оборонѣ; единственный обязательный долгъ ихъ — вооружить извѣстное число людей на свой счетъ. Въ послѣдствіи въ Польшѣ все нешляхетское населеніе участвовало только при оборонѣ замковъ; въ открытыхъ же битвахъ не

---

[1]) А. А. Э I. 175. Впрочемъ освобожденіе отъ посошной службы встрѣчается очень нечасто.

[2]) Urk №№ 5 10 12 C. D III. 66.

[3]) Ibid. № 6 C. D. III. № 44. „Si forte exercitus paganorum terram ingredientur....

[4]) Urk. 11. 12.

участвуютъ общинныя рати [1]). Въ замѣнъ общенароднаго ополченія являются изъ имѣній частныхъ владѣльцевъ одни солтысы.

Въ позднѣйшихъ грамотахъ освобожденіе отъ военной повинности дается колонистамъ нѣмецкаго права или безъ всякихъ ограниченій [2]) (non debeant ire ad expeditionem), или въ нихъ о военной повинности совершенно не упоминается, вѣроятно, какъ о дѣлѣ, давно рѣшенномъ путемъ закона и обычая. Дѣйствительно, изъ солтыскихъ грамотъ, въ которыхъ подробно излагаются повинности поселенцевъ, видно, что военною службою обязывается одинъ только солтысъ.

Другая сторона военной повинности — постройка и ремонтъ замковъ и укрѣпленій — подверглась той же участи: сначала князья выговариваютъ себѣ условіе, что колонисты „будутъ помогать при постройкѣ замка по требованію крайней необходимости“ [3]); потомъ выражаются рѣшительно: „edificiis castri non procedent [4])“.

Предыдущія замѣчанія о финансовой сторонѣ нѣмецкаго права показываютъ очевидное сходство грамотъ на нѣмецкое право съ жалованными или тарханными грамотами русскихъ князей. Но изъ этихъ же замѣчаній читатель самъ легко можетъ увидѣть и существенное различіе между тѣми и другими. Кромѣ болѣе широкаго объема привилегій, грамоты на нѣмецкое право тѣмъ существенно отличаются отъ жалованныхъ, что первыя мало по малу обращаются въ *право*, вторыя же составляютъ *исключеніе изъ права*.

Въ наиболѣе древнихъ грамотахъ мы не встрѣчаемъ названія „право“ для обозначенія вышеизложенныхъ привилегій; юридическій языкъ колеблется, не подыскавъ термина: освобождая извѣстное поселеніе или имѣніе, населенное Поляками, отъ податей, повинностей и судебной власти своихъ чиновниковъ, князья не говорятъ, что даютъ нѣмецкое право, а между тѣмъ выражаются такъ: „люди (ордена св. Іоанна Іерусалимскаго) не должны подлежать никакой юрисдикціи *польской*“ [5]). Что же это значитъ?

Нѣмецкое право было, какъ мы видѣли, въ первое время только

---

[1]) Maciejowski, Hist. Pr. Sl. IV. 560. Это внесеніе договорнаго начала между князьями и народомъ относительно военной службы подѣйствовало даже на способъ отправленія ея шляхтичами: извѣстно, что по pacta conventa шляхетство обязывалось исполнять военную повинность только въ границахъ государства, за границею же служило за плату, какъ наемники

[2]) Urk. №№ 26. 27.

[3]) Ibid. № 6. 10.

[4]) Ibid. 26.

[5]) Cod. D. III. № 4. (1153 г.)

колоніальнымъ правомъ, то-есть, Нѣмцы колонисты необходимо пользовались извѣстными привилегіями. Въ Польшѣ привыкаютъ относить эти привилегіи не къ положенію Нѣмцевъ, какъ колонистовъ, а къ самимъ Нѣмцамъ, какъ бы имѣющимъ на нихъ прирожденное право. Ихъ привилегіи становятся не исключеніемъ изъ обще-дѣйствующаго права, а особымъ правомъ, которое стоитъ рядомъ съ польскимъ. Такому взгляду содѣйствовало въ особенности то, что Нѣмцы принесли съ собою свое судоустройство и свою администрацію. Далѣе: князья, вознаграждая своихъ дружинниковъ поземельною собственностію, даютъ имъ большею частію необработанные или по крайней мѣрѣ незаселенные участки и позволяютъ населять кѣмъ угодно — Нѣмцами или Поляками. По вышеупомянутому закону о вознагражденіи за военную повинность, они не могутъ возложить на новыхъ собственниковъ всѣхъ тягостей обычнаго финансоваго права, то-есть, должны дать имъ право колоніальное; чтобы обозначить это пожалованіе однимъ именемъ, князья называютъ его нѣмецкимъ правомъ; такимъ образомъ, въ первый разъ это право примѣняется къ Полякамъ подъ именемъ нѣмецкаго. Терминъ найденъ, но вмѣстѣ съ нимъ найденъ особый смыслъ этого термина, и открылся рядъ явленій, которыхъ конца, конечно, не предвидѣлъ тогда никто. Тогда открылась возможность *переносить* имѣніе съ польскаго права на нѣмецкое; такого перенесенія желали не только землевладѣльцы, не пользовавшіеся привилегіями по жалованнымъ грамотамъ, но и владѣльцы обѣленныхъ имѣній. По-видимому, трудно понять, зачѣмъ владѣлецъ, уже пользующійся всѣми привилегіями, которыя даются нѣмецкимъ правомъ, спѣшитъ перенести свое имѣніе съ польскаго права на нѣмецкое; между тѣмъ это дѣлается постоянно [1]), и дѣйствительно, съ разчетомъ весьма важнымъ: прежнія привилегіи, дарованныя простыми жалованными грамотами, составляютъ исключеніе изъ права и потому весьма не прочны; онѣ могли быть взяты назадъ (какъ это и случилось съ тарханными грамотами въ Москвѣ); подъ покровомъ же нѣмецкаго права этого быть не можетъ: это уже не частная привилегія, а законъ, дѣйствующій въ цѣломъ обществѣ. Чѣмъ болѣе расширялась территорія

[1]) Монастырь Меховскій получалъ полныя жалованныя грамоты въ XII—XIII вѣкахъ почти отъ всѣхъ князей (Казиміра II, Лешка V, Болеслава Стыдливаго), послѣдняя 1256 г. Но въ 1295 г. Венцеславъ Богемскій даетъ ему грамоту на нѣмецкое право въ новыхъ колоніяхъ; а въ 1332 году Владиславъ Локтикъ распространяетъ нѣмецкое право на всѣ имѣнія монастыря. Miechov. Nakiel., стр. 176, 224, 257. См. также Cod. D. P. III. № 66.

нѣмецкаго права, тѣмъ болѣе укрѣплялось понятіе о немъ, какъ о правѣ, а не объ отрицаніи права, а расширенію территоріи нѣмецкаго права содѣйствовали привилегіи, даруемыя имъ (въ особенности освобожденіе отъ военной повинности, какъ мы видѣли уже выше).

Во взаимной борьбѣ двухъ правъ польскаго и нѣмецкаго, побѣда, очевидно, должна была склониться въ пользу втораго, и польское право, въ свою очередь, должно было сдѣлаться исключеніемъ изъ нормальнаго порядка. Тогда-то нѣмецкое право и теряетъ свое спеціальное имя. Рѣшительная побѣда одержана имъ въ концѣ XIV вѣка при Людовикѣ Венгерскомъ, и знаменіе этой побѣды есть его актъ, столь оплакиваемый нынѣшними писателями-Поляками и столь дорогой для прежнихъ рыцарей шляхетской республики [1]). Актъ этотъ окончательно возводитъ нѣмецкое право въ общій государственный законъ.

Итакъ, польское финансовое право уступаетъ нѣмецкому, вслѣд-

---

[1]) Вотъ слова этого акта, относящіяся къ финансовому правому: «Освобождаемъ (absolvimus, liberamus et eximimus) города, замки, поссессіи, мѣстечки и деревни, поселенцевъ деревень всего королевства Польскаго, принадлежащихъ баронамъ и всѣмъ шляхтичамъ (nobilium) отъ всѣхъ поборовъ, даровъ и даней (collectis, donationibus sive tributis) какъ общихъ, такъ и частныхъ, какимъ бы именемъ они ни назывались, отъ всякихъ службъ, работъ и вымогательствъ, ангарій и преангарій, и всѣхъ повинностей личныхъ и вещныхъ (in rebus et personis)... Но хотимъ быть довольными тѣмъ, чтобы съ каждой населенной волоки ежегодно уплачивалось въ день св. Мартина по 2 гроша обыкновенной монеты, обращающейся въ королевствѣ, намъ и нашимъ преемникамъ въ знакъ верховной власти (in signum summi dominii) и ради напоминанія принадлежности къ коронѣ Польскаго королевства. Если случится нашествіе враговъ на королевство, тогда *шляхтичи* (nobiles) этого королевства должны являться къ отраженію ихъ со всею своею силою (potestate). Если же случится сдѣлать экспедицію за границы государства... и (шляхтичи) понесутъ въ ней какой-либо большой или малый уронъ вещный или личный, мы должны будемъ дать полное удовлетвореніе Если какой старый замокъ потребуетъ ремонта, то во время мира исправлять его будетъ бургграфъ, или поссе́ссоръ и хранитель этого замка; во время же войны или смуты наши замки, лежащіе на границахъ государства, должны быть исправляемы съ помощію людей тѣхъ округовъ (districtuum), гдѣ лежатъ эти замки. Если мы пожелаемъ вновь построить какой-нибудь замокъ для защиты и пользы государства, съ совѣта и согласія бароновъ, то эти вельможи государственные должны будутъ помогать въ постройкѣ его; но если захотимъ строить безъ вѣдома и согласія бароновъ и вельможъ, то должны производить постройку на свой собственный счетъ». Vol. leg. I. 55—56.

Да потрудится читатель сличить эти привилегіи, краеугольный камень шляхетскаго института, съ вышеизложенными пунктами нѣмецкаго права. Ниже будетъ указано, почему появленіе этого акта нельзя объяснить случайными обстоятельствами, въ какихъ находился Людовикъ Венгерскій.

ствіе необходимаго сцѣпленія обстоятельствъ, помимо непосредственнаго заимствованія нѣмецкихъ порядковъ изъ Германіи. Никто не сомнѣвается, что и такое заимствованіе могло имѣть мѣсто при постоянныхъ столкновеніяхъ Польши съ германскими или онѣмечившимися князьями, при многочисленныхъ переселеніяхъ въ Польшу нѣмецкихъ рыцарей, при перенесеніи въ Польшу письменнаго *феодальнаго* права (Speculum Saxonicum). Въ ту эпоху (XIII — XIV), въ которую распространилось и утвердилось нѣмецкое право въ Польшѣ, феодализмъ въ западной Европѣ находился на вершинѣ своего развитія. король получалъ доходы только отъ государственныхъ имуществъ, нѣкоторыхъ регалій (горной и отчасти лѣсной), таможень и донативъ духовенства.

2. *Судъ и администрація.* Судъ надъ лично свободными колонами въ Германіи всегда принадлежалъ землевладѣльцамъ [1]); о правѣ суда землевладѣльца надъ несвободными поселенцами, конечно, не зачѣмъ и говорить: оно разумѣлось само собою [2]). Судебная власть землевладѣльца надъ поселенцами есть принадлежность кореннаго воззрѣнія на судъ, какъ на право собственности у германскихъ племенъ [3]); только дальнѣйшее развитіе этой власти приписывается всеобщему распространенію въ западной Европѣ такъ-называемыхъ иммунитетовъ, которые, какъ одна изъ важнѣйшихъ причинъ развитія феодализма, передали въ руки землевладѣльцевъ королевское Blutbann вмѣстѣ съ прочими правами высшаго суда.

Нѣмецкое право переходило изъ Германіи въ Польшу въ эпоху полнаго господства феодальныхъ порядковъ на Западѣ. Отсюда можно бы заключить, что польскіе князья должны уступать землевладѣльцамъ

---

[1]) Hüllmanns — Gesch. des Urspr der Stande in Deutschl. 462

[2]) Ibid. 460.

[3]) «И безъ королевской привилегіи всѣмъ поземельнымъ собственникамъ принадлежала въ предѣлахъ ихъ имѣній такъ-называемая въ послѣдствіи basse justice, то-есть, низшее судопроизводство и вотчинная полиція надъ ихъ оброчными и крѣпостными людьми. Это вытекало изъ понятія о *мундіумѣ,* которое каждый землевладѣлецъ имѣлъ надъ своими *интерзассами,* то-есть, людьми, поселенными на его землѣ... По коренному германскому юридическому понятію полная поземельная собственность всегда соединялась съ правами верховной власти. Каждый аллодіальный собственникъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ частнымъ государемъ въ своей землѣ. Изъ этого начала вышла въ послѣдствіи феодальная justice seigneuriale, патримоніальная вотчинная власть поземельныхъ собственниковъ, по-нѣмецки grundherrliche Gerichtsbarkeit и просто Grundherrlichkeit. Начало и зародышъ ея коренится въ первобытномъ германскомъ устройствѣ». Вызинскій (*Русск. Вѣстн.* 1859. IV. 572).

при каждомъ дарованіи нѣмецкаго права, полную власть въ границахъ ихъ имѣній.

Но и въ самой Германіи въ ту эпоху короли и императоры не вездѣ и не вполнѣ отказались отъ своихъ верховно-судебныхъ и административныхъ правъ въ пользу князей и бароновъ своихъ; это подтверждается составомъ провинціальнаго управленія въ Германіи до половины XIII вѣка.

Въ тѣхъ обломкахъ доменъ, которые остались у короны послѣ передачи большей ихъ части герцогамъ, графамъ, баронамъ и монастырямъ, короли устроили судъ и администрацію по новымъ формамъ, соотвѣтствующимъ однако же прежнимъ формамъ: пфальцграфству и графству. Земская полицейская власть и уголовный судъ поручены были *земскимъ* (провинціальнымъ) *войтамъ* (Landvogt); для производства гражданскаго суда назначался *земскій судья* (Landrichter). Но и эти должности, соединенныя съ извѣстными правами и доходами, могли отдаваться въ залогъ и продаваться, вслѣдствіе чего и эти остатки княжеской власти перешли къ городамъ и леннымъ владѣльцамъ; королевскіе города скупили войтовства, должность земскаго судьи отдавалась въ наслѣдственный ленъ разнымъ владѣльцамъ, которые, однако же, отправляли свою должность именемъ короля.

Во владѣніяхъ, перешедшихъ къ монастырямъ, королевская власть сохранила большее значеніе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ. Въ каждомъ монастырскомъ имѣніи былъ *церковный войтъ* (Kirchenvogt), а иногда въ одной деревнѣ было 5 и болѣе войтовъ: это происходило оттого, что права войта переходили въ наслѣдственные и фамильные лены иногда съ правомъ наслѣдства по женской линіи; раздробленіе въ наслѣдствѣ и продажа по частямъ войтовствъ были причинами упомянутаго явленія, которое сдѣлалось чрезмѣрно обременительнымъ, какъ для поселенцевъ, такъ и для самихъ монастырей. Войтъ долженъ былъ производить свой судъ не болѣе двухъ или трехъ дней въ году; большее количество сроковъ судебно-войтовскихъ было бы невыносимымъ бременемъ для крестьянъ, потому что войтъ получалъ отъ суда значительныя судебныя пошлины и стаціи (обѣды и вообще содержаніе) во время отправленія суда. Войту назначено было отъ каждаго гуфена (mansi) извѣстное количество платы денежной или отсыпнаго хлѣба и разныхъ жизненныхъ продуктовъ. Право поставлять войта принадлежало сначала исключительно королевской власти; затѣмъ право войтовства оставляли за собою землевладѣльцы, записывавшіе монастырямъ имѣнія, но и

они иногда передавали это право королю. Во всѣхъ этихъ случаяхъ судебная дѣятельность войтовъ производилась отъ имени короля.

Въ епископскихъ большихъ городахъ и ихъ округахъ установилась довольно сложная администрація.

Гражданскій судъ и наблюденіе за общественнымъ спокойствіемъ принадлежитъ *бургграфу* или *шульцу;* наблюденіе за военными силами городскаго сословія и распоряженіе королевскими доходами принадлежало *городскому войту* (Stadtvogt, Burgvogt); охраненіе земскаго мира и уголовный судъ — земскому или *провинціальному войту* (Landvogt). Такое распредѣленіе должностей возникло изъ взаимнаго отношенія королевской власти и власти землевладѣльцевъ. Бургграфъ или шульцъ (который называется также villicus, Amtmann) и городской войтъ въ королевскихъ городахъ назначались королями, а въ городахъ, принадлежавшихъ епископамъ, аббатамъ и пробстамъ, бургграфъ или шульцъ — духовною властію, а городской войтъ — королемъ. Земскій войтъ (advocatus provincialis) всегда былъ королевскимъ чиновникомъ; его власть простиралась какъ на всѣ королевскіе, такъ и на бо́льшую часть епископскихъ городовъ, а именно на тѣ, въ которыхъ короли сохранили право высшаго уголовнаго суда (Blutbann); тамъ же, гдѣ епископы получали Blutbann, и земскій войтъ назначался ими; даже и въ тѣхъ городахъ, гдѣ епископы не имѣли этого права, иногда они назначали, съ согласія короля, земскаго войта, какъ напримѣръ, въ Аугсбургѣ. Всѣ эти чиновники были, большею частію, ленными владѣльцами въ тѣхъ округахъ, на которые простиралась ихъ власть.

Ниже всѣхъ этихъ чиновниковъ стояла корпорація *шаферовъ* (шеффеновъ), участвовавшая въ судопроизводствѣ и городскомъ управленіи. Въ дѣлахъ гражданскаго суда предсѣдательствовалъ надъ ними и руководилъ ими бургграфъ или шульцъ; при изслѣдованіи и рѣшеніи дѣлъ о большихъ преступленіяхъ предсѣдательствовалъ войтъ; но судьями въ собственномъ смыслѣ называются только бургграфъ или шульцъ и войтъ. По существу дѣла избраніе шаферовъ должно бы принадлежать свободнымъ гражданамъ, но на самомъ дѣлѣ избраніе это не было независимымъ: судья имѣлъ право удалять тѣхъ изъ нихъ, которые ему не нравились. Уже Людовикъ Благочестивый постановилъ: „Если ревизоры наши (missi nostri) найдутъ гдѣ дурныхъ шеффеновъ, то должны отставлять ихъ, и съ согласія всего народа, избирать на мѣсто ихъ хорошихъ“. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи шеффены назначались на всю жизнь землевладѣльцами.

Въ имѣніяхъ свѣтскихъ владѣльцевъ королевская власть не имѣла никакого непосредственнаго значенія.

Таковы существенныя черты провинціальнаго управленія въ Германіи до половины XII вѣка. Конечно, почти въ каждомъ городѣ измѣнялся этотъ, такъ-сказать, идеальный порядокъ, но не въ существенныхъ пунктахъ.

Существеннѣйшая черта германской администраціи XII и первой половины XIII вѣка, какъ видно изъ предыдущаго, состоила въ ленномъ (частно-владѣльческомъ) характерѣ государственныхъ должностей. Эта характерная особенность феодальной Европы и самое распредѣленіе органовъ судебной и административной власти перешли съ нѣмецкимъ правомъ и въ Польшу.

Въ нашу задачу не входитъ изслѣдованіе устройства судебной и административной власти въ древней Польшѣ и западной Руси. Предварительныя свѣдѣнія, которыя нужно имѣть для того, чтобъ ясно понимать вліяніе нѣмецкаго права на эти страны, желающіе могутъ найдти въ нѣкоторыхъ историко-юридическихъ произведеніяхъ русской и польской литературы. Мы только замѣтимъ здѣсь, что и въ древней Польшѣ, и въ русскихъ земляхъ *администрація и судебная власть не имѣли частно-владѣльческаго характера* [1]): каштеляны и воеводы назначались и смѣнялись князьями точно такъ же, какъ нѣкогда Карлъ Великій и его ближайшіе преемники назначали и смѣняли герцоговъ, графовъ и пфальцграфовъ. Мы здѣсь говоримъ, конечно, только о томъ, что было до вліянія нѣмецкаго права. Какъ общественныя должности не имѣли частно-владѣльческаго характера, такъ, съ другой стороны, и *частные владѣльцы не имѣли правъ княжеской власти*. Вопреки свойству германскаго права, въ Польшѣ и на Руси даже низшая юрисдикція не принадлежала землевладѣльцамъ въ ихъ имѣніяхъ. Со времени введенія нѣмецкаго права въ Польшѣ и западной Руси, смѣшеніе началъ частно-владѣльческаго и государственнаго было причиною полнаго упадка княжескихъ правъ на судебную и административную власть.

Само собою понятно, что такое вліяніе нѣмецкаго права легче замѣтить въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно шло путемъ постепеннаго развитія, именно въ Силезіи, въ собственной же Польшѣ труднѣе; въ Литву перешло не самое нѣмецкое право, а его результаты. Поэтому мы будемъ имѣть въ виду пока польскія земли.

---

[1]) Можно согласиться, что она имѣла фискальный характеръ, но отнюдь не частно-владѣльческій.

Польскіе князья не сразу отрекаются отъ всѣхъ своихъ правъ на судебную и административную власть въ имѣніяхъ частно-владѣльческихъ; они только въ каждой жалованной грамотѣ на нѣмецкое право уступаютъ низшую юрисдикцію (судъ по дѣламъ, за которыми не слѣдуетъ смертная казнь) и освобождаютъ землевладѣльцевъ и колонистовъ отъ суда воеводъ и каштеляновъ. Когда нѣмецкое право давалось нѣмецкимъ колонистамъ, то такое условіе было, дѣйствительно, одною изъ важнѣйшихъ привилегій, самою необходимою для привлеченія поселенцевъ изъ Германіи, это не потому, что за освобожденіемъ отъ суда польскихъ провинціальныхъ властей слѣдовало устройство самостоятельнаго суда и управленія въ колоніи, а потому, что каждый колонистъ, а тѣмъ болѣе колонистъ-Нѣмецъ всегда желаетъ потерять какъ можно менѣе изъ привычныхъ для него порядковъ родной страны. Судебная же практика и законы метрополіи, конечно, составляютъ для нихъ самый дорогой завѣтъ ихъ прежняго отечества. Переселенцы разныхъ частей Германіи старались сохранить у себя судебное устройство и законы именно той части Германіи, изъ которой вышли. Колонисты города Низы просятъ епископа Бреславскаго, своего князя-землевладѣльца, освободить ихъ отъ дарованнаго имъ магдебургскаго права, а позволить имъ судиться по прежнему фламскому, къ которому они привыкли — „какъ оно ясно выражено въ письменахъ и книгахъ“ [1]).

Княжескіе урядники, воеводы и каштеляны, не могли, какъ само собою очевидно, удовлетворить такому требованію колонистовъ; точно также и землевладѣльцы по тому же самому не могутъ непосредственно пользоваться дарованною имъ низшею юрисдикціею, то-есть, они не въ состояніи разбирать дѣла по законамъ и обычаямъ имъ не извѣстнымъ, о чемъ землевладѣльцы иногда прямо заявляютъ въ своихъ жалованныхъ грамотахъ (говоря, напримѣръ, что городское право имъ совершенно неизвѣстно) [2]). Ясно, что князь вмѣстѣ съ землевладѣльцемъ долженъ былъ устроить въ каждой колоніи новую форму управленія по нѣмецкому праву и назначить чиновника, знакомаго съ нѣмецкими юридическими обычаями.

Такія обстоятельства послужили основаніемъ для повсемѣстнаго

---

[1]) Urkundensammlung von Tzchoppe und Stenzel, № III.

[2]) «Jura szrodensia nobis sunt penitus incognita». (Слова Гнѣзенскаго капитула). — «Jura sredensia nobis sunt prorsus incognita.. » (Слова Гнѣзенскаго архіепископа). См у M Wiszniewskiego — Hist. Liter. Polsk. T. II. 283.

учрежденія въ колоніяхъ войтовъ и солтысовъ и опредѣлили первоначальную форму этого учрежденія.

Войтовство есть одно изъ самыхъ характеристическихъ явленій нѣмецкаго права въ Польшѣ; оно опредѣлило всю дальнѣйшую судьбу его, то-есть, исторія нѣмецкаго права въ Польшѣ есть исторія тѣхъ формъ, которыя принималъ институтъ войтовства.

а) *Первая форма войтовства въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ.* При дарованіи нѣмецкаго права какому-либо владѣльцу, въ древнѣйшее время судебная власть въ имѣніи дѣлилась, какъ мы упомянули, между княземъ и землевладѣльцемъ. Весьма важно при этомъ было рѣшеніе вопроса: князь или землевладѣлецъ будетъ назначать новаго чиновника — войта или солтыса? Отъ того или другаго рѣшенія этого вопроса зависѣла дальнѣйшая судьба какъ княжеской власти въ частныхъ имѣніяхъ, такъ и института войтовства. Съ перваго взгляда представляется, что князь имѣетъ болѣе правъ на опредѣленіе войта въ новую колонію, потому что въ его рукахъ остается важнѣйшая отрасль судебной власти — Blutbann. Но на сторонѣ землевладѣльца есть одно весьма важное обстоятельство: войтъ, сохраняя вполнѣ характеръ нѣмецкаго фохта, долженъ быть непремѣнно леннымъ владѣльцемъ въ томъ округѣ, на который простирается его власть, то-есть, въ имѣніи того владѣльца, на землѣ котораго устроилась новая колонія. Въ Польшѣ болѣе чѣмъ въ самой Германіи было причинъ для того, чтобы войты сохранили характеръ ленныхъ владѣльцевъ: имъ обыкновенно поручали землевладѣльцы всѣ первоначальныя хлопоты по устройству новой колоніи, то-есть, войты приглашали поселенцевъ, размѣряли ихъ участки, заключали съ ними условія, и прочее. Въ вознагражденіе за это, землевладѣльцы уступали имъ въ вѣчное, а иногда временное ленное владѣніе участокъ земли, свободный отъ податей, извѣстную часть доходовъ со всего имѣнія, подвѣдомаго имъ, и разныя хозяйственныя статьи, притомъ съ правомъ продажи и вообще отчужденія. При этомъ самою важною доходною статьей было отправленіе суда, доставлявшее обильныя судебныя пошлины.

Не смотря на такой перевѣсъ обстоятельствъ въ пользу правъ землевладѣльца на назначеніе войта въ своемъ имѣніи, мы находимъ въ силезскихъ грамотахъ извѣстія о назначеніи войтовъ и солтысовъ въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ князьями; но это составляло рѣдкое исключеніе; между тѣмъ, еще въ 1207 году Генрихъ I, князь Силезскій, жалуя монастырю Требницкому деревню, говоритъ: „Постано-

вляю (и желаю, чтобы всѣ мои потомки вѣчно сохраняли это), что солтысъ этой деревни долженъ получать свое солтыство отъ Требницкаго монастыря“ [1]). Такъ рано уже князья начинаютъ уступать это свое право; замѣтимъ, впрочемъ, что отрекаясь отъ своего права назначать солтыса въ одной небольшой деревнѣ, князь немного теряетъ. Относительно же войтовствъ большихъ имѣній, обнимавшихъ иногда цѣлые округи, князья упорнѣе отстаиваютъ свои права, и вступаютъ по этому поводу въ самыя сложныя условія. Между епископомъ Бреславскимъ Лаврентіемъ (въ послѣдствіи княземъ Нейсской земли) и княземъ Силезскимъ Генрихомъ возникъ споръ касательно права высшаго уголовнаго суда (jurisdictio gladii) въ землѣ Нейсской, состоявшей во владѣніи епископа; при посредствѣ папскаго легата, споръ этотъ рѣшенъ въ 1230 году такъ: князь уступаетъ епископу половину дохода отъ уголовныхъ дѣлъ; часть, слѣдующая войту, выдѣляется изъ обѣихъ половинъ, такъ что если этотъ войтъ будетъ постояннымъ (perpetuus), то получаетъ $^1/_3$ часть, а если временнымъ (temporalis), то $^1/_4$; но общее пользованіе судебными доходами бываетъ только при рѣшеніи такихъ уголовныхъ дѣлъ, за которыми должно слѣдовать лишеніе жизни или отсѣченіе членовъ, по какимъ дѣламъ только отъ княжескаго милосердія зависитъ замѣнить смертную казнь денежнымъ штрафомъ (placatio); во всѣхъ же другихъ случаяхъ и помилованіе, и доходы отъ этого помилованія (placatio) принадлежатъ епископу. Войтъ, постоянный или временный все равно, поставляется епископомъ; но епископъ посылаетъ его къ князю, отъ котораго онъ и получаетъ власть меча (potestatem gladii — Blutbann). Войтъ смѣняется однимъ епископомъ, если онъ временный, а если постоянный, то княземъ и епископомъ вмѣстѣ. Если самъ войтъ будетъ позванъ къ суду княжескому и окажется виновнымъ, въ такомъ случаѣ, если преступленіе его принадлежитъ къ высшимъ уголовнымъ, наказываемымъ смертною казнью или отнятіемъ членовъ, то судебные доходы дѣлятся между княземъ и епископомъ, во всякомъ другомъ случаѣ — судъ принадлежитъ князю, а доходъ епископу [2]).

Приведенный случай показываетъ, что было переходное время, когда войты назначались князьями и когда еще не вездѣ должность ихъ обратилась въ наслѣдственную; какъ только послѣдовала перемѣна этой власти изъ временной въ постоянную и за землевладѣль-

---

[1]) Sommersb. I. 819.

[2]) Urk. XIII.

цами утвердилось право назначать войтовъ, войты сдѣлались наслѣдственными чиновниками, состоящими въ двойственной зависимости: отъ землевладѣльца по леннымъ отношеніямъ и отъ князя — по государственнымъ. Тогда образуется вторая форма войтовства въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ, — форма долго господствовавшая во всѣхъ польскихъ земляхъ, такъ-называемое солтысство.

б) *Вторая форма войтовства въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ (солтыство).* Сущность правъ и обязанностей землевладѣльческаго войта (чаще называемаго солтысомъ отъ Schulz, scultetus) опредѣляется особыми грамотами, которыхъ множество сохранилось до нашего времени.

Землевладѣлецъ, получивъ жалованную грамоту, давалъ отъ себя грамоту предпринимателю [1]), который бралъ на себя обязанность или

[1]) Вотъ одна изъ солтысскихъ грамотъ XIII-го вѣка (1282 году). Настоятель монастыря Станіонтскаго продалъ солтысство въ монастырскомъ городѣ Бресничѣ и деревнѣ того же имени Гартмуду, капеллану Бохнійскому; а этотъ послѣдній передалъ солтысство родственнику своему Іоанну; монастырь, подтверждая эту сдѣлку, опредѣляетъ права и обязанности солтыса такъ: ....«Солтысствомъ, переданнымъ ему (Іоанну) вполнѣ и учрежденнымъ по образцу и подобію города Неймаркта, вѣчно будетъ онъ владѣть по праву наслѣдственному, равно и его преемники. Изъ всѣхъ волокъ (mansis), населенныхъ или имѣющихъ населиться, всегда будетъ имѣть 6-й волокъ, или изъ чинша будетъ получать 6-ю марку; равно безпрепятственно будетъ пользоваться (какъ самъ, такъ и его законные наслѣдники) 3-мъ динаріемъ отъ суда. Далѣе, солтысъ съ своими преемниками будетъ владѣть по праву наслѣдства и безпрепятственно двумя волоками, находящимися между новымъ Бресничемъ (деревнею) и городомъ, пользуясь свободою отъ всякихъ податей и службъ; и отъ остальныхъ волокъ, какъ сказано выше, солтысъ и его наслѣдники будутъ получать 6-ю часть. Позволяемъ еще солтысу Іоанну построить въ деревнѣ мельницу о двухъ колесахъ.... Кромѣ этой мельницы, никто не имѣетъ права строить другую мельницу. Въ вышеупомянутой деревнѣ солтысъ будетъ владѣть свободною корчмою для своихъ доходовъ (usibus), рыбными сажалками, лугами для скота, пчельниками со пчелами, охотою на звѣрей и на птицъ, виноградными садами со всякими пользованіями и доходами, которые могутъ быть въ границахъ вышеименованныхъ деревень. Что касается ловли бобровъ въ той же деревнѣ и въ границахъ всего вышеупомянутаго имѣнія, то мы не даемъ ему никакого права. Присоединяемъ еще, что когда будетъ общій военный походъ (expeditio generalis), тогда солтысъ въ землѣ Краковской, но не внѣ ея, обязанъ служить намъ на одномъ конѣ, цѣнностію въ три марки. А сельскіе (villici, деревенскіе) солтысы вышеупомянутыхъ деревень, когда ему самому случится идти въ походъ, должны служить ему, по его приказанію, на двухъ коняхъ. Если же солтысъ будетъ удержанъ какими-нибудь дѣлами, то обязанъ поставить вмѣсто себя другаго мужа. Присоединяемъ еще изъ особенной нашей милости и расположенія, что

заселить вновь пустошь колонистами (Нѣмцами и Поляками), или, если деревня была уже населена, устроить ее по нѣмецкому обычаю. Иногда должность и права солтыса опредѣлялись въ самой жалованной княжеской грамотѣ, иногда грамота, данная землевладѣльцемъ, подтверждалась послѣ княземъ или королемъ [1]). Иногда должность солтыса продавалась или дарилась землевладѣльцемъ лицу, оказавшему какія-либо услуги. Должность эту могъ занимать всякій какого бы ни былъ происхожденія — гражданинъ или же воинъ; можетъ быть солтысомъ должностное лицо: такъ, солтысъ dominus Гартмудъ, капелланъ Бохніи, передалъ и подарилъ солтысство зятю своему Іоанну, мужу годному и честному. Иногда она составляла нераздѣльную собственность двухъ или болѣе лицъ. Солтысъ дѣлается собственно помѣщикомъ въ данной ему деревнѣ, только владѣетъ онъ по праву леннному, а не вотчинному. Отношенія солтыса къ землевладѣльцу были слѣдующія: во-

---

если солтысъ, по какой-либо необходимости, не будетъ имѣть желанія или возможности лично присутствовать въ своемъ судѣ, то онъ можетъ поставить вмѣсто себя другаго человѣка честнаго. Начальникъ монастыря присутствуетъ три раза въ году на судѣ, те-есть, на Пасху, in octava Св. Михаила и in octava Богоявленія (Epiphanie Domini), одинъ обѣдъ (prandium) онъ получаетъ отъ солтыса, а остальные два обѣда крестьяне (кмети) обязаны добровольно (benivole) доставлять ему. Но если вышеупомянутый начальникъ (prepositus) не пріѣдетъ, то не преминутъ платить за каждый обѣдъ 8 скотовъ обыкновеннаго серебра или по 1 фертону чистаго серебра. Десятину съ двухъ волокъ солтысъ можетъ доставлять въ церковь гор. Бреснича, или куда ему покажется удобнѣе. Такъ какъ гор. Бресничъ и другой того же имени поставлены подъ власть одного солтыса, то должны сходиться къ одному суду и должны судиться въ одномъ округѣ (una distinctione) и въ одномъ судѣ лавниковъ. Даруемъ еще нашему солтысу и его законнымъ наслѣдникамъ полную и свободную власть и силу дарить, уступать, продавать, мѣнять или какимъ бы ни было образомъ отчуждать эти имущества (bona) всѣ вмѣстѣ и каждое порознь, безъ всякаго препятствія съ нашей стороны. По пожалованію свѣтлѣйшаго князя и вельможнаго (magnifici) государя нашего Лешки, Божіею милостію князя Краковскаго и Сандомирскаго, которое онъ совершилъ, постановилъ и даровалъ въ заглажденіе грѣховъ своихъ дому Блаженной Дѣвы Маріи, граждане гор. Бреснича и поселенцы новаго Бреснича, по обычаямъ шродскаго права, не должны быть вызываемы, являться и давать отвѣты ни предъ каштеляномъ Краковскимъ, ни предъ воеводою, ни предъ судьями ихъ, развѣ только будутъ вызваны грамотою, запечатанною печатью князя; по принятому обычаю, какъ требуетъ городовое право, должны отвѣчать и подлежать суду предъ солтысами и лавниками по нѣмецкому праву, съ тѣмъ, однако же, добавленіемъ, что когда они будутъ позваны грамотою князя, то не всѣ должны являться на срокъ, а только солтысъ, взявъ съ собою двухъ гражданъ, становится въ назначенный срокъ. C D. P. III. № 58.

[1]) C. D P. № 50 и 193.

первыхъ, солтысъ не имѣетъ права продавать имѣніе, а можетъ продать только свои ленныя права съ вѣдома и согласія землевладѣльца [1]); во-вторыхъ, права эти наслѣдственны, могутъ дробиться въ наслѣдствѣ, быть предметомъ завѣщательнаго права, быть закладываемы [2]) и отчуждаемы по частямъ; втретьихъ, права солтыса состоятъ въ слѣдующемъ: онъ получаетъ нѣсколько гуфеновъ (4 и больше) въ аллодіальное владѣніе (pro allodio) [3]); кромѣ того, онъ получаетъ доходы съ извѣстнаго числа крестьянскихъ гуфеновъ (волокъ), — почти всегда съ шестой части всѣхъ волокъ, составляющихъ городъ или деревню; онъ получаетъ доходъ съ разныхъ хозяйственныхъ заведеній: корчемъ, мясныхъ и хлѣбныхъ лавокъ, мельницъ и прочаго [4]). Солтысъ есть наслѣдственный судья, почему называется иначе judex [5]); это право его также можетъ дробиться и переходить даже на женскія линіи въ его потомствѣ. Онъ обыкновенно получаетъ третью часть судебныхъ пошлинъ со всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ его суду, что̀ называется обыкновенно tertius denarius, а $^2/_3$ идутъ землевладѣльцу. Землевладѣлецъ оставлялъ за собою право пріѣзжать въ деревню три раза въ годъ для производства высшаго суда, и тогда содержать, встрѣчать и сопровождать его на двухъ приличныхъ коняхъ до ночлега при выѣздѣ обязанъ былъ солтысъ [6]); повинность эта обыкновенно называлась дрейдингами. Иногда дрейдинги переводились на деньги: „solvent tria prandia pro quolibet prandio sex scotos“ [7]). Вчетвертыхъ, обязанности солтыса въ отношеніи къ землевладѣльцу главнымъ образомъ состояли въ слѣдующемъ: уплата чинша и десятины съ $^5/_6$ волокъ, составляющихъ деревню; отправленіе военной службы [8]) по требованію землевладѣльца, при чемъ даже опредѣляется цѣна коня, на которомъ вассалъ-солтысъ обязанъ выѣзжать на военную службу землевладѣльца.

в) *Провинціальные войты.* Не должно думать, что власть князя совершенно переходитъ къ землевладѣльцамъ съ переходомъ къ этимъ послѣднимъ права назначать войтовъ. Войты остаются еще княже-

---

[1]) C. D. P. № 109.
[2]) Ibid. № 189.
[3]) Urk. y Tzchoppe 115. 36.
[4]) C. D. P. T. III. № 51.
[5]) Ibid. № 48.
[6]) Ibid. № 77.
[7]) Ibid. № 109.
[8]) Ibid № 193.

скими чиновниками; опредѣленіе ихъ требуетъ утвержденія со стороны правительства. Чтобы понять мѣру власти, какую получаютъ теперь землевладѣльцы, нужно имѣть въ виду, какую власть князья уступаютъ ихъ войтамъ.

Первоначально князья уступаютъ войтамъ частныхъ землевладѣльцевъ только такъ-называемую низшую юрисдикцію (выраженіе: низшая и высшая юрисдикція не тожественны съ современными понятіями: „гражданскій и уголовный судъ“; въ древнемъ смыслѣ „низшая юрисдикція“ обнимала собою и уголовныя дѣла, но такія, которыя, по тогдашнему законодательству, не наказывались смертною казнью). Значеніе высшей юрисдикціи одинъ изъ силезскихъ князей, въ жалованной грамотѣ на нѣмецкое право, опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „большія дѣла, то-есть, уголовныя, какъ то: убійство и раны мечомъ и ножемъ, которыя могутъ быть смертельны, мы будемъ судить или сами, или чрезъ другаго нашего судью, но по праву нѣмецкому“ [1]). Кромѣ того, изъ-подъ присуда войтовскаго исключаются суды между лицами двухъ различныхъ вѣдомствъ; въ этомъ случаѣ можетъ судить и самъ князь, и каштелянъ, къ каштеляніи котораго принадлежатъ тяжущіеся.

Но производство высшаго суда непосредственно самимъ княземъ было возможно только тогда, когда число поселеній, пользующихся нѣмецкимъ правомъ, было незначительно. Когда же нѣмецкое право распространялось все больше и больше, то непосредственный судъ дѣлался все болѣе и болѣе затруднительнымъ для князя; прибавимъ еще, что города и деревни получали разнообразныя частныя права: фламское, франконское, магдебургское и такъ далѣе, при чемъ уголовные кодексы и порядокъ судопроизводства разнообразились чрезвычайно.

При такихъ обстоятельствахъ князья начинаютъ поручать высшій судъ первоначально временнымъ чиновникамъ (nuncii) [2]), потомъ установляютъ постоянную должность *нѣмецкаго судьи* (judex teutonicalis) [3]). Очень можетъ быть, что первоначально, когда число нѣмецкихъ поселеній было еще не слишкомъ велико, должность эта поручалась одному лицу, постоянно находившемуся при князѣ и замѣнявшему его лицо на судѣ. Когда же число нѣмецкихъ поселеній уве-

---

[1]) Urk у Tzchoppe, № 5.
[2]) C. D P. III. № 50.
[3]) Ibid 99. 101.

личилось, князья должны были для каждой провинціи назначить особаго чиновника, которому и передавали свой Blutbann. Чиновникъ этотъ назывался *провинціальнымъ войтомъ* (advocatus provincialis).

Въ Силезіи, гдѣ этотъ институтъ получилъ прочное положеніе и опредѣленныя границы, войтъ провинціальный замѣнилъ собою всѣ прежнія судебныя власти (каштелянскую и воеводскую); власть его простиралась на всѣ города и деревни, какъ княжескія, такъ и частно-владѣльческія; должность его состояла въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ на судахъ городскихъ и частно-владѣльческихъ. Вотъ какъ король Богемскій Іоаннъ опредѣляетъ отношеніе провинціальнаго войта къ частно-владѣльческимъ судамъ въ области Неймарктской (Noviforensis): „Чтобы вассалы, феодалы, и земляне (terrigenae), равно поселенцы и земледѣльцы вышеупомянутаго округа не были отягощаемы судебными штрафами отъ нашихъ провинціальныхъ войтовъ, болѣе чѣмъ сколько слѣдуетъ, установляемъ и желаемъ утвердить навсегда, что во всѣхъ дѣлахъ (вообще и въ каждомъ порознь), принадлежащихъ суду нашихъ провинціальныхъ войтовъ, слѣдуетъ брать и присяжные должны присуждать не болѣе 5 солидовъ на каждый штрафъ. Изъ этого штрафа, раздѣленнаго на три части, одна часть слѣдуетъ войту или войтамъ провинціальнымъ, другая часть землевладѣльцу или землевладѣльцамъ, третья — солтысу или солтысамъ, на судѣ которыхъ предсѣдательствуютъ провинціальные войты [1]).

Отношеніе провинціальнаго войта къ городскому суду опредѣляется по грамотѣ маркграфа Бранденбургскаго Германа городу Герлицу слѣдующимъ образомъ: „Въ извѣстное время, удобное для суда, городской войтъ (judex hæreditarius noster)..... долженъ, въ присутствіи городскихъ скабиновъ, отвѣчать каждому безъ права аппеляціи (finaliter) предъ нашимъ адвокатомъ относительно дѣлъ, жалобъ и тяжбъ, возбужденныхъ или имѣющихъ возникнуть противъ вышеупомянутаго городскаго войта“: очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ объ апелляціонномъ судѣ, который тогда составлялся совокупно низшею и высшею инстанціями. „Изъ судебныхъ штрафовъ нашъ войтъ получаетъ двѣ части, а наслѣдственный судья (городской войтъ) — одну третью, за исключеніемъ дѣлъ объ убійствѣ, грабежѣ, поджогѣ, воровствѣ, поврежденіи членовъ (claudicationibus) и прочихъ важнѣйшихъ дѣлъ, совершенныхъ на нашей Герлицкой землѣ; такія дѣла долженъ судить нашъ войтъ (то-есть, провинціальный) непремѣнно внутри городскихъ

[1]) Urk Tz. № 152.

стѣнъ, въ присутствіи городскихъ солтысовъ; а пени съ такихъ дѣлъ должны вполнѣ поступать въ нашу казну“ [1]).

Провинціальный войтъ въ Силезіи (гдѣ онъ называется иначе Hauptmann, голова) есть ленный владѣлецъ въ своемъ округѣ; онъ можетъ, съ согласія князя, продать и заложить свои владѣльческія права вмѣстѣ съ правами на судъ и администрацію въ своемъ округѣ.

Въ собственной Польшѣ названіе „провинціальный войтъ“ мы встрѣчаемъ только въ памятникахъ, относящихся къ устройству городовъ; здѣсь провинціальный войтъ является высшимъ судьею по нѣмецкому праву. Въ привилегіяхъ Кракову и Сандомиру говорится, что князь не будетъ подчинять войтовъ этихъ двухъ городовъ провинціальнымъ войтамъ [2]). Въ познанской привилегіи опредѣляется отношеніе провинціальнаго войта къ городскому, и говорится, что провинціальный войтъ, суду котораго подлежатъ дѣла высшей важности, уже не будетъ получать пошлинъ отъ своего суда; князь даритъ эти пошлины городскому войту [3]).

Въ актахъ, относящихся къ общему государственному устройству, названіе „провинціальный войтъ“ не встрѣчается; между тѣмъ, судя по познанской грамотѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію не только существованіе провинціальныхъ войтовъ, но и важное судебное значеніе ихъ для всего государства. Нѣтъ сомнѣнія, что они дѣйствительно существовали; но мы должны искать ихъ подъ другимъ именемъ. Названіе подлинное, господствовавшее въ Германіи, сохранили только городскіе акты, потому что Нѣмцамъ, городскимъ обывателямъ, оно знакомо было еще въ ихъ прежнемъ отечествѣ; въ государственныхъ же польскихъ грамотахъ провинціальному войту усвоено латинское названіе *procurator* и польское *wielkorządca* (въ послѣдствіи его замѣнило знакомое и привычное для Славянъ названіе старосты).

Подъ именемъ прокуратора мы встрѣчаемъ провинціальныхъ войтовъ во многихъ грамотахъ: находимъ прокураторовъ какъ для цѣлаго княжества (procurator generalis) [4]), такъ и для разныхъ округовъ [5]). Ясно, что объемъ этой должности постепенно увеличивался

---

[1]) Urk. Tz. № 103.
[2]) C. D. P. III. № 63. Miscell. Crac. 1815. Fascicul. II. 64.
[3]) Zbiór praw etc. V. 13.
[4]) C. D P. III. 117. 131.
[5]) Ibid 147.

и требовалъ бо́льшаго и бо́льшаго раздробленія ея; въ отдѣльныхъ округахъ назначались иногда вицепрокураторы [1]).

Въ концѣ XIII вѣка, при значительномъ уже числѣ нѣмецкихъ поселеній, власть провинціальнаго войта должна была равняться власти каштеляновъ и воеводъ. Тогда образуются два земскихъ права съ двоякимъ институтомъ: во главѣ одного стоятъ воеводы и каштеляны, во главѣ другаго — провинціальные войты. При рѣшительномъ перевѣсѣ втораго учрежденія надъ первымъ, власть воеводъ и каштеляновъ все болѣе сокращалась: на мѣсто ихъ должны были стать другія учрежденія съ тою же властію. Казалось, вся эта перемѣна будетъ состоять въ томъ, что провинціальные войты замѣнятъ прежнихъ каштеляновъ и воеводъ. Но въ самомъ институтѣ провинціальныхъ войтовъ (какъ и во всякомъ другомъ учрежденіи, внесенномъ нѣмецкимъ правомъ) лежали зародыши его разложенія.

Подобно войтамъ частно-владѣльческимъ, провинціальный войтъ или прокураторъ совмѣщалъ въ себѣ характеръ государственнаго чиновника съ характеромъ леннаго владѣльца. Ленныя землевладѣльческія права прокураторовъ не были повсюду наслѣдственными, хотя вездѣ стремились стать наслѣдственными. Такъ, вицепрокураторъ Сандецкій Гладышъ пишется „держащимъ начальство надъ городомъ Шейнбергомъ и деревнями, тянущими къ городу, по обоимъ берегамъ рѣки Роны и наслѣдственнымъ владѣльцемъ и паномъ (dominus et haeres) береговъ всѣхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Рону съ лѣвой и правой стороны, заселенныхъ или имѣющихъ быть заселенными, по нѣмецкому праву, сообразно съ привилегіей его величества“.... [2]). Очевидно, что эти владѣнія дарованы ему какъ ленъ, соединенный съ должностью вицепрокуратора, но какъ ленъ наслѣдственный.

Такіе лены, или если можно такъ выразиться, должностныя имѣнія, обращались въ наслѣдство очень легко, особенно если и самая должность обращалась въ наслѣдственное достояніе извѣстной фамиліи; а должности по нѣмецкому праву дѣлались наслѣдственными обыкновеннымъ путемъ всякихъ имущественныхъ сдѣлокъ, чаще же всего чрезъ отдачу ихъ государственнымъ кредиторамъ въ залогъ уплаты долга. Цѣлыя *земли,* большею частью, завоеванныя и присоединенныя къ Польшѣ, отдавались такимъ образомъ въ управленіе частнымъ людямъ за деньги. Такъ, Подолія, земля Освѣцимская, земля Русская

---

[1]) C. D. P. 123.

[2]) Ibid. III, 123.

(Галиція) отданы были въ залогъ. Галицкая земля была заложена Одровонжамъ, и должность старосты (прокуратора) переходила уже по наслѣдству въ этомъ родѣ. Но такъ какъ управленіе Одровонжей было невыносимо, то Галичане, не привыкшіе подчиняться частно-владѣльческому, любостяжательному праву, представили до 300 псковъ противъ нихъ, послѣ чего рѣшено было землю выкупить; земля сдѣлала экстраординарный сборъ и откупилась [1]). Такимъ образомъ, если государство не могло выплатить долга кредитору — прокуратору или старостѣ, то должность, служившая обезпеченіемъ уплаты долга со всѣми ленными правами, съ ней соединенными, переходила въ наслѣдство.

Но наслѣдственность не есть основная черта того средневѣковаго права, о которомъ мы говоримъ теперь; характеръ частнаго владѣнія должностями не утрачивается отъ того, будетъ ли это владѣніе пожизненнымъ или наслѣдственнымъ (хотя результаты того и другаго, конечно, не одинаковы). Въ западной Европѣ утвердилось наслѣдственное владѣніе должностями, въ Польшѣ — пожизненное. Мы могли бы смотрѣть на дарованіе поземельныхъ владѣній, какъ на особый родъ вознагражденія чиновниковъ, который весьма естественъ до развитія денежнаго хозяйства; но по польскимъ понятіямъ не права поземельнаго владѣнія соединялись съ должностію, а должность съ правами поземельнаго владѣнія. Должность Краковскаго прокуратора (procuratio generalis cracoviensis) соединялась съ правами на владѣніе обширными имуществами, въ числѣ которыхъ были города, замки, мѣстечки, села, рыбныя ловли, озера и проч. [2]).

Существенная черта средневѣковаго права есть взглядъ на общественныя должности, какъ на частное владѣніе. Если въ Польшѣ чиновники не обратили округовъ, подвѣдомственныхъ имъ, въ наслѣдственныя владѣнія, за то частные владѣльцы получили права государственной власти; то и другое вытекаетъ изъ одного и того же начала.

Мы видѣли, что частные владѣльцы получили первоначально только низшую юрисдикцію; высшая передана была провинціальнымъ войтамъ. Но права этихъ послѣднихъ подлежали раздробленію и продажѣ; всякій состоятельный человѣкъ могъ купить себѣ эти права или въ цѣломъ, или ту часть ихъ, которая непосредственно интересовала его.

Изъ вышеприведенныхъ грамотъ силезскихъ князей мы видѣли, что князья дорожили своимъ правомъ получать судебныя пошлины на

---

[1]) Kronika miasta Lwowa, Zubr. 118.

[2]) Vol. leg. I. 142.

судахъ городскихъ и частно-владѣльческихъ, что они охотно передавали землевладѣльческимъ войтамъ свой Blutbann съ условіемъ полученія слѣдующихъ по раскладкѣ доходовъ. Если же землевладѣлецъ пріобрѣталъ право пользоваться этими доходами, то тѣмъ самымъ онъ пріобрѣталъ и королевскую „власть меча“. Такъ, вскорѣ послѣ заключенія вышеприведеннаго договора между епископомъ Бреславскимъ и княземъ Силезскимъ, набожность одного изъ силезскихъ князей побудила его передать вполнѣ епископу княжескую власть надъ его имѣніями, то-есть, право суда по дѣламъ крови [1]). Въ такомъ случаѣ землевладѣлецъ по отношенію къ своему войту получалъ власть провинціальнаго войта.

Кромѣ религіозности были у князей разныя другія побужденія для того, чтобы передавать права провинціальнаго войта: особыя услуги со стороны какого-нибудь дружинника, особая милость князя, а главное, деньги — вотъ основанія для передачи землевладѣльцамъ права уголовнаго суда.

Такимъ образомъ, часто при самомъ дарованіи нѣмецкаго права князья передавали землевладѣльцамъ право высшаго суда въ видѣ изъятія изъ-подъ присуда провинціальныхъ войтовъ. Но еще чаще это случалось при дарованіи нѣмецкаго права городамъ княжескимъ, войты которыхъ назначались непосредственно самимъ княземъ. Именно это обстоятельство послужило сильнымъ побужденіемъ для перехода высшей судебной власти къ землевладѣльцамъ. *Чѣмъ независимѣе становился судъ въ городахъ, тѣмъ быстрѣе развивались права землевладѣльцевъ.* Мысль эта должна объясниться дальнѣйшимъ ходомъ нашего изслѣдованія; теперь же пока необходимо сказать нѣсколько словъ о сущности правъ княжескихъ войтовъ.

г) *Войты въ княжескихъ имѣніяхъ.* Мы называемъ княжескими войтами тѣхъ чиновниковъ, которыхъ обыкновенно называютъ *городовыми,* въ противоположность войтамъ частныхъ землевладѣльцевъ, которыхъ обыкновенно называютъ деревенскими войтами или солтысами. Такого употребленія названій нужно избѣгать, потому что оно ведетъ къ неясности представленій и ошибкамъ. Какъ на земляхъ частныхъ землевладѣльцевъ были городовые и сельскіе войты, такъ и на княжескихъ были оба рода этихъ чиновниковъ.

Права и обязанности княжескихъ войтовъ совершенно одинаковы съ правами и обязанностями войтовъ землевладѣльческихъ. Суще-

[1]) Sommersb I. 781.

ственная разница между княжескими войтами и войтами частныхъ землевладѣльцевъ состоитъ въ томъ, что первые получаютъ власть отъ лица, которое совмѣщаетъ въ себѣ и княжескія и землевладѣльческія права.

Князь могъ поручить своимъ войтамъ высшій судъ безъ большаго ущерба для своихъ правъ. Однакожь и при этомъ князья отдаютъ Blutbann не всѣмъ своимъ войтамъ, а только войтамъ значительнѣйшихъ городовъ. Такъ, въ жалованной грамотѣ на нѣмецкое право городу Кракову, князь говоритъ: „Обѣщаемъ войтамъ (въ Краковѣ ихъ было три, при дарованіи городу нѣмецкаго права) и всѣмъ гражданамъ, что не поставимъ надъ ними никакого высшаго войта не спеціальнаго (specialem), ни генеральнаго (generalem). Но если возникнетъ дѣло, которое потребуетъ высшаго рѣшенія, то мы или сами войдемъ въ разсмотрѣніе его, или назначимъ кого-либо съ нашей стороны для рѣшенія этого только дѣла“ [1]). Подъ именемъ генеральнаго войта здѣсь разумѣется, несомнѣнно, войтъ провинціальный. Въ сандомирской жалованной грамотѣ на нѣмецкое право Лешко Черный (1286) говоритъ: „Обѣщаемъ гражданамъ нашимъ и войту, что никогда не поставимъ надъ ними никакого провинціальнаго войта, развѣ только для magnum judicium, и не болѣе трехъ разъ въ году“ [2]).

Эти примѣры показываютъ пока только изъятіе войтовъ большихъ городовъ отъ общей власти провинціальныхъ войтовъ. Бо́льшая же часть княжескихъ войтовъ въ меньшихъ городахъ и селеніяхъ, не освобожденныхъ отъ власти провинціальнаго войта, получила право высшаго суда уже въ послѣдствіи; средствомъ пріобрѣтенія въ древнѣйшее время была покупка за деньги. Этимъ объясняется, что до самыхъ послѣднихъ временъ обыкновенный еженедѣльный судъ войтовскій называется judicium juratum expositum, а судъ по дѣламъ высшаго рода, повторявшійся чрезъ каждые 15 дней, — judicium bannitum *emptum* (судъ высшій купленный).

Войты княжескіе предупредили землевладѣльцевъ въ такой покупкѣ: войтами въ древнѣйшее время были Нѣмцы, которымъ хорошо были извѣстны свойства нѣмецкаго права; землевладѣльцы же Поляки не вдругъ привыкли къ нему; для нихъ самымъ лучшимъ путемъ ближайшаго ознакомленія съ свойствами нѣмецкаго права былъ именно примѣръ, поданный княжескими войтами; слѣдуя имъ, и землевла-

[1]) Актъ, изданный Стрыелецкимъ въ Miscellanea Cracoviensia, 1815, fasc. II. 63.

[2]) C. D. P. III. 63.

дѣльцы покупали войтовства, но только въ первое время они покупали право высшаго суда подъ вліяніемъ примѣра, а потомъ стали покупать его по требованіямъ необходимости.

Князья и короли начали по мѣстамъ отдавать власть провинціальнаго войта своимъ городовымъ войтамъ. Старое славянское понятіе о единствѣ земли и о центральномъ городѣ, какъ главѣ ея, было еще такъ живо въ сознаніи и князей, и народа, что могущественно подѣйствовало на самое нѣмецкое право. Нѣмецкіе изслѣдователи сознаются, что городской округъ (Weichbild) въ польскихъ земляхъ имѣлъ гораздо обширнѣйшее значеніе, чѣмъ въ Германіи. Войтъ центральнаго города, уже пользовавшійся княжескимъ Blutbann, легко могъ получить власть судебную надъ цѣлою землею, то-есть, права провинціальнаго войта. Такъ это и случилось, напримѣръ, въ Сандомирѣ:

„Опредѣляемъ отнынѣ, что граждане, всѣ вообще и каждый въ особенности, города Сандомира, и жители деревень, замковъ и мѣстечекъ, населенныхъ на нѣмецкомъ правѣ, не могутъ быть вызываемы и требуемы къ суду по жалобѣ кого бы то ни было и къ какому бы званію и состоянію ни принадлежалъ истецъ, внѣ того мѣста, гдѣ живутъ отвѣтчики. Они должны отвѣчать только предъ войтомъ или солтысомъ своего населенія, а не въ другомъ мѣстѣ. Въ дѣлахъ важныхъ и большихъ и въ случаѣ, если кто-либо будетъ позванъ посредствомъ нашего листа, должны судиться войтомъ Сандомирскимъ и тѣми, кто для этого будетъ назначенъ (qui ad id deputati fuerint), на основаніи своего нѣмецкаго права, въ нашемъ замкѣ Сандомирскомъ [1])“.

Тогда войты центральныхъ городовъ стали отправлять въ землѣ суды провинціальные, и эти послѣдніе сдѣлались только особымъ родомъ судовъ городскихъ. Войтовскому (городскому) суду передается теперь власть провинціальнаго уголовнаго суда съ правомъ смертной казни, какъ это именно значится въ привилегіи Владислава, князя Польскаго, войтовскому Познанскому суду (1298) [2]).

Вслѣдъ за войтами большихъ центральныхъ городовъ стали получать право провиціальнаго уголовнаго суда и войты меньшихъ королевскихъ городовъ въ своемъ меньшемъ округѣ, обнимавшемъ какъ королевскія села и деревни, такъ и частно-владѣльческія, основанныя на нѣмецкомъ правѣ. Въ 1234 году Гертруда, аббатисса Требницкая,

[1]) Этотъ актъ помѣщенъ въ указанномъ уже выше Собраніи Законовъ, касающихся правъ городскаго сословія, представленномъ отъ мѣщанскаго комитета конституціонному сейму въ 1790 году и тогда же изданномъ. Къ сожалѣнію, издатели не объясняютъ, откуда они выписали этотъ актъ.

[2]) Ibid. Cz. V. 14.

жалуя своей деревнѣ Домайцеркѣ нѣмецкое право, пишетъ: „Если кто-либо за свои проступки долженъ подвергнуться смертному приговору, то судъ надъ нимъ долженъ совершаться подъ предсѣдательствомъ Олавскаго солтыса вмѣстѣ съ деревенскимъ солтысомъ“ [1]); а Олава былъ княжескій городъ и солтысъ Олавскій — княжескій солтысъ.

Такимъ образомъ, судъ уголовный началъ сосредочиваться въ рукахъ войтовъ и солтысовъ княжескихъ владѣній. Этимъ раздробленіемъ уголовнаго суда, конечно, уменьшалось его достоинство, что̀ побуждало землевладѣльцевъ стремиться къ пріобрѣтенію правъ высшаго суда.

Это стремленіе землевладѣльцевъ высвободить свои имѣнія отъ всякаго присуда королевскихъ вассаловъ сдѣлалось рѣшительнымъ, когда большія и потомъ небольшія королевскія общины начали скупать войтовства [2]). Общины могли скупать войтовства точно такъ же, какъ и лица (землевладѣльцы); во второмъ случаѣ образовалось право помѣщика на жизнь крестьянъ; въ первомъ — независимый общинный судъ. Это явленіе, говоримъ, естественно вытекало изъ способности солтысскихъ правъ къ отчужденію. Въ своемъ мѣстѣ о немъ будетъ сказано подробнѣе, теперь намъ слѣдуетъ замѣтить его послѣдствія.

На мѣстѣ королевскаго чиновника — войта, который нерѣдко принадлежалъ къ дружинѣ и былъ рыцаремъ, сидитъ теперь выборный отъ города мѣщанинъ; въ избраніи его не принимаютъ никакого участія округъ и владѣльцы имѣній, основанныхъ на нѣмецкомъ правѣ; слѣдовательно, уголовный судъ въ имѣніи помѣщика надъ его крестьянами теперь долженъ производиться подъ предсѣдательствомъ этого мѣщанина. Пока еще сословныя разграниченія не были рѣшительны, такой порядокъ вещей могъ удержаться и дѣйствительно держался. Но нельзя было ожидать, что онъ удержится навсегда.

Изъ предыдущаго очерка, кажется, довольно ясно можно видѣть, что одно и то же начало, внесенное въ Польшу нѣмецкимъ правомъ, привело къ тремъ различнымъ послѣдствіямъ, — что богатое наслѣдіе княжеской власти раздѣлили между собою три различныя учрежденія.

---

[1]) Urkund. Tz. № 15.

[2]) Это явленіе, окончательно завершившееся въ XVI и началѣ XVII вѣка, началось еще въ XIV. Въ Силезіи вообще войтовства скуплены гораздо раньше. См. напр. Urkund. Tz. № 212.

Первымъ слѣдствіемъ нѣмецкаго права была полная судебная и административная власть землевладѣльцевъ надъ людьми, поселенными въ ихъ имѣніяхъ. Уже въ XIII вѣкѣ мы встрѣчаемъ все болѣе и болѣе княжескихъ грамотъ на нѣмецкое право, въ которыхъ землевладѣльцамъ дается полное право суда: „судить въ большихъ и малыхъ дѣлахъ, приговаривать къ повѣшенію, къ отсѣченію головы и къ колесованію“ (1243 года) [1]); кромѣ того, имъ давалось еще особое изъятіе изъ-подъ присуда княжескаго или провинціальнаго войта съ сохраненіемъ въ пользу князя судебныхъ пошлинъ, получаемыхъ съ уголовныхъ дѣлъ на magna judicia [2]). Это изъятіе изъ-подъ присуда войтовскаго дается владѣльцамъ обширныхъ имѣній точно такъ, какъ давалось оно обширнымъ городскимъ общинамъ. „Землевладѣлецъ съ своими солтысами и вилланами будетъ вѣчно пользоваться свободно и безпрепятственно правомъ нѣмецкимъ въ уголовныхъ дѣлахъ, — правомъ отсѣченія головы, вѣшанія и (вообще) отнятія жизни, равно во всѣхъ дѣлахъ большихъ и малыхъ“ [3]). Солтысъ (аббата) съ присяжными судитъ всѣ дѣла по праву нѣмецкому и налагаетъ наказаніе за воровство, кровопролитіе и убійство [4]), иногда съ ограниченіемъ, если убитый и убійца будутъ принадлежать къ имѣнію землевладѣльца [5]). Въ XIV вѣкѣ уже совсѣмъ нельзя найдти случая изъятія уголовныхъ дѣлъ изъ-подъ присуда помѣщика. Тогда полное право суда въ границахъ имѣнія дѣлается необходимою принадлежностью землевладѣнія.

Хотя вообще въ XIV вѣкѣ помѣщики получаютъ право высшаго суда, но люди, подлежащіе ихъ суду, еще сохраняютъ право *апелляціи* къ судамъ королевскимъ. Апелляціонный судъ начинается не иначе, какъ по вызову посредствомъ королевской грамоты и за королевскою печатью, а не чрезъ королевскаго дворянина (camerarius). Вызовъ къ королевскому суду бываетъ въ такомъ случаѣ, когда солтысы и землевладѣльцы окажутся небрежными въ производствѣ суда (negligentes in reddenda justitia).

Позднѣе, когда землевладѣльцы получили Blutbann, апелляціонный порядокъ нѣсколько видоизмѣняется: отъ суда солтысовъ можно апе-

---

[1]) C. D. P. III, XXV.

[2]) Urk. Tz. 27, 33.

[3]) C. D. III. 82.

[4]) Ibid. 80. См. также №№ 79, 89 (nisi coram suo haerede), 105 (causis magnis et parvis, puta furti, sanguinis, homicidii, incendii et aliis universis), 153, 166, 169 и проч.

[5]) C. D. III. 56.

ллировать или къ суду землевладѣльца, или къ королевскому суду [1]). Такой спутанный порядокъ приводится, въ концѣ XIV вѣка, къ большей послѣдовательности: отъ солтысскаго суда назначается апелляція къ суду землевладѣльца; если же землевладѣлецъ окажется несправедливымъ или небрежнымъ въ оказаніи справедливости, то можно апеллировать къ королевскому суду [2]).

Вообще же высшею инстанціей назначается „curia regis“, гдѣ историческія обстоятельства заставили учредить особыхъ постоянныхъ членовъ суда (judices curiae), составлявшихъ *надворный судъ*. Заслуживаетъ вниманія, что этотъ надворный судъ принялъ рѣшительно свойства суда по нѣмецкому праву, хотя и внѣ сферы нѣмецкаго права было много дѣлъ, подлежавшихъ королевскому рѣшенію; именно ему подлежали всѣ города и деревни, основанные на нѣмецкомъ правѣ, и вообще всѣ мѣстности, изъятыя изъ-подъ присуда областныхъ правителей, какъ коронныя, такъ и частно-владѣльческія, наконецъ, всѣ дѣла по леннымъ отношеніямъ.

Надворный судъ, заключая въ себѣ всѣ свойства нѣмецкаго права, потерпѣлъ участь, одинаковую со всѣми учрежденіями, внесенными нѣмецкимъ правомъ. Раздробившись по городамъ и заразившись сословными началами, надворные суды сдѣлались предметомъ купли и продажи. Въ Силезіи съ теченіемъ времени они были скуплены городами. Такимъ образомъ панъ, сдѣлавшійся высшимъ судьею въ своей деревнѣ, становился въ подчиненіе мѣщанскому суду сосѣдняго королевскаго мѣстечка; онъ долженъ былъ даже отвѣчать предъ нимъ за неправыя рѣшенія.

Ни паны, ни даже князья не могли допустить такого страннаго порядка, хотя въ Силезіи мы видимъ примѣры такого подчиненія землевладѣльцевъ городскимъ судамъ. Въ собственной Польшѣ, въ XIV вѣкѣ, землевладѣльцы начинаютъ получать безапелляціонный судъ надъ крестьянами; съ правомъ безапелляціоннаго суда власть помѣщика достигла границъ царственной власти: панъ былъ владыка „Божіею милостью“.

Впрочемъ, отъ судовъ духовныхъ землевладѣльцевъ еще нѣсколько времени сохранялось право апелляціи къ высшимъ церковнымъ властямъ: епископамъ и папѣ [3]).

---

[1]) C. D. III 105.

[2]) Ibid. 169—175.

[3]) Ходъ исторіи владѣльческаго суда представленъ нами не для того, чтобы объяснить *возникновеніе* права суда землевладѣльца, а для того, чтобы показать

Второе слѣдствіе нѣмецкаго права въ Польшѣ есть возникновеніе судебной и административной независимости городскихъ общинъ.

Третье слѣдствіе его — то, что общественныя должности получили частно-владѣльческій (но не наслѣдственный) характеръ, то-есть, образовался *старостинскій урядъ*, или такое устройство судебной и административной власти, которое составляетъ одну изъ важнѣй-

---

причины всеобщаго распространенія его въ польскихъ областяхъ. По основному началу нѣмецкаго права, владѣніе землею уже влекло за собою нѣкоторыя юридическія права землевладѣльца надъ поселенцами; въ эпоху же, когда нѣмецкое право стало переходить въ Польшу, въ Германіи право суда сдѣлалось повсемѣстнымъ феодальнымъ правомъ землевладѣльцевъ. Потому въ Польшѣ во многихъ имѣніяхъ, особенно церковныхъ, право полнаго суда дается князьями съ самаго начала и не переходитъ чрезъ всѣ вышеизложенныя ступени. Если бы нѣмецкое право не встрѣчало препятствій въ твердыхъ славянскихъ началахъ, то и всѣ землевладѣльцы, получившіе нѣмецкое право, въ то же время получили бы и Blutbann въ своихъ владѣніяхъ.

Сравнивая эту исторію землевладѣльческаго суда въ Польшѣ съ историческимъ развитіемъ того же явленія въ Московской Руси, мы находимъ между тѣмъ и другимъ глубокое различіе. Правда, судъ гражданскій посредствомъ пожалованій и здѣсь переходитъ къ землевладѣльцамъ; можно даже утверждать, что право владѣльцевъ на низшую юрисдикцію въ своихъ владѣніяхъ могло развиться естественно и безъ пожалованій — изъ экономическихъ отношеній владѣльца къ крестьянину. Въ тѣ времена, при неясности юридическихъ отношеній, обиженному нужно было найдти какую-нибудь силу, которая была бы въ состояніи заставить обидчика вознаградить его за убытокъ, а такая сподручная сила и притомъ заинтересованная въ экономическомъ благосостояніи крестьянина былъ, конечно, землевладѣлецъ. Но какъ бы то ни было, въ концѣ исторіи древней Руси, въ эпоху Уложенія, мы находимъ въ рукахъ помѣщиковъ и вотчинниковъ только судъ гражданскій. Судъ же уголовный (съ правомъ смертной казни) составляетъ рѣдкое исключеніе, даруемое жалованными грамотами Московскими. Во многихъ жалованныхъ грамотахъ дается средняя юрисдикція (опричь душегубства) и во всѣхъ остальныхъ — одна низшая (опричь душегубства, разбоя, татьбы съ поличнымъ, поджога и прочихъ уголовныхъ преступленій). Слѣдуетъ замѣтить, что дарованіе права высшаго суда встрѣчается только въ болѣе древнихъ грамотахъ, а потомъ постепенно исчезаетъ. Никогда, безъ особеннаго сторонняго вліянія, права землевладѣльца не могли сами собою развиться до права на жизнь и смерть его крестьянъ — этихъ геркулесовыхъ столбовъ крѣпостнаго права.

Тотъ, кто бы сталъ объяснять разницу между польско-литовскимъ и московскимъ правомъ землевладѣльцевъ на судебную власть тѣмъ, что въ Польшѣ и Литвѣ стало преобладать шляхетское сословіе, а въ Москвѣ самодержавіе, впалъ бы въ извѣстную логическую ошибку, состоящую въ томъ, что вещь объясняется тѣмъ, что именно слѣдуетъ объяснить.

Шляхетскія права въ Польшѣ и Литвѣ безъ изслѣдованія началъ, изъ которыхъ они возникли, будутъ всегда исторической загадкой.

шихъ и яркихъ особенностей польской конституціи. Такъ какъ разсужденіе о сущности, вліяніи и развитіи этого учрежденія далеко выходитъ за предѣлы нашего изслѣдованія, то здѣсь мы прибавимъ къ предыдущимъ замѣчаніямъ только нѣсколько словъ о связи его съ нѣмецкимъ правомъ.

Самый темный вопросъ въ исторіи польскаго государственнаго права есть вопросъ о происхожденіи института старостъ и о причинахъ замѣны каштелянской и воеводской власти старостинскою. Трудолюбивые изыскатели старины находятъ старостъ во времена отдаленной древности, даже при Болеславѣ Храбромъ. Но изслѣдователь, желающій получить полезные результаты, конечно, будетъ интересоваться не названіями, а идеей, выражаемою ими. Названіе „староста“ общеизвѣстно во всѣхъ краяхъ славянскаго міра; но ничего нѣтъ общаго, напримѣръ, между русскимъ земскимъ старостою и польскимъ старостою. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ славянское слово прикрываетъ собою совершенно не славянскую идею. Начало старо̀ствъ, въ извѣстномъ всѣмъ польскомъ значеніи, обыкновенно относятъ ко временамъ Венцеслава Чешскаго, и совершенно вѣрно полагаютъ, что окончательное развитіе ихъ принадлежитъ вѣку Людовика Венгерскаго и первыхъ Ягеллоновъ.

Время всеобщаго перехода отъ каштелянов̀ъ и воеводъ къ старостамъ относится, слѣдовательно, ко времени окончательнаго торжества началъ нѣмецкаго права. Когда всѣ землевладѣльцы и княжескія имѣнія получили нѣмецкое право, то вся Польша этимъ самымъ изъята была изъ-подъ присуда каштеляновъ и воеводъ; новыя власти (провинціальные войты) вступили на ихъ мѣсто. Когда изъ-подъ присуда провинціальныхъ войтовъ были исключены всѣ частновладѣльческія имѣнія и огромное число общинъ, поселенныхъ на княжескихъ земляхъ, то вѣдѣніе старостъ ограничилось уголовнымъ судомъ надъ самими землевладѣльцами, конечно, сверхъ полной судебной административной власти надъ крестьянами округа, непосредственно подчиненнаго тому или другому старостѣ.

Такимъ образомъ прямыми наслѣдниками власти провинціальныхъ войтовъ были городовые старосты. Старосты не-городовые наслѣдовали власть и значеніе прежнихъ непровинціальныхъ войтовъ. Существенныя черты этихъ учрежденій не оставляютъ ни малѣйшаго повода къ сомнѣнію въ родствѣ ихъ: староста получаетъ отъ короля имѣніе въ пожизненное пользованіе, или на правѣ эмфитевтическомъ; управленіе и судъ принадлежатъ ему; онъ пользуется доходами съ

опредѣленнаго числа волокъ; остальной доходъ идетъ землевладѣльцу (королю, а потомъ Рѣчи-Посполитой); онъ получаетъ извѣстную часть судебныхъ пошлинъ. Староства не городовыя особенно размножились со временъ первыхъ Ягеллоновъ, когда въ Литвѣ, только-что соединенной съ Польшею, примѣнены были нѣмецкія начала колонизаціи: лѣсные участки отдавались предпринимателямъ, которые обязывались очистить ихъ и положить начало обработкѣ земли, за что и получали вышеозначенныя права. Читатель можетъ сличить эти права съ вышеизложенными правами нѣмецкихъ фогтовъ. Повторяемъ, разница будетъ только въ томъ, что права войтовъ были наслѣдственныя, а права старостъ пожизненныя, хотя и въ томъ и другомъ случаѣ встрѣчаются исключенія: какъ войтовства сначала не были наслѣдственными, такъ и староства часто превращались въ наслѣдственные лены.

Такимъ образомъ и городовыя и не городовыя староства, очевидно, имѣютъ одно начало. Въ послѣдствіи въ Польшѣ старались провести между ними рѣзкую черту, чѣмъ, очевидно, заявлялось желаніе отдѣлить отъ общественныхъ должностей начала частно-владѣльческія; но это было не больше какъ теоретическій протестъ противъ неодолимой дѣйствительности. Даже и теперь нѣкоторые изслѣдователи [1]) хотятъ видѣть только злоупотребленія и неясность юридическихъ терминовъ въ томъ, что придавалось одно названіе и органамъ государственной власти, и поссессорамъ королевскихъ имѣній „безъ всякой судебной и административной власти“. Такъ могли говорить только граждане бывшей Рѣчи-Посполитой, которые привыкли уже не считать государственною должностію судъ надъ крестьянами, подчиненными землевладѣльцу или поссессору. Неградовый староста имѣлъ право уголовнаго суда надъ крестьянами, живущими на землѣ, отданной ему въ поссессію.

Мы находимъ такимъ образомъ весьма естественнымъ объяснить происхожденіе старостинской власти изъ началъ нѣмецкаго права, тѣмъ болѣе, что польская литература до сихъ поръ не представила никакого другаго объясненія.

Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ предметѣ Лелевель:

„Къ періоду времени, обнимающему правленіе Людовика, междуцарствіе и правленіе первыхъ Ягеллоновъ, можно отнести возвышеніе значенія старостъ и ихъ судовъ. Королямъ нужно было уполномочить своихъ старостъ къ исполненію разныхъ общественныхъ порученій; собирать подати, преслѣдовать

[1]) Hüppe, 27. (Verfassung der Rep Polen. Berl. 1867).

преступника, наблюдать за порядкомъ въ повѣтѣ было поручено старостамъ, которые въ то время были болѣе вѣрными слугами, чѣмъ урядники сенаторскаго званія. Старостамъ поручено было рѣшеніе разныхъ уголовныхъ дѣлъ, они завѣдывали городомъ, а каштеляны должны были или сдѣлаться старостами въ своихъ городахъ, или уступить старостамъ уголовное судопроизводство. Возвышеніе значенія старостъ, ихъ судебная власть не нравилась шляхтѣ; но когда всякіе уряды сдѣлались народными, когда коронныя имѣнія также стали народными, то паны устремились къ старостинскимъ должностямъ. Въ это именно время воеводскіе и еще болѣе каштелянскіе суды упадали. Ихъ легко замѣнили сторостинскіе, земскіе, которые также начали возвышаться и образовали colloquia или conventus. Великополяне гласно объявили въ уставѣ, написанномъ для нихъ, что не хотятъ, чтобы шляхта отвѣчала въ судахъ каштелянскихъ; послѣ чего каштеляны, кромѣ своего высокаго сенаторскаго достоинства и высокаго представительства народнаго въ сенатѣ, ограничились старинною городскою обязанностію — отправленіемъ нѣкоторыхъ полицейскихъ дѣлъ. Такъ на свѣтѣ вещи мѣняются дивнымъ образомъ".

Ученый, ограничивающійся удивленіемъ къ чудесамъ въ смѣнѣ вещей, оказываетъ не слишкомъ большую услугу наукѣ: чудо въ этомъ случаѣ есть не понятый фактъ [1]).

Болѣе подробное разсмотрѣніе старостинскаго уряда не входитъ въ нашу задачу. Намъ предстоитъ, слѣдовательно, сказать: а) *объ отношеніи землевладѣльцевъ къ поселенцамъ по нѣмецкому праву* и б) *о городскомъ нѣмецкомъ правѣ*.

Но прежде чѣмъ приступить къ разбору отношеній землевладѣльцевъ къ поселенцамъ по нѣмецкому праву и къ анализу городскаго нѣмецкаго права, мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣсколько практическихъ и критическихъ замѣчаній, касающихся сущности нашего взгляда на нѣмецкое право. Разберемъ прежде всего взглядъ Мацѣевскаго и Ярошевича на феодализмъ. Читатель, вѣроятно, обратилъ вниманіе на то, что говоря о свойствахъ нѣмецкаго права, мы не разъ упоминали о феодализмѣ: очевидно, мы находимъ тѣсную связь между тѣмъ и другимъ. По господствующему понятію о феодализмѣ (или ленномъ правѣ нѣмецкомъ), этотъ послѣдній предполагаетъ тѣсную зависимость всѣхъ членовъ общества другъ отъ друга по имущественнымъ и юридическимъ отношеніямъ: каждый владѣлецъ есть сюзеренъ низ-

---

[1]) Латинское названіе старостъ «capitanei» держалось до нашихъ временъ въ Босніи, — странѣ, подвергшейся въ средніе вѣка такому же вліянію нѣмецкаго права: «Города и отдѣльные округа управлялись *капетанами*, власть которыхъ пребывала *наслѣдственно* въ старинныхъ знатныхъ родахъ Боснійскихъ; только нѣкоторые города, какъ въ средневѣковой Европѣ, стояли внѣ господства этой туземной аристократіи». Сбор. Гильфер., стр. 420.

шаго и вассалъ высшаго владѣльца; вся совокупность этой сѣти составляетъ вассальное владѣніе верховнаго сюзерена — короля. Слѣдуя такому пониманію феодальнаго устройства, можно бы думать, что король владѣетъ самою могущественною властью, какая когда-либо принадлежала верховной власти въ Европѣ: каждый владѣетъ землею по милости и съ дозволенія короля. Такъ и думаетъ о феодальномъ правѣ Мацѣевскій [1]) и въ этомъ смыслѣ отрицаетъ феодальность въ Польшѣ и видитъ ее на Руси и во всѣхъ славянскихъ земляхъ, за исключеніемъ земель Поляковъ и Сербовъ. Обращая вниманіе на эту одну сторону феодализма, Мацѣевскій опустилъ изъ виду другую, сопровождавшуюся въ Германіи и потомъ въ Польшѣ самыми обширными и самыми печальными послѣдствіями: когда монархъ, предполагаемый (фиктивный) владѣтель всей земли, выдѣляетъ часть ея въ пользованіе своему вассалу, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ eo ipso передаетъ ему и свои (въ частяхъ и вполнѣ) коронныя права [2]).

Изъ этихъ двухъ началъ феодализма въ средніе вѣка во всей западной Европѣ выступало на видъ не первое, а второе: оно положило свою печать на всю исторію того времени. Отъ различныхъ формъ, которыя оно приняло въ каждой странѣ Европы, зависѣли характеристическія особенности общественнаго устройства каждой страны. Въ нѣкоторыхъ странахъ Европы оно привело къ образованію двухъ сословій изъ аристократіи и городскихъ общинъ; въ Германіи связующая нить оказалась слабѣе, графства и княжества сдѣлались независимыми государствами. Сообразно съ этимъ и многія городскія общины превратились въ вольные города, то-есть, городовыя республики, составлявшія отдѣльныя государства.

Когда нѣмецкое право стало переходить въ Польшу, гдѣ не было феодализма, то всѣ владѣльцы стали непосредственными вассалами князей или королей и всѣ одинаково получили отъ нихъ jus ducale; тогда произошло явленіе, которому была чужда сама феодальная Европа: явились тысячи независимыхъ князей, изъ которыхъ каждый въ своемъ владѣніи имѣлъ государственную власть. Польша сдѣлалась болѣе нѣмецкою, чѣмъ сама Германія; на ней повторилась печальная судьба всѣхъ, которые дѣлаются plus royalistes que le roi. Только въ западныхъ областяхъ древней Польши (Силезіи) нѣкоторые владѣльцы,

[1]) Pierw. Dz. Pols. i Lit., 325 и вся глава: «Feodal. lenność».

[2]) «Слияніе въ лицѣ владѣтеля права собственности и права верховной власти въ предѣлахъ принадлежащей ему земли» — вотъ, по словамъ Гизо, вторая характеристическая черта феодализма.

совершенно подобно нѣмецкимъ князьямъ, сдѣлались полными государями; такъ, епископъ Бреславскій былъ княземъ Нейсской земли, въ томъ смыслѣ, въ какомъ епископы Майнцскій, Трирскій и другіе были государями своихъ владѣній. Въ собственной же Польшѣ феодализмъ принялъ новый, совершенно оригинальный видъ: подъ именемъ государства разумѣлась федерація совершенно независимыхъ и по правамъ равныхъ другъ другу землевладѣльцевъ. Отношенія между ними и даже къ королю, какъ справедливо замѣчено, имѣли „международный“ характеръ. Въ этой федераціи или шляхетской республикѣ съ шляхетскимъ королемъ во главѣ уже не было мѣста городскимъ общинамъ: онѣ не могли сдѣлаться ни независимыми городовыми республиками (civitates), какъ въ Германіи и Италіи, ни среднимъ сословіемъ, какъ во Франціи; имъ оставалось или выдѣлиться въ новую мѣщанскую федерацію, съ своимъ высшимъ правительствомъ, къ чему онѣ и стремились, но безъ успѣха, или примкнуть къ шляхетству, къ чему хотѣла привести ихъ конституція 1791 года, хотя тоже безъ успѣха, или наконецъ, низойдти въ разрядъ негражданъ — хлоповъ, что̀ и случилось.

Едва-ли кто-нибудь будетъ сомнѣваться, что нѣмецкое право было могущественнѣйшею причиною развитія такого ультра-феодальнаго порядка вещей [1]). Въ этомъ именно смыслѣ нужно понимать тѣ выраженія грамотъ, гдѣ отреченіе князя отъ своихъ правъ, при дарованіи нѣмецкаго права, называется jus teutonicum, въ противоположность jus polonicum. Вотъ гдѣ лежитъ неизбѣжная связь нѣмецкаго права съ jus ducale.

Къ концу XIV вѣка бо́льшая часть землевладѣльцевъ получили нѣмецкое право во всемъ его объемѣ. Усилія Казиміра Великаго повоpотить историческое теченіе назадъ, возвратить королевской власти

---

[1]) Была ли свойственна Польшѣ вторая сторона феодализма? Въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться, какъ нельзя сомнѣваться и въ томъ, что зародыши ея существовали во всѣхъ государствахъ, стоявшихъ на средневѣковой ступени развитія Князья и короли раздавали земли во временное или наслѣдственное владѣніе подъ условіемъ отправленія военной службы. Въ 1407 году король Ягелло пожаловалъ своему жолнеру (воину) село Зубры, возложивъ на него за это обязанность жить въ этомъ селѣ постоянно, выходить въ каждый походъ съ однимъ копьемъ и двумя луками и безъ позволенія короля не отчуждать этого имѣнія. Подъ такими условіями обыкновенно раздавались коронныя имѣнія; но при господствующей безурядицѣ и при отсутствіи феодальныхъ преданій такія ленныя права постоянно превращались въ полныя, не ленныя Тогда слѣдовала новая раздача земель изъ коронныхъ имуществъ и съ ними повторялось то же.

ея права оказались безуспѣшными. Его преемникъ признаетъ совершившійся фактъ и подтверждаетъ уже всѣмъ землевладѣльцамъ одинаковое право. Мы говоримъ „подтверждаетъ“, а не „даетъ“, потому что если оставалось меньшинство, не пользующееся княжескимъ правомъ (а что оно дѣйствительно было, это видно изъ Вислицкаго статута), то положеніе его было аномаліей. Чѣмъ одинъ сосѣдъ землевладѣлецъ достойнѣе и важнѣе другаго?

Бантке наивно упрекаетъ Людовика Венгерскаго за такую мѣру, называетъ ее неблагоразумною щедростью, объясняетъ такой поступокъ желаніемъ наслѣдника обезпечить за собой престолъ польскій. Но неисторичность такого ученаго пріема свойственна большей части польскихъ писателей, у которыхъ публицистика всегда беретъ верхъ надъ историческимъ методомъ въ оцѣнкѣ фактовъ. Замѣтимъ, что самъ Бантке видитъ, между прочимъ, причины ослабленія королевской власти въ пожалованіи нѣмецкаго права [1]). Если бы во время его ученой дѣятельности было издано хотя то количество актовъ, какое издано теперь, то онъ, конечно, увидѣлъ бы, что вся Польша была уже объята нѣмецкимъ правомъ, и всѣ почти землевладѣльцы уже de facto пользовались привилегіями, которыя закрѣпилъ Людовикъ своимъ знаменитымъ Будскимъ актомъ, такъ что королю ничего не оставалось дѣлать, какъ распространить эти привилегіи на небольшое число не пользовавшихся ими шляхтичей [2]).

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ jus ducale изъ Польши проникло въ Литву.

Мацѣевскій и Ярошевичъ оба одинаково смотрятъ на феодализмъ; оба обращаютъ вниманіе только на обязанности вассала къ сюзерену и оставляютъ безъ вниманія его права. Мацѣевскій видитъ начало феодализма на Руси въ завоеваніи Варяжскихъ князей, которые раз-

---

[1]) Hist. Pr. P. 173.

[2]) См. вышеприведенное содержаніе привилегіи Людовика 1374 года (которою подтверждается Будскій актъ) относительно финансовыхъ правъ короля. Относительно же судебной власти въ ней нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ положеній, кромѣ того, что король лишаетъ себя права произвольнаго распоряженія въ назначеніи старостъ; при этомъ онъ выражается такъ: «Никакого замка въ королевствѣ Польскомъ не будемъ отдавать въ управленіе или поссессію, временную или *вѣчную* (in aevum) никакому князю, или происходящему изъ княжескаго рода. Обѣщаемъ, что замки и города, *съ которыми соединяется* (de quibus procedunt) достоинства и судебныя должности, не будемъ отдавать никому, кромѣ земянъ» и т. д. О судебной власти землевладѣльцевъ ничего не говорится, конечно, потому что объ ней и спору не было.

давали волости мужамъ своимъ; сюда же, къ удивленію, онъ причисляетъ и удѣльный (родовой) порядокъ княжескаго владѣнія надъ Русью, приписываетъ великому князю право быть всеобщимъ наслѣдникомъ людей умершихъ безъ потомства (и въ другихъ княженіяхъ?). Въ Литовскомъ племени онъ открываетъ ленное право тоже въ глубокой древности, указывая на раздачу волостей литовскими князьями около 1065 года; но рѣшительное господство феодализма въ Литвѣ относитъ къ періоду времени отъ Миндовга до Ягеллы. Въ этотъ періодъ, по его мнѣнію, господствовала въ Литвѣ ленная система до Гедимина, а послѣ Гедимина — феодализмъ. (Мацѣевскій эти два понятія различаетъ такимъ образомъ, что ленность или ленная система касается только имущественныхъ правъ вассала, а феодализмъ, — и личныхъ, и имущественныхъ правъ его). Причины распространенія въ Литвѣ феодализма онъ видитъ въ томъ, что народъ былъ склоненъ къ нему, и въ особомъ родѣ феодализма, который въ Литвѣ былъ довольно сносенъ. Юридическое уничтоженіе феодализма онъ видитъ въ уніи Люблинской, но замѣчаетъ фактическіе слѣды его до XVIII вѣка.

Къ такому воззрѣнію на литовскій и русскій соціальный бытъ Мацѣевскій, очевидно, приведенъ Ярошевичемъ, съ которымъ и согласенъ въ главныхъ положеніяхъ, расходясь только въ подробностяхъ. У Ярошевича [1]) же мы можемъ отыскать и основанія, на которыхъ построенъ такой взглядъ. Кромѣ вышеупомянутой раздачи волостей въ 1065 г., Ярошевичъ приводитъ еще привилегію Миндовга 1252 г. на разныя земли Инфляндскія крестоносцамъ (рыцарямъ), гдѣ между прочими родами владѣнія землею указывается феодальный: „Sive a nobis teneantur in feudo“; затѣмъ указываетъ на раздачу великими князьями завоеванныхъ русскихъ областей князьямъ своего рода и вассальнымъ. Но кромѣ всѣхъ этихъ шаткихъ основаній (противъ которыхъ мы не будемъ возражать, какъ давно уже признанныхъ наукою несостоятельными), мнѣніе Ярошевича о литовскомъ феодализмѣ, какъ можно ясно видѣть изъ другихъ главъ его сочиненія (Rozd. IV и VI części drugiej), сложилось подъ вліяніемъ актовъ о шляхетскихъ правахъ, дарованныхъ князьями послѣ соединенія Литвы съ Польшею. Когда эти два государства пришли въ столкновеніе, то оказалась огромная разница между ними, и между прочимъ, именно въ отношеніяхъ князя къ землевладѣльцамъ: въ Польшѣ землевладѣльцы уже всѣ пользова-

[1]) Obr. Litwy. Cz. 1. Rozd. XIV.

лись княжескимъ правомъ въ своихъ владѣніяхъ, въ Литвѣ же повсюду держался старый славянскій родъ землевладѣнія, съ обязанностями въ отношеніи къ князю. Литва XIV вѣка была подобна Польшѣ XI в. Въ эти три вѣка въ Польшѣ нѣмецкое право оказало уже полное свое дѣйствіе: съ точки зрѣнія польской, тѣ отношенія, въ какихъ были литовскіе и русскіе землевладѣльцы къ князю, казались „ярмомъ неволи“. Въ шляхетскихъ грамотахъ Литовско-Русскаго государства это ярмо постепенно снимается; слѣдовательно, Ярошевичъ называетъ феодализмомъ тѣ отношенія имущественныя и личныя литовско-русскихъ бояръ къ князьямъ, которыя были до изданія шляхетскихъ грамотъ; противоположный же, не феодальный порядокъ вещей видитъ въ шляхетскихъ польскихъ правахъ.

Въ обѣихъ грамотахъ Ягеллы (1387 г., въ Zb. praw Działyusk., и 1413 г. — Городельская привилегія, Vol. leg. 1, 66) Польскій король, въ награду за принятіе католичества, обѣщаетъ баронамъ и благороднымъ боярамъ (baronis et nobilibus bojaris) сравнять ихъ владѣльческія права съ правами польскихъ бароновъ и шляхтичей (nobilium): боярамъ, отступникамъ отъ православія и вновь крестившимся изъ язычества, дается право произвольнаго распоряженія своимъ имѣніемъ; далѣе, бояре освобождаются отъ общественныхъ работъ кромѣ поправленія замковъ. Въ актѣ Городельскомъ эти права изложены обстоятельнѣе. Изъ него видно, что въ Литовско-Русскомъ государствѣ были два рода владѣнія, тѣ же самые, какіе существовали въ древнѣйшей Польшѣ до всеобщаго распространенія въ ней нѣмецкаго права вмѣстѣ съ jus ducale и какіе были въ Московскомъ государствѣ до самого Петра Великаго, то-есть, вотчины и помѣстья. Согласіе князя требовалось и теперь требуется при отчужденіи имѣнія пожалованнаго (donationum). Ярошевичъ до такой степени увлекся легкимъ методомъ примѣненія началъ западно-европейской исторіи къ литовско-русской, что почти совсѣмъ отрицаетъ вотчинныя владѣнія, которыя онъ называетъ аллодіальными и говоритъ объ инфеодаціи аллодовъ. Мацѣевскій поправляетъ его. Но, отрицая феодализмъ въ Польшѣ, онъ признаетъ въ ней тоже два рода владѣнія — вотчинное и помѣстное (dzierżawy). Если несомнѣнно, что въ Литовско-Русскомъ государствѣ были вотчинныя имѣнія до изданія привилегій Ягеллы, то въ чемъ же заключаются новыя права, даруемыя Ягелломъ? Въ томъ, что владѣльцы вотчинныхъ имѣній и тѣхъ изъ пожалованныхъ князьями, которыя даны съ правомъ наслѣдства, будутъ владѣть ими pari jure, sicut barones regni Poloniae, то-есть, на княжескомъ правѣ (jure

ducale), со всѣми тѣми правами, которыя мы уже видѣли въ жалованныхъ грамотахъ на нѣмецкое право. Король не перечисляетъ этихъ правъ, а называетъ только тѣ обязанности, которыя онъ выговариваетъ въ свою пользу: постройку и исправленіе замковъ, проведеніе военныхъ дорогъ (vias expeditionales) и уплату подати (tributa), то-есть, тѣ же исключенія, которыя существуютъ и въ древнѣйшихъ жалованныхъ грамотахъ на нѣмецкое право въ Польшѣ.

Ясно, что привилегіи Ягеллы только сравниваютъ помѣстныя владѣнія съ вотчинными и даруютъ тѣмъ и другимъ jus ducale, хотя еще неполное.

Въ жалованной грамотѣ Казиміра (1457 года) „прелатамъ, духовнымъ и свѣтскимъ княжатамъ, рыцарямъ, шляхтичамъ, боярамъ и мѣстничамъ великаго княжества Литовскаго, Русскаго и Жмудскаго“ излагаются тѣ же самыя права, только съ большею подробностію. Имѣнія, пожалованныя Витовтомъ и Сигизмундомъ, могутъ быть всячески отчуждаемы съ однимъ только условіемъ — объявленія („сдачи“) о томъ предъ княземъ или его намѣстниками; они переходятъ въ наслѣдство обѣихъ линій потомства; дозволяются браки безъ доклада намѣстникамъ. Князь затѣмъ перечисляетъ тѣ права, которыя перечисляются и въ жалованныхъ грамотахъ на нѣмецкое право: имѣнія землевладѣльцевъ освобождаются отъ всякаго „данія и заплаты, собранія, вытягненія серебщизны, мѣръ, которыя называются дяклами (annona ducalis), отъ воженія камней, протесовъ, бревенъ и дерева на жженіе плитъ, или мѣлу и извести на городьбу, отъ сѣнокошенія и другихъ несправедливыхъ работъ, исключая построеніе и поправку городовъ, поборы, станціи, постройку и поправленіе мостовъ“. Судъ надъ крестьянами не поручается еще владѣльцу, хотя владѣлецъ ставитъ крестьянина на судъ и получаетъ отъ него судебные штрафы.

Итакъ, въ этихъ привилегіяхъ и другихъ позднѣйшихъ, подобныхъ имъ, въ Литву вторгается мало по малу jus ducale землевладѣльцевъ, которое въ Польшѣ сложилось окончательно подъ вліяніемъ нѣмецкаго права. Постепенно и въ Литовско-Русскомъ государствѣ землевладѣльцы получаютъ верховную власть въ своихъ владѣніяхъ, не столько подъ вліяніемъ этихъ жалованныхъ грамотъ, сколько вслѣдствіе бо́льшаго и бо́льшаго бытоваго сближенія съ Польшею. Наконецъ, и здѣсь паны становятся настоящими феодальными баронами въ XVI и XVII вѣкахъ.

Изъ сказаннаго очевидно, что Литва прошла точно такую же цѣпь соціальныхъ перемѣнъ, какъ и Польша. Если Мацѣевскій отрицаетъ

феодализмъ въ послѣдней, то долженъ бы не признавать его и въ первой.

Нашъ взглядъ и мнѣніе по этому вопросу діаметрально противоположны выводамъ приведенныхъ писателей. Мы замѣчаемъ вторженіе феодализма тамъ, гдѣ Ярошевичъ видитъ уничтоженіе феодализма.

III.

Отношеніе землевладѣльцевъ къ поселенцамъ по нѣмецкому праву.

Изъ предыдущаго очерка паденія королевской власти въ Польшѣ мы видѣли, что она наслѣдована, между прочимъ, землевладѣльцами. Землевладѣльцы получили значеніе провинціальныхъ войтовъ въ своихъ имѣніяхъ; судъ низшій отправляютъ солтысы — ихъ вассалы, ими только поставляемые, имъ же землевладѣльцы поручаютъ фактическое отправленіе уголовнаго суда. Имѣнія землевладѣльцевъ не платятъ королю податей (кромѣ одной двугрошевой съ волоки — exactio pecunialis), не несутъ повинностей.

Но изъ этого еще нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ о положеніи поселенцевъ въ ихъ имѣніяхъ, нельзя сказать, хуже или лучше стало людямъ, поселеннымъ на такихъ освобожденныхъ земляхъ. Можетъ-быть, землевладѣлецъ, получивъ jus ducale, передастъ его своимъ поселенцамъ, подобно тому, какъ поступилъ князь или король въ отношеніи къ нему самому; можетъ-быть, онъ устроитъ въ имѣніи свободный общинный судъ, которому передастъ и свое уголовное право; можетъ-быть, онъ облегчитъ въ свою очередь подати и повинности крестьянъ. Но землевладѣлецъ можетъ оставить и въ своихъ рукахъ полученную власть и быть дѣйствительнымъ и единственнымъ судьею въ своемъ имѣніи, получать съ поселенцевъ всѣ тѣ подати и требовать всѣхъ тѣхъ повинностей, которыя прежде слѣдовали князю. Власть, полученная имъ, была безгранична и давала ему право и возможность даже расширять требованія, увеличивать повинности.

Говорятъ [1]), что нѣмецкое право возлагаетъ на землевладѣльцевъ обязанность устроить свои отношенія къ поселенцамъ по первому способу, а не по второму, что поселенцы пользуются привилегіями нѣмецкаго права „наравнѣ съ панами“. Такъ ли это?

Вопросомъ этимъ, весьма не маловажнымъ, должны мы заняться теперь, то-есть, должны рѣшить: а) дѣйствительно ли въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ, пожалованныхъ нѣмецкимъ правомъ, *непре-*

[1]) Лелевель. Pocz. Pr. Pol. 88.

мѣнно устанавливался общинный, независимый судъ, и б) каковы были личныя и имущественныя права поселенцевъ въ такихъ имѣніяхъ?

1. *Судебная власть землевладѣльцевъ.* Когда всѣ землевладѣльцы, при помощи нѣмецкаго права, получили jus ducale, то нѣкоторые изъ нихъ, владѣвшіе обширными имуществами, сдѣлались, какъ мы видѣли, князьями въ полномъ смыслѣ. Въ имѣніяхъ такихъ землевладѣльцевъ были свои землевладѣльцы и городскія общины. Вообще въ такихъ имѣніяхъ повторялись явленія, которыя мы видѣли въ цѣлыхъ княжествахъ и королевствѣ Польскомъ. Такъ, напримѣръ, епископъ Бреславскій передаетъ Blutbann главнымъ войтамъ своихъ городовъ: войту города Выдны (Вейденау) принадлежитъ „право предсѣдательствовать на деревенскихъ судахъ три раза въ году; въ это время деревенскіе солтысы обязаны прилично продовольствовать войта или того, кто будетъ дѣйствовать вмѣсто него; ему же принадлежитъ право собирать солтысовъ и крестьянъ изъ деревень въ городъ Выдну на провинціальный судъ три раза въ году; судъ объ убійствѣ, ранахъ, пролитіи крови долженъ совершаться не въ деревняхъ солтысами, а городскимъ судьею, то-есть, войтомъ". Епископъ Бреславскій имѣлъ свой надворный судъ въ Низѣ, которому подлежали рыцари и шляхтичи или земляне (milites et nobiles terrae, seu terrigenae [1]). О такихъ владѣніяхъ въ настоящемъ случаѣ нѣтъ нужды говорить. Мы должны обратиться къ тому низшему, но самому многочисленному роду собственниковъ, которые стояли въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ поселенцамъ.

Первоначальное устройство суда въ имѣніяхъ такихъ владѣльцевъ можно видѣть изъ солтысскихъ грамотъ, одну изъ которыхъ мы уже привели, говоря о второй формѣ войтовства въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ. Припомнимъ существенныя черты его: землевладѣлецъ передаетъ солтысу право уголовнаго суда, сохраняя за собою право суда по апелляціямъ, судъ надъ самимъ солтысомъ и право пріѣзжать три раза въ годъ въ деревню для производства „великаго суда" (дрейдинги). Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ солтысскихъ грамотахъ упоминается о присяжныхъ (скабинахъ).

Войты и скабины — два учрежденія, несомнѣнно внесенныя нѣмецкимъ правомъ. Посмотримъ, на сколько они обезпечивали самостоятельность и независимость общиннаго суда въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ.

---

[1]) Urk. № 101.

Когда землевладѣльцы получили jus ducale, то фактически и судебная, и административная власть въ имѣніяхъ еще принадлежала войтамъ ихъ (или солтысамъ). Панъ получалъ извѣстный доходъ и большею частію даже не жилъ въ своемъ имѣніи. Паны до тѣхъ поръ могли не вмѣшиваться во внутреннее управленіе и судъ въ своихъ имѣніяхъ, пока были только дружинниками (milites) и жили около князя въ его резиденціи; но когда эти дружинники начали разселяться по своимъ имѣніямъ (чему, какъ мы увидимъ, много содѣйствовало дарованіе нѣмецкаго права городамъ), то ихъ власть должна была неминуемо прійдти въ столкновеніе съ властію солтысовъ, которая во многомъ даже превышала власть самихъ пановъ. Тогда должна была открыться интересная внутренняя борьба двухъ началъ землевладѣльческаго права; лишь нѣкоторыя явленія ея отразились въ юридическихъ памятникахъ.

Можно было предполагать два исхода въ этой борьбѣ: или побѣда останется на сторонѣ солтысовъ, и тогда полныя имущественныя права присоединятся къ судебной власти, или побѣда будетъ на сторонѣ землевладѣльцевъ, и тогда судебная власть присоединится къ полнымъ имущественнымъ правамъ, то-есть, въ сущности результатъ одинаковый, какая бы сторона ни побѣдила. Важно только совмѣщеніе правъ той и другой стороны въ лицѣ побѣдителя.

Въ западныхъ областяхъ древней Польши, равно какъ и въ земляхъ другихъ западныхъ Славянъ, побѣда осталась на сторонѣ солтысовъ — Нѣмцевъ; послѣдніе обогатились на счетъ своихъ землевладѣльцевъ и покупали у нихъ имѣнія за ихъ собственныя деньги; это было могущественною причиной полнаго онѣмеченія Силезіи и Лужичъ. Въ одномъ старинномъ памятникѣ, изображающемъ исполненную приключеній судьбу Альберта, Краковскаго войта, „основателя Кракова“, схвачены въ мѣткихъ стихахъ средневѣковой латыни характеристическія черты постепеннаго пораженія славянскаго землевладѣльческаго класса войтами-Нѣмцами. Описавъ паденіе Альберта съ высоты богатства и почестей, его плѣнъ [1]), заключеніе въ темницѣ, выкупъ и мирную кончину, неизвѣстный поэтъ продолжаетъ: „Къ этому привелъ меня (то-есть, войта) мой характеръ: Нѣмцы стараются вездѣ, куда ни приходятъ, всегда быть первыми и никому не подчиняться. Для этого употребляютъ они слѣдующія средства: сначала унижаются, потомъ женятся на до-

[1]) Вслѣдствіе измѣны Альберта, который хотѣлъ передать Краковъ Нѣмецкому императору.

черяхъ пановъ, напередъ отдавъ имъ своихъ; но это все дѣлается съ коварствомъ: какъ только Нѣмецъ получитъ немного, онъ стремится далѣе; онъ идетъ къ патрону, несетъ ему 1000 грошей и дѣлается сударіемъ (sudarius); а послѣ этого ежедневно о томъ только и думаетъ, какъ бы сдѣлаться наслѣдственнымъ владѣтелемъ деревни; давъ еще больше денегъ, онъ дѣлается войтомъ деревни, отстраняя настоящихъ владѣтелей. Такъ были обмануты Чехи, выгнанные изъ собственныхъ имѣній Нѣмцами“ [1]).

Въ восточныхъ областяхъ Польши общій исходъ борьбы былъ противоположный. Хотя и здѣсь солтысы нерѣдко слѣдовали примѣру своихъ западныхъ собратій, но большинство частно-владѣльческихъ солтысствъ перешло къ землевладѣльцамъ. Путь къ этому приготовленъ былъ рядомъ узаконеній XIV — XVI вѣковъ. Въ 1347 году запрещено было покупать солтысства рыцарямъ (milites) или какимъ-либо другимъ благороднымъ особамъ (illustris) на томъ основаніи, что должность солтысовъ должна всегда оставаться служебною (servile, рабскою) и быть въ полномъ распоряженіи землевладѣльца [2]). Еще сто лѣтъ спустя, мы находимъ уже солтысство въ полномъ упадкѣ: въ 1420 году постановлено, что панъ можетъ отнять солтысство у непо-

---

[1]) Ad hoc traxit me natura,
Quae est Almanorum cura,
Ut quocunque veniunt
Semper volunt primi esse
Et nulli prorsus subesse.
Ad hoc se sic muniunt:
Illos habent ipsi mores,
Per hoc acquirunt favores,
Primo se humiliant,
Mox eorum ducunt natas,
Suas ipsis prius datas.
Et sic se conciliant.
Sed sub dolo fit hoc totum, —
Cum se bene facit notum
Jam palpat ulterius.
Ad patronum vadit ille,
Offert sibi (illi?) grossos mille
Et fiat sudarius....
Sic villae fit advocatus....
Exclusis haeredibus....

Wiszniewsk. Hist. Lit. Pol. I. 214 — 216.

[2]) Vol. leg. 40.

слушнаго солтыса и продать другому или выкупить по законной оцѣнкѣ; тутъ же говорится о бѣжавшихъ солтысахъ [1]). Такъ въ продолженіе XV вѣка власть солтысовъ была совершенно побѣждена властью пановъ, и главная причина такого пораженія заключается въ вассальномъ характерѣ имущественныхъ правъ солтыса. Въ этотъ періодъ, если солтысы и производили судъ въ деревняхъ, то судъ этотъ не имѣлъ ни малѣйшей самостоятельности. Къ этому именно періоду относятся слѣдующія слова Кромера о сельскихъ судахъ: „Народъ по селамъ имѣетъ собственные суды самые простые, которые совершаются безъ торжественности и судебной формальности войтами и присяжными или солтысами, или начальниками монастырей и панами, или ихъ прокураторами и прикащиками".

Изъ этого мѣста Кромера видно, что уже во многихъ селахъ и городахъ солтысскій судъ вошелъ въ третій періодъ своего развитія, или правильнѣе, своего упадка; паны скупили солтысства и сдѣлались сами солтысами въ своихъ владѣніяхъ.

Кромѣ ограниченій правъ солтысовъ путемъ законодательства и покупки солтысствъ землевладѣльцами, одна изъ немаловажныхъ причинъ упадка этого учрежденія заключалась въ томъ, что солтысами въ первое время были иноземцы; они мало сочувствовали политическимъ стремленіямъ новаго отечества и чаще тянули къ королямъ и князьямъ западной Европы; отсюда измѣны съ ихъ стороны, конфискація ихъ имуществъ и лишеніе правъ со стороны князей польскихъ. Конфискованныя солтысства обыкновенно возвращались тѣмъ землевладѣльцамъ, которые учредили ихъ; такъ, въ 1311 году Владиславъ Локетекъ возвращаетъ „въ полную собственность монастыря Тынецкаго" всѣ тѣ владѣнія трехъ солтысовъ и разныхъ цензуаловъ, равно владѣнія войта Краковскаго (Генриха), которыя были получены ими отъ монастыря, потому что они вмѣстѣ съ гражданами Кракова „совершили вопіющее преступленіе противъ князя и народа польскаго, предавъ городъ чужеземнымъ государямъ" [2]).

Такимъ образомъ, во многихъ имѣніяхъ остались солтысы и войты, какъ низшее служебное орудіе пановъ; въ другихъ сами паны сдѣлались единственными судьями въ своей деревнѣ.

Но такое паденіе судебной власти солтысовъ не значитъ, что съ этимъ вмѣстѣ и только теперь поселенцы теряютъ свой независимый

---

[1]) Vol. leg. 79.

[2]) Лелевель. Pocz. Praw. Pols. Dypl. XXI.

общинный судъ. Независимость суда нисколько не соединяется съ учрежденіемъ солтысства, равно какъ и паденіе этого послѣдняго не есть паденіе самостоятельнаго суда. Самостоятельность суда, говорятъ, опирается на учрежденіе присяжныхъ; думаютъ, что характеръ нѣмецкаго суда далеко превосходилъ прежніе суды польскіе и русскіе, соединяя въ себѣ достоинства суда присяжныхъ, независимость судей и гласность судопроизводства.

Въ Германіи, какъ извѣстно, присяжные составляли особый классъ поземельныхъ собственниковъ; они занимали среднее мѣсто между свободными крестьянами и землевладѣльцами и перешли потомъ въ разряды рыцарства; нѣмецкіе присяжные (скабины, шеффены) были свободны отъ податей. Само собою понятно, что право быть присяжнымъ въ Германіи было наслѣдственно. Участіе ихъ въ судѣ было самое важное: имъ принадлежало не право суда, а право неотмѣняемаго приговора (Urtheil), почему они и назывались Urtheilfinder. Но въ тѣ времена, когда нѣмецкое право стало распространяться въ Польшѣ, феодальный порядокъ въ Германіи существенно измѣнилъ старое судебное значеніе присяжныхъ; между тѣмъ, новая городская общинная свобода еще далеко не достигла своего развитія.

При перенесеніи нѣмецкаго права въ Польшу, учрежденіе шеффеновъ, по-польски *лавниковъ*, потерпѣло еще большее измѣненіе. Каждая нѣмецкая колонія получила своихъ лавниковъ; кругъ дѣятельности ихъ, слѣдовательно, ограничился одною деревнею или городомъ. Только скабины центральныхъ поселеній получили нѣсколько большее значеніе, участвуя въ провинціальныхъ и надворныхъ судахъ цѣлаго округа. Въ частно-владѣльческихъ небольшихъ имѣніяхъ это были тѣ же самые крестьяне, ничѣмъ не отличавшіеся по своимъ правамъ отъ остальныхъ крестьянъ; независимой собственности они не имѣли: ни въ одной грамотѣ на нѣмецкое право не встрѣчается назначенія свободныхъ волокъ для скабиновъ. Конечно, здѣсь и рѣчи не можетъ быть о пожизненности или наслѣдственности званія присяжныхъ, какъ объ ихъ неотъемлемомъ правѣ; все зависѣло отъ случайности: лавникъ могъ оставаться лавникомъ до конца жизни, если его дѣйствія не обезпокоивали солтыса или землевладѣльца; тоже случайно могъ быть лавникомъ сынъ лавника. Если званіе лавника не было наслѣдственнымъ, то вопросъ о томъ, кто избиралъ лавниковъ, становится очень важнымъ. Не только въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ, но и въ большихъ княжескихъ общинахъ лавники назначались сперва землевладѣльцемъ (въ послѣднемъ случаѣ — княземъ, какъ объ этомъ

именно говорится въ одномъ Weisthum-ѣ Магдебургскаго магистрата); въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ лавника для judicia bannita (высшихъ судовъ) назначали сами землевладѣльцы, а для обыкновенныхъ судовъ солтысы [1]). Но вопросъ о правѣ назначать лавниковъ тогда только былъ бы важенъ, когда бы мы были увѣрены, что ихъ дѣятельность на судѣ имѣетъ обширное и твердое значеніе. Роль лавниковъ на судахъ землевладѣльческихъ теперь трудно опредѣлить, потому что суды эти совершались, по словамъ Кромера, безъ судебной формальности и не оставили по себѣ памятниковъ. Но изъ уставовъ нѣмецкаго права, дѣйствовавшихъ даже и въ большихъ городскихъ общинахъ [2]), мы знаемъ, что войтъ могъ остановить рѣшеніе лавниковъ, если оно ему не нравилось. Когда солтысами сдѣлались сами землевладѣльцы, то положеніе лавниковъ сдѣлалось еще зависимѣе. Вообще въ грамотахъ на нѣмецкое право судебная власть поручается только одному солтысу, и слѣдовательно, должна достаться тому, кто наслѣдовалъ эту власть; въ большихъ поселеніяхъ ее купили общины и получили независимый судъ, въ меньшихъ — землевладѣльцы или поссессоры и сдѣлались сами единственными судьями [3]).

Въ такомъ именно видѣ перешло нѣмецкое право въ Литву. Вотъ изображеніе сельскаго суда въ королевскихъ имѣніяхъ въ половинѣ XVI вѣка [4]).

„Судить уряду (старостѣ и его намѣстникамъ) крестьянъ въ торговый день во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ кровопролитія и насилья. Въ случаѣ этихъ послѣднихъ преступленій, войтъ долженъ представить крестьянина на судъ, какъ только урядъ прикажетъ. Войту присутствовать на судѣ и помогать крестьянину въ достиженіи справедливости, вести вѣдомость о пеняхъ, слѣдующихъ намъ, и доносить ревизорамъ; равно наблюдать, чтобъ урядъ пеней и пересудовъ не бралъ болѣе установленнаго; а если, не смотря на его замѣчанія, урядъ не переставалъ брать больше установленнаго, то войтъ долженъ донести о томъ ревизору. Войта судитъ урядъ за всякій проступокъ, но можетъ лишить его войтовства лишь вмѣстѣ съ ревизоромъ, убѣдившись въ его проступкѣ и ненадлежащемъ исправленіи должности; отставивъ такого войта, долженъ опредѣлить на его мѣсто человѣка той же волости, ни въ чемъ не заподозрѣннаго, на избраніе котораго согласятся крестьяне.

---

[1]) C D III. 176.

[2]) Pocz. sądów miejskich.

[3]) По уставу о волокахъ Сигизмунда Августа, посредствомъ котораго введены нѣмецкіе порядки въ литовскія королевскія имѣнія. Памятн. Кіев. Коммис. Т. II. отд. 2, 21—30.

[4]) Подробнѣе объ институтѣ лавниковъ, или присяжныхъ скажемъ въ послѣдствіи, при разсмотрѣніи вопроса о городовомъ правѣ.

Войты и лавники по селамъ не должны судить крестьянъ ни въ какихъ дѣлахъ... Лавники должны быть опредѣляемы въ селахъ по два, по три и больше, смотря по величинѣ села, они должны быть люди неподозрительные и заслуживающіе довѣрія. Обязанность ихъ состоитъ въ изслѣдованіи вреда, причиняемаго на пашняхъ пасущимся скотомъ и въ другихъ случаяхъ.... Отъ тяглыхъ работъ и всякихъ повинностей, исполняемыхъ крестьянами, лавники освобождены быть не могутъ".

Нѣтъ сомнѣнія, что благоразумные землевладѣльцы иногда отдавали выборнымъ войтамъ и лавникамъ болѣе самостоятельныя судебныя права; но это — исключеніе, основанное на милости и произволѣ пана. Вообще же полный судъ надъ крестьянами, какъ необходимая принадлежность землевладѣнія, какъ доходная статья, подлежалъ всѣмъ случайностямъ частнаго права, и могъ быть проданъ и отданъ въ аренду вмѣстѣ съ прочими хозяйственными статьями; въ 1595 г. князь Сангушко-Кошерскій отдаетъ въ аренду свое имѣніе „славному жиду Аврааму Шмойловичу", между прочимъ, съ правомъ судить и рядить бояръ путныхъ, а всѣхъ крестьянъ, виновныхъ и непослушныхъ, наказывать денежными пенями и *смертью* по мѣрѣ проступковъ [1]).

Конечно, ничье нравственное чувство не можетъ не возмутиться при встрѣчѣ съ такимъ фактомъ; но тотъ, кто назвалъ бы это верхомъ безправія, беззакопія, тотъ обнаружилъ бы, что онъ никогда не обращалъ вниманія на то, гдѣ источникъ такого права землевладѣльцевъ. Люди, восхваляющіе начала нѣмецкаго права въ Польшѣ и возмущающіеся отдачею жиду въ аренду права смертной казни надъ крестьянами, впадаютъ въ большое противорѣчіе: послѣднее есть естественный плодъ достойнато корня [2]).

2. *Личныя и имущественныя права поселенцевъ по нѣмецкому праву* (*волочное хозяйство*). Изслѣдователи сознаются, что до XIII вѣка мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о положеніи крестьянъ въ польскихъ областяхъ. Это, однако же, не препятствуетъ имъ причислять всѣхъ тогдашнихъ крестьянъ къ разряду *Leibeigenen* и отождествлять съ этимъ понятіемъ другой нѣмецкій терминъ — *Hörigen:*

[1]) Пам. I, 2, 88—89.

[2]) Предлагаемъ сличить вышеприведенное устройство судовъ по нѣмецкому праву съ славянскимъ общиннымъ судомъ, остатки котораго видны въ копныхъ судахъ юго-западной Россіи и въ земскихъ судахъ сѣверной. Намъ сообщали, что въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ есть актъ (мы не успѣли отыскать его), въ которомъ говорится, что послѣ преобразованія Сигизмундомъ Августомъ общинныхъ судовъ на нѣмецкій ладъ (изложеннаго въ вышеупомянутомъ уставѣ о волокахъ) урядники разгоняли копу.

такъ-будто-бы назывались безразлично и рабы, и рабыни, и крестьяне (Knechte und Mägde und Bauern) [1]). Признаки несвободнаго состоянія они видятъ, вопервыхъ, въ томъ, что случалась продажа земли вмѣстѣ съ крестьянами; въ 1208 году, Бреславскій епископъ получилъ отъ Генриха I двухъ братьевъ съ ихъ сыновьями. Но ученые, утверждающіе это, сознаются, что такъ продавались люди не въ качествѣ рабовъ, даже не въ качествѣ крѣпостныхъ, а продавались или дарились разнообразныя права землевладѣльца надъ поселенцами, или тѣ отношенія, въ которыя послѣдніе вошли къ первому вслѣдствіе добровольнаго договора и ряда [2]). Далѣе, они видятъ доказательства несвободнаго состоянія крестьянъ въ юридическихъ терминахъ: „proprii, nostri kmetoni“, переводя эти слова „Leibeigene“, хотя сами сознаются, что трудно при этомъ признать несвободнымъ крестьянина, которому, напримѣръ, передается деревня на солтысскомъ правѣ: „nos comes Parschko notum facimus... quod nostro kmetoni fideli villam nostram jure teuthonico vendidimus ad locandum reperiri“ [3]). Даже изъ жалованныхъ грамотъ на нѣмецкое право, собранныхъ и изданныхъ самимъ Цшопке, оказывается, что существовали liberi Poloni: „omnibus tam Polonis liberis, quam Teuthonicis.... idem jus habere concedimus“ [4]). Цѣлыя имѣнія получали нѣмецкое право съ условіемъ селить на нихъ Поляковъ [5]).

Въ актахъ, изданныхъ Бартошевичемъ, нѣкоторые относятся къ XII вѣку. Изъ нихъ мы можемъ составить довольно ясное представленіе о положеніи сельскаго народонаселенія того времени въ нынѣшней Польшѣ. Одинъ изъ такихъ актовъ [6]), именно актъ Генриха, сына Болеслава, князя Польскаго (около 1151 года), содержитъ дарственную князя; князь жалуетъ двѣ деревни — Загость и Борешово „съ 60 волами, 10 лошадьми и съ земледѣльцами“. Если бы князь не счелъ нужнымъ упоминать о подробностяхъ, имѣя въ виду обычаи и права, всѣмъ извѣстные въ то время, какъ именно и поступаютъ многіе другіе князья въ своихъ грамотахъ, то что̀ мы должны подумать объ этихъ земледѣльцахъ, которые отдаются вмѣстѣ съ волами и лошадьми? Но князь продолжаетъ:

---

[1]) Tzchoppe 57.
[2]) Ibid.
[3]) Urkundenbuch y Tzchoppe № 97.
[4]) Ibid. № 37.
[5]) Ibid, № 27.
[6]) Cod. Dipl. R. P. III. 4

«Исполнивъ то, что̀ обязаны, земледѣльцы свободно могутъ отойдти (ut, his qui (вѣроятно, quae) debent restitutis aratores liberi recedant). Даю также въ Загостьѣ.... рабовъ — пастуховъ упомянутаго стада, которыхъ имена: Эсглеръ и Шильга; даю овецъ и коровъ съ пастухами, которыхъ имена (перечисляются 12 человѣкъ); даю винницу съ винниками, которыхъ имена: Домавій и Заборъ; продаю бобровниковъ изъ Малогаща и Киры. Ко всему этому присоединяю для службы госпиталю крестьянъ (rusticos), которыхъ было нѣкогда 10 въ Хробрѣ и которыхъ братъ мой Болеславъ переселилъ въ Куявію, но я опять возвратилъ въ Загость, съ тѣмъ чтобъ они оставались тамъ навсегда (перечисляются имена 10 человѣкъ). Еще придаю ремесленниковъ своихъ (artifices), живущихъ въ Загостьѣ (4 челов.). Всѣхъ этихъ вышепоименованныхъ даю госпиталю Іерусалимскому со всѣмъ потомствомъ ихъ, въ вѣчное наслѣдственное и свободное владѣніе, но такъ чтобъ исчисленные служители (officiales) служили въ своихъ должностяхъ, а Хробріо (то-есть, 10 человѣкъ, переселенныхъ изъ Куявіи) и ремесленниковъ (даю) въ качествѣ свободныхъ поселенцевъ (more liberorum hospitum), но они ни когда не могутъ отойдти отъ вышеупомянутаго имѣнія".

Такимъ образомъ въ деревнѣ Загостьѣ мы видимъ совершенно свободныхъ земледѣльцевъ [1]), свободныхъ, но прикрѣпленныхъ къ землѣ (земледѣльцевъ и ремесленниковъ), и наконецъ, рабовъ (пастуховъ и разныхъ служителей при спеціальныхъ заведеніяхъ). Во множествѣ актовъ упоминаются всѣ три разряда сельскихъ жителей: homines... sive liberi sint, sive ascripticii... [2]); liberis sive servis [3]); sive liberi, sive servi, sive adscripticii [4]); liberos et servos [5]).

Изъ сказаннаго открывается ошибочность слѣдующаго выраженія, встрѣчаемаго у Tzchoppe: „Нерѣдко герцоги отдавали на волю землевладѣльца давать освобожденнымъ имѣніямъ нѣмецкое или польское право, *то-есть*, населять ихъ свободными или крѣпостными" [6]).

Слѣдуя примѣру нѣмецкихъ ученыхъ, повторили то же и польскіе. Такъ G. S. Bantkie пишетъ: „Неискусные переводчики и мелкіе декламаторы-историки и философы вполнѣ ошибаются, когда подъ выраженіемъ jus teuthonicum разумѣютъ не магдебургское право, но нѣмецкое общественное устройство (?), нравы и языкъ, а подъ jus polonicum не строгое подданство селянина или землевладѣльца, а польскіе

---

[1]) Князь Болеславъ, подтверждая эту грамоту около 1173, такъ выражается объ этихъ свободныхъ: «exceptis quatuordecim hominibus quibus ibidem mansio concessa fuerat ad tempus, donec alibi eis provideretur». Cod. Dip. R. Pol. III, 6.

[2]) Urkundenbuch у Tzchoppe 42 и 54.

[3]) Cod. Dipl. R. P. III 24.

[4]) Ibid. 31.

[5]) Ibid.

[6]) Tzchoppe 146.

нравы, языкъ и устройство“ [1]). Странность такой выходки, гдѣ магдебургское право отождествлено съ нѣмецкимъ, общественное устройство противопоставлено магдебурскому праву, такъ поразительна, что Цшоппе указываетъ на эту тираду, какъ на образецъ замѣчательнаго промаха, хотя въ то же время и соглашается съ Бантке въ томъ, что польское право и крѣпостное право — понятія тождественныя.

Но не стòитъ долго останавливаться надъ вопросомъ о повсемѣстномъ существованіи крѣпостнаго права въ Польшѣ, когда послѣдующія узаконенія польскія укажутъ намъ, что крестьяне, сидящіе на польскомъ правѣ, пользуются большею свободою, чѣмъ крестьяне, поселенные на нѣмецкомъ правѣ, даже тогда, когда нѣмецкое право уже оказало могущественное вліяніе на все польское законодательство.

Перейдемъ къ свидѣтельствамъ актовъ. Они довольно опредѣлительно указываютъ, что̀ нужно разумѣть подъ нѣмецкимъ правомъ въ отношеніяхъ землевладѣльца къ крестьянину.

Но прежде нужно оговориться, что нельзя ожидать многочисленности такихъ свидѣтельствъ, потому что землевладѣлецъ (король или панъ) заключалъ письменный контрактъ съ солтысомъ, а не съ поселенцами; солтысъ, очевидно, не могъ входить въ письменные контракты съ каждымъ изъ поселенцевъ; при этомъ предполагалось всѣмъ извѣстное обычное право. Поэтому вопросъ этотъ намъ придется уяснять при помощи позднѣйшихъ узаконеній. Но и въ жалованныхъ грамотахъ на нѣмецкое право есть указанія на отношенія поселенцевъ къ землевладѣльцамъ. Генрихъ I, герцогъ, жалуетъ въ 1206 году монастырю св. Винцента землю (Псеполе) съ церковію, со всѣми доходами и Нѣмцами (teuthonicis), съ тѣмъ чтобъ эти послѣдніе оставались при тѣхъ же условіяхъ, при какихъ были къ нему (eisdem legibus sint adstricti), то-есть, „чтобы кромѣ другихъ повинностей, которыми они обязаны по условію, ни одинъ изъ нихъ не могъ отойдти отъ земли, не поставивъ на мѣсто себя другаго, который бы столько же платилъ аббату, сколько обязанъ былъ платить онъ самъ; на этомъ условіи онъ можетъ отойдти свободно“ [2]). Что это условіе не было исключеніемъ, видно уже изъ того, что такое важное ограниченіе свободы не могло бы привлечь свободныхъ колонистовъ къ поселенію на этихъ именно земляхъ, если бы

[1]) Hist. Krit Anal. S. 66.

[2]) Urkundenbuch у Tzchoppe № 2... «ut praeter alias pensiones quas de pacto debent, nullus eorum inde recedat, nisi posito loco sui alio, qui tantumdem solvet abbati, quantum ille solvere tenebatur et hoc pacto libere recedat»

кругомъ, въ другихъ колоніяхъ, не было такого ограниченія. Но мы намѣрены показать, что это юридическое прикрѣпленіе къ землѣ свободныхъ поселенцевъ вытекало непремѣнно изъ условій нѣмецкаго права, — условій, которыхъ не существовало въ польскомъ землевладѣніи.

При отдачѣ земли нѣмецкимъ колонистамъ измѣнялся совершенно польскій, или лучше, древне-славянскій способъ сельскаго хозяйства: общинное землевладѣніе было чуждо Нѣмцамъ [1]). Поэтому, при образованіи нѣмецкой колоніи, происходилъ точный или приблизительный кадастръ имѣнія [2]); оно раздѣлялось потомъ на mansi (Hufen—волоки); каждый поселенецъ получалъ отдѣльный волокъ, гуфенъ, величина котораго соразмѣрялась съ качествомъ почвы: въ мѣстности лѣсистой учреждались франкскія (большія) волоки, въ поляхъ обработанныхъ — фламскія (меньшія) [3]). Среднею нормою волока принималась величина въ 30 морговъ (болѣе 15 десятинъ). Деревни распались на ряды хуторовъ. Каждый владѣлецъ волока входилъ, такъ-сказать, въ непосредственныя юридическія отношенія къ землевладѣльцу, отвѣчалъ только за себя. Обстоятельство это такъ важно, что нѣкоторые ученые полагали въ немъ всю сущность нѣмецкаго права. Такое мнѣніе приводитъ Цшоппе, какъ одну изъ неудачныхъ (по его мнѣнію) попытокъ объяснить сущность нѣмецкаго права: „Основать деревню на нѣмецкомъ правѣ, говоритъ онъ, значитъ раздробить фольварки (Vorwerke) и предоставить (поселенцамъ) выдѣленныя части въ вѣчное владѣніе, съ освобожденіемъ, по крайней мѣрѣ, отъ нѣкоторой части повинностей и службъ, которыми до того времени были отягощены крестьяне, и за это требовать съ нихъ чиншъ“ [4]). Нельзя не согласиться, что здѣсь угадана дѣйствительная сущность нѣмецкаго права; хотя оно сопровождалось и многими другими явленіями, но, безъ сомнѣнія, важнѣйшее изъ нихъ и самое характеристическое есть замѣна древне-славянскаго общиннаго землевладѣнія частнымъ, леннымъ, заимствованнымъ у западной Европы.

При введеніи частнаго землевладѣнія уже не могло быть прежней общинной отвѣтственности, при которой въ русскихъ областяхъ зем-

---

[1]) См. Hulmanns Gesch der Stande in Deut. стр. 463 Въ общемъ пользованіи оставался только выгонъ — пастбище

[2]) Urkund. у Tzchoppe № 50, 48: «Ex relatu Henrici scultethi, qui.... villam singulis terminis cum Frederico, advocato de Stinaw, mensuravit et limitavit»...

[3]) Urkundenbuch у Tzchoppe № 46

[4]) Tzchoppe 94.

левладѣлецъ предоставлялъ себѣ право назначать только общее количество подати и повинностей, а община уже раскладывала ихъ между своими членами [1]). Это общее количество податей и повинностей сохранялось даже не смотря на уменьшеніе или увеличеніе общины, и потому послѣдняя должна была сама заботиться о полнотѣ своего состава; землевладѣлецъ былъ, хотя отчасти, обезпеченъ въ постоянномъ полученіи дохода [2]), а этимъ значительно отдалялась необходимость прикрѣпленія къ землѣ. По нѣмецкому же праву, придерживавшемуся порядка частнаго землевладѣнія, каждому поселенцу отдавалась волока въ вѣчную ленную собственность (dziedzina). Такое дарованіе есть, повидимому, привилегія, такъ какъ имъ дается даже право продать свой участокъ, конечно, вмѣстѣ съ повинностями, лежащими на немъ; панъ лишается права безъ причины отнять у поселенца участокъ; но это и есть уже начало крѣпостнаго права, которое развилось потомъ въ такое строгое рабство подъ благопріятными условіями польскаго юридическаго быта, которыми Польша опять-таки обязана нѣмецкому праву.

Право вѣчнаго владѣнія могло сдѣлаться привилегіей при большихъ надѣлахъ и при освобожденіи отъ податей; въ небольшихъ же крестьянскихъ участкахъ, обремененныхъ повинностями, оно неизбѣжно вело къ закабаленію: при свободѣ отъ податей и при извѣстной величинѣ солтысствъ, эти послѣднія сдѣлались предметомъ желаній даже шляхты; но тѣ же солтысства, меньшаго объема и обложенныя повинностями, перешли, какъ мы уже говорили, въ крестьянскіе участки.

О постоянной незначительной величинѣ волока мы уже сказали; остается показать, какія повинности устанавливало нѣмецкое право при распредѣленіи волокъ между поселенцами.

Чтобы объяснить, какъ нужно понимать свободу отъ даней и повинностей, даруемую поселенцамъ нѣмецкимъ правомъ, достаточно сличить нѣсколько документовъ, касающихся исторіи одного какого-

---

[1]) Бѣляева 71, 75.

[2]) «Который крестьянинъ выйдетъ за волость по сроку съ отказомъ, и ту выть пахати того села крестьянамъ, а тяглъ царя и великаго князя и монастырскія подати давати всякія и дѣло дѣлати и пока-мѣста крестьянинъ будетъ на ту выть, а игумену въ ту выть не вступатися. А который крестьянинъ выйдетъ изъ тѣхъ селъ за волость, дворъ огноивши, и тотъ дворъ ставити тѣхъ селъ крестьяномъ, которые осганутся въ тѣхъ селѣхъ, своими деньгами, потому, чтобъ берегли другъ друга, чтобы дворъ не огноенъ былъ». *Времен.* № 2.

нибудь поселенія. Возьмемъ, для примѣра, колонію Кржижановицу, состоявшую въ частномъ владѣніи монастыря Кржижановицкаго. Въ 1247 г. Болеславъ Стыдливый даетъ этой колоніи грамоту на нѣмецкое право и говоритъ: „освобождаемъ эту деревню отъ всѣхъ повинностей: стражи, повоза, стана, подводы, поволоваго и торговаго“ и проч. [1]); въ 1367 году король Казиміръ даетъ этой деревнѣ права мѣстечка, при чемъ, вмѣстѣ съ предоставленіемъ новыхъ правъ, подтверждаетъ и прежнія; въ 1425 г. староста Корчанскій рѣшаетъ старый споръ между мѣстечкомъ („или селомъ“) Кржижановицей и землевладѣльцемъ (монастыремъ). Поселенцы представили суду грамоту привилегіи и *первоначальный* договоръ ихъ съ монастыремъ, въ которомъ отношенія поселенцевъ къ землевладѣльцу опредѣлены слѣдующимъ образомъ:

„Весною они обязаны пахать одинъ день отъ восхода солнца до полудня, а послѣ полудня до сумерекъ сѣять что̀ слѣдуетъ и скородить. Кромѣ того должны пахать паровое поле одинъ день отъ утра до полудня и засѣвать одинъ цѣлый день, назначенный начальствомъ монастыря. Затѣмъ, они должны отъ каждой волоки привезти съ полей ко двору монастырскому по одному возу хлѣба и по одному возу сѣна; они должны каждый годъ косить лугъ въ продолженіе одного цѣлаго дня на собственныхъ харчахъ (expensis); они обязаны привозить деревья ради очевидной нужды церкви, двора или мельницы и въ удобное время строить или исправлять что̀ слѣдуетъ; но начальникъ монастыря не имѣетъ права продавать этихъ деревьевъ и расходовать безъ нужды. При внезапномъ прорывѣ плотины, поселенцы должны спѣшить съ возами и исправлять ее... Наконецъ, они отвѣтствуютъ предъ начальствомъ монастыря въ исправномъ внесеніи чинша и прочихъ обычныхъ податей и даней. Если же поселенцы въ чемъ-нибудь окажутся неисправными предъ монастыремъ, то начальникъ монастыря, не конфискуя ихъ имуществъ самъ, прибѣгаетъ къ старостѣ или вицестаростѣ для принужденія ихъ къ удовлетворенію, посредствомъ конфискаціи“ [2]).

Мнѣніе о томъ, что поселенцы по̀ нѣмецкому праву получаютъ полную свободу отъ даней и повинностей наравнѣ съ своимъ паномъ, упорно поддерживается въ польской литературѣ. Такого именно взгляда придерживается Лелевель [3]). Въ виду этого, мы принуждены представить еще примѣра два изъ актовъ, собранныхъ самимъ же Лелевелемъ въ той же самой книгѣ, въ которой онъ говоритъ о

---

[1]) C. D. III. 25.

[2]) Впрочемъ, это мѣсто, испорченное въ актѣ, имѣетъ сомнительное значеніе: Tunc domin prepositus non pignorando ad capitis (capitaneos?) confluat, vel ad vicesgerentem etc. C. D. III 206.

[3]) Pocz. praw. Pols. 1828. 88. и дал.

нѣмецкомъ правѣ. „Видя не одинъ разъ, говоритъ одинъ князь въ своей жалованной грамотѣ, вѣрную службу любезнаго барона нашего... дали мы ему и его потомству свободную волю ввести (locandi) jus teuthonicum въ Гостинѣ такъ, чтобъ упомянутый баронъ нашъ свободно пользовался всѣми выгодами отъ своихъ имѣній, *какъ мы отъ своихъ* [1])". „Всѣ люди, говорится въ привилегіи Любенскому монастырю, которыхъ созоветъ аббатъ, будутъ ли то Поляки, Нѣмцы или Gallici, будутъ вѣчно свободны и изъяты отъ всякаго права польскаго безъ исключенія и отъ всякихъ службъ, повинностей, денежныхъ поборовъ, пахоты и пошлинъ, которыми они были обязаны или князю, или каштеляну, или жупанамъ (juppariis), и не будутъ обязаны платить что-либо, давать, привозить, пахать или исполнять какую-либо службу никому, *кромѣ аббата и его братіи*" [2]).

Однимъ изъ существенныхъ отличій нѣмецкаго права признается переложеніе издѣльной и натуральной повинностей на денежный оброкъ — чиншъ (Zins, census). Этотъ оброкъ простирался отъ 1/4 марки съ волока до 1/2 марки [3]), иногда болѣе 1 марки. Такая замѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ, конечно, принесена была въ Силезію и Польшу Нѣмцами изъ ихъ прежняго отечества, гдѣ уже началось разложеніе натуральнаго хозяйства. Но на той степени экономическаго развитія, на которой тогда находилась Польша, денежное хозяйство не могло привиться прочно. При неразвитости потребностей, и слѣдовательно, торговли, земледѣльцу во всякомъ случаѣ легче было отработать извѣстное число дней въ году, чѣмъ пріобрѣсти деньги. Эти обстоятельства, естественно, скоро привели въ селахъ, основанныхъ на нѣмецкомъ правѣ, къ соединенію чинша съ барщиною.

Но дѣйствительно ли при дарованіи нѣмецкаго права всѣ повинности натуральныя и обязательныя работы были замѣняемы чиншемъ? Вышеприведенный документъ даетъ на это отрицательный отвѣтъ; въ немъ, кромѣ чинша, говорится и о поборахъ и данях; изъ другихъ же актовъ видно, что эти поборы состояли во взносѣ опредѣленнаго количества ржи и овса съ каждой волоки. Такой взносъ натурою есть annona ducalis, остатокъ прежнихъ княжескихъ правъ на землю. Князья, какъ мы видѣли, часто оставляли его за собою

---

[1]) Lel. Dyplom. № 16.

[2]) Ibid. № 5.

[3]) Cod. Dipl. III. № 58.

послѣ дарованія нѣмецкаго права; но если князь отказывался отъ него, то не въ пользу поселенцевъ, а въ пользу землевладѣльцевъ: такъ, одинъ землевладѣлецъ требуетъ, кромѣ чинша, и анноны. Слѣдовательно, это приращеніе крестьянскихъ повинностей не можетъ быть признано позднѣйшимъ искаженіемъ нѣмецкаго права подъ вліяніемъ польскаго, а должно быть отнесено къ первоначальнымъ особенностямъ его въ Польшѣ.

Другой поборъ натурою, установленный, или вѣрнѣе, удержанный нѣмецкимъ правомъ, состоитъ въ доставленіи разныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства и скота (яицъ, козлятъ и телятъ и пр.) [1].

Вышеприведенный документъ 1425 года не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно спорнаго вопроса о томъ, была ли издѣльная повинность (панщина) въ первоначальныхъ условіяхъ нѣмецкаго права: поселенцы обязаны отработать на панщинѣ $3^1/_2$ дня въ году съ волока кромѣ экстраординарныхъ работъ (возки дровъ, поправки плотины и проч.). Въ актахъ есть и другія свидѣтельства объ издѣльной повинности. Въ 1302 году нѣкто Держикрай, жалуя нѣмецкое право своей деревнѣ, говоритъ: „Постановляемъ, что поселенцы будутъ пахать на насъ, а пахавшіе прежде будутъ продолжать это по прежнему“ [2]. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что первоначально землевладѣльцы уступали новой колоніи всю свою землю; въ фольваркахъ не было надобности, пока землевладѣльцы были дружинниками князя и жили въ его резиденціи; но какъ только повсюду явились фольварки, тотчасъ же повсюду явилась панщина, болѣе тяжелая на земляхъ частно-владѣльческихъ и менѣе тяжелая на княжескихъ земляхъ.

Вмѣстѣ съ устройствомъ фольварковъ явились и всѣ тѣ повинности крестьянъ, которыми они были обязаны по прежнему княжескому праву: сторожа, подводная повинность, охотничья и прочія. Что же касается до стацій, то онѣ входили въ первоначальныя условія поселенцевъ: землевладѣлецъ, получивъ княжеское право, замѣнялъ князя при судебныхъ объѣздахъ, такъ что обыкновенно три раза въ году поселенцы обязаны были доставлять ему все нужное при его посѣщеніяхъ, или платить ему деньги, если онъ не пріѣдетъ [3].

Если князь отказывался отъ своего послѣдняго права — получать экстраординарный денежный сборъ (exactio pecuniaiis, въ послѣдствіи

---

[1]) C. D. P. III. № 58.

[2]) C D. P. III. 72 (arabunt, vel arare tenebuntur).

[3]) Cod. D. P III № 58

сребщизна), то и этотъ сборъ не прекращался, а обращался въ пользу землевладѣльца [1]).

Но самое важное увеличеніе повинностей произошло вслѣдствіе введенія десятины, перешедшей въ Польшу изъ католической Германіи. Не вездѣ и не всегда свѣтскіе владѣльцы уступали церкви право получать десятину, но десятина взималась вездѣ и всегда и обратилась такимъ образомъ въ особый родъ постоянной подати; она была, безъ сомнѣнія, самою тяжкою изъ податей: сначала это была полная десятина (10-й снопъ), потомъ замѣнялась постояннымъ количествомъ отсыпнаго хлѣба съ волока (отъ 6 до 12 шеффелей) или переводилась на деньги (въ особенности, при дарованіи нѣмецкаго права).

Личная свобода, наслѣдственное владѣніе волокою съ правомъ отчужденія, обязанность платить цензъ съ участка и чисто-вассальныя повинности — приношенія отъ плодовъ земли въ видѣ дани, — всѣ эти признаки приравниваютъ положеніе крестьянъ, поселенныхъ на нѣмецкомъ правѣ, къ положенію цензуаловъ западной Европы; цензуалъ есть вассалъ самаго низшаго рода, или передавшій сеніору свою собственность въ видѣ рекомендаціи, или получившій ее отъ сеніора; единственное отличіе его отъ несвободныхъ (трибутаріевъ) личная свобода. Понятно, что крѣпостные (Hörige), жестоко притѣсняемые на родинѣ развивавшеюся феодальною властью землевладѣльцевъ, гдѣ и дѣйствительные цензуалы превращались быстро въ крѣпостныхъ, не могли считать для себя тяжкими тѣ условія, въ какія были поставлены въ своемъ новомъ отечествѣ.

Но въ положеніи этихъ колонистовъ Нѣмцевъ и польскихъ крестьянъ, получившихъ такое устройство, заключались сѣмена будущаго крѣпостнаго права. Какъ въ западной Европѣ цензуалы сравнялись съ трибутаріями, такъ и польскіе чиншовые поселенцы скоро перешли въ разрядъ крѣпостныхъ (adscriptii). Начало этого перехода заключалось въ вѣчномъ владѣніи волокою. Увеличеніе народонаселенія и умноженіе повинностей должно было принудить чиншовыхъ поселенцевъ искать выхода изъ своей колоніи въ другія земли менѣе стѣсненныя; но выходъ этотъ закрытъ; онъ возможенъ только при одномъ условіи — продажѣ своей волоки другому; но тѣ же обстоятельства, которыя заставляютъ леннаго владѣльца волоки продать ее, должны были предостерегать новыхъ поселенцевъ отъ покупки.

---

[1]) C. D. P. ibid.: Cum exactiones super hereditates nostras ponemus...

Въ Польшѣ въ XIV вѣкѣ, когда нѣмецкое право оказало рѣшительное вліяніе на законодательство и практику, когда, слѣдовательно, положеніе и польскихъ крестьянъ приближалось уже къ крѣпостному положенію нѣмецкихъ поселенцевъ, и тогда, говоримъ, чувствовалась огромная разница между польскимъ правомъ и нѣмецкимъ, не къ выгодѣ послѣдняго. По Вислицкимъ статутамъ Казиміра Великаго 1347 года крестьяне, пользующіеся польскимъ правомъ, сохраняютъ вполнѣ право перехода, а крестьяне, поселенные на нѣмецкомъ правѣ, прикрѣплены къ землѣ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и въ приведенной выше силезской грамотѣ.

„Постановляемъ, что когда отъ насъ или отъ кого-либо изъ владѣльцевъ, намъ подчиненныхъ, убѣжитъ кметь безъ вины со стороны владѣльца, то такой бѣглый кметь не можетъ пріобрѣсти никакого права (nullum jus acquirat), пока господину его не сдѣлается извѣстнымъ его мѣстопребываніе; если же господинъ его будетъ знать о его мѣстопребываніи и въ продолженіе года не будетъ требовать его обратно по суду (jure), то по прошествіи года уже не можетъ этого сдѣлать, еслибъ и хотѣлъ. Если бы бѣжавшій, даже и по суду оказавшійся неправымъ (jure convictus), не захотѣлъ возвратиться, боясь строгости или злобы своего господина, то опредѣляемъ, что такой бѣглецъ долженъ заплатить своему господину три марки штрафа (poena) и годовой чиншъ, какой прежде платилъ, и чрезъ это вышесказанный бѣжавшій кметь освобождается отъ своего господина. *Это слѣдуетъ разумѣть о кметяхъ не тевтонскаго права.* А если кметь посаженъ на правѣ тевтонскомъ, то онъ бѣжать или отойдти не можетъ, не продавъ своей дѣдины (haereditate) или не помѣстивъ вмѣсто себя равно состоятельнаго кметя, и тогда совершенно вспахавъ поле, обсѣявъ озимыя и яровыя, можетъ уйдти свободно, объявивъ господину (domino resignando)“.

Затѣмъ слѣдуетъ постановленіе о томъ, что господинъ имѣетъ право удержать вещи кметя, бѣжавшаго ночью, и указываются случаи, когда всѣ кмети могутъ оставить своего господина. Случаи эти: а) церковное проклятіе надъ паномъ, б) насиліе крестьянкѣ съ его стороны и в) грабежъ крестьянъ за долги пана. „Но если нѣтъ вышеприведенныхъ причинъ, то кметь никоимъ образомъ не можетъ уйдти отъ своего господина, иначе какъ оставивъ домъ хорошій и прилично обстроенный, и притомъ только на Рождество Христово [1]), по старому обычаю. Если предъ тѣмъ кметь имѣлъ льготу, то долженъ служить своему господину столько лѣтъ (не отходя отъ него), сколько лѣтъ пользовался льготой, *и это въ томъ случаѣ, когда кметь, сидитъ на правѣ польскомъ.* Но когда кметь поселенъ на

[1]) Въ Vol. leg. напечатано: «in necessitate domini»; читать нужно: «in Nativitate Domini». См. Лелев. Pocz. Pr.

правѣ тевтонскомъ, то онъ не можетъ отойдти никакимъ образомъ, не уплативъ чинша за столько лѣтъ, сколько пользовался льготою, — и тогда онъ не смѣетъ этого сдѣлать, если не посадитъ вмѣсто себя равно богатаго кметя и не вспашетъ всѣхъ полей, сдѣлавъ озимые и яровые посѣвы; исполнивъ все это, онъ можетъ отойдти“ [1]).

Законъ очень ясный; онъ говоритъ, что 1) кметь польскаго права можетъ уйдти безъ вѣдома пана и въ какое угодно время, заплативъ своему господину 3 марки пени и годовой чиншъ; онъ можетъ отойдти и безъ пени каждый годъ въ одинъ опредѣленный день, оставивъ домъ хорошо обстроеннымъ и отсидѣвъ число льготныхъ лѣтъ; 2) что кметь нѣмецкаго права не можетъ отойдти, а) не продавъ своего волока (конечно, съ повинностями) другому равно состоятельному, б) не отсидѣвъ все число льготныхъ лѣтъ, в) не вспахавъ и не обсѣявъ полей. Обыкновенно указываютъ на это право вѣчнаго владѣнія (haereditatis) и право продажи волока, какъ на доказательство важныхъ льготъ крестьянъ, поселенныхъ на нѣмецкомъ правѣ [2]); такой взглядъ мы находимъ даже у Бантке, который, въ доказательство его справедливости, ссылается на этотъ же самый параграфъ Вислицкаго статута. Кажется, легко понять, что собственникъ, лишенный права не продавать своей собственности, находится не въ блестящемъ положеніи. Крестьянинъ бѣжитъ, бросая даромъ свою собственность, съ величайшею охотою; но ему законъ запрещаетъ это дѣлать, приказывая продать ее; почему бы, кажется, владѣльцу не радоваться, когда ему даромъ достается земля и домъ, который можно продать или взять себѣ? Законодателямъ было извѣстно, что крестьянинъ, прикрѣпленный къ землѣ по нѣмецкому праву, не легко можетъ найдти покупщика на свой участокъ; желающіе заняться хлѣбопашествомъ безъ покупки найдутъ такіе участки въ селахъ, пользующихся польскимъ правомъ и могутъ сидѣть на нихъ сколько угодно, постоянно сохраняя право уйдти; законъ знаетъ, что и даромъ не легко найдетъ крестьянинъ себѣ преемника, — и вотъ этотъ законъ, въ интересахъ землевладѣльцевъ, возлагаетъ на крестьянъ *обязанность* (а не право) такъ или иначе уступить свой

---

[1]) ...Et hoc quando in jure polonico sedet kmetho. Quando vero kmetho jure teuthonico est locatus, idem nequeat recedere ullo modo, nisi tot annis censum exsolvat, quot annis habuit libertatem; *nec tunc* hoc sibi liceat, nisi aeque divitem loco sui kmethonem constituat...» T. I. 50.

[2]) Bantkie Hist. pr. Polsk. 1850 r. стр. 93.

участокъ другому, чтобы волокъ не оставался пустъ; тогда землевладѣлецъ ничего не теряетъ: ему все равно, кто будетъ платить ему чиншъ; вотъ почему законъ прибавляетъ условіе, чтобы выходецъ передавалъ волокъ равно состоятельному крестьянину. Но и выполнивъ это требованіе, крестьянинъ нѣмецкаго права не можетъ уйдти свободно: онъ еще долженъ оплатить чиншемъ все число льготныхъ лѣтъ (при основаніи деревень на нѣмецкомъ правѣ всегда давались льготы, потому что при новомъ, волочномъ способѣ хозяйства, непремѣнно слѣдовала перестройка деревни, разселеніе хуторами; въ польскомъ же правѣ льготы были не всегда и не для всѣхъ). Крестьянинъ польскаго права, отслуживъ число льготныхъ лѣтъ, ничѣмъ не связанъ.

Но мы весьма неохотно пускаемся въ такія разъясненія и безъ того яснаго закона, въ которомъ рѣчь идетъ о *бывшихъ кметяхъ*, поселенныхъ на тевтонскомъ правѣ, и о мѣрахъ противъ побѣговъ ихъ.

Мы не удивляемся, что такой ясный законъ былъ до сихъ поръ не понятъ, потому что свобода и привилегія считались несомнѣнною принадлежностью нѣмецкаго права, а провѣрить эту мысль, наслѣдованную отъ нѣмецкихъ ученыхъ, никому не случилось.

Правда, что въ періодъ Вислицкаго статута уже вводились нѣкоторыя ограниченія свободы перехода и для крестьянъ, поселенныхъ на польскомъ правѣ [1]); но и эти ограниченія сдѣланы подъ очевиднымъ вліяніемъ нѣмецкаго права. Обычай, частныя разнообразныя сдѣлки уступаютъ теперь мѣсто писанному, все уравнивающему закону; это раннее стремленіе къ одноформенности закона, конечно, должно быть приписано вліянію нѣмецкаго и чрезъ нѣмецкое римскаго права. Такой переходъ отъ бытоваго разнообразія къ юридической опредѣленности могъ бы быть весьма благодѣтельнымъ, если бы законъ не освящалъ и не закрѣплялъ на вѣки явленій вредныхъ; а это сдѣлалось неизбѣжнымъ, когда источникомъ закона сдѣлалось одно шляхетское сословіе (подъ вліяніемъ того же нѣмецкаго права). И до изданія законовъ о повсемѣстномъ прикрѣпленіи крестьянъ, множество поселенцевъ вступило въ крѣпостное состояніе путемъ экономической зависимости отъ владѣльца; но кто же будетъ отрицать, что и тогда было, и послѣ было бы, и вѣроятно, навсегда осталось бы много поселенцевъ въ лучшемъ экономическомъ положеніи, и

[1]) Vol. leg. T. I, 29: «Не позволяется переходить изъ одного села въ другое многимъ кметямъ, или сельчанамъ, сразу; могутъ уйдти помимо владѣльца изъ деревни только 1 или 2».

слѣдовательно, способныхъ сохранить свободу личности и дѣйствій? Въ Россіи общее прикрѣпленіе послѣдовало по крайней мѣрѣ двумя вѣками позже, чѣмъ въ Польшѣ, и изслѣдователи до сихъ поръ не рѣшили, была ли внутренняя потребность въ такомъ общемъ распоряженіи, или и здѣсь нужно видѣть вліяніе сосѣднихъ порядковъ и узаконеній. Какъ увидимъ въ послѣдствіи, нѣмецкое крестьянское право имѣло прямое вліяніе на польско-литовскіе законы, стѣснявшіе болѣе и болѣе свободу крестьянъ; теперь же обращаемъ вниманіе читателя на слѣдующій вопросъ: если поселеніе на нѣмецкомъ правѣ было невыгодно для самовластія владѣльцевъ, то что̀ побуждало ихъ постепенно переводить своихъ крестьянъ (Поляковъ) съ польскаго права на нѣмецкое? Желаніе привлечь поселенцевъ новымъ устройствомъ? Когда нѣмецкое право получали (въ Силезіи и Польшѣ) Нѣмцы-колонисты, то дарованіе имъ нѣмецкаго права было дѣйствительно привилегіей для нихъ, потому что это право было родное имъ; для Поляковъ же въ этомъ отношеніи оно имѣло совершенно обратное значеніе. Лучшія льготы для Поляковъ состояли бы въ одномъ уменьшеніи повинностей крестьянъ, а не во введеніи волочнаго хозяйства, вѣчной ленной собственности и не въ насильственномъ [1]) разложеніи общинъ.

Между тѣмъ нѣмецкое право въ деревняхъ распространялось по всей Польшѣ, такъ что и признаки прежняго способа хозяйства исчезли; а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезъ и свободный классъ земледѣльцевъ. Многіе польскіе ученые, восхваляющіе нѣмецкое право, были склонны видѣть въ строгомъ крѣпостномъ правѣ польскомъ не славянскій обычай, а нѣмецкій: „подданство и строгая подчиненность (крестьянъ), говоритъ Бантке [2]), не были произведеніемъ Славянъ, а были заимствованы и введены позднѣе; вмѣстѣ съ христіанствомъ, десятинами и ленными повинностями, онѣ появились вслѣдствіе вліянія и примѣра Франковъ и западныхъ странъ“. Въ этомъ случаѣ онъ только повторяетъ слова Нарушевича, что всѣ дани, новинности, обычаи относительно шляхты, мѣщанъ и сельской общины вмѣстѣ съ „ея неволею“ пришли въ страну отъ Франковъ и Нѣмцевъ [3]). Жаль только, что такимъ изслѣдователямъ приходилось довольствоваться общими выраженіями о какомъ-то таинственномъ вліяніи примѣра, о христіанствѣ (конечно, католическомъ, которое дѣйствительно ввело повсюду десятину и тѣмъ сильно ухудшило бытъ сельчанъ). Болѣе при-

[1]) Доказательсто тому, что оно было насильственно, мы представимъ ниже.
[2]) Hist. pr. Polsk. 88.
[3]) Nar. T. V, 163.

стальный взглядъ на свидѣтельства памятниковъ открылъ бы имъ осязательную связь между нѣмецкимъ и крѣпостнымъ правомъ.

Когда Литовско-Русское государство пришло въ столкновеніе съ Польскимъ, то въ этомъ послѣднемъ уже вполнѣ опредѣлились юридическія понятія о крѣпостномъ правѣ. При раннемъ и рѣшительномъ вліяніи польскаго законодательства на юридическій бытъ Литвы и Руси, закрѣпленіе крестьянъ въ этихъ послѣднихъ могло совершаться уже сверху — общимъ законодательнымъ путемъ. Но жизнь постоянно отставала отъ законодательства въ Литовско-Русскомъ государствѣ; какъ волочный способъ хозяйства, такъ и закрѣпощеніе распространялось постепенно, а это даетъ намъ возможность прослѣдить и здѣсь эту связь.

Сначала только ближайшія къ Польшѣ провинціи — Бельзская (еще со временъ Витовта) и Подляхія усвоили себѣ волочное хозяйство. Собственно Литва (Жмудь и Виленская земля) едва-ли могла долго противостоять вліянію польско-нѣмецкаго права, потому что въ ней хозяйственныя привычки были не такъ устойчивы, какъ у народовъ славянскихъ, искони земледѣльческихъ; намъ неизвѣстно, на сколько славянская община сродна была Литвѣ. Русь настойчивѣе сохраняла свой исконный способъ хозяйства и его послѣдствія [1]), и чѣмъ далѣе на востокъ, къ Украйнѣ, тѣмъ упорнѣе; наконецъ, древняя община до конца отстояла свое существованіе въ казацкихъ степяхъ. Въ такомъ же историческомъ и географическомъ порядкѣ шло изъ Польши и распространялось по Руси крѣпостное право.

Наиболѣе интересный актъ, свидѣтельствующій о неизбѣжной взаимной зависимости крѣпостнаго и нѣмецкаго права, есть уставъ о волокахъ Сигизмунда Августа (1557—1558). Изъ него оказывается слѣдующее: а) Наиболѣе употребительнымъ, хотя и не повсемѣстнымъ хозяйствомъ въ Литовскомъ государствѣ въ половинѣ XVI вѣка дѣлается уже волочное б) Король (въ качествѣ землевладѣльца, а не государя) выражаетъ замѣтное желаніе ввести его повсюду, какъ болѣе выгодное для себя. „Ревизоры должны смотрѣть, чтобы мѣста для поселеній назначаемы были землемѣрами въ третьемъ среднемъ полѣ;..... а урядъ долженъ старательно принуждать (примусити) крестьянъ селиться въ назначенныхъ мѣстахъ“ [2]). в) Хозяйство это

[1]) Памятн. Т. I, 209 (Уст. о волок.).

[2]) Ibid. весь § 29. Волоки въ Литвѣ и на Руси были двоякаго рода: «хельминская» и «коронная»; первая заключала въ себѣ 16 д. 810 кв. саж., а моргъ 1.307 кв. с.; вторая — 16 д 1.110 кв. с., а моргъ 1.317 кв. с. Въ волокѣ счи-

наслѣдовано отъ нѣмецкаго права (хотя такой терминъ уже давно вышелъ изъ употребленія, да притомъ же для Литвы и Руси бывшее нѣмецкое право стало уже польскимъ), что̀ видно (кромѣ волочнаго хозяйства) изъ повсемѣстнаго присутствія войтовъ. „А служба ихъ слѣдующая: по приказанію уряда выгонять крестьянъ на работу, также для платежа чинша и податей нашихъ, присутствовать при уплатѣ податей, представлять крестьянъ въ урядъ на расправу вмѣсто дѣцкаго, при всѣхъ работахъ надзирать за людьми своего войтовства, вмѣсто пристава, ѣздить съ людьми своего войтовства, доставляющими овесъ и сѣно въ Вильно и другія мѣста и сдавать овесъ и сѣно; возстановлять межи подъ штрафомъ копы грошей“ [1]). Въ каждомъ селѣ поставлены („ставлены“) два или три лавника; обязанность ихъ — изслѣдовать убытки крестьянъ отъ потравы и другихъ причинъ, за что̀ лавникъ получаетъ грошъ; онъ обязанъ вѣрно доносить уряду, что̀ онъ нашелъ; въ противномъ случаѣ казнится смертію, какъ клятвопреступникъ. Льготами (какъ мы видѣли) отъ крестьянскихъ повинностей лавникъ не пользуется; войтъ имѣетъ одну волоку, свободную отъ податей. Власть прежнихъ солтысовъ, учрежденныхъ нѣмецкимъ правомъ, передана теперь уряду съ тѣми же самыми правами и доходами; имъ принадлежали: судебныя права, пошлины, всякіе платежи съ 10-й волоки (въ старыхъ грамотахъ большею частію съ 6-й), поборы мяса съ рѣзниковъ и штрафы съ крестьянъ за проступки. г) Крестьяне находятся уже въ состояніи полнаго прикрѣпленія: „крестьянинъ и его имущество принадлежитъ намъ“, сказано въ уставѣ; но это прикрѣпленіе учреждено на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какія указаны Вислицкимъ статутомъ для крестьянъ нѣмецкаго права, именно, если крестьянинъ сбѣжитъ съ волоки, то земля его и все оставшееся хозяйство передается другому, а бѣглеца урядъ ищетъ самъ или чрезъ войта; бѣглеца, возвратившагося или по своей волѣ, или по суду, урядъ сажаетъ на пустой волокѣ. Крестьянинъ можетъ продать постройки и хозяйство передъ урядомъ при войтѣ и лавникахъ и водворить на своей волокѣ покупщика, который бы былъ въ состояніи исполнять повинности [2]), а самъ можетъ поселиться въ городѣ или на пустой волокѣ, но въ районѣ вѣдомства своего уряда; если же

талось 30 морговъ, въ моргѣ 3 кв. шнура, въ шнурѣ 100 кв. прентовъ. См. Фундуклея, Описаніе Кіевской губ. I, 15.

[1]) Пам. I, 21.

[2]) Знаменитое право продажи своего участка примиряется здѣсь съ принципомъ, что крестьянинъ и все его имущество принадлежитъ владѣльцу!

урядъ не имѣетъ въ своемъ вѣдомствѣ ни города, ни пустыхъ волокъ, только тогда крестьянинъ можетъ идти въ другое имѣніе, но принадлежащее тому же самому землевладѣльцу (то-есть, королю); въ такомъ случаѣ урядъ даетъ ему свидѣтельство, что онъ вышелъ добровольно, заселивъ свою волоку; такое свидѣтельство онъ долженъ объявить уряду или войту того имѣнія, куда переселяется. А поселяться внѣ владѣній землевладѣльца онъ не можетъ. Только въ одномъ случаѣ бѣжавшій крестьянинъ не разыскивается урядомъ, именно когда убогій крестьянинъ ушелъ на зиму для прокормленія въ голодное время (засѣявъ однако же поля и объявивъ уряду при войтѣ о своемъ убожествѣ и недостаткѣ средствъ для пропитанія) и когда потомъ не возвратился до св. Яна. Крестьяне кромѣ чинша (21—6 грошей смотря по качеству почвы) несутъ натуральныя повинности: 2 бочки овса и 1 возъ сѣна съ волоки (это княжеская аннона, никогда не прекращавшаяся); крестьяне обязаны везти этотъ хлѣбъ въ устроенный замокъ (Вильно) или къ пристанямъ. Стація (то-есть, обязанность доставлять продукты землевладѣльцу, когда онъ самъ явится въ деревню) или перелагается на деньги ($2^1/_2$ гроша отъ волоки), или взимается натурою, по желанію владѣльца (съ каждой волоки курица и 10 яицъ, съ 13-ти волокъ яловица и баранъ). Эта стація также никогда не прекращалась. Затѣмъ крестьяне обязаны панщиною (по два дня въ недѣлю и толоки 4 дня лѣтомъ); впрочемъ, панщина и теперь составляетъ только второстепенный доходъ владѣльца; главнымъ остается чиншъ. Земля замковая обработывается главнымъ образомъ въ пользу уряда: урядъ получаетъ чиншъ съ 10-й волоки, а съ гуменнаго (фольварковаго) хлѣба урядъ получаетъ 3-й снопъ (не забудемъ при этомъ, что урядъ наслѣдовалъ прежнюю власть солтысовъ). Такимъ образомъ, была ли панщина первоначальнымъ условіемъ между солтысами и поселенцами, или она выродилась изъ княжескихъ „servitia“, во всякомъ случаѣ она не слагалась непремѣнно съ крестьянъ, поселенныхъ на нѣмецкомъ правѣ. Серебщизна, которую сверхъ всего указаннаго уплачивали крестьяне, есть старинная exactio pecunialis, всегда взимавшаяся съ поселенцевъ нѣмецкаго права. Подводная повинность, сторожевая и охотничья существуютъ повсюду. д) Наконецъ, въ уставѣ прямо выражается, что свободный рядъ (условіе крестьянина съ владѣльцемъ) несовмѣстимъ съ волочнымъ хозяйствомъ: „Пустыхъ волокъ и сѣнокосовъ на нихъ никому не отдавать въ наемъ и никакимъ образомъ ни за *поклоны*, ни за плату въ казну (въ скарбъ) не отдавать ихъ подъ пашню“. Та-

кое приказаніе кажется страннымъ съ перваго взгляда; зачѣмъ же оставлять волоку пустою, если можно получать съ нея доходъ? Другое мѣсто того же устава объясняетъ эту загадку: „Пустопорожнихъ волокъ крестьянамъ не пахать, а если кто посмѣетъ это сдѣлать, *не вписавшись въ реестру,* то его хлѣбъ отбирается въ наше гумно, а онъ платитъ въ нашу казну рубль грошей“. Слѣдовательно, землевладѣлецъ отказывается даже отъ временнаго дохода, лишь бы достигнуть того, чтобы всѣ его поземельные участки были заселены на правѣ вѣчнаго владѣнія, введеннаго нѣмецкимъ правомъ.

Итакъ, если прикрѣпленіе къ землѣ и запрещеніе свободнаго ряда есть характеристическій признакъ крѣпостнаго состоянія, то очевидно, что нѣмецкое право необходимо сопровождалось крѣпосстнымъ нравомъ.

Въ самомъ уставѣ о волокахъ нѣсколько разъ говорится, что русскія волости еще не подверглись волочному хозяйству и стояли въ особыхъ условіяхъ относительно даней и повинностей [1]): „Въ русскихъ волостяхъ, въ которыхъ земли на волоки не размѣрены.... меды и другія дани должны быть собираемы по старому, пока не будетъ инаго указу“. Въ 1531 году архіепископъ Витебскій и всѣ князья, и паны, и бояре, и мѣщане Витебскіе постановили условіе между собою о томъ, какъ держать людей своихъ похожихъ вольныхъ, а именно, держать этихъ людей „по полоцкому“. Въ 1551 году уже всѣ бояре, шляхта, священники, мѣщане и слуги панцырные воеводствъ Витебскаго и Полоцкаго установили между собою запись объ общей нормѣ повинностей крестьянъ. По этимъ двумъ „уставнымъ записямъ“ землевладѣльцы уничтожаютъ прежнія „куницы“ — добровольный рядъ землевладѣльца съ крестьянами, а обязываются принимать крестьянъ не иначе, какъ на 4-й долѣ (4-й снопъ ржи и всякаго хлѣба) и на половинной долѣ меду, съ тѣхъ пчелъ, которыхъ разведетъ крестьянинъ на мѣстѣ, а съ тѣхъ, которыя онъ привезетъ съ собою или купитъ, онъ не платитъ ничего. Кто же утаитъ долю, хотя бы одинъ снопъ, тотъ вноситъ вдвое и штрафу рубль, но это долженъ изслѣдовать не одинъ хозяинъ, а при участіи постороннихъ людей. Кромѣ того, крестьяне обязаны отработать въ годъ 8 толокъ; весною, въ теченіе одной недѣли строить на дворѣ помѣщика новыя зданія и исправлять старыя, зимою ходить на охоту и рыбную ловлю. Упоминаемая четвертая доля можетъ быть замѣнена издѣльною повинностію, именно

[1]) Пам. 1, 2, 174, 210.

барщиною по 2 дня въ недѣлю лѣтомъ и зимою, и кромѣ того, тѣ же 8 толокъ. Крестьянинъ, переходящій къ другому землевладѣльцу, долженъ заблаговременно лѣтомъ уступить пану паровое поле (конечно, для того, чтобы панъ успѣлъ засѣять его въ свою пользу), на первой недѣлѣ великаго поста, ударивъ челомъ и заплативъ выходную куницу — 12 широкихъ грошей, и тогда уйдти прочь. Пропустившій этотъ срокъ (сборъ)[1]) или Сборное воскресенье не можетъ уйдти и остается до слѣдующаго года. Уходя, крестьянинъ долженъ поправить и обстроить домъ или гумно, которые онъ занималъ, и привести ихъ въ то же положеніе, въ какомъ онъ самъ получилъ ихъ; если онъ взялъ домъ со статкомъ или житомъ, то уходя, долженъ оставить въ домѣ столько же. Крестьянинъ, поселившійся на сыромъ корню, гдѣ нѣтъ селитьбы и готоваго распаханнаго поля, получаетъ 10 лѣтъ льготы (по уставной записи 1531 года 5 лѣтъ, а кто сядетъ на пустоши, а хоромъ не будетъ, ни роспашей, тому льготы 2 года); кто же поселится въ готовомъ домѣ и на разработанномъ пахатномъ полѣ, тому льготы нѣтъ. Сколько лѣтъ льготы высидитъ, столько же лѣтъ обязанъ отслужить своему хозяину, а потомъ можетъ идти прочь; владѣльцы должны добровольно отпускать ихъ прочь, не притѣсняя ничѣмъ („не чепячи ихъ ничимъ“). Если бы крестьянинъ купилъ на сторонѣ какой-нибудь домъ, то вольно ему, выходя прочь, продать тотъ домъ, кому захочетъ; но если что пристроитъ изъ панскаго лѣса, то все это должно оставаться. Крестьянинъ долженъ идти не тайно, возить свое имущество съ вѣдомомъ, челомъ ударивъ, со своимъ хозяиномъ во всемъ разчитавшись и заплативъ куницы 12 грошей; а кто станетъ возить свое имущество тайно, и объ этомъ узнаетъ хозяинъ или поймаетъ его, такой человѣкъ теряетъ свое имущество и хлѣбъ, оставшійся въ землѣ. Путные люди должны быть содержимы (захованы путными людьми) по старому; люди стародавные (потерявшіе право перехода) службу служатъ, дани даютъ, поплатки и вроки платятъ по старому обычаю, или какъ захочетъ устроить ихъ хозяинъ[2]).

---

[1]) Г. Леонтовичъ («Крестьяне юго-западной Россіи») принимаетъ слово «сборъ» въ значеніи мірской сходки; но кому неизвѣстно, что первое воскресенье великаго поста называется Сборнымъ воскресеньемъ?

[2]) Мы бы не привели этого акта здѣсь, если бы не были вынуждены упорнымъ повтореніемъ такого рода заблужденій: «На Руси (Московской и конечно, Литовской) Татары прикрѣпили народъ къ землѣ изъ видовъ финансовыхъ; поэтому на Руси нигдѣ, кромѣ большихъ городовъ, не находимъ свободнаго чело-

Сличая этотъ уставъ съ уставомъ о волокахъ, мы находимъ, а) что волочное хозяйство, введенное нѣмецкимъ правомъ, еще не было повсемѣстно въ Витебскомъ и Полоцкомъ воеводствахъ въ половинѣ XVI вѣка; б) что потому здѣсь нѣтъ повсемѣстнаго прикрѣпленія къ землѣ, но есть попытки уничтожить свободный рядъ крестьянъ; в) положеніе свободныхъ крестьянъ характеризуется здѣсь тѣми же чертами, какъ положеніе польскихъ крестьянъ, поселенныхъ на польскомъ правѣ, въ Вислицкихъ статутахъ; г) повинности крестьянъ, хотя и увеличены теперь (съ этою цѣлію и изданъ уставъ о похожихъ людяхъ), но онѣ гораздо легче повинностей крестьянъ, установленныхъ при волочномъ хозяйствѣ: именно, по уставу о похожихъ людяхъ крестьянинъ, вмѣсто натуральной повинности, можетъ отработывать по 2 дня въ недѣлю и 8 толокъ — и больше ничего; по уставу же о волокахъ онъ долженъ заплатить чиншъ, внести натурою извѣстное число бочекъ хлѣба и наконецъ справлять ту же барщину по 2 дня въ недѣлю и 4 дня толоки.

На Руси — въ Бѣлоруссіи, Полѣсьѣ и Малороссіи — села составляли еще общины, подраздѣлявшіяся на меньшія общины: *службы* и *дворища*. Первое, кажется, есть общеупотребительное названіе тягла въ Бѣлоруссіи, второе — въ Малороссіи: послѣднее мы находимъ и на Волыни и въ отдаленныхъ частяхъ Червоной Руси. Во главѣ общины стоялъ „старецъ“, который съ своего участка не несъ повинностей. Нѣтъ никакой возможности подвести подъ логическія рубрики все разнообразіе въ положеніи крестьянъ при русскомъ хозяйствѣ. Этимъ разнообразіемъ существенно отличается русское хозяйство отъ волочнаго (нѣмецкаго), гдѣ напротивъ нѣтъ никакого разнообразія. Въ русскихъ селахъ были и невольники, были и свободные, лишенные права перехода, были, какъ мы уже видѣли, и вольные похожіе люди. Но среди всего этого разнообразія усматривается одно, что какъ хозяйство было общинное, такъ и повинности всѣхъ крестьянъ возлагались на общину, что̀ гораздо важнѣе права перехода и чѣмъ отличается русское хозяйство отъ волочнаго. Общинное владѣніе сохранялось даже между крестьянами разныхъ владѣльцевъ, что̀ и подавало поводы къ спорамъ между ними [1]).

Въ королевскихъ имѣніяхъ введеніе волочнаго хозяйства можно

вѣка, то-есть, имѣющаго право переходить съ мѣста на мѣсто». Мацѣевскій Histor. Prawod. Słow. T. II, стр. 127 (изд. 1858 года).

[1]) А. Ю. и Западн. Россіи Т. I, № 62.

считать окончательно утвердившимся во времена устава о волокахъ [1]); но въ частныхъ имѣніяхъ оно медленно одерживало побѣду надъ общиннымъ-русскимъ; даже тамъ, гдѣ было вводимо, оно не могло быть примѣнено со всею точностію и полнотою, дѣлало уступки прежнему способу хозяйства или искажало его. Иногда въ имѣніи одного и того же владѣльца были села, устроенныя по волочному способу, и села, сохранившія общинное хозяйство; такъ, напримѣръ, въ имѣніи Полонскомъ князя Радзивила въ 1598 г. [2]) одна волость—Угринцкая еще остается при прежнемъ хозяйствѣ, другая—Полонская устроена по волочному способу, хотя мѣстныя обстоятельства не позволили примѣнить его вполнѣ, потому что села „не могли переселиться съ своихъ стародавнихъ усадебныхъ мѣстъ и построиться на своихъ волокахъ, по недостатку строеваго лѣса“ (какъ выражается инвентарь) и вслѣдствіе рѣшительнаго отвращенія славянскаго племени къ такому устройству (какъ прибавимъ мы). Каждое село Полонской волости составляетъ единицу, точно измѣренную и раздѣленную на волоки; каждою волокою владѣетъ или одинъ крестьянинъ съ своимъ семействомъ, или два крестьянина пополамъ; нѣкоторыя волоки отданы подъ условіемъ исполненія конной земской службы; волоки церковныя (1 или 2 на церковь) освобождены отъ повинностей, равно какъ и волоки бояръ конныхъ и путныхъ. Крестьяне, не имѣющіе волоки и называемые подсусѣдками, вмѣсто всѣхъ платежей обязываются барщиною по одному дню въ недѣлю. За предѣлами размѣреннаго пространства лежатъ застѣнки — внѣ дѣйствія волочнаго хозяйства; земли, лежащія въ нихъ — или неудобныя пустоши, или даются въ надбавку къ волокамъ; главнымъ образомъ въ пользу бояръ, обязанныхъ военною, или листовою (почтовою) службою. Всѣ платежи и повинности разлагаются по волокамъ.

Въ другомъ имѣніи того же самаго владѣльца, въ волости Угринцкой, села раздѣляются на дворища или дворы, которые заключаютъ въ себѣ 5—16 дымовъ; каждый „дымъ“ образуетъ семейство. Вліяніе новаго хозяйства обнаружилось здѣсь разложеніемъ общинной повин-

---

[1]) Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, чтобы со времени устава о волокахъ всѣ королевскія имѣнія были преобразованы сразу. Изъ описи Гомельскаго староства 1640 г. (А. З. Р. V. 16) видно, что здѣсь общинное хозяйство было еще въ полномъ значеніи: оброки и повинности разлагаются еще по службамъ (которыя здѣсь заключаютъ въ себѣ 2—3 дыма); но болѣе важный поборъ, медовая дань, возлагается на всю общину, то-есть, село.

[2]) Инвент. им. Полон Пам. Врем. Ком. Т. III, Отд. 2, стр. 60 и дал.

ности на подымную; дымъ прировненъ къ волокѣ. Самая значительная, медовая, дань взимается не съ села, какъ прежде, при общинномъ хозяйствѣ, но и не съ дворовъ, а съ дымовъ. Въ другихъ имѣніяхъ, по инвентарямъ, почти современнымъ Полонскому, денежные оброки разлагаются по дворищамъ, а дань медовая взимается съ цѣлаго села [1]). Но и въ имѣніи Полонскомъ прежнее хозяйство еще отличается отъ волочнаго, какъ свойствомъ, такъ и количествомъ даней и повинностей.

Сличимъ, наконецъ, объемъ повинностей крестьянъ при томъ и другомъ хозяйствѣ. Село Оздовъ, устроенное на волочномъ хозяйствѣ, заключаетъ въ себѣ 25 волокъ тяглыхъ; съ каждой изъ нихъ крестьяне а) платятъ чиншъ по 2 копы 40 гр., б) дяклу полъ-мацы ржи, которую они же обязаны засѣять и забороновать на панскомъ полѣ; в) должны пахать лѣтомъ одинъ день и бороновать еще одинъ день; г) крестьяне волости Полонской обязаны сжать, свезти и сложить въ скирды весь хлѣбъ, сколько бы ни было посѣяно на господской пашнѣ; д) привезти съ каждой волоки ежегодно 4 воза дровъ; е) скосить сѣно на господскихъ сѣнокосахъ, сложить въ скирды и отвезти на господскій дворъ; ж) давать стражу ко двору Полонскому всѣ села поочередно — по 2 сторожа въ недѣлю; з) давать по одной подводѣ съ волоки ежегодно; и) являться сгономъ (*на гвалтъ*) для починки плотинъ; к) давать станціи во время пріѣзда владѣльца (съ 10-ти волокъ одну яловицу и барана; съ каждой волоки 1 гуся, 2 курицъ, 20 яицъ и возъ сѣна), и л) при отдачѣ чинша съ каждой волоки платить бирчаго и писчаго по 12-ти литовскихъ грошей.

Въ то же время, у того же самаго владѣльца, почти въ той же самой мѣстности, есть другое имѣніе, оставшееся еще на правѣ русскомъ — село Угриничи. Повинность Угриницкихъ крестьянъ состоитъ въ слѣдующемъ: а) они платятъ позлотовщину и медовую дань, всего съ села 67 копъ 34 гроша и 2 пен.; а такъ какъ въ селѣ 54 дыма, значитъ съ дыма по одной копѣ и около 13 грошей; но размѣры дыма намъ неизвѣстны (можно думать, судя по числу рабочихъ рукъ, что дымъ могъ быть и меньше и больше волоки); поэтому разложимъ денежную повинность по числу рукъ. Въ Угриничахъ, при русскомъ хозяйствѣ, всѣхъ мужскаго пола было 148 человѣкъ, а въ селѣ Горкахъ, состоящемъ на волочномъ хозяйствѣ — 32 ч. мужскаго пола; въ Угриничахъ сумма всѣхъ податей равнялась 67 к. 34 гр. и 2 пен.,

[1]) Пам. Вр. Ком., III, 2 отд., стр. 19 и дал.

въ Горкахъ за все — 28 коп. 32 гр.; слѣдовательно, въ послѣднемъ случаѣ съ души приходится около 53 гр., а въ первомъ только около 27 грошей съ души. б) Поселенные на русскомъ правѣ не несутъ барщины; в) ничего не говорится о ихъ повинностяхъ — подводной, сторожевой, дякольной и стаціяхъ; впрочемъ можно согласиться съ тѣмъ, что эти повинности подразумѣваются сами собою; но и при этомъ какая же разница во всемъ остальномъ! Итакъ, частное хозяйство давало бо̀льшую возможность къ *увеличенію повинностей* и *поборовъ*, нежели общинное.

Второе явленіе, возникающее изъ разложенія общины, есть *пролетаріатъ*. Намъ кажется, что ничто такъ не можетъ объяснить нашей мысли, какъ примѣръ изъ современной намъ дѣйствительности; для этой цѣли мы обратимся къ Босніи, какъ драгоцѣнному памятнику славянскаго быта, искаженнаго нѣмецкимъ правомъ; при этомъ мы позволимъ себѣ сдѣлать выписку изъ сочиненія [1]), всѣмъ извѣстнаго; но факты, приведенные въ немъ, можетъ-быть, получатъ новый интересъ рядомъ съ представленными нами соображеніями.

„Въ Босніи.... весь земледѣльческій классъ живетъ на правахъ фермеровъ, или арендаторовъ. Владѣлецъ можетъ согнать поселянина когда угодно, и поселянинъ можетъ [2]) покинуть его землю (замѣчу мимоходомъ, что и это обратилось во вредъ земледѣльцу: ему трудно уйдти, 1) потому что онъ обыкновенно задолжалъ агѣ (помѣщику), 2) потому что онъ едва-ли можетъ надѣяться найдти землю у другаго владѣльца, а напротивъ, случается очень часто, что когда поселянинъ улучшитъ свой участокъ, то владѣлецъ его сгоняетъ, или чтобы присоединить участокъ этотъ къ той землѣ, которую онъ, владѣлецъ, обработывалъ прежде барщиною, а теперь обработываетъ наемниками, или чтобы передать ее другому *кмету*, который заплатитъ ему за то извѣстную сумму. Вслѣдствіе системы фермерства (кметовства) и его случайнаго и условнаго характера, въ Босніи нѣтъ ничего похожаго на славянскую общину. Каждый кметъ имѣетъ свой участокъ совершенно независимо отъ общины.

„*Кнезъ* села (то-есть, выборный староста) помогаетъ Туркамъ обирать народъ. Бѣдные поселяне, не имѣющіе права голоса на сходкѣ, подвергаются произвольному (со стороны кнеза и богатыхъ замледѣльцевъ) обложенію податьми и потому нерѣдко продаютъ свою послѣд-

---

[1]) Гильфорд. Сборн. стр. 444. 447 448.

[2]) То-есть, имѣетъ право.

ною корову или лошадь и разоряются такъ, что ага сгонитъ ихъ съ своей земли. Тогда бѣдняки обыкновенно удаляются изъ села, и построивъ себѣ хату гдѣ-нибудь по близости на пустой землѣ, работаютъ наемниками у другихъ хозяевъ: они дѣлаются пролетаріями. Боснійское село есть театръ мелкихъ интригъ: каждый кметъ желаетъ удалить другаго, чтобы получить его участокъ!... Эти пролетаріи живутъ въ такъ-называемыхъ *колыбахъ* (жалкія хаты, сплетенныя изъ прутьевъ и покрытыя древесною корою) и питаются чѣмъ Богъ послалъ... *Колыбарей* въ Босніи весьма много: на 10 семействъ, обработывающихъ землю, должно считать отъ 2-хъ до 3-хъ, а иногда и больше семействъ пролетаріевъ... Вы можете видѣть въ колыбахъ семьи, гдѣ дѣти буквально голы и дѣвушки едва прикрываютъ себя рубахою, въ лохмотьяхъ; гдѣ въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ питаются отваромъ кукурузныхъ стеблей и разныхъ дикихъ кореньевъ; гдѣ дѣти мрутъ какъ мухи и взрослые буквально умираютъ отъ голоду. Турецкіе землевладѣльцы терпятъ этихъ несчастныхъ пролетаріевъ въ лѣсахъ и на пустыряхъ; имъ принадлежащихъ. Но перейдти къ обработкѣ земли они не могутъ, потому что не въ состояніи купить ни вола, ни плуга; а кметъ долженъ имѣть свой скотъ и свои орудія, чтобы получить участокъ; въ другихъ округахъ, гдѣ скотъ и орудія даются владѣльцемъ, онъ всегда ищетъ такого кмета, который имѣетъ что-нибудь и въ состояніи заплатить ему при своемъ водвореніи".

Также точно и въ Польшѣ изъ этихъ порядковъ, введенныхъ нѣмецкимъ правомъ, возникъ пролетаріатъ. Лишивъ состоятельнаго кмета возможности (но не права) переходить съ данной ему волоки, оно вызвало новую причину для его разоренія — *взаимное соперничество между кметами*. Разорившійся не въ состояніи исполнять повинностей и дѣлается ненужнымъ владѣльцу; онъ бѣжитъ самъ или его гонитъ владѣлецъ. Мы видѣли, что такихъ бѣдняковъ уставъ о волокахъ отпускаетъ на волю. Но эта воля, при отсутствіи какого бы то ни было имущества, горше всякой неволи. Разорившіеся бѣглецы въ русской Украйнѣ, на вольныхъ степяхъ, сходились вновь въ общину; но бѣглецы въ Коронѣ Польской лишены были степей и оставались въ средѣ общества, заражая его новою язвою, столь не свойственною славянскому міру; ихъ бѣдственное положеніе таково, что новое прикрѣпленіе и даже рабство есть очень хорошій исходъ изъ него.

Въ Польшѣ до самаго нынѣшняго царствованія пролетаріатъ су-

ществовалъ въ широкихъ размѣрахъ: изъ 3.300.000 крестьянъ было 1.339.000 людей, не имѣющихъ собственности [1]).

Извѣстно, что западные экономисты развили взглядъ на прикрѣпленіе крестьянъ, какъ на необходимое историческое явленіе. Такой взглядъ, совершенно вѣрный относительно частнаго — западноевропейскаго хозяйства, не вполнѣ приложимъ къ славянскому общинному (гдѣ оно успѣло сохраниться). Община есть самородная поземельная ассоціація, замѣняющая капиталъ.

IV.

Городовое нѣмецкое право.

Гюппе, въ своемъ сочиненіи о конституціи польской, вышедшемъ въ прошломъ году, очень близко подошелъ-было къ истинѣ, говоря о значеніи нѣмецкаго городоваго права въ Польшѣ слѣдующимъ образомъ: „Несчастная противоположность земли и города, которая такъ бѣдственно тяготѣла надъ западно-европейскою жизнію со временъ феодализма и даже отчасти теперь сопровождается въ Германіи неравенствомъ правъ и многими вредными препятствіями въ торговлѣ, — въ Польшѣ, при господствовавшихъ въ ней условіяхъ, *должна* была проявиться еще ярче, и такимъ образомъ эта республика осталась въ средневѣковомъ состояніи. Если Англія, съ извѣстнаго времени, опередила континентъ въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ и даже теперь (не смотря на свое органическое развитіе) представляется гораздо новѣе (современнѣе), чѣмъ тѣ государства, которыхъ искусственный организмъ былъ созданъ по теоріи, то разницу эту нужно искать въ томъ, что въ Англіи городъ и земля почти никогда не были противоположными понятіями, и что слабые случаи такого отдѣленія скоро уничтожались. Въ этомъ же, безъ сомнѣнія, заключается главная причина (мало цѣнимая доктринерами-публицистами) развитія и величія заатлантической дочери Альбіона“ [2]).

Къ сожалѣнію, эта мысль подвернулась Гюппе случайно: недоста-

[1]) Schnitzler, L'Empire de Tzars. III. 451. Авторъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, относитъ первоначальное образованіе польскаго пролетаріата къ 1807 г., то-есть, къ изданію Наполеономъ I манифеста о личномъ освобожденіи крестьянъ въ Варшавскомъ герцогствѣ (III. 205). Съ одной стороны, извѣстно существованіе пролетаріата въ Польшѣ гораздо раньше; съ другой же, невозможно предположить, чтобы почти половина крестьянъ пришла въ это положеніе сразу послѣ изданія манифеста Наполеона I.

[2]) Verf. der Rep. Pol., 176.

токъ вниманія или хорошаго знакомства съ законами историческаго развитія славянскихъ странъ, въ отличіе отъ романо-германскихъ, былъ причиною того, что авторъ впалъ въ неясность и противорѣчіе. Нѣсколькими страницами прежде, Гюппе говоритъ: „Польша никогда не была лишена средняго землевладѣльческаго класса; на него только и опиралось государство во времена своего благоденствія. Этотъ классъ въ Польшѣ былъ далеко не такъ многочисленъ, какъ въ теперешней Сѣверной Америкѣ, которая равнымъ образомъ находитъ въ немъ свою опору; но къ нему принадлежала значительная часть горожанъ и дворянства еще въ XVI вѣкѣ.... Но, продолжаетъ Гюппе, Польша не была страной уединенною: она *должна была* войдти въ кругъ развитія европейскаго континента. Прогрессъ новаго времени опирается на развитіи движимаго капитала противъ поземельной собственности, — торговли и обработывающей промышленности противъ добывающей промышленности, городовъ противъ земли“ [1]). Если такъ, то непонятно, почему противоположность между городомъ и землею пагубна; непонятно, почему Англія опередила другія страны Европы и въ экономическомъ отношеніи; неясно, почему Польша осталась въ среднихъ вѣкахъ, когда романо-германскія страны вышли изъ нихъ.

Чтобы придти къ истинѣ, Гюппе оставалось только быть послѣдовательнымъ. Разрывъ между городомъ и землею въ романо-германскихъ странахъ есть дѣйствительно зло, но зло, возникшее для уничтоженія другаго, бо́льшаго зла; эту общественную мысль самъ Гюппе выражаетъ слѣдующимъ образомъ: „Въ романо-германскихъ странахъ возникло замкнутое городовое устройство, какъ убѣжище древне-германской общинной свободы, въ то время, какъ въ деревняхъ (plattes Land) крѣпостное право (Hörigkeit) распространялось все болѣе и болѣе“ [2]). „Жители древнихъ республикъ Греціи и Италіи, говоритъ Ад. Смитъ, состояли главнымъ образомъ изъ землевладѣльцевъ, между которыми раздѣлена была первоначально государственная территорія, и которые находили болѣе удобнымъ строить свои дома въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ и окружать ихъ стѣною для общей безопасности. Послѣ паденія Западной Римской Имперіи, поземельные собственники, напротивъ того, жили, повидимому, въ крѣпкихъ за́мкахъ, въ собственныхъ владѣніяхъ, окруженные своими вассалами и людьми, находившимися отъ нихъ въ зависимости. Города населены были главнымъ образомъ ремесленниками и мастеровыми, состоявшими, какъ кажется, въ раб-

[1]) Ibid., 170.
[2]) Ibid., 171.

ской зависимости или въ состояніи, близкомъ къ рабству. Привилегіи, предоставленныя жителямъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ европейскихъ городовъ и встрѣчающіяся въ древнихъ хартіяхъ, даютъ ясное понятіе о томъ состояніи, въ какомъ находились горожане до полученія этихъ хартій. Люди, которымъ предоставляется, какъ привилегія, право отдавать замужъ своихъ дочерей безъ согласія господина, оставлять по смерти имущество своимъ дѣтямъ, а не господину, и располагать своею собственностію посредствомъ завѣщанія, должны были быть весьма близки къ состоянію рабства, въ какомъ находились крестьяне“ [1]).

Хотя Смитъ выражается здѣсь осторожно, употребляя выраженія: „кажется“ и „повидимому“, но послѣдующія историческія изысканія совершенно подтвердили его мысль. Въ то время, когда въ Польшу начали переселяться Нѣмцы изъ разныхъ частей Германіи, въ самой Германіи ни жители городовъ не имѣли полныхъ гражданскихъ правъ, ни городскія общины — самоуправленія; они только еще боролись за самобытность съ своими владѣльцами (большею частью, епископами, что̀ и помогало имъ достигать нѣкоторой удачи при упорной въ то время борьбѣ свѣтской власти съ духовною). Но пока, въ самую эпоху борьбы (XI — XII вѣкахъ), городскимъ общинамъ приходилось терпѣть двойное иго — коронныхъ чиновниковъ, войтовъ королевскихъ, и землевладѣльцевъ и ихъ войтовъ, бургграфовъ, вицтумовъ и проч. Въ концѣ XI вѣка въ древнемъ Кельнѣ, гдѣ духъ муниципальной свободы, говорятъ, поддерживался еще со временъ римскихъ, и гдѣ прочнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ городахъ, утвердилось въ послѣдствіи общинное самоуправленіе, произошелъ слѣдующій случай: когда однажды шеффены были обвинены предъ архіепископомъ Ганнономъ въ какомъ-то несправедливомъ приговорѣ, то архіепископъ, найдя ихъ оправданія неосновательными, приказалъ имъ выколоть глаза, а одному изъ нихъ, который былъ его „особеннымъ домашнимъ служителемъ“, оставилъ одинъ глазъ [2]). Только въ началѣ XII вѣка императоръ Генрихъ V освободилъ другой древнѣйшій городъ Шпейеръ отъ права владѣльцевъ и войтовъ участвовать въ наслѣдствѣ умершихъ гражданъ, отъ мыта внутри города, отъ Bann-und Schatzpfennig, отъ поборовъ натурою съ товарныхъ барокъ (Abgabe des Pfeffers), отъ требованія къ суду внѣ города, отъ обязательныхъ работъ ремесленниковъ (Brodbäckers и проч.), отъ Bannwein, отъ обязанности препровождать вла-

[1]) О богатствѣ народовъ, кн. III, гл. III.

[2]) Barthold. Gesch. der deutschen Stadte und deutschen Bürgerthums, 1853 года, I, 128.

дѣльца (епископа) на своихъ судахъ и проч. Тогда же императоръ освободилъ и Вормсъ отъ сторожеваго (Wachtgeld), запретилъ принудительные браки и обезпечилъ права наслѣдства [1]). Только въ двадцатыхъ годахъ XII вѣка Майнцъ получилъ подобныя же привилегіи. Изъ формы данной ему грамоты видно, что большинство гражданъ не называлось еще свободными.... „mit Beirath des Kleros, der Grafen, der Freien (Altbürger), der Gottesleute und niederen Bürger“ [2]). По соэстской древнѣйшей Скрѣ, основное содержаніе которой относится къ XII вѣку, архіепископъ Кельнскій, „als unser Herr“, назначаетъ всѣхъ судей и начальниковъ, граждане поставляютъ (bestellten) однакожь шеффеновъ; различаются три рода судовъ: пробста, войта и солтыса; кромѣ того, есть „Burrichter“, низшіе судьи, можетъ-быть, въ земледѣльческихъ предмѣстьяхъ города; войтъ отправляетъ три раза въ году „Voigtding“; онъ владѣетъ правомъ уголовнаго суда съ смертною казнію, имѣя Blutbann во имя архіепископа; ему же принадлежитъ право верховнаго полицейскаго надзора; собственно городской судъ находится подъ предсѣдательствомъ солтыса; граждане имѣютъ уже свою „ратушу“, въ пользу которой поступаютъ $^2/_3$ штрафовъ съ нарушителей городскаго спокойствія съ и обвиненныхъ въ употребленіи ложныхъ вѣсовъ и мѣръ; но эта ратуша не есть еще мѣсто засѣданія позднѣйшаго совѣта: община находится еще въ полномъ подчиненіи; ей запрещено, безъ согласія съ Кельнскими чиновниками, заключать договоры съ посторонними владѣльцами и графами. Въ Ахенѣ шеффены выбирались прежде изъ Königsleuten, а послѣ уже изъ гражданъ [3]). Магдебургъ, городъ, давшій имя городскому праву въ славянскихъ земляхъ, въ концѣ XII вѣка не имѣетъ никакой общинной самостоятельности. Древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ актовъ этого города есть привилегія епископа Вихмана 1188 года [4]). Изъ этой привилегіи открывается, что судъ въ Магдебургѣ принадлежитъ не общинѣ, а бургграфу и солтысу: „Si civis contra hospitem et hospes contra civem aliquam querelam habuerit, pro qua placitum burgravii vel sculteti expectare deberet“... [5]); приговоры бургграфа и солтыса могутъ быть произносимы и безъ участія шеффеновъ въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, когда шеффены находятся въ отсутствіи [6]); упоминается

[1]) Ibid., 205.
[2]) Ibid., 240.
[3]) Codex juris municipalis Germaniae, Gengler. Erlang., 1867 года, 4.
[4]) См. у Цш., Urkundenbuch, стр. 266.
[5]) Ibid., § 7.
[6]) Ibid., § 8.

о собраніи гражданъ (conventus civium): епископъ приказываетъ, чтобы глупцы (stulti) не смѣли препятствовать мнѣніямъ лучшихъ гражданъ (meliores); но это собраніе не имѣетъ власти, присвоенной въ послѣдствіи городскимъ общинамъ; законы для города издаетъ владѣлецъ, какъ это доказываютъ самые статуты Вихмана. Консулы и городской совѣтъ являются въ Магдебургѣ уже во времена великаго междуцарствія, когда повсюду въ Германіи городскія общины достигли вершины муниципальной свободы. Этихъ примѣровъ, кажется, достаточно для того, чтобъ убѣдиться, что нѣмецкіе города до XIII вѣка были въ состояніи подчиненія, довольно близкомъ къ рабству сельскихъ жителей. Они были не убѣжищами свободы древне-нѣмецкой, какъ выразился Гюппе, а передовыми постами свободы вновь зарождающейся, послѣ того какъ древне-нѣмецкая свобода погибла подъ владычествомъ феодальныхъ порядковъ. Города должны были заключиться въ самихъ себѣ: понятно, что такая изолированность ихъ есть большое благо, единственный залогъ спасенія общества. Города своимъ высвобожденіемъ положили основаніе освобожденію окрестнаго населенія.

Понятіе о городѣ, какъ мѣстѣ жительства сословія, средняго между классами землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, есть понятіе новое, свойственное христіанской западной Европѣ. Какъ самое понятіе, такъ и предметъ, имъ выражаемый (Stadt), образовались позже того, какъ возникло раздѣленіе между рыцарскимъ и крестьянскимъ сословіемъ. Всѣ города Германіи очень недавняго происхожденія, кромѣ колоній по берегамъ Рейна и Дуная, основанныхъ еще Римлянами. Поселенія этого рода, называемыя бургами, отличались отъ остальныхъ поселеній тѣмъ, что жители ихъ имѣли больше общенія и связи между собою. Между тѣмъ какъ жители открытыхъ мѣстъ поселялись отдѣльными хуторами и фермами, жители бурга невольно отказывались отъ этой привычки. Этимъ преимущественно отличался ихъ бытъ отъ быта деревенскихъ жителей, и отличіе это чрезвычайно важно.

По составу населенія городъ былъ совершенно подобенъ землѣ. Населеніе состояло изъ тѣхъ же классовъ, изъ какихъ состояло населеніе земли, то-есть, рыцарскаго и крѣпостнаго. Если эти два класса не отдѣлились другъ отъ друга такъ же, какъ раздѣлились земскіе классы, то причина этого заключалась въ городскомъ *общежитіи*. Въ каждомъ городѣ были свои такъ-называемые Geschlechter, городовое дворянство, подобное земскому дворянству, составлявшее однако самый низшій родъ рыцарскаго сословія; они были владѣльцами земель, имѣли свои гербы и владѣльческіе титулы. Доступъ въ

свои родовые кружки они охраняли также ревниво, какъ и земскіе дворяне. Подлѣ этого древнѣйшаго, вѣроятно, дружиннаго, населенія и подъ защитою его, водворялись отдѣльными слободами (vicus) купцы и ремесленники; эти поселенцы образовывали союзъ, основанный на землячествѣ, съ чѣмъ нерѣдко соединялась и общность занятій. Такіе союзы, поселенные на земляхъ владѣльца города, обязаны были, въ отношеніи къ нему, крѣпостными повинностями; но нѣкоторые изъ поселенцевъ успѣваютъ выхлопотать себѣ привилегіи, обезпечивающія за ними право вносить (вмѣсто издѣльной повинности) опредѣленный оброкъ владѣльцу и право имѣть своихъ выборныхъ начальниковъ. Между тѣмъ, къ городу присоединяются новые союзы или новые цехи. Прежнія общины превращаются въ Altburger и т. д. Такимъ образомъ, свобода отвоевывала себѣ все бо́льшую и бо́льшую территорію. Образуется сословіе горожанъ (Burger) на крайней чертѣ рыцарскаго и крестьянскаго сословій, — сословіе въ полномъ смыслѣ среднее. Къ нему принижается родовое рыцарство, къ нему же тянется и безправное крѣпостное населеніе.

Одновременно съ увеличеніемъ числа свободнаго населенія, возникало и расширялось самоуправленіе города. Городскіе дворяне и разбогатѣвшіе торговлею родовитые и старшіе граждане стараются свергнуть съ себя всякую зависимость отъ своихъ владѣтелей: идетъ упорная, часто кровавая борьба между городомъ и епископами. Въ этой борьбѣ главная роль принадлежитъ дворянамъ и старымъ гражданамъ, тогда какъ низшіе граждане мало способны интересоваться политическою свободой и еще менѣе въ состояніи ее поддерживать. Но городской аристократіи удается устранить, или по крайней мѣрѣ, ограничить власть владѣльца: города не хотятъ подчиняться епископскимъ солтысамъ и коллегіи скабиновъ, зависящей отъ нихъ; они ставятъ себѣ совѣтъ (Rath), руководимый новымъ выборнымъ главою города, который называется Burgenmeister или Rathmeister. Старинная судебная обязанность шеффеновъ остается за ними; власть солтыса или бургграфа ограничивается предсѣдательствомъ въ этой коллегіи, но и эта власть, при увеличеніи богатства города, покупается имъ. Однако, въ городской совѣтъ имѣютъ доступъ только патриціанскіе роды: низшіе цехи и новыя корпораціи видятъ въ совѣтѣ такое же стороннее для себя начальство, какъ и власть солтыса. При раздорахъ между патриціями и владѣльцемъ, этотъ послѣдній опирается иногда на низшіе цехи; но послѣ временной побѣды власть его находитъ новое пораженіе въ томъ самомъ обстоятельствѣ, которое дало ему временную

побѣду: возстаетъ вражда, иногда открытая война, полная жестокостей, между патриціями и народомъ; когда народъ беретъ верхъ, замкнутый городской совѣтъ открывается и принимаетъ въ свой составъ представителей черни; иногда образуется два совѣта — малый, патриціанскій, и большой, демократическій. Въ результатѣ увеличены права города, и слѣдовательно, увеличена сила, противодѣйствующая власти владѣльца. Наконецъ, если эта власть совершенно устранена (какъ то было въ Италіи и Германіи), то города становятся въ непосредственныя отношенія къ имперской власти, то-есть, въ такія же, въ какихъ находились къ ней имперскіе князья.

Мы рѣшились сдѣлать такія общія замѣчанія о первоначальной исторіи германскихъ городовъ для того, чтобы читатель могъ имѣть въ виду слѣдующіе необходимые для насъ выводы: 1) развитіе городоваго права въ Западной Европѣ началось въ то время, когда общество состояло изъ двухъ рѣзко отдѣленныхъ классовъ: рыцарей и крестьянъ; 2) города, отдѣляясь отъ земли, тѣмъ самымъ способствовали постепенному сближенію земскихъ классовъ; 3) такое сближеніе могло совершиться только въ классѣ торговыхъ и промышленныхъ людей, который столь же былъ далекъ отъ рыцарства (по роду своихъ занятій), сколько и отъ крестьянъ (по своему богатству и личнымъ правамъ) [1]).

Совершенно при другихъ обстоятельствахъ началось развитіе городоваго права, по нѣмецкому образцу, въ земляхъ Польскихъ и Русскихъ и привело къ противоположнымъ результатамъ.

Въ предыдущихъ главахъ мы изложили, въ какомъ видѣ первоначальное нѣмецкое право опредѣлило въ Польскомъ королевствѣ права и взаимныя отношенія такъ-называемыхъ земскихъ людей, то-есть, землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ. Но эти классы получили крайній сословный характеръ только тогда, когда изъ нѣмецкаго права начало вырабатываться право городовое, когда среди земли появились

[1]) Города въ Англіи, освободившись отъ подданства баронамъ, не заключались въ отдѣльныя республики, потому что за городскою чертою ихъ застигала не безурядная жизнь мелкихъ самостоятельныхъ государствъ, а стройное цѣлое одного государства. Городамъ не нужно было развивать своего особеннаго права, потому что горожане были и судьями въ судахъ графства. Уже со временъ Эдуарда III депутаты графствъ и городовъ совѣщаются въ одномъ парламентѣ. При Генрихѣ VII горожанинъ избирается предсѣдателемъ нижняго парламента. Городская черта не раздѣляла горожанъ и отъ земледѣльцевъ, такъ какъ монополіи ремеслъ тамъ не существовало.

замкнутыя городскія общины, чуждыя остальному народонаселенію по правамъ и управленію, а отчасти (въ нѣкоторыхъ областяхъ Польши) и по національности. Намъ необходимо, слѣдовательно, разсмотрѣть: 1) возникновеніе изъ общаго нѣмецкаго права — права городоваго (что̀ совершилось въ Силезіи и отчасти въ собственной Польшѣ), 2) отношеніе города къ землѣ по нѣмецкому праву и права городовъ, 3) городовое управленіе, общее въ своихъ основаніяхъ для всѣхъ областей Польскаго королевства; но мы, конечно, будемъ заниматься преимущественно проявленіями нѣмецкаго городоваго права въ русскихъ и особенно южно-русскихъ городахъ.

1. Происхожденіе нѣмецкаго городоваго права въ польскихъ земляхъ.

Первоначально нѣмецкое право отнюдь не было городовымъ правомъ: съ одной стороны, оно (какъ мы уже видѣли) обнимало собою и города, и деревни, съ другой — (какъ увидимъ сейчасъ) не отличало города отъ деревни. Думаютъ, что одна изъ очень важныхъ услугъ нѣмецкаго права есть та, что оно въ первый разъ установило въ Польшѣ разницу между городомъ и селомъ въ европейскомъ смыслѣ этихъ терминовъ, что до того времени въ Польшѣ городомъ называлась деревня большаго объема, построенная вокругъ замка и обнесенная рвомъ или деревяннымъ тыномъ [1]). Во множествѣ грамотъ на основаніе городовъ и селъ по нѣмецкому праву мы не находимъ никакой разницы между правами тѣхъ и другихъ. Какъ при основаніи деревень, такъ и городовъ, землевладѣлецъ получалъ жалованную грамоту отъ князя и затѣмъ поручалъ основаніе поселка предпринимателю, который въ такомъ случаѣ назывался по большей части войтомъ (advocatus); впрочемъ, названіе это нерѣдко смѣшивалось съ названіемъ солтыса [2]): солтысы также называются иногда advocati, а войты — солтысами [3]), или безразлично [4]); наконецъ, иногда оба эти названія даются одному лицу. Затѣмъ слѣдуетъ раздробленіе общинной земли на волоки, опредѣляется чиншъ съ волокъ, обозначаются ленныя права, судебные доходы и права войта. Если городъ основываетъ самъ князь, то онъ тутъ же опредѣляетъ и свои княжескія права; если же основате-

[1]) Tzschoppe, 100.

[2]) Urkund., 14.

[3]) Смѣшеніе этихъ названій продолжается потомъ и въ польскомъ законодательствѣ, см. Vol. leg., I, 374 и др.

[4]) Cod D. R. P., III, 136.

лемъ города является частный землевладѣлецъ, то права его опредѣляются въ предварительной грамотѣ, данной на его имя княземъ. Общеупотребительныя названія civitas — городъ и villa — деревня при этомъ смѣшиваются; иногда же они соединяются вмѣстѣ при обозначеніи одного и того же поселенія [1]), какъ напримѣръ: „civitas et villa nostra“, пишетъ епископъ Бреславскій [2]). Давалось нѣмецкое право и деревнямъ, по образцу городовъ [3]). Вотъ одинъ изъ актовъ основанія города на нѣмецкомъ правѣ: „Мы, Генрихъ [4]), Божіею милостію герцогъ Силезіи и владѣлецъ Бреславскій (dominus Wratizlawiae) объявляемъ всѣмъ..., что передали городъ нашъ Гродховъ (Гротткау) Генриху, войту нашему Гродховскому, и позволили заселить его по праву тевтонскому, на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ теперь. За это заселеніе (locatio) Генрихъ будетъ владѣть вѣчно, съ потомками своими, шестымъ грунтомъ (area), третьимъ пфеннигомъ (denarius) отъ суда, половиною мясныхъ, хлѣбныхъ и башмачныхъ лавокъ, вольною банею, вольнымъ шинкомъ и однимъ дворомъ (curia), который называется Маховъ. Сверхъ того, жалуемъ ему, въ награду за его вѣрность, чтобъ онъ свободно пользовался всѣми мельницами и рыбными сажалками, сколько можетъ устроить ихъ въ окрестности этого города. Сверхъ того, позволили этому городу свободно пользоваться 5 волоками для пастбищъ. Къ тому же, еще принадлежатъ ему (то-есть, войту) и служатъ въ пользу городу 67 волокъ; изъ нихъ за локацію онъ (войтъ) и его наслѣдники свободно владѣютъ шестою волокою, а съ остальныхъ будутъ вносить намъ ежегодно, съ каждой волоки, троякій оброкъ (annona), то-есть, четыре мѣры ржи, четыре — пшеницы и четыре — овса. Желаемъ еще и установляемъ на вѣки, чтобъ этотъ городъ пользовался неймарктскимъ правомъ во всѣхъ своихъ узаконеніяхъ и дѣйствіяхъ“ [5]).

Этотъ актъ содержитъ въ себѣ главнымъ образомъ опредѣленіе правъ войта, но изъ него можно извлечь и нѣкоторыя данныя о правахъ новыхъ гражданъ. Замѣчательна форма дарованія городу поземельной собственности: 67 чиншевыхъ волокъ „принадлежатъ войту и служатъ на пользу города“. Владѣлецъ передаетъ землю не городу непосредственно, а войту, который уже, какъ вѣчный ленный владѣлецъ, отвѣчаетъ предъ своимъ господиномъ за чиншъ. Что городу

---

[1]) См. Urkund., Tz., № 11, 29.
[2]) Ib., 95.
[3]) Ibid., 3, 21 и мн. др.
[4]) Генрихъ IV, герцогъ Силезіи въ 1268 году.
[5]) Urk , 62.

отдавалась эта земля не въ общинную собственность, это очевидно: во-первыхъ, изъ того, что изъ чиншевыхъ волокъ всегда выдѣляется опредѣленное количество волокъ, освобожденныхъ отъ повинностей и служащихъ для общаго пользованія (ad usum communem), какъ выгоны или пастбища; вовторыхъ, это видно изъ тѣхъ актовъ, въ которыхъ новые городскіе поселенцы освобождаются отъ княжеской дани на извѣстное число лѣтъ, смотря по качеству волокъ, какія кому достались: такъ, напримѣръ, въ 1252 году Генрихъ III, герцогъ Силезскій, даетъ аббатиссѣ Требницкой Гертрудѣ право преобразовать имѣніе Шавонъ въ городъ, по образцу Неймаркта, и тѣмъ жителямъ этого города, которые поселятся на поляхъ воздѣланныхъ (extirpatis), дается льгота на четыре года, а поселившимся на невоздѣланныхъ поляхъ — на восемь лѣтъ [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ городахъ небольшихъ, гдѣ жители (какъ видно изъ приведеннаго сейчасъ документа) занимались сельскими промыслами, земледѣлецъ долженъ былъ прибѣгать къ тѣмъ же средствамъ обезопасить полученіе дохода, какъ и въ селахъ, то-есть, долженъ былъ лишить поселянъ права произвольно оставлять занятыя волоки. Въ городахъ же, которые и до нѣмецкаго права уже процвѣтали торговлею и промыслами, такое ограниченіе, конечно, было излишне; слѣдовательно, жители такихъ городовъ какъ прежде были, такъ и послѣ остались не прикрѣпленными. Земля, полученная гражданами, составляла только ленную ихъ собственность: съ усадьбъ (area) и волокъ они должны были вносить оброкъ земледѣльцу и войту. Оброкъ этотъ то перелагался на деньги (чиншъ), то оставался даже натуральною повинностію, именно платился хлѣбомъ. Не освобождались горожане и отъ издѣльной повинности, если она существовала прежде. Привилегіи, которыя были даваемы гражданамъ, общи съ привилегіями, которыя получали и села по жалованнымъ грамотамъ: онѣ состояли въ освобожденіи гражданъ отъ различныхъ княжескихъ поборовъ, которые однакожь замѣнялись денежнымъ взносомъ (откупнымъ оброкомъ), часто весьма тяжкимъ. Вотъ какъ опредѣляются права нѣмецкаго города въ одномъ изъ актовъ: Предславъ, епископъ Бреславскій, переводитъ на нѣмецкое право городъ Оттмахаву, который a longis retroactis temporibus jure polonico sit locatum. Предславъ переводитъ его потому, что чрезъ это „и онъ (епископъ), и церковь пріобрѣтаютъ выгоду“. При этомъ

[1]) Urk., 37.

1) Граждане обязаны ежегодно взносить за чиншъ епископу 4 марки, а наслѣдственному войту города — 2 марки.

2) Съ каждой волоки, принадлежащей городу, мѣщанинъ или предмѣщанинъ обязаны доставлять епископу ежегодно 4 мѣры пшеницы, 4 овса и столько же ячменя, съ полумаркою грошей.

3) Каждый садъ, содержащій въ себѣ полевую десятину, долженъ ежегодно платить епископу фунтокъ, или 12 грошей.

4) Каждая мясная лавка (за исключеніемъ принадлежащихъ плебану и войту) платитъ епископу ежегодно $^1/_2$ марки; каждая хлѣбная лавка платитъ фунтокъ, или 14 грошей; каждая лавка ремесленниковъ (sutorum) платитъ $^1/_2$ фунтока.

5) Послѣ полнаго внесенія всѣхъ этихъ оброковъ и пошлинъ, епископъ можетъ назначить *подать* (exactionem) съ гражданъ Оттмахавскихъ, сообразно съ ихъ достаткомъ, однако такъ, чтобъ они не были отягчены чрезвычайно; подать взимается pro ejusdem episcopi arbitrio voluntatis.

6) Послѣ того, какъ сѣно епископа будетъ скошено на собственный его счетъ, граждане Оттмахавскіе должны будутъ это сѣно собрать и сложить въ копны безъ вознагражденія; затѣмъ епископъ уже самъ долженъ распорядиться свозомъ его въ сарай.

7) Весь доходъ съ воска, привозимаго изъ другихъ городовъ въ Оттмахаву, слѣдуетъ епископу.

8) Граждане и земледѣльцы могутъ имѣть общее пастбище, не вредя однако пастбищамъ епископа и плебана.

9) Плебанъ будетъ ненарушимо владѣть по прежнему всѣми десятинами и правами отъ каждаго городскаго участка и имущества.

10) Кромѣ того, отъ каждой лавки, балагана и гостинницы, отъ всѣхъ доходныхъ статей, какія бы ни были устроены гражданами на рынкѣ или внѣ рынка, и съ какихъ епископу слѣдовалъ бы чиншъ, половину этого чинша онъ уступаетъ гражданамъ; установляется въ городѣ еженедѣльный базаръ.

11) „Но, чтобы этою локаціей не былъ разрушенъ старый и разумный обычай этого города“, граждане будутъ каждый годъ, по указанію епископа, производить починки въ городскомъ рву.

Если всѣ эти права, или вѣрнѣе, отрицанія правъ существовали въ Оттмахавѣ до дарованія нѣмецкаго права, то онѣ же неизмѣнно остались и послѣ того. Впрочемъ, епископъ заявилъ, что онъ даетъ нѣмецкое право Оттмахавѣ для умноженія своего дохода; поэтому, вѣроятно, часть вышеперечисленныхъ поборовъ наложена вновь. Если

же городъ пользовался лучшимъ положеніемъ при такъ-называемомъ польскомъ правѣ, то и при полученіи нѣмецкаго права, его положеніе было нѣсколько выше, чѣмъ положеніе Оттмахавы.

Судъ и управленіе въ городахъ принадлежатъ или самому землевладѣльцу, или его войту [1]), или войту княжескому. Войтъ въ городахъ не есть только судья и управитель, но и ленный владѣлецъ города; ему и его потомкамъ граждане обязываются служить, какъ своему ближайшему владѣльцу: advocato et suis posteris tanquam domino suo speciali deservient [2]). Зачатки свободныхъ учрежденій имѣлись и здѣсь тѣ же, что въ деревняхъ, именно коллегія шеффеновъ, избираемая, по неопредѣленному выраженію одного Магдебургскаго вейстума, княземъ вмѣстѣ съ народомъ. Самъ Магдебургъ, только еще вступавшій въ періодъ муниципальнаго самоуправленія, удѣляя въ 1235 году свои права древнѣйшему силезскому городу Неймаркту (Шродѣ), такъ опредѣляетъ юридическое положеніе города: „Высшій нашъ судья, господинъ бургграфъ Магдебургскій, трижды въ годъ предсѣдательствуетъ на судѣ. Если же бургграфъ пропуститъ эти три дня (исключая, если онъ будетъ на службѣ императора), или если будетъ день праздничный, то мы не являемся на судъ бургграфа. Префектъ нашъ (солтысъ) предсѣдательствуетъ на судѣ круглый годъ, чрезъ каждые 14 дней, исключая дни праздничные. Префектъ нашъ судитъ и рѣшаетъ всѣ дѣла, исключая три рода дѣлъ: насиліе, что называется Not, нападеніе на домъ, что называется Heimsuche, и грабежъ на дорогахъ (insidiae?), что называется Lage. Такія дѣла судитъ бургграфъ“ [3]). Не отличая города отъ деревни по правамъ, нѣмецкое право имѣло однако въ своемъ юридическомъ языкѣ термины для различія города отъ деревни, именно: „civitas“ и „villa“, и прилагало эти термины не всегда безразлично. Въ актахъ есть случай, что одинъ князь (Опольскій, въ 1260 году), по просьбѣ епископа Бреславскаго, былъ принужденъ обратить новооснованный имъ городъ Славетицы (Slavecici, Slawentzutz) въ деревню, потому что этотъ городъ подрывалъ другой, епископскій, близъ него лежавшій — Уяздъ. Любопытно узнать, чего лишились Славетицы при обращеніи въ деревню; такимъ образомъ намъ уяснится, чѣмъ отличался городъ отъ деревни по первоначальному нѣмецкому праву: „Мы, говоритъ князь, уничтожаемъ

[1]) Urk. Tz., № 70.
[2]) C. D. P., III, 63.
[3]) Ibid., № 16.

городъ Славетицы, хотя и не безъ большаго убытка для себя, и желаемъ впредь имѣть тамъ простую деревню и свой дворъ; это поселеніе не будетъ имѣть никакого права рынка (jus forense) и шинковъ, и ничего не будетъ сдѣлано ни нами, ни нашими потомками такого, чтобы городъ Уяздъ потерпѣлъ какой-либо ущербъ. Мы не позволимъ провести чрезъ Славетицы общественную дорогу, а распорядимся, чтобъ она по прежнему шла чрезъ Уяздъ“ [1]). Вотъ все, что́, по яснымъ словамъ акта, отличаетъ городъ отъ деревни: базаръ, шинки и общественная дорога. При соображеніи съ другими однородными актами открывается, что эти привилегіи составляютъ зачатки, вопервыхъ, знаменитаго „права мили“ (то-есть, запрещенія торговли, ремеслъ и шинкарства на извѣстномъ разстояніи — не всегда точно на милю — отъ городской черты), вовторыхъ, не менѣе знаменитаго „права складовъ“ (depositorium), и втретьихъ, „права пропинаціи“. Это отличіе города отъ деревни, искусственная централизація ремесленнаго и торговаго населенія въ опредѣленныхъ пунктахъ, есть одна изъ важнѣйшихъ сторонъ городоваго права въ Польшѣ: въ послѣдствіи времени оно имѣло обширное развитіе и значеніе въ Польскихъ и Литовско-Русскихъ земляхъ.

Weichbild. Не смотря на то, что нѣмецкое право совершенно исказило уже старые славянскіе порядки, что городскимъ населеніемъ считается уже только торгующій и ремесленный классы, города въ отношеніи къ землѣ сохраняли еще старинное первенствующее положеніе.

Въ то время, какъ города не пользовались еще внутреннимъ самоуправленіемъ, шеффены городовъ имѣли огромное фактическое значеніе въ цѣломъ городскомъ округѣ. Значеніе городскихъ шеффеновъ было велико на судахъ провинціальнаго и городскаго войта, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда городскіе войты получали (какъ мы видѣли выше) власть войтовъ провинціальныхъ; тогда значеніе городскихъ шеффеновъ простиралось на весь подчиненный имъ округъ. Этотъ округъ и составлялъ то, что́ называлось по нѣмецки Weichbild; но польскій Weichbild совершенно не то, что̀ Weichbild саксонскій. Въ Саксоніи и вообще въ Германіи такъ называлась ближайшая къ городу окрестность, большею частію составлявшая его владѣніе, тогда какъ Weichbild силезско-польскій означаетъ обширный городской присудъ, обнимавшій земли и поселенія разныхъ владѣльцевъ; всѣ жившіе въ немъ классы жителей подчинялись суду центральнаго города,

[1]) Urk. Tz., № 50.

то-есть, суду тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя на ту пору имѣли власть въ городѣ; такимъ образомъ, шеффены имѣли не только судебное значеніе при войтахъ, но, по волѣ королей, участвовали иногда и въ администраціи цѣлаго округа. Императоръ Карлъ IV предписываетъ въ 1355 году земскимъ (провинціальнымъ) войтамъ Бауценскому и Герлицкому защищать крестьянъ отъ притѣсненій дворянъ (которые не довольствуются законными чиншами, издѣльною и другими повинностями, Cins-Dinste und Richte); при этомъ провинціальные войты должны, по требованію императора, совѣтоваться съ городами (mit Rate unrer Stete) [1]). Изъ этого замѣчательнаго документа видно, что императоръ Карлъ хотѣлъ возложить и на польскіе города ту роль, какая принадлежала городамъ Германіи, то-есть, роль защитниковъ земледѣльческаго сословія и помощниковъ королевской власти въ борьбѣ съ рыцарями; но, какъ увидимъ ниже, города Силезіи и Польши не могли принять на себя такую обязанность; впрочемъ они должны были въ этомъ случаѣ помогать совѣтами и потому, что крестьяне сидѣли на нѣмецкомъ правѣ, а послѣднее должно было быть извѣстно городскимъ шеффенамъ болѣе, чѣмъ кому-либо другому.

Представленное выше понятіе о Weichbild'ѣ въ польскихъ земляхъ противорѣчитъ установившемуся понятію объ этомъ предметѣ. Думаютъ, что Weichbild образовался слѣдующимъ образомъ. Было обыкновеніе, при устройствѣ новаго города, указывать для него образецъ въ какомъ-либо старѣйшемъ городѣ; говорятъ, что если отъ старѣйшаго города заимствовалось только его общественное устройство (Verfassung), то онъ не становился еще высшею инстанціей относительно младшей колоніи; если же старѣйшій городъ передавалъ младшему свои законы, то-есть, дѣйствовавшее въ немъ уголовное и гражданское право, то между тѣмъ и другимъ устанавливалось инстанціонное отношеніе: такой старѣйшій городъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими младшими колоніями, какъ мать, окруженная семействомъ, образовывалъ одинъ округъ — вейхбильдъ [2]). Но такой взглядъ на происхожденіе городскихъ округовъ далеко не согласенъ съ свидѣтельствомъ актовъ. Польскіе князья не признаютъ между нѣмецкими поселеніями инстанціонныхъ отношеній. Они позволяютъ младшимъ городамъ только обращаться къ старѣйшимъ за указаніями насчетъ общественнаго устройства (Weisthum) и за разъясненіями правъ; то-

[1]) Ibid., № 168.

[2]) Tz. Urk., стр. 109 и дальше 207.

есть, въ томъ случаѣ, когда возникаетъ сомнѣніе о смыслѣ закона, младшій городъ обязанъ совѣтоваться съ старшимъ.

Первоначально высшее (уголовное) и апелляціонное судопроизводство было поручаемо, какъ мы видѣли, не городскимъ общинамъ, а королевскимъ чиновникамъ, провинціальнымъ, и потомъ, городовымъ войтамъ. Каждая земля, каждое княжество имѣли свой столичный (главный) городъ, гдѣ помѣщались провинціальные суды. Этотъ послѣдній былъ центромъ суда и управленія, а самая земля обращалась въ Weichbild. Но обычай обращаться къ старшему городу за указаніями права или объясненіями закона легко могъ перейдти и дѣйствительно переходилъ въ инстанціонныя отношенія. Сомнѣніе въ смыслѣ того или другаго закона возникало, какъ понятно само собою, при частныхъ случахъ, то-есть, при рѣшеніи извѣстнаго гражданскаго иска или уголовнаго процесса. Обращаясь за разъясненіемъ закона къ старшему городу, младшій передавалъ на его судъ самое это дѣло. Такимъ образомъ старшій городъ пересматривалъ уже дѣло по существу его, то-есть, становился высшею инстанціей. Тяжущіеся стали получать позволеніе апеллировать, въ случаѣ согласія обѣихъ сторонъ, къ суду старшаго города. Мало по малу неясность юридическихъ понятій того времени окончательно измѣнила отношеніе старшихъ и младшихъ поселеній въ инстанціонное: младшія колоніи стали посылать уже не за Weisthum'ами, а за Urtheil'ями, приговорами или рѣшеніями, за что́ и платили не малыя деньги.

Такія отношенія совершенно измѣнили первоначально установленный порядокъ и ввели такую произвольную и запутанную процедуру, что князья должны были вновь регулировать порядокъ судопроизводства. Для этого они употребляютъ слѣдующую мѣру: возводятъ центральный городъ, гдѣ былъ провинціальный судъ, въ значеніе „образцоваго города“ и опредѣляютъ, что въ немъ должны искать изъясненія законовъ поселенцы всего приписаннаго къ нему округа. Это легко объяснить слѣдующимъ примѣромъ. Въ 1286 г. князья Опольскіе, владѣльцы Ратиборскіе (domini de Ratibor), выдаютъ городу Ратибору грамоту такого содержанія: „Награждая городъ за его вѣрность и заслуги, постановляемъ, что всѣ поселенные въ нашей волости (dominio), на правѣ фламскомъ, когда случится у нихъ сомнѣніе относительно права, не должны искать объясненій нигдѣ, кромѣ нашей земли, и даже нигдѣ въ нашей землѣ, кромѣ Ратибора, хотя бы даже привилегіи какихъ-нибудь городовъ или селъ содержали въ себѣ противоположное этому нашему распоряженію. Самый же городъ

Ратиборъ не долженъ отнынѣ относиться, насчетъ права, ни къ какому иноземному городу, но всѣ дѣла, какъ возникающія въ самомъ городѣ, такъ и поступившія къ нему на апелляцію, долженъ рѣшать, имѣя предъ очами страхъ Божій; всякая апелляція какъ къ намъ, такъ и въ другіе города отстраняется. Если же случилось бы, что сами граждане будутъ сомнѣваться въ какомъ-либо законѣ, то они должны призвать къ себѣ пять войтовъ и солтысовъ, которыхъ мы, по собственному усмотрѣнію, будемъ назначать къ нимъ ежегодно. Рѣшеніе ихъ признается безапелляціоннымъ“ [1]). Такимъ образомъ, Ратиборъ становится не только высшею инстанціей въ своей землѣ, но и „образцовымъ городомъ“ (Musterstadt), не смотря на то, что многіе города этой земли могли быть основаны по образцу другихъ разныхъ городовъ. То же самое повторяется въ обширныхъ размѣрахъ въ цѣлой Силезіи и потомъ въ Польшѣ. Старѣйшимъ городомъ, основаннымъ по образцу Магдебурга, былъ Неймаркъ (по польски Шрода, отсюда второе названіе магдебургскаго права — „шродское право“); потомъ, по образцу же Магдебурга, основаны были и другіе города (вѣроятно, Бреславль и Швейдницъ), далѣе множество городовъ основаны по образцу Неймаркта (между прочимъ Требницъ и Гротткау), наконецъ одинъ городъ по образцу другаго силезскаго же города.

Но апелляціонныя отношенія, установившіяся въ послѣдствіи, сообразовались не съ этимъ порядкомъ; главный городъ каждой земли, столица каждаго княжества, возводился на степень высшей безапелляціонной инстанціи. Точно то же мы видимъ и въ восточныхъ областяхъ Польши. Краковъ былъ основанъ по образцу Бреславля, съ тою однако оговоркою, что городъ долженъ быть устроенъ не такъ, какъ Бреславль, а какъ Магдебургъ [2]); затѣмъ множество городовъ были основаны по образцу Неймаркта; остальные получали неопредѣленно магдебургское право безъ всякихъ указаній на ближайшіе образцы. Въ Мазовіи и Куявіи давалось городское право по образцу Кульма (отсюда — „кульмское городское право“). Въ послѣдствіи, въ Литвѣ многіе города были основаны по образцу Вильны и Трокъ, потомъ Витебска и другихъ городовъ; въ Полѣсьѣ и Волыни города учреждались по образцу Бреста Литовскаго, и такъ далѣе. Иногда указываются въ образецъ два города, а не одинъ.

[1]) Tz. Urk., № 79.

[2]) ....eo jure locamus, quo et Wratislawiensis civitas est locata. Ut non quod ibi sit, sed quod ad Magdeburgiensis civitatis jus et formam fieri debeat, animadvertatur. Miscell. Cracov., fasc. II.

Всѣми такими назначеніями образцовъ опредѣляются только отношеніе города къ князю и провинціальнымъ чиновникамъ, роды и объемъ податей и внутреннее устройство городскаго управленія, но никакъ не инстанціонная зависимость однихъ городовъ отъ другихъ. Однако могло случиться, и часто случалось на самомъ дѣлѣ, что главный городъ земли получалъ городское право прежде другихъ городовъ этого края и дѣлался для нихъ образцомъ. Итакъ, вейхбильды соотвѣтствовали въ Силезіи и Польшѣ стариннымъ славянскимъ дѣленіямъ на земли. Городъ сохранялъ центральное положеніе въ вейхбильдѣ лишь по старой памяти.

Но городъ могъ сохранить такое положеніе только до тѣхъ поръ, пока внутри его не развилось самоуправленіе. Землевладѣльцы, живущіе въ округахъ, подчиняются суду городскихъ шеффеновъ только потому, что на этомъ судѣ предсѣдательствуетъ королевскій войтъ; нельзя думать, что они станутъ подчиняться суду и даже администраціи торговцевъ и ремесленниковъ, когда эти послѣдніе совершенно освободятся отъ власти королевскихъ войтовъ. Съ развитіемъ муниципальнаго самоуправленія порывается связь города съ землею и связь городовъ между собою.

Совѣтъ. Болѣе богатыя, промышленныя и торговыя общины получаютъ отъ королей право сами устроивать свои общественные порядки, пользоваться внутри города властію городскаго и провинціальнаго войта, или какъ выражается одинъ актъ: „quidquid pro utilitate et commodo civitatis excogitare vel adinvenire possent, videlicet in juribus ejusdem civitatis, si eadem jura, *sive tangant hereditarium et provincialem advocatum*, possent.... meliorare“... etc. Подъ именемъ правъ здѣсь именно понимаются, какъ говоритъ дальше актъ, право выбора и низложенія консуловъ и изданіе новыхъ законоположеній для города [1]). Городъ дѣлается городомъ въ нѣмецкомъ значеніи этого слова тогда, когда достигаетъ самоуправленія. Коллегія шеффеновъ не была правительственною коллегіей внутри города; она имѣла значеніе только тогда, когда случалось нарушеніе права, установленіе же права зависѣло въ городѣ отъ войта. Городская администрація и законодательство дѣлаются достояніемъ общины только тогда, когда община получаетъ право имѣть совѣтъ (Rath), состоящій, по образцу нѣмецкихъ городовъ, изъ ратмейстеровъ (консуловъ) и имѣющій предсѣдателемъ бюргермейстера. Достиженіе этой вершины самоуправле-

[1]) Urk Tz., № 164.

нія не стоило польскимъ городамъ ни малѣйшихъ усилій; князья и епископы позволяли Нѣмцамъ (которые составляли большинство населенія въ городахъ) вдоволь заимствовать отъ саксонскихъ городовъ права, стоившія послѣднимъ кровавыхъ усилій. Сами князья выхлопатывали такія права для своихъ городовъ [1]), или давали ихъ при самомъ основаніи города на нѣмецкомъ правѣ, или, основывая городъ, по образцу старѣйшаго, тѣмъ самымъ предоставляли вновь основанному городу право усвоять все, что́ сдѣлаетъ старѣйшій городъ въ пользу своего самоуправленія. Отъ этого несамостоятельнаго развитія городскихъ учрежденій въ Польшѣ зависѣло, между прочимъ, и то, что такія учрежденія были иногда безжизненны и не соотвѣтствовали своему дѣйствительному значенію. Совѣтъ, по самому существу своему, есть коллегія, составленная самими гражданами по выбору, а между тѣмъ въ силезскихъ городахъ мы видимъ иногда, что консуловъ выбираетъ войтъ: „консуловъ (города Выдны или Вейденау) и цехмистровъ, долженъ выбирать и ставить войтъ“ [2]).

Но вообще возникновеніе совѣтовъ справедливо считается важнѣйшимъ явленіемъ въ развитіи муниципальной свободы. Городской совѣтъ присвояетъ себѣ мало по малу всю власть королевскихъ чиновниковъ, по скольку эта власть касалась города. Сюда относится право издавать новыя постановленія для города (Willkuhren), право налагать и собирать подати, право полицейскаго надзора. Къ совѣту же переходитъ и та часть судебной власти, которая принадлежала прежде провинціальнымъ войтамъ (или, какъ называетъ ихъ городовое право, бургграфамъ), то-есть, производство высшаго суда три раза въ году (дрейдинги), что́ называлось до позднѣйшаго времени judicia burgrabialia) [3]). Такимъ образомъ, и присутствіе войта не мѣшало полному развитію городской общинной свободы. Тѣмъ не менѣе, города постарались совершенно отклонить отъ себя эту стороннюю для нихъ власть. Сначала города открываютъ съ войтами юридическую борьбу, представляютъ жалобы князю [4]). Наконецъ, покупка войтовствъ завершаетъ зданіе муниципальной свободы. Это совершилось въ Си-

---

[1]) Urk. Tz., № 56.

[2]) Ibid., № 84.

[3]) На бургграфскомъ великомъ судѣ предсѣдательствовалъ очередной (квартальный) бургграфъ; тогда войтъ уступалъ ему мѣсто и самъ занималъ второе мѣсто; но безъ него не могли справляться эти суды. Kr. M. Lwowa, Zubricki, 24.

[4]) Urk. Tz., № 106.

лезіи въ продолженіе XIV и XV вѣковъ [1]). Тогда только возникаетъ *муниципальное городовое право* (Stadtrecht въ противоположность Weichbildrecht), — возникаетъ изъ нѣмецкаго права, но не какъ его непремѣнное слѣдствіе или же его повтореніе подъ другимъ именемъ, какъ думаютъ обыкновенно. Этимъ постепеннымъ ходомъ развитія муниципальнаго права объясняется то, что многіе города западныхъ польскихъ областей получаютъ нѣсколько привилегій, древнѣйшіе — на нѣмецкое право, и позднѣйшіе — на городовое магдебургское. Нѣкоторые ученые потратили много труда и остроумія, отыскивая частныя отличія между нѣмецкимъ и магдебургскимъ правомъ, потому что признавали ихъ двумя параллельными родами одного городоваго права [2]).

Полное развитіе городоваго права есть вмѣстѣ съ тѣмъ и полное разрушеніе Weichbild'a; крайняя степень внутренняго самоуправленія сопровождается совершеннымъ отдѣленіемъ города отъ земли. Земляне, рыцари, просятъ королей освободить ихъ отъ власти городовъ и позволить имъ подчиняться только суду королевскихъ чиновниковъ. Такую просьбу принесли Карлу IV рыцари Герлицкой земли, и императоръ далъ имъ въ 1356 году привилегію, что впредь надъ ними будутъ имѣть власть только земскій войтъ и королевскіе суды. Weichbild ограничился стѣнами города и деревнями, подчиненными городу на владѣльческомъ правѣ. Земляне, подчиняясь по прежнему королевскимъ чиновникамъ, провинціальнымъ войтамъ, поставляютъ теперь при нихъ шеффенами уже членовъ шляхетскаго сословія: изъ провинціальнаго суда образуется судъ земскій. Землею стало одно дворянство, а городъ отрицаніемъ земли. Слѣдовательно, въ польскихъ областяхъ не городъ отдѣляется отъ земли для сохраненія своей независимости, а земля отъ мѣщанскаго города, вслѣдствіе посягательствъ сего послѣдняго на самоуправленіе земскихъ людей. Впрочемъ въ Силезіи, гдѣ нѣмецкая національность равно распространилась на все населеніе страны, какъ на горожанъ, такъ и на землянъ, не было еще рѣшительнаго отдѣленія городскаго и земскаго управленія и суда. На земскихъ судахъ въ Бреславскомъ княжествѣ было по уставу короля Іоанна, 1343 года, двѣнадцать шеффеновъ, изъ нихъ шесть изъ земскаго дворянства и шесть изъ гражданъ Бреслав-

[1]) Въ 1319 году Бауценъ, 1322 г. Бригъ, 1323 г. Гайнау, 1326—1345 г. Бреславль, 1331 г. Глогавъ, 1334 г. Глацъ, 1362 г. Олава, 1371 г. Швейдницъ, 1372 г. Лигницъ, 1391 г. Гроховъ, 1400 г. Стинова и т. д. См. Tz. Urkundensamml., 224.

[2]) Мы разумѣемъ *Цшопке;* см. у него стр. 95 и дал., 206 и далѣе.

скихъ, владѣвшихъ ленными участками, подъ предсѣдательствомъ королевскаго старо̀сты (Hauptmann). Объясненія закона должны быть получаемы отъ Бреславскихъ ратмановъ. Въ 1346 году была установлена въ Бреславлѣ постоянная коллегія изъ шести членовъ (трехъ дворянъ, избранныхъ ратманами, и трехъ ратмановъ городовъ, избранныхъ дворянами), которая была надѣлена правомъ высшаго кассаціоннаго суда надъ приговорами земскихъ судовъ. Вообще, тамъ гдѣ города и земляне одинаково принадлежали къ нѣмецкому племени, между тѣми и другими не было полнаго раздѣленія правъ, управленія и судоустройства. Такъ, по кульмскому праву, дѣйствовавшему въ прусскихъ областяхъ Польши, „въ дѣлахъ, касающихся всей земли, правительство не можетъ постановить ничего безъ единодушнаго согласія земли и городовъ“ [1]). Радцы городовъ Торуня (Торна), Эльблонга (Эльбинга) и Гданска (Данцига) засѣдали въ прусскомъ сенатѣ. На генеральныхъ и частныхъ сеймахъ участвовали и депутаты отъ городовъ [2]). Жители городовъ не были лишены права частнаго землевладѣнія. Конечно, такая связь нѣмецкихъ городовъ съ нѣмецкимъ дворянствомъ, среди славянскаго или литовскаго населенія, не приводила ни къ какому благому послѣдствію; напротивъ того, эта связь являлась здѣсь стачкою городовъ и дворянства противъ земледѣльческаго сословія.

Въ земляхъ собственно Польскихъ и Галицко-Русской отчужденіе мѣщанскихъ городовъ отъ земли было гораздо рѣшительнѣе. Тамъ нѣмецкое населеніе преимущественно сосредоточивалось въ городахъ [3]), занимаясь торговлей и ремеслами, между тѣмъ какъ землевладѣльцы и земледѣльцы были и навсегда остались при своей польской національности (вслѣдствіе незначительности нѣмецкой колонизаціи въ селахъ). Муниципальное право давалось первоначально только нѣмецкимъ поселенцамъ; по весьма вѣроятной догадкѣ нѣкоторыхъ ученыхъ, даже городское славянское населеніе первоначально не участвовало въ привилегіяхъ магдебургскаго или кульмскаго права. Тогда установилось въ юридическомъ языкѣ странное употребленіе

---

[1]) Jus Culm., по Данцигскому изданію 1745 г., кн. I, разд. 3.

[2]) *Balinski*, Star. Pols., I, 595.

[3]) Kr miasta Lw., 84: «Въ то время (въ началѣ XV в.) всѣ города и мѣстечки... въ краѣ (Галиціи) были населены Нѣмцами; въ этомъ можно убѣдиться по фамиліямъ тѣхъ лицъ, которыя изъ другихъ мѣстечекъ принимали право львовское».

словъ: „civis“ и „Polonus“, какъ двухъ противоположныхъ терминовъ въ юридическомъ смыслѣ [1]). Въ этомъ же смыслѣ запрещается городамъ дѣлать своими согражданами „Поляковъ“. Въ жалованной грамотѣ Кракову князь говоритъ, что „войты Краковскіе обѣщали ему не принимать въ сограждане ни одного крѣпостнаго (adscriptitium), ни княжескаго, ни церковнаго, ни чьего бы то ни было, ни даже свободнаго Поляка, который до тѣхъ поръ жилъ въ деревнѣ“ [2]). Такимъ образомъ, въ польскихъ и галицкихъ городахъ къ двумъ причинамъ (спеціальный родъ занятій и отдѣльное муниципальное управленіе) присоединилась еще третья причина отчужденія города отъ земли — чуженародность городскаго населенія. Поэтому разрывъ между городами и землею здѣсь былъ быстрѣе и рѣшительнѣе. Разрывъ этотъ остался и даже съ теченіемъ времени укрѣплялся болѣе и болѣе, не смотря на то, что въ послѣдствіи нѣмецкое населеніе въ городахъ смѣнило свою нѣмецкую національность на польскую. Раздѣленіе между городомъ и землею дѣлалось тѣмъ рѣзче, что въ то самое время, какъ въ городахъ развивалось нѣмецкое муниципальное право, въ селахъ развивались начала нѣмецкаго права въ совершенно противоположномъ направленіи. Двѣ вѣтви отъ одного и того же корня разошлись такъ далеко, что потомъ не признавали уже своего кровнаго родства, и названіе „нѣмецкаго права“ осталось за однимъ правомъ муниципальнымъ.

Въ странахъ, гдѣ нѣмецкое право (не муниципальное) рано и рѣшительно измѣнило старый славянскій общественный строй на нѣмецкій (опредѣливъ права рыцарскаго сословія и поработивъ ему крестьянское), въ такихъ странахъ (Силезіи и отчасти въ собственной Польшѣ) вліяніе собственно-муниципальнаго права на рѣзкое раздѣленіе сословій, равно какъ и другія гибельныя послѣдствія его не такъ замѣтны. Но въ странахъ, гдѣ нѣмецкое право (не муниципальное) дѣйствовало медленно и не непосредственно, муниципальное право застало еще славянскіе порядки почти неизмѣненными и потому оказало свое вредное вліяніе съ особенною ясностію. Такъ именно оно подѣйствовало въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Здѣсь не предшествовали ему тѣ пагубныя явленія, какими оно было вызвано въ Германіи; напротивъ того, здѣсь подобныя явленія сопровождаютъ его. Это даетъ намъ возможность быть свидѣтелями самаго разгара борьбы

---

[1]) «Si Polonus civem in causam traxerit».... См. Misc. Crac., fasc. II, 65.

[2]) «Vel etiam polonum liberum»... См. ibid.

между славянскими общественными началами и нѣмецкими, дастъ возможность сравнить земскій городъ съ городомъ мѣщанскимъ [1]).

2. Городъ земскій и городъ мѣщанскій (введеніе муниципальнаго права въ Литовско-Русскомъ государствѣ).

Когда сложилось городовое право въ польскихъ областяхъ, то городомъ стало называться *мѣсто* (польское „miasto", совершенно соотвѣтствующее нѣмецкому неопредѣленному названію „Stadt"), *населенное торговыми и промышленными людьми, не имѣющее участія въ правахъ земства и за то не допускающее земскую и даже государственную власть ко вмѣшательству въ его внутреннее управленіе и законодательство*. Жители такихъ мѣстъ или „мѣщане" составляютъ совершенно особый классъ общества.

Не таково было понятіе о городѣ, господствовавшее у славянскихъ народовъ лехитскаго и русскаго племени. Въ древне-польскихъ, равно какъ во всѣхъ древне-славянскихъ обществахъ значеніе города было иное: городъ былъ главою земли, главною общиной между другими общинами, составлявшими землю. Земля слагалась изъ меньшихъ общинъ, центромъ которыхъ были тоже города (пригороды), подчинявшіеся центральной общинѣ. Мацѣевскій [2]), на основаніи древнѣйшихъ актовъ славянскихъ, возстановляетъ образъ такой гмины въ обширномъ значеніи: „Села и города, сосѣдившіе между собою и какъ бы закругленные извѣстнымъ объемомъ земли, составляли одну гмину, болѣе или менѣе обширную. Въ древнихъ историческихъ памятникахъ такая гмина называется по латыни provinciola, pagus, въ новыхъ, именно у Гельмольда (II, 12) и Адама Бременскаго (II, 17), а также въ правительственныхъ актахъ XII в. польскихъ, полабскихъ и чешскихъ — provincia, vicinia, vicinatus, castellania. По польски ее называли опольемъ [3]), потому что жители такого округа, будучи сосѣдями, сидѣли на разстояніи поля другъ отъ друга, или одинъ сосѣдъ от-

---

[1]) Нѣмецкое муниципальное право въ Польшѣ и Галицкой Руси начало распространяться съ XIII — XIV вѣковъ и окончательно утвердилось въ XV вѣкѣ; въ Литовско-Русскомъ государствѣ оно начало распространяться съ XV вѣка и окончательно утвердилось въ XVI вѣкѣ Подробности объ этомъ можно найдти въ «Starozytna Polska» *Балинскаго* и *Липинскаго* и въ брошюрѣ, составленной по этому сочиненію, «Ueber die Verbreitung des Magdeburger Stadtrechts im Gebiete des alten polnischen Reichs», *Реттеля*.

[2]) Perw. dz. Pol. i Litwy, 223.

[3]) Сл. Codex dipl. regni Pol. III, № 34.

дѣлялся отъ другаго однимъ полемъ. У другихъ Славянъ были другія названія, которыя означаютъ то же самое, что̀ и польское ополье (у Сербовъ—„околина“, у Винодоловъ—„обина“, у Русскихъ—„вьрвь“). Такой округъ слагался изъ города и селъ или, ежели то были города небольшіе, изъ нѣсколькихъ городовъ, впрочемъ не болѣе трехъ [1]), и изъ нѣсколькихъ селъ. Поэтому офиціальные акты полабскихъ Славянъ, писанные по латыни, называютъ его также—civitas cum toto burgwrado, разумѣя подъ этимъ городъ, замокъ и окрестныя села. Изъ названій урядовъ, тѣсно связанныхъ съ опольями, видно, что это учрежденіе относится къ глубокой древности. Обязанности, первоначально лежавшія на жителяхъ ополья, состояли въ томъ, чтобъ отвѣчать за преступленія, совершенныя въ округѣ, и нести нѣкоторыя повинности для блага страны.... Столица или городъ, въ стѣнахъ котораго засѣдали высшія власти страны, какъ бы управляла другими городами уже потому, что изъ нея выходили для нихъ приказанія. Вроцлавъ, Краковъ и Сандомиръ назывались столицами.... Познань, городъ знаменитый во времена Болеслава Храбраго, выставлялъ войска 1.300 тяжело-вооруженныхъ и 4000 легко-вооруженныхъ. Въ правленіе того же государя Гнѣзно было большимъ городомъ, окруженнымъ предмѣстьями. Принимая во вниманіе величину польскихъ городовъ, нужно имѣть въ виду, что когда лѣтописцы говорятъ объ ихъ народопаселеніи, то разумѣютъ не одну окружность города, замкнутую въ стѣнахъ, но и округъ его или ополье.... Большіе и меньшіе города оставались подъ однимъ и тѣмъ же земскимъ уставомъ, потому что общее польское право было одинаково, не раздѣляясь на земское и городское“.

Къ сожалѣнію, кромѣ этихъ общихъ выраженій, ни Мацѣевскій, ни другіе изъ важнѣйшихъ польскихъ писателей не сообщаютъ никакихъ данныхъ о первоначальномъ устройствѣ польскихъ городовъ до усвоенія ими магдебургскаго права. Они, на основаніи выраженій, обыкновенно употреблявшихся въ грамотахъ на нѣмецкое право, большею частію видятъ въ первоначальномъ устройствѣ городовъ полное отсутствіе общинной самостоятельности, которая, по ихъ мнѣнію, была рано подавлена княжескими и земскими урядниками (кастеланами, палатинами, судьями и подсудками). Конечно, весьма раннее усвоеніе нѣмецкаго права польскими городами было причиною того, что до насъ не дошли письменные памятники о бывшемъ славянскомъ устрой-

---

[1]) Такое (довольно странное) ограниченіе числа городовъ земли не имѣетъ мѣста въ русскихъ земляхъ

ствѣ ихъ; но русскіе города начали получать нѣмецкое право гораздо позже; о первоначальномъ ихъ устройствѣ мы имѣемъ достовѣрнѣйшія историческія свидѣтельства. Къ этому источнику сравнительнаго изученія прибѣгаютъ и польскіе писатели при объясненіи древнѣйшаго быта польскихъ городовъ [1]). Нѣтъ ни малѣйшей нужды возстановлять здѣсь историческія свидѣтельства о русскихъ городахъ въ древнѣйшій періодъ; предметъ этотъ довольно обстоятельно уже изслѣдованъ русскими учеными. Тѣмъ менѣе настоитъ въ этомъ надобность, что наука давно уже признала Новгородъ и Псковъ не исключеніями, а образцами древнѣйшаго быта нашихъ городовъ; всѣ города, сопоставляемые съ Новгородомъ въ часто приводимомъ мѣстѣ лѣтописи: „Новгородцы изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороди стануть“ [2]), въ послѣдствіи времени вошли въ составъ Литовско-Русскаго государства и получили магдебургское право въ XV и XVI вѣкахъ. Намъ предстоитъ, слѣдовательно, показать только, не утратили ли западно-русскіе города своего первобытнаго устройства и отношенія къ землѣ въ періодъ XIII и XIV вѣковъ, то-есть, въ періодъ литовскаго владычества.

Какъ бы въ упрекъ древне-русскому городовому устройству повторяютъ обычную фразу: „Городъ ничѣмъ не отличался отъ деревни“. Мы видѣли, что первоначально и въ нѣмецкомъ правѣ городъ не отличался отъ деревни по своимъ правамъ. Но въ этой фразѣ замѣчаются два противоположные смысла: или городъ раздѣляетъ безправіе сельскихъ жителей, или деревня участвуетъ въ самоуправленіи и правахъ города. Существенныя черты древне-русскаго городоваго устройства слѣдующія: вопервыхъ, городъ стоитъ во главѣ земли; вовторыхъ, городское населеніе составляютъ всѣ классы тогдашняго общества безъ различія; втретьихъ, городъ вмѣстѣ съ землею пользуется самоуправленіемъ. Эти же черты сохраняются и въ городахъ западной Руси XIII—XIV вѣковъ. Во главѣ каждой земли стоитъ центральный городъ и внутри земли — его пригороды. Около каждаго города (и центральнаго, и пригородовъ) располагается его волость, вмѣстѣ съ которою онъ составляетъ юридическую и поземельную единицу. По „стародавному звѣчному обычаю“, волость и городъ вмѣстѣ уплачиваютъ княжескую дань, при чемъ раскладка дани совершается

---

[1]) *Мацѣевскій*. Pierw. dz. P. i L., 263 и слѣд.

[2]) Лавр. лѣтоп., 160.

общинными „мужами“; въ это время ни урядникъ, ни кто не въѣзжаетъ къ нимъ [1]). Городъ и волость содержатъ княжескій замокъ (когда возникли замки) на общія средства. Дѣла о бортяхъ и пчелахъ, тяжбы о межахъ судятъ городскіе и волостные жители сами въ общихъ (копныхъ) судахъ; судебная пеня съ виновнаго идетъ на замокъ и въ пользу общиннаго суда [2]). Всѣ общія юридическія дѣйствія города и волости основываются преимущественно на томъ, что земля волостная и городская составляетъ ихъ общую собственность въ томъ смыслѣ, что правительство имѣетъ въ виду не частныхъ собственниковъ, а всю общину всегда, какъ при дарованіи правъ, такъ и при опредѣленіи обязанностей, лежащихъ на землѣ [3]). Если иногда волость отдѣлялась отъ города въ особую общину, поземельную и юридическую, то это не было раздѣленіемъ двухъ сословій городскаго и земледѣльческаго, а только раздѣленіемъ одной общины на двѣ однородныя. Такъ, при великомъ князѣ Александрѣ волость Торопецкая отдѣлилась отъ города Торопца; то-есть, собирать дань и тивунщину съ волости и представлять ее въ казну, судить и рядить долженъ былъ волостной старецъ, независимо отъ Торопчанъ; но и такое отдѣленіе происходило не безъ борьбы со стороны города [4]). Союзъ волостей (съ пригородами) составлялъ землю, съ центральнымъ городомъ во главѣ ея. Отношенія этого послѣдняго къ пригородамъ и волостямъ состояли въ томъ, что управленіе пригородовъ и ихъ волостей находилось въ рукахъ бояръ центральнаго города. Бояре выѣзжали въ пригороды для управленія ими поочередно. Конечно, въ этомъ отношеніи было много изъятій: многіе пригороды попадали въ частное владѣніе, другіе, выдѣляясь изъ земли, получали управителей непосредственно отъ князя.

Какъ въ древнѣйшія времена населеніе русскихъ городовъ состояло изъ бояръ, купцовъ и черныхъ людей, такъ и въ XV вѣкѣ мы находимъ тѣ же классы въ городахъ западной Руси. Въ 1456 году, въ Полоцкѣ были слѣдующіе классы городскихъ жителей: 1) высшій землевладѣльческій классъ — бояре; 2) классъ торговый, — „мѣщане“ (то же, что прежде „купцы“; такой терминъ употребленъ въ грамотѣ короля Казимира, подъ вліяніемъ польскаго языка, или правильнѣе, польскихъ юридическихъ понятій); 3) городскіе дворяне и 4) классъ

[1]) А. З. Р., II, № 203.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., I, 147.
[4]) А. З. Р., I, № 146.

ремесленный и земледѣльческій — черные люди. Третій изъ этихъ классовъ составляетъ такой же неопредѣленный, переходный оттѣнокъ, какъ въ древнемъ Новгородѣ дѣти боярскіе, житые люди, гриди или земцы. Напрасно мы стали бы искать въ лѣтописяхъ и актахъ положительнаго отвѣта: были ли эти классы родовыми или нѣтъ? Напрасно пріурочивать весь высшій классъ (бояръ) къ княжеской дружинѣ. Въ каждой общинѣ были свои бояре и свои черные люди. Три послѣдніе класса стоятъ въ большой связи какъ между собою, такъ и съ волостью. Объ общеволостныхъ дѣлахъ ходатайствуютъ мѣщане, городскіе дворяне и всѣ волостные люди [1]). Стремленіе выдѣлить себя изъ остальной массы городскаго населенія лишь тогда проявляется между боярами въ большихъ городахъ западно-русскихъ, когда чрезъ шляхетскія жалованныя грамоты стали проникать въ Западную Русь западно-европейскія понятія. Между прочимъ, бояре желаютъ, по примѣру польской шляхты, освободить себя отъ общегородскихъ податей; но это не удавалось имъ до тѣхъ поръ, пока законъ (жалованныя грамоты на магдебургское право) не отдѣлилъ точнымъ образомъ остальныхъ жителей городовъ отъ бояръ. Такъ, въ Полоцкѣ въ складкѣ податей должны были участвовать бояре, мѣщане, дворяне и поспольство; это утвердили жители города взаимною присягою, которая утверждена грамотою Казиміра. Но бояре начали отстранять себя отъ общей обязанности, на что́ и жалуются остальные классы тому же королю. Бояре оправдывались предъ королемъ старыми привилегіями, данными Витовтомъ, и говорили, что присяга дана ими только на время. Но король не принялъ оправданій и рѣшилъ: должны бояре помочь класть, когда мы потребуемъ, каждый по силѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ король устанавливаетъ такое распоряженіе объ общественныхъ городскихъ сборахъ: должны быть выбраны два человѣка изъ бояръ, два — изъ мѣщанъ, два — изъ дворянъ и два — изъ поспольства, люди добрые, пригодные и вѣрные; для храненія общественныхъ денегъ, собранныхъ съ города на государственныя подати, учреждается скрыня (сундукъ) за четырьмя ключами — боярскимъ, мѣщанскимъ (мѣстскимъ), дворянскимъ и поспольскимъ (черныхъ людей). Выборные люди одинъ безъ другаго не могутъ вскрывать этого сундука; что́ возьмутъ и что́ раздадутъ, то было бы извѣстно, и была бы ведена отчетность [2]). Даже въ позднѣйшія времена въ го-

[1]) A. З. Р., I, № 147.
[2]) Ibid., 61.

родскихъ поселеніяхъ русскихъ, не пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, бояре и мѣщане несутъ общія повинности и потому сообща заботятся о нуждахъ города: въ 1571 году, король Сигизмундъ Августъ пишетъ въ жалованной грамотѣ Бѣлой Церкви, что бояре и мѣщане замка Бѣлоцерковскаго просятъ его о продолженіи данной имъ прежде льготы отъ всякихъ взносовъ—подачокъ, капщизнъ, мыта, побору и торговаго; король соглашается, чтобы „всѣ бояре и мѣщане, которые теперь при томъ замку нашемъ Бѣлоцерковскомъ суть, и которые впередъ будутъ приходить туда и осѣдать", пользовались всякими пожитками, торгами и шинками; могутъ они по всѣмъ землямъ (панствамъ), принадлежащимъ коронѣ (Польшѣ), покупать хлѣбы и живность на свои потребности и привозить сухимъ путемъ и водою до Бѣлой Церкви безъ оплаты мыта; обязанностію ихъ остается содержаніе сторожевыхъ карауловъ на степи и шляхахъ и извѣщеніе о приближеніи непріятеля [1]). Изъ этого акта видно, что торговля и шинкарство не составляли спеціальнаго занятія однихъ мѣщанъ.

Что касается до внутренняго управленія городскаго и суда, то свѣдѣнія, дошедшія до насъ, крайне скудны. Однакожь, и на основаніи немногихъ данныхъ можно сдѣлать достаточно достовѣрные выводы о сохраненіи въ городахъ древнихъ свободныхъ общинныхъ началъ. Въ упомянутой выше грамотѣ короля Казиміра жителямъ города Полоцка, король говоритъ: „Приказываемъ, чтобы бояре, мѣщане, дворяне городскіе и поспольство были между собою въ согласіи (згодѣ), а дѣла бы наши городскія исполняли всѣ съ согласія сообща, *по давнему*, а собранія дѣлали бы (сымались бы) всѣ вмѣстѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ *прежде издавна* собирались; а безъ бояръ мѣщанамъ, дворянамъ и черни не слѣдуетъ дѣлать сеймовъ" („сеймовъ не надобѣ чинить"). О занятіяхъ такихъ „сеймовъ" (древняго вѣча) мы не имѣемъ опредѣленныхъ извѣстій; но также точно мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго о правахъ и занятіяхъ Новгородскаго вѣча, не смотря на множество подробныхъ историческихъ извѣстій о семъ послѣднемъ: характеристическая черта древне-русскихъ учрежденій — отсутствіе положительнаго (письменнаго) права и господство права обычнаго. Но, по соображенію съ позднѣйшею дѣятельностію сельскихъ общинъ, безошибочно можно предположить, что городскимъ сеймамъ принадлежало все внутреннее управленіе и судъ [2]).

---

[1]) А. Южн. и З. Р., I., 160.
[2]) См. А. З. Р., I., 204.

Правда, городскія общины стояли въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ сельскія, потому что среди городовъ утвердился замковой урядъ (то же что въ старыя времена „княжой дворъ"), сопоставленіе общиннаго начальства съ замковымъ вело къ неминуемымъ столкновеніямъ между ними; поэтому постоянныхъ выборныхъ должностныхъ лицъ мы не находимъ, точно такъ, какъ не находимъ ихъ и въ древнихъ восточно-русскихъ городахъ, кромѣ Новгорода и Пскова. Въ 1502 году упоминается „староста" въ Смоленскѣ, и здѣсь разумѣется не урядникъ замковый (староста), а городской выборный: онъ называется старостою города (мѣста) и жалуется королю вмѣстѣ съ мѣщанами, что люди городскіе всѣ ограблены отъ служебниковъ королевскихъ, которые „у Смоленску на замку мѣшкаютъ" [1]).

Городское самоуправленіе было въ то же время и земскимъ; въ городахъ того времени мы находимъ условія, по которымъ намѣстники и воеводы земель должны опредѣляться королемъ изъ мѣстныхъ жителей, по согласію съ городскими жителями и землею. Въ упомянутой выше грамотѣ Торопчанамъ [2]) король, приказывая жителямъ города не вмѣшиваться въ дѣла волостной общины, говоритъ: „Намѣстнику Торопецкому, кто отъ насъ будетъ, послѣ Зенька (наличнаго намѣстника), который Торопчанинъ въ Торопцы намѣстничество держати, не надобѣ къ нимъ (волостнымъ людямъ) по дань нашу и по тивунщину въѣзжати". Здѣсь 1) намѣстникъ — Торопчанинъ; 2) дѣйствія намѣстника представляются общими дѣйствіями города. Но у насъ есть богатый источникъ для опредѣленія отношеній между городомъ и королевскими урядниками; это такъ-называемыя земскія грамоты. Онѣ же уясняютъ намъ и составъ городскаго народонаселенія и его права и даютъ возможность опредѣлить отношеніе къ землѣ главнаго города земли [3]).

---

[1]) А. З. Р., I, 199.

[2]) А. З. Р., I, 146.

[3]) Считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько оговорокъ касательно пользованія земскими грамотами для нашей цѣли: мы воспользуемся здѣсь по преимуществу грамотами Александра и Сигизмунда I. Въ грамотахъ этихъ частію прямо указывается, что онѣ составляютъ копіи съ древнѣйшихъ грамотъ, данныхъ Казиміромъ, когда онъ былъ еще только великимъ княземъ Литовскимъ (см. А. З. Р., I, 203 и 204); частію же это открывается изъ самаго содержанія грамотъ, которое иногда противорѣчитъ содержанію другихъ актовъ, современныхъ имъ; такъ въ 1511 году подтверждена старая грамота Полоцкой землѣ, а между тѣмъ многіе порядки давно уже измѣнились: городъ Полоцкъ получилъ уже магдебургское право, а потому земская грамота 1511 года во многомъ противорѣчитъ гра-

Въ 1505 году били челомъ королю Александру владыка Смоленскій, окольничіе Смоленскіе, всѣ князья, паны, бояре, мѣщане, черные люди и все поспольство города и земли Смоленской, прося подтвержденія привилегіи Казиміра, которую этотъ великій князь далъ за вѣрность Смолянъ своей присягѣ тѣмъ государямъ, которые сидѣли на Вильнѣ и Трокахъ. Казиміръ, кромѣ того, уже бывши королемъ, опредѣлялъ отношенія ихъ къ своему намѣстнику, Николаю Радзивиллѣ, судными листами. Александръ, выбравъ пункты изъ этой привилегіи и судныхъ листовъ, даетъ свою грамоту. Въ 1503 году о томъ же просила Витебская земля: князья, бояре, слуги Витебскіе, войтъ и мѣщане города Витебска и вся земля Витебская. Важнѣйшіе пункты обѣихъ грамотъ слѣдующіе:

1) Христіанства греческаго закона не рушить, не дѣлать притѣсненія вѣрѣ (налога на вѣру) и въ церковныя имущества не вступаться; если какой Литвинъ или Ляхъ крещены въ Витебскѣ въ русскую вѣру, того князю не рушить, права ихъ христіанскаго ни въ чемъ не ломать.

2) Въ права частной собственности, отчины, купленины и наслѣдства, князю не вступаться (это условіе о наслѣдствахъ должно быть отмѣчено въ опроверженіе мнѣнія Мацѣевскаго, который признаетъ въ Литвѣ и Руси исконныя начала феодализма, и слѣдовательно, право князя быть наслѣдникомъ своихъ подданныхъ).

3) Имѣнья, выслуженныя князьями, боярами, слугами и мѣщанами у прежнихъ князей, не отнимать у Витеблянъ, по грамотамъ тѣхъ князей.

4) Волости въ Смоленской землѣ, какъ держали бояре Смоленскіе, такъ имъ и держать по старому; кромѣ бояръ Смоленскихъ, никому волостей Смоленскихъ не держать; Свидригайло и Витовтъ отторгли было нѣкоторыя волости отъ Смоленска и приписали ихъ къ другимъ землямъ (напримѣръ, къ Мстиславлю); но эти же самые князья (конечно, по настоянію Смоленска) опять возвратили ихъ къ Смоленску,

---

могѣ на магдебургское право, подтвержденной тѣмъ же королемъ въ предыдущемъ 1510 году (см. А. З. Р., II, №№ 61 и 70). Изъ этого ясно открывается, что въ земскихъ грамотахъ Александра и Сигизмунда отражаются порядки, современные не этимъ королямъ и не XVI вѣку, а великому князю Казиміру, то-есть, первой половинѣ XV вѣка и болѣе древнимъ временамъ—Сигизмунда и Витовта (какъ объ этомъ прямо говорится въ грамотахъ), когда старо-русскіе порядки въ самостоятельномъ Литовско-Русскомъ государствѣ сохранялись еще непарушимо.

по старому; въ Полоцкѣ волость Дрисецкую бояре Полоцкіе держали и по годамъ, судили и рядили въ ней (и злоупотребляли властію) [1]).

5) Суда предковъ великихъ князей и своихъ собственныхъ не посуживать; не казнить Витеблянина безъ исправы и безъ спросу съ Витеблянами, не заковывать въ желѣза, когда есть порука; князь не долженъ пользоваться отысканною покражею („татиное беремя"); покраденое должно быть возвращено тому, у кого украдено, а недостающее должно быть вознаграждено (въ пользу того же) изъ имущества вора, или тать выдается головою истцу. Витеблянина за предѣлами Витебской земли не судить: въ случаѣ жалобы князю отъ одного Витеблянина на другаго въ Литвѣ (то-есть, когда князь не въ Витебскѣ), давать листъ къ воеводѣ Витебскому, хотя бы и о смертной винѣ, а воеводѣ судить по цѣлованію, разсмотрѣвъ дѣло съ князьями, боярами и мѣщанами; въ случаѣ обвиненія, казнить виновнаго въ Витебскѣ, по праву Витебской земли.

6) Въ судъ о вѣсахъ и мѣрахъ, въ тяжбы торговыя князю не вступаться, Витеблянамъ самимъ казнить виноватаго.

7) Воеводу давать по старому, по волѣ Витеблянъ: какой воевода будетъ нелюбъ имъ, и они пожалуются на него (обмолвятъ) предъ княземъ, то князь долженъ дать имъ другаго воеводу по ихъ волѣ. Воевода, въ первый же день по пріѣздѣ въ Витебскъ, цѣлуетъ крестъ Витеблянамъ на томъ, чтобы безъ суда (права) ихъ не казнить по доносамъ ни въ чемъ; въ Смоленскѣ, кромѣ воеводы, судили и рядили вмѣстѣ съ нимъ *окольничіи* (въ Витебскѣ князья, бояре и мѣщане) и другіе урядники; иногда при дурныхъ воеводахъ забирали власть и судъ люди, не имѣвшіе на то права: напримѣръ, ловчій князя Николая Радзивилла началъ было судить и рядить по всему городу и дѣцкихъ посылать, но по просьбѣ города такія своевольства прекращались; при воеводѣ и окольничихъ исполнительными чиновниками были *ябедники* и *подвойскій;* въ случаѣ злоупотребленій со стороны этихъ полицейскихъ чиновниковъ, князь приказывалъ, чтобы намѣстникъ избиралъ въ подвойскіе добрыхъ людей, которые бы мѣщанамъ любы были.

8) Отношенія земли къ воеводѣ заключались въ повинностяхъ подводной и сторожевой; горожане же (жители города Смоленска) не обязаны были давать подводы воеводѣ, окольничимъ, намѣстнику и слугамъ воеводы, а только князю, въ случаѣ его пріѣзда въ Смо-

[1]) А. З. Р., I, 175.

ленскъ; сторожу къ казнѣ намѣстниковъ Смоленскихъ горожане давали только тогда, когда намѣстники выѣзжали изъ города, и то съ тяглыхъ людей, которые издавна эту службу служивали; злоупотребленія въ этомъ отношеніи исправлялись княземъ, по жалобѣ города; также только тяглые были обязаны сыпать пруды, дѣлать мосты были обязаны всѣ, или каждый — платить за исправленіе по грошу съ своего участка.

9) Поборы въ пользу воеводы были слѣдующіе: а) пошлина съ купцовъ иногородныхъ, торгующихъ мясомъ въ Смоленскѣ, а не съ городскихъ рѣзниковъ; б) судебныя пошлины и дѣцкованья въ опредѣленныхъ размѣрахъ; города освобождались отъ тамги; тамга берется только съ пріѣзжихъ купцовъ; другія повинности городъ несетъ вмѣстѣ съ волостью.

10) Витеблянамъ жить въ Витебскѣ добровольно, по старому, покуда кто хочетъ; а которому Витеблянину будетъ отъ великаго князя наспльно, и будетъ ему не любо, князю его не держать сплою: ему путь чистъ, куда хочетъ; онъ долженъ отойдти въ отчину великихъ князей—Литву, и не тайно, ударивши челомъ Святому Благовѣщенью и объявивши воеводѣ и своей братьѣ-мужамъ Витеблянамъ; онъ, идя прочь, воленъ въ своемъ имѣніи, можетъ его продать или отказать; князю въ это не вступаться [1]).

Собирая теперь въ одно вышеприведенные пункты, составляющіе содержаніе земскихъ грамотъ, мы находимъ, что эти грамоты имѣютъ большое сходство съ договорными грамотами великихъ князей Московскихъ съ Новгородомъ. Грамоты давались собственно городу, какъ это видно изъ всего ихъ содержанія: судятъ и казнятъ вмѣстѣ съ воеводою Витебляне въ Витебскѣ; воевода въ Витебскѣ цѣлуетъ крестъ Витеблянамъ; наконецъ, остальные пункты опредѣляютъ собственно права горожанъ (см. пункты 6, 8, 10, 4). Внутреннее самоуправленіе и судъ, при свободномъ выборѣ воеводъ и участіи въ судѣ, мало уступаютъ Новгородской свободѣ. Городъ заправляетъ землею: Витебскъ выбираетъ воеводу для всей земли, въ Смоленской землѣ держатъ волости Смоленскіе бояре. Понятіе города обнимаетъ всю совокупность городскихъ жителей, хотя купцы и черные люди составляютъ и свои общины, какъ составляли ихъ и въ Новгородѣ. При такомъ единствѣ всѣхъ классовъ города, съ одной стороны, и при такой связи города съ землею, съ другой, было нетрудно отстаивать

[1]) А. З. Р., I, 204 и 213.

высшіе земскіе интересы, какъ напримѣръ, неприкосновенность православной вѣры.

Если, какъ мы уже видѣли, содержаніе уставныхъ земскихъ грамотъ относится къ XIV и XV вѣкамъ и во многомъ было уже несовременно XVI вѣку, то съ другой стороны несомнѣнно, что порядки, изображенные въ нихъ, продолжались до самаго времени дарованія городамъ магдебургскаго права.

Чѣмъ же и когда нарушены эти порядки? Какимъ образомъ жители города, съ одной стороны, выдѣлились отъ князей-бояръ и вообще того, что̀ составило потомъ высшее сословіе, а съ другой, — отдѣлились и отъ волостныхъ людей? Какимъ образомъ обще земскія права превратились въ сословныя и изъ высокаго блага сдѣлались зломъ? Вопросы эти всего яснѣе рѣшаются исторіей нѣмецкаго права въ Литовско-Русскомъ государствѣ, потому что оно проникало сюда уже въ окончательной формѣ права городоваго [1]) и становилось въ прямое противорѣчіе съ исконными славянскими воззрѣніями, безъ всякихъ переходныхъ, смягчающихъ оттѣнковъ, хотя впрочемъ для успѣховъ его почва здѣшняя была уже отчасти приготовлена непосредственнымъ вліяніемъ польскихъ шляхетскихъ понятій и крѣпостнаго права.

Когда въ первый разъ давалось магдебургское право старому русскому городу, то возбуждался первый вопросъ: кто подлежитъ этому праву, или что̀ все равно, кто будетъ называться мѣщанами? Въ старыхъ русскихъ городахъ (напримѣръ, въ Полоцкѣ) мы видѣли разные классы жителей, которые всѣ одинаково составляли гражданъ. Городское населеніе охватывало собою какъ бояръ, высшіе классы, такъ и крестьянъ; посредствующіе между ними классы уже и прежде, на офиціальномъ языкѣ, назывались мѣщанами, но это есть злоупотребленіе юридическаго термина, вкравшееся изъ польскаго права, гдѣ торгующіе люди уже давно были включены въ одно сословіе — мѣщанское. Теперь предстояло провести двѣ разграничительныя черты между городскими жителями и жителями волости: оставшіеся по ту сторону одной черты должны были сдѣлаться высшимъ сословіемъ, оставшіеся по сю сторону той же черты должны были, подъ именемъ мѣщанъ, составить среднее сословіе; наконецъ, это послѣднее должно было отдѣлиться отъ волостныхъ людей, которые съ того времени

---

[1]) Исключенія можно замѣтить въ одномъ актѣ, помѣщенномъ въ Актахъ, относ. къ исторіи Южн. и З Р., I, 95.

неминуемо подпадали крѣпостному праву. Когда въ 1498 году великій князь Александръ даровалъ Полоцку магдебургское право [1]), то поставилъ себя въ затруднительное положеніе, кого подчинить этому праву, то-есть, кого сдѣлать мѣщанами; сначала онъ назначилъ къ поступленію въ мѣщане неопредѣленно всѣхъ жителей города — купцовъ, или, какъ выражаются уже юридическіе акты, мѣщанъ, дворянъ городовыхъ и черныхъ людей, кромѣ бояръ, къ которымъ легче было примѣнить польскія понятія о шляхтѣ; за тѣмъ, не именуя прежнихъ городскихъ классовъ, онъ прибѣгаетъ къ шаткимъ разграниченіямъ топографическимъ: дѣйствію магдебургскаго права подлежатъ всѣ живущіе въ городѣ, какъ тѣ, которые живутъ за Двиною, такъ и тѣ, которые живутъ по сю сторону Двины и на островѣ; это распредѣленіе относится къ совершенно независимымъ торговымъ людямъ, и тутъ пока мало затрудненій; но въ самомъ городѣ много было крестьянъ, и кромѣ того, къ городу принадлежалъ цѣлый округъ, который обыкновенно тянулъ вмѣстѣ съ нимъ въ податяхъ и въ военной службѣ; далѣе, жителямъ города, боярамъ и купцамъ, принадлежали деревни; въ селахъ были свои классы: путные бояре и просто крестьяне. Великій князь относительно всѣхъ этихъ классовъ жителей распорядился такъ: всѣ крестьяне церковные, боярскіе и мѣщанскіе, живущіе въ городѣ, всѣ волостные крестьяне городскаго округа и селъ, принадлежащихъ мѣщанамъ (то-есть, торговымъ людямъ), со всѣми классами сельскихъ жителей (и путные бояре) подлежатъ магдебургскому праву. Такимъ образомъ выдѣлены бояре и крестьяне, живущіе на ихъ земляхъ. Всѣхъ остальныхъ „выймуемъ,— пишетъ великій князь,— отъ права городскаго и боярскаго“.

Но такое разграниченіе оказалось на дѣлѣ неудовлетворительнымъ: возникли споры и жалобы между новыми сословіями. Уже въ слѣдующемъ 1499 году [2]) эти жалобы были представлены на рѣшеніе великому князю. Какъ видно, были предложены князю слѣдующіе вопросы: 1) Какъ поступать при спорахъ о поземельномъ владѣніи, особенно, если споръ возникаетъ между лицами, относящимися къ двумъ различнымъ присудамъ, городскому и гродскому (замковому)? Князь отдаетъ право этого важнаго суда суду боярскому: „Тѣ суды имѣетъ судить намѣстникъ нашъ Полоцкій съ старшими боярами Полоцкими, по давнему обычаю“ (но по давнему обычаю, какъ мы видѣли, на-

[1]) А. З. Р., I, 159.
[2]) А. З. Р., I, 175.

мѣстникъ судилъ не съ одними боярами). 2) Какъ поступать въ сношеніяхъ съ иноземными государствами? Прежде городъ имѣлъ право принимать пословъ и договариваться съ ними, какъ глава земли; теперь, когда державный характеръ города замѣняется мелкимъ сословнымъ, и городъ составляютъ собственно мѣщане, то какъ тутъ быть, спрашиваютъ Полочане,—когда пріѣдутъ послы изъ Новгорода, Пскова, Великихъ-Лукъ или отъ Нѣмцевъ? Князь принужденъ возстановить старое единство города и рѣшаетъ, что въ такихъ случаяхъ намѣстникъ съ старшими боярами Полоцкими, призвавъ войта и старшихъ мѣщанъ, долженъ принять и отправить пословъ, какъ предъ тѣмъ бывало; однако уже и здѣсь замѣчается ограниченіе автономіи земскаго города: „если будетъ что касаться городскаго (мѣстнаго) дѣла“, сказано въ княжескомъ отвѣтѣ. Но съ одной стороны, въ торговыя дѣла теперь не слѣдовало бы мѣшаться боярамъ и намѣстнику, а съ другой, отъ дѣлъ, не касающихся торговыхъ (мѣстныхъ) интересовъ, теперь, значитъ, отстраняется бо́льшая часть массы городскихъ людей, и они отдаются намѣстнику съ боярами. Затѣмъ открываются самые затруднительные вопросы относительно подчиненія магдебургскому праву волостныхъ людей. Мы видѣли, что князь причислилъ къ мѣщанскому сословію путныхъ бояръ. Но нѣкоторыя волости, какъ мы видѣли выше, управлялись и судились боярами Полоцкими (городскими) поочередно, и между прочимъ ихъ же суду подлежали и путники въ этихъ волостяхъ; спрашивается: какому присуду принадлежатъ они теперь? Князь опять оставляетъ по старому, то-есть, уже отчасти отступаетъ отъ своего разграниченія, сдѣланнаго въ жалованной грамотѣ на магдебургское право; если, по этой грамотѣ, магдебургскому праву подлежатъ деревни купцовъ и путныхъ бояръ и вообще владѣнія и домы ихъ въ городѣ и внѣ его, то какъ поступать, когда предъ самымъ дарованіемъ магдебургскаго права имѣнія эти перешли къ боярамъ, или наоборотъ? Князь оставляетъ дѣло in statu quo. Между тѣмъ въ жалованной грамотѣ князь приказываетъ боярамъ вернуть мѣщанамъ купленные ими у послѣднихъ домы „гвалтовнѣ“, взявши назадъ деньги. Въ грамотѣ на магдебургское право князь причислилъ къ мѣщанскому сословію всѣхъ крестьянъ, живущихъ въ городѣ; но теперь, при новомъ вопросѣ объ этомъ, онъ рѣшаетъ совсѣмъ не такъ: крестьяне боярскіе, занимающіеся торговлею,—говоритъ онъ,—должны платить подати вмѣстѣ съ мѣщанами, но суду войта и мѣщанъ не подлежатъ. Наконецъ, къ присуду войта и мѣщанъ бѣжатъ холопы, рабы и кабальные (закупни); мѣщане ихъ не выдаютъ и хо-

тятъ ихъ судить правомъ нѣмецкимъ. Князь рѣшаетъ, что войтъ и мѣщане не должны принимать и судить людей невольныхъ, а долженъ ихъ судить намѣстникъ Полоцкій по городскому праву. Гораздо затруднительнѣе былъ вопросъ о такихъ городскихъ классахъ, которые причислены къ мѣщанскому сословію, а въ то же время были служилыми людьми. Это дворяне городскіе и путники. Обязаны ли теперь первые ѣхать въ провожатыхъ съ послами, а вторые давать имъ коней? Князь опредѣляетъ пока, что тѣ и другіе обязаны исполнять это только въ такомъ случаѣ, когда онъ самъ или Полоцкій намѣстникъ, съ его приказанія, отправляетъ пословъ. Затѣмъ открывается рядъ вопросовъ объ обстоятельствахъ, касавшихся прежде или всей земли Полоцкой, или всего города Полоцка. Прежде въ Полоцкѣ былъ устроенъ черезъ Двину вольный перевозъ, на содержаніе котораго перевозчики получали плату, сторожовщину, съ волостей по всей землѣ Полоцкой; теперь войтъ и мѣщане установили плату за перевозъ съ великокняжескихъ людей и съ боярскихъ. Князь опять сохраняетъ старину. Прежде городъ дѣлалъ долги отъ всѣхъ классовъ своихъ жителей: кому теперь платить эти долги? Князь прибѣгаетъ къ казуистикѣ: онъ говоритъ, что такъ какъ прежде доходъ съ городскихъ вѣсовъ (ваги) и узвозъ получали торговцы вмѣстѣ съ боярами, а теперь, по магдебургскому праву, этими доходами пользуются одни мѣщане, то они и должны принять на себя уплату городскихъ долговъ. Мы сказали, что всего легче было выдѣлить бояръ изъ новаго мѣщанскаго сословія; однако же, и между классами бояръ и торговыхъ людей была одна весьма тѣсная связь, разорвать которую очень нелегко: прежде всѣ жители города имѣли одинаковое право торговли; тогда никому и въ голову не могло прійдти, что торговля составляетъ привилегію одного класса. Всякій, имѣвшій средства, велъ торговыя дѣла. Теперь, въ первый разъ рождается весьма важный вопросъ: имѣютъ ли право торговать бояре, когда прежде они отпускали въ Ригу рожь, крупу, попелъ и смолу? Князь отвѣчаетъ, что бояре имѣютъ право отпускать только свою собственную рожь и проч., не перекупая эти произведенія у другихъ производителей. Извѣстно, что въ послѣдствіи законодательство исказило до того народные взгляды, что торговая дѣятельность стала считаться позорною для шляхтичей, и обратно, шляхетскіе предразсудки повліяли на законодательство такъ, что терялъ шляхетство тотъ, кто занимался куплею и продажею. Обстоятельство это сдѣлалось одною изъ важнѣйшихъ причинъ упадка торговли въ Рѣчи Посполитой.

Однако и это разграниченіе вскорѣ оказалось недостаточнымъ; въ слѣдующемъ 1500 году [1]) опять на рѣшеніе великаго князя были представлены новыя недоразумѣнія. По жалованной грамотѣ на магдебургское право, великій князь отнесъ сельскихъ путниковъ къ магдебургскому присуду. Теперь изъ за-нихъ возникаетъ споръ между замкомъ и городомъ: замку оказалось „шкодно“, потому что пригонныхъ людей къ нему мало. Великій князь разрѣшаетъ это слѣдующимъ образомъ: сельскіе путники, которые постоянно живутъ въ селахъ, а въ Полоцкѣ не имѣютъ своихъ домовъ, должны, по прежнему, служить къ замку Полоцкому и находиться подъ вѣдомствомъ Полоцкаго намѣстника, а тѣ путники (названные здѣсь уже мѣщанами), которые издавна имѣютъ домы и вообще имѣніе въ городѣ, должны справляться и судиться магдебургскимъ правомъ. Но люди, подлежащіе теперь магдебургскому праву, накупили много имѣній, съ которыхъ слѣдуетъ справлять службу замку; такіе новые мѣщане, подлежа магдебургскому праву, въ то же время съ своихъ купленныхъ имѣній должны отправлять путную службу; только впередъ уже, безъ воли великаго князя, *они не должны покупать такихъ имѣній.* Не знаемъ, по какому праву возникъ вопросъ о ремесленникахъ, живущихъ въ Полоцкѣ; можетъ-быть, нѣкоторые изъ нихъ были обязаны какими-нибудь повинностями намѣстнику; князь пишетъ, что намѣстникъ Полоцкій и бояре не должны вступаться въ нихъ. Люди, предназначенные къ поступленію въ мѣщане и заложившіеся потомъ за намѣстника, владыку, игуменью, бояръ, игуменовъ и поповъ, должны возвратиться къ магдебургскому праву.

Но и это разграниченіе не принесло спокойствія въ городъ; вѣковѣчное зданіе земскаго города не могло разрушиться, и на его развалинахъ не могло устроиться новое, мѣщанское, въ два года. Въ 1510 году [2]) король Сигизмундъ, въ новой жалованной грамотѣ Полоцку, говоритъ: „Братъ нашъ король Александръ перемѣнилъ право литовское и русское на право нѣмецкое, то-есть, мактборское“; но потомъ, ради нѣкоторыхъ трудностей, не уничтожая мактборскаго права, многіе пункты въ своей привилегіи отмѣнилъ, какъ это очевидно въ томъ, что̀ касается сельскихъ путниковъ и другихъ нѣкоторыхъ пунктовъ; вслѣдствіе этого отмѣненія возникло сомнѣніе, по которому мѣщане города Полоцка произвели между собою распри и раздѣленіе:

---

[1]) А. З. Р., I, 185.
[2]) А. З. Р , II, 61.

нѣкоторые изъ нихъ, „*выломавшись изъ подъ права нѣмецкаго, вдались подъ присудъ городской* (замковый), *а многіе прочь разошлись*“. Король думаетъ, что все это произошло отъ послѣдующихъ измѣненій первоначальной привилегіи и надѣется водворить общій порядокъ возстановленіемъ этой привилегіи. Съ этою цѣлію онъ вновь отдаетъ подъ присудъ магдебургскій всѣхъ мѣщанъ и черныхъ людей и всѣхъ закладней, которые были за владыкою Полоцкимъ, за игуменьею, за князьями и за боярами, за игуменами и за попами. Они обязаны справлять вмѣстѣ съ городомъ „всякія поплатки и подачки и тяжкости и послуги“; владѣльцу же земли, на которой они сидятъ, обязаны платить только поземельный оброкъ (поземь), по обычаю и условію съ землевладѣльцемъ. Каждый князь и бояринъ можетъ имѣть у себя только по одному дворнику и огороднику на пріѣздъ. Но король ошибался, если полагалъ, что все устроится съ возстановленіемъ первоначальной грамоты Александра. Въ первый разъ въ русскомъ обществѣ возникаетъ сословная борьба: то не возстаніе бѣдныхъ на богатыхъ, какъ въ Великомъ Новгородѣ, не борьба управляемыхъ противъ притѣснителей-управляющихъ, какъ въ земляхъ Московскаго княжества, — то возстаніе земскихъ классовъ другъ на друга. Жалуются королю мѣщане на воеводу Полоцкаго, на всѣхъ князей, пановъ-бояръ и духовныхъ землевладѣльцевъ. Причинъ къ столкновеніямъ было множество: съ одной стороны, мѣщане покупаютъ земли у бояръ, у путныхъ людей, у данныхъ и пригонныхъ, то-есть, земли, на которыхъ лежала земская служба. Земство считаетъ такихъ новыхъ владѣльцевъ, равно и тѣхъ сельскихъ жителей, которые причислены къ мѣщанамъ, своими членами и подвергаетъ ихъ городскому (за́мковому) суду. Кромѣ того, многіе сами „*выломились*“ *изъ права магдборскаго и задались въ городовое право*, не хотя платить серебщизны и ордынщины и другихъ податей вмѣстѣ съ городомъ; съ этою же цѣлію многіе задаются за владыку, за князей и за бояръ Полоцкихъ. Съ другой стороны, земскіе классы, бояре, слуги воеводы и прочіе служилые люди поженились на мѣщанкахъ и взяли въ приданое мѣщанскіе (мѣстскіе[1]) дворы и земли, но не хотятъ служить къ „мѣсту“ (то-есть, новому мѣщанскому городу) и быть послушными магдборскому праву. Изъ той же грамоты открывается, что новое магдебургское право, сдѣлавъ городъ чуждымъ землѣ и враждебнымъ ей, не дало ему силы для защиты мѣщанъ отъ нападеній со стороны зем-

[1]) А. З. Р., II, 147.

ства: являются „кривды, утиски, грабежи, гвалты многіе, забійства головъ и бои“ противъ мѣщанъ со стороны урядниковъ и слугъ воеводы. Акты молчатъ о дальнѣйшемъ ходѣ соціальнаго переворота въ Полоцкѣ. Время, конечно, сдѣлало свое и привело Полоцкъ къ такому же порядку вещей, къ которому пришли и прочіе города Западной Руси: городомъ (мѣстомъ) стало называться мѣщанское поселеніе, отдѣленное своими привилегіями какъ отъ земледѣльцевъ, такъ и отъ землевладѣльцевъ, возбуждающее зависть, съ одной стороны, и презрѣніе, съ другой.

Обозначимъ слѣдствія этого переворота для земскихъ классовъ, для крестьянъ и для землевладѣльцевъ.

Шляхетство, выродившееся изъ городскихъ бояръ, служилыхъ людей при замкахъ, съ примѣсью разныхъ сельскихъ элементовъ, уже разорвало связь съ городомъ: ему не зачѣмъ жить въ городѣ, ему даже неудобно жить тамъ, гдѣ оно постоянно сталкивается съ чуждымъ ему вѣдомствомъ; законъ, какъ мы видѣли, дозволялъ боярамъ имѣть только дворы для пріѣзда въ городѣ, съ опредѣленнымъ, весьма ограниченнымъ числомъ людей (по одному дворнику и огороднику) [1]). Въ противномъ случаѣ ему придется поступить подъ вѣдомство административной и судебной власти мѣщанъ и войдти чрезъ это въ мѣщанское сословіе. Вслѣдствіе того, землевладѣльцы переходятъ въ села, свои помѣстья, гдѣ возникаютъ теперь замки шляхетскіе [2]), обстоятельство, — замѣтимъ мимоходомъ, — чуждое сѣверной Руси. Даже высшіе королевскіе урядники, воеводы и ихъ намѣстники, предпочитаютъ жить въ сельскихъ замкахъ. Присутствіе замка въ деревнѣ неминуемо сопровождалось дальнѣйшимъ развитіемъ крѣпостнаго права: вездѣ образовалось фольварочное хозяйство, и за нимъ повсюду издѣльная повинность, панщина. Крестьяне, обязанные прежде доставлять только нѣкоторые цѣнные продукты (въ Литвѣ повсюду — мѣдь) въ видѣ поземельной ренты землевладѣльцу, теперь обрабатываютъ часть земли, непосредственно приписанную къ замку, и доставляютъ

[1]) А. З. Р., II, 61

[2]) Въ «Древностяхъ Польскихъ» Морачевскаго, этотъ выходъ шляхтичей изъ городовъ въ села и развитіе фольварочнаго хозяйства объясняются экономическими причинами, именно тѣмъ, что въ XV вѣкѣ поднялась хлѣбная торговля чрезъ пріобрѣтеніе Данцигскаго порта; но здѣсь совершенно упущено изъ виду, что торговлею перестали заниматься шляхтичи именно съ XV вѣка, то есть, со времени повсемѣстнаго введенія магдебургскаго права въ города; фольварочное хозяйство обыкновенно удовлетворяло только потребностямъ многочисленной прислуги пана.

разныя услуги для зáмка (сторожа и проч.). Второе слѣдствіе распространенія магдебургскаго права въ городахъ для крестьянскаго сословія столь же важно. До этого времени всѣ земскіе люди *(мужи)* стекались на вѣча въ свой центральный городъ: общинные суды были общеземскими. Когда, съ выдѣленіемъ города въ особый присудъ, отдѣлилась важнѣйшая, болѣе богатая и образованная часть земли, то общеземскіе суды потеряли единство, уваженіе со стороны центральной власти и силу. Шляхтичи принуждены были образовать свои особыя собранія, шляхетскія вѣча [1]) (земскіе суды) съ сословнымъ характеромъ; копные же суды сдѣлались сословными — крестьянскими. Въ этомъ новомъ характерѣ копные суды могли держаться еще нѣсколько времени только въ силу привычки: защищать ихъ законность и права было уже не кому. Хотя бояре получали уже прежде и давно польское шляхетство и многія привилегіи, но не составляли еще сословія. Напротивъ того, разнообразіе между ними было таково, что польское сословное понятіе „шляхтичъ“ употреблялось здѣсь для обозначенія одного только разряда землевладѣльцевъ. Теперь, при отдѣленіи прочихъ городскихъ жителей въ одинъ классъ мѣщанъ, всѣ различные землевладѣльческіе классы сплотились въ одно сословіе. Начало этого явленія замѣтно уже въ самыхъ жалованныхъ грамотахъ на магдебургское право: короли отдѣляютъ мѣщанъ отъ всякаго присуда „городскаго и боярскаго“. Всѣ прежнія общеземскія и общегосударственныя учрежденія превращаются теперь въ сословныя. Тѣ же самыя права, которыя были такъ благодѣтельны для страны, пока въ нихъ участвовали всѣ классы общества, сдѣлались источникомъ гибели для государства, когда участниками ихъ стало одно шляхетское сословіе.

Итакъ, съ введеніемъ нѣмецкаго городоваго права въ областяхъ Рѣчи Посполитой совершается явленіе, прямо противоположное тому, которое въ той же самой сферѣ совершалось въ Германіи. Какъ тамъ городовое право явилось для того, чтобы смягчить рѣзкое раздѣленіе землевладѣльческаго и земледѣльческаго сословій, и въ городскихъ общинахъ приготовило нейтральную почву для примиренія ихъ, такъ здѣсь это же самое городовое право внесло сословную рознь въ общество, которому она была до сихъ поръ совершенно чужда. Намъ нечего указывать на гибельный духъ этой розни, такъ печально об-

[1]) Какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литовской Руси земскіе суды сдѣлались шляхетскими вслѣдъ за утвержденіемъ тамъ и здѣсь нѣмецкаго права въ городахъ.

наружспный многовѣковою исторіей Рѣчи Посполитой и запечатлѣнный ея естественною смертью.

Слѣдующія за симъ замѣчанія, касающіяся правъ городовъ, падѣемся, уяснятъ и то, какое могущественное вліяніе оказало дарованіе городамъ магдебургскаго права на происхожденіе и развитіе идеи шляхетства.

3. Права городовъ.

Какъ основная причина упадка и паденія шляхетскаго государства заключается въ правахъ и привилегіяхъ шляхетскаго сословія, такъ основная причина упадка и паденія городовъ заключается въ ихъ правахъ и привилегіяхъ.

Законодательныя права городовъ. Всякая грамота на магдебургское право начинается слѣдующимъ важнымъ пожалованіемъ: „Даемъ и даруемъ на вѣчность право нѣмецкое магдебургское, отдаляя всѣ иныя права польскія, литовскія и русскія и всѣ иные обычаи, которые были бы несогласны съ правомъ нѣмецкимъ магдебургскимъ“. Этимъ пожалованіемъ городъ совершенно выдѣляется изъ сферы дѣйствія общихъ государственныхъ законовъ. Законодательное опредѣленіе дальнѣйшихъ правъ и уставовъ внутри города предоставляется ему самому. Нѣтъ сомнѣнія, что такого высокаго права нельзя не признать весьма важнымъ пожалованіемъ. Притомъ право это даровано мѣщанамъ раньше, чѣмъ шляхетское сословіе получило подобное же право, или по крайней мѣрѣ, раньше, чѣмъ законодательная власть утвердилась за шляхетскимъ сословіемъ, какъ неотъемлемое конституціонное право. Но несомнѣнно также и то, что подобнымъ пожалованіемъ мѣщанскій городъ навсегда отстраняется отъ участія въ законодательной дѣятельности шляхетскаго сословія. Теперь все будетъ зависѣть отъ того, чья законодательная дѣятельность, шляхетская или мѣщанская, сдѣлается общегосударственною законодательною властію. Но такъ какъ шляхетство оставалось земскихъ сословіемъ, а мѣщанство — исключеніемъ изъ земства, то само собою понятно, что государственная законодательная власть должна быть предоставлена шляхетскому сословію. Провинціальные сеймики и генеральные сеймы шляхтичей сдѣлались представителями всего государства. Поэтому, когда мѣщане, въ концѣ XVIII вѣка, потребовали себѣ участія въ законодательной власти, какъ возстановленія стараго историческаго права, то они утверждали то, чего не только никогда не было, но и не могло быть. Къ сожалѣнію, не только мѣщане XVIII вѣка, но и

ученые изслѣдователи XIX вѣка также ошибаются, когда утверждаютъ, что города пользовались прежде правомъ представительства на сеймахъ. Историческіе случаи, на которые ссылаются въ доказательство этой мысли, относятся или къ тому времени, когда еще не было правильныхъ сеймовъ, и когда нѣмецкое магдебургское право не успѣло еще разорвать стараго земскаго единства между разными классами жителей, или ко временамъ полнаго развитія сеймовой власти. Обыкновенно указываютъ слѣды участія городовъ въ законодательной власти въ слѣдующихъ явленіяхъ первой эпохи: 1) Представители городовъ подписываются подъ договорами между Польшею и сосѣдними государствами; такъ, напримѣръ, трактатъ 1343 года между королемъ Казиміромъ Великимъ и послами магистра Нѣмецкаго ордена Рудольфа подписанъ городами Познанью, Калишемъ, Вроцлавомъ, Брестомъ Куявскимъ, Краковомъ, Сандомиромъ и Сандечомъ [1]), эти же самые города и ратификуютъ тотъ же договоръ; подобно тому, въ 1411 году нѣкоторые города: Познань, Калишъ, Иноврoцлавъ, Брестъ Куявскій, Краковъ и Сандомиръ подписали договоръ между Ягеллою и Витовтомъ, съ одной стороны, и крестоносцами, съ другой. 2) Мѣщане даютъ записи на вѣрность королямъ напримѣръ, въ 1373 году городъ Познань даетъ запись королю Людовику въ томъ, что по смерти его престолъ будетъ отданъ одному изъ его дѣтей [2]); такую же запись въ слѣдующемъ году даютъ города Ставишинъ, Конинъ, Калишъ и другіе, въ 1425 году такую же запись королю Ягеллѣ даютъ города Схремъ, Всхова, Фрауштадтъ, Меджиричъ, Сквирина, Гнѣзно, Калишъ и многіе другіе [3]). 3) Города принимаемы были въ одну конфедерацію съ шляхтою.

Изъ этихъ трехъ явленій два послѣднія вовсе не могутъ быть доказательствами участія мѣщанъ въ законодательной власти. Записи, которыя даютъ города на вѣрность королю Людовику и его потомству, суть не болѣе какъ общеупотребительная форма присяги. Это очевидно уже изъ того, что записи собираются отъ городовъ послѣ выбора и коронаціи Людовика, и изъ того, что каждый городъ даетъ такую запись отдѣльно; нельзя думать, чтобы выборъ короля рѣшался отдѣльнымъ постановленіемъ каждаго города [4]). Короли должны были

---

[1]) Dzial. Lit., 1, 2, p. 34 — Zbiór praw, dow. i uwag, I, 13.

[2]) Ibid., 14.

[3]) Ibid., 15.

[4]) Послѣ смерти Людовика Венгерскаго въ 1382 году обѣщаніе исполнить прежнюю присягу умершему королю (насчетъ выбора на престолъ одного изъ

заботиться особенно о томъ, чтобы связать вѣрность городовъ наиболѣе торжественными актами. Въ XIV вѣкѣ города въ Великой Польшѣ, Мазовіи, Малой Польшѣ и Червонной Руси имѣли населеніе преимущественно нѣмецкое, или, по крайней мѣрѣ, власть и управленіе въ городахъ принадлежали Нѣмцамъ-войтамъ и раднымъ. Чуждые всякаго польскаго патріотизма, города нерѣдко измѣняли польскимъ королямъ, въ пользу Нѣмецкой имперіи и вообще нѣмецкихъ государствъ. Съ городовъ, слѣдовательно, по преимуществу нужно было брать присяжную запись на бумагѣ, въ видѣ торжественнаго акта. Подобныя же присяжныя записи, съ такимъ значеніемъ, даны городами и королю Ягеллѣ [1]). Вообще, иначе нельзя смотрѣть на участіе городовъ въ избраніи королей до того времени, когда правильно сложилась и утвердилась власть сейма. Съ этого же времени, къ избранію короля допускались представители только тѣхъ городовъ, которымъ дѣйствительно дано было право участія на сеймахъ (какъ увидимъ ниже). Что касается принятія городовъ въ шляхетскія конфедераціи, то оно, очевидно, нисколько не относится къ законодательной власти. Это были взаимные договоры объ общемъ охраненіи земскаго мира во время безначалія. Важнѣе этихъ двухъ явленій представляется подпись городовъ на договорахъ и гарантія этихъ послѣднихъ городами, какъ доказательство ихъ участія въ политическихъ дѣлахъ наибольшей важности. Но такой характеръ могло бы имѣть это явленіе только тогда, когда бы представители городовъ, въ составѣ прочихъ сословій, участвовали въ самомъ заключеніи договоровъ. Между тѣмъ они только подписываютъ уже заключенный договоръ, какъ поручители, точно такъ, какъ тѣ же договоры были подписываемы легатами папы и послами другихъ государствъ. Подпись городовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что договоръ дѣйствительно заключенъ, и что они уличатъ короля, если онъ вздумаетъ отречься отъ своихъ уступокъ магистру ордена. Впрочемъ, такое же значеніе имѣла въ то время и подпись свѣтскихъ и духовныхъ чиновъ государства на тѣхъ же договорахъ, по той простой причинѣ, что правильнаго законодательнаго собранія въ то время еще не было въ Польшѣ.

Говорить о правѣ участія городовъ въ законодательной власти,

его потомковъ) подписано конфедерацией воеводъ, каштеляновъ и шляхты (nobiles, milites, totaque communitas) провинцій.

[1]) Впрочемъ, въ дѣйствіяхъ Ягеллы, который выхлопатывалъ себѣ записи о выборѣ въ наслѣдники его сына Владислава или дочери Ядвиги у разныхъ городовъ, прежде рѣшенія этого вопроса общимъ земскимъ собраніемъ, можно дѣйствительно видѣть заискиваніе, но все же не основанное ни на какомъ правѣ.

значитъ говорить о правѣ участія ихъ на сеймахъ. Пока не было сеймовъ (правильныхъ собраній извѣстнаго числа представителей извѣстныхъ общинъ въ опредѣленные сроки, съ ясно обозначенными правами) не было и *права*, а только *фактъ* участія тѣхъ или другихъ личностей въ установленіи законовъ и въ народныхъ собраніяхъ. Въ этомъ смыслѣ до начала правильныхъ сеймовъ можно отрицать участіе въ законодательной власти шляхетскаго сословія съ такою же основательностію, какъ и доказывать участіе въ ней мѣщанъ. До періода Ягеллоновъ, короли и князья *совѣщались* съ своими ближайшими слугами (баронами, рыцарями), духовенствомъ и подручною массою народа, смотря по тому, гдѣ было собрано вѣче. Въ тѣ времена (до династіи Ягеллоновъ) нѣмецкое магдебургское право въ Польшѣ не успѣло еще разорвать прежнее земское единство городскихъ жителей съ землевладѣльческимъ классомъ. Примѣръ Литовской Руси показываетъ намъ, что еще долго спустя послѣ дарованія нѣмецкаго права городамъ, они вмѣстѣ съ землею заботятся объ общеземскихъ интересахъ, какъ это мы видѣли выше, говоря о земскихъ грамотахъ Полоцкой области. Что точно то же переходное время было и въ польскихъ городахъ, видно изъ того, что въ XIV вѣкѣ „обывателями“ городовъ были шляхтичи, урядники земскіе, какъ это и замѣтилъ (на основаніи исторіи Нарушевича) одинъ публицистъ 1790 года [1]). Анонимный публицистъ высказалъ при этомъ свое предположеніе что, можетъ-быть, въ то время города, подписывавшіеся на договорахъ, не имѣли еще магдебургскаго права. Предположеніе это совершенно ложно. Познань, Краковъ, Сандомиръ и проч. получили магдебургское право еще въ XIII вѣкѣ; но народный взглядъ, высказанный при этомъ авторомъ, дороже всякихъ цитатъ и выписокъ: высказывая свое предположеніе, анонимный публицистъ, очевидно, ни мало не сомнѣвается въ томъ, что города, не получившіе магдебургскаго права, могли участвовать въ законодательной власти; съ полученіемъ же магдебургскаго права, они тотчасъ же лишаются всякаго участія въ общегосударственномъ законодательствѣ. Затѣмъ всѣ факты, указывающіе на участіе городовъ въ законодательной власти въ эпоху сеймовъ, уже ни мало не подлежатъ сомнѣнію. Чацкій приводитъ изъ „Метрики коронной“ форму избранія въ короли Сигизмунда I (1506 года): Fuereque universi principes et praelati spirituales, et saeculares,

---

[1]) Sprawiedliwość długim miejskich niby praw zbiorom y memoriałom krótką odpowiednią uwagą dość czyniąca. 1790 г. См. стр. 19.

barones, nobilitates et communitates terrarum ac civitatum, de jure ac consuetudine ad electionem regiam pertinentes.... vocati ac avisati.... etc....“ [1]). По закону [2]) и обычаю утвердилось право участія на сеймѣ только за нѣкоторыми городами: именно, изъ числа коронныхъ оно принадлежало Кракову, Познани, Калишу, Сандомиру и Львову, на основаніи конституціи 1420 года, подтвержденной статутомъ короля Александра 1505 года; изъ городовъ мазовецкихъ фактическое участіе на сеймахъ можетъ быть доказано за Варшавою и Плоцкомъ; литовскій сеймъ допустилъ въ свою среду только представителей Вильны съ 1568 года, по конституціи сейма Гродненскаго; въ слѣдующемъ году представители Люблина засѣдали на Люблинскомъ сеймѣ (во время уніи Литвы съ Короной). Итакъ, только тѣ города, которымъ дано было право участвовать на сеймахъ, какъ особая привилегія, не отстранены были отъ общей законодательной власти. Но такъ какъ законы, установляемые на сеймахъ, не касались городовъ, то участіе въ нихъ городскихъ представителей могло быть только очень ограниченное.

Мѣщане напрасно обвиняли шляхту въ томъ, что она, въ эпоху избирательнаго правленія, отстранила города отъ участія въ законодательной власти. Они могли бы жаловаться только на то, что нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ восьми городовъ потеряли въ ту эпоху право посылать представителей на сеймъ.

Думать надобно, что первоначально и сами города весьма мало дорожили правомъ участія въ шляхетскомъ сеймѣ, разсужденія котораго были большею частію чужды городскимъ интересамъ. Иначе трудно объяснить, почему и какъ могло придти въ забвеніе несомнѣнное право упомянутыхъ восьми городовъ на представительство въ сеймахъ. Когда мѣщане нѣкоторыхъ городовъ, въ междуцарствіе 1648 года, заявили о своемъ правѣ участвовать въ выборѣ королей, то шляхетское конфедераціонное правительство не отринуло этого притязанія,

[1]) O litew. i polsk. prawach, I, 280.

[2]) Какъ скоро изъ неопредѣленныхъ государственныхъ собраній, вѣчъ, возникъ сеймъ, тотчасъ же законъ опредѣлилъ съ точностію, какіе города имѣютъ право засѣдать на сеймахъ: это совершилось во второй половинѣ XV вѣка (съ 1420 по 1505 годъ); поэтому въ подписи договора 1436 года Владислава Ягеллоновича съ магистромъ ордена, подписи слѣдуютъ въ точно опредѣленномъ порядкѣ: 1) воеводы, 2) каштеляны, 3) коронные урядники (вмѣсто земскихъ пословъ), 4) города: Краковъ, Познань, Сандомиръ, Калишъ и Львовъ. См. Vol. leg., I, 131. Въ 1505 году это подтверждено конституціей Радомскаго сейма и коронным статутомъ Ласкаго.

какъ лишеннаго всякихъ основаній, но напротивъ того обѣщало допустить ихъ къ будущимъ выборамъ, если города докажутъ свое право несомнѣнными привилегіями [1]). Но какое же могло бы быть сомнѣніе въ ихъ правахъ, если бы всѣ названные выше восемь городовъ неопустительно пользовались своимъ правомъ представительства на сеймахъ XV—XVII вѣковъ?

Изъ исчисленныхъ выше восьми городовъ право представительства сохранили до XVII вѣка только четыре: Краковъ, Вильна, Познань и Львовъ. Но и изъ нихъ даже на актахъ наибольшей важности не всегда видны подписи всѣхъ четырехъ; напримѣръ, на сеймѣ Люблинскомъ, при заключеніи уніи Литвы съ Короной, на одномъ актѣ подписались только послы отъ города Кракова, на другомъ — послы отъ города Вильны. На суффрагіяхъ при избраніи Владислава IV подписались: отъ города Познани — Георгій Яновичъ (Janecius), докторъ философіи и медицины, проконсулъ Познанскій, Іопа Смидель, войтъ, и Альбертъ Раховичъ, лавникъ; отъ города Вильны — Томашъ Бильдзюкевичъ, войтъ, секретарь королевскій, Якубъ Радзивиповичъ и Богданъ Закшевскій, бурмистры, Бартошъ Гавловицкій, писарь города, Вильгельмъ Энгельбрехтъ и Казиміръ Дигонъ, депутаты отъ городской общины; наконецъ, отъ города Львова — нѣсколько депутатовъ. Названные четыре города сохраняютъ свое право ненарушимо; они подписываются въ 1648 году при избраніи Яна Казиміра [2]), въ 1668 году на конфедераціи Варшавской по смерти этого короля [3]), въ 1669 году при избраніи Михаила [4]), въ 1674 году, по смерти Михаила Вишневецкаго, на конфедераціи (но безъ участія пословъ отъ города Познани) [5]), тогда же на pacta conventa Яна Собѣсскаго и на суффрагіяхъ при его избраніи [6]), въ 1676 году на коронаціонномъ сеймѣ (опять безъ участія пословъ отъ Познани), въ 1696 году на конфедераціи коронной и литовской [7]), въ 1697 году на суффрагіяхъ при избраніи Августа II [8]) и на его pacta conventa [9]) (подписались только представители Кракова и Львова), въ 1733 году на конфедераціи

[1]) Vol. leg., IV, 166.
[2]) Vol. leg., IV, 206.
[3]) Ibid., 1068.
[4]) Ibid., V, 35.
[5]) Ibid., 249.
[6]) Ibid., 279.
[7]) Ibid., 860.
[8]) Ibid., 870.
[9]) Ibid , VI, 45

Варшавской — три города (опять безъ представителей города Познани), въ 1764 году на конфедераціи Варшавской тоже.

Шляхетскій сеймъ не только не отнималъ представительства у этихъ четырехъ городовъ, имѣвшихъ на то несомнѣнное право, но даже склоненъ былъ распространить его и на другіе города; такъ, въ 1764 году, при избраніи Станислава Августа, кромѣ подписей Кракова, Познани и Львова неожиданно является подпись представителей городовъ Люблина и Каменца-Подольскаго; но почему-то нѣтъ представителей Вильны. Число пословъ отъ каждаго города остается неопредѣленнымъ; нѣтъ ни постоянства въ ихъ числѣ, ни равенства въ числѣ пословъ одного города съ числомъ пословъ другихъ городовъ. Такъ, въ 1648 году, Виленскихъ пословъ было четыре, а въ 1668 году только два; въ то же время Краковъ выслалъ только трехъ. Подобное неравенство постоянно видно относительно и другихъ городовъ, во всѣхъ случаяхъ ихъ представительства.

Изчисленные случаи участія мѣщанъ въ законодательной государственной дѣятельности показываютъ, что представители городовъ дорожили только своимъ правомъ участвовать въ выборѣ королей: города высылаютъ депутатовъ на сеймы и конфедераціи только тогда, когда наступаетъ междуцарствіе и новое избраніе. Какъ скоро избраніе совершено и начинается обычный ходъ законодательной дѣятельности на сеймахъ, города не имѣютъ на нихъ своихъ представителей. Трудно сказать, лишились ли они этого права, или только пренебрегли имъ. Во всякомъ случаѣ, обстоятельство это показываетъ, что королевская власть была единственною нитью, которая связывала два общества, такъ уродливо сопоставленныя въ одномъ государствѣ. Конечно, очевидный интересъ городовъ требовалъ вліянія на то, въ чьихъ рукахъ будетъ королевская власть, чтобы вѣсы политическаго равновѣсія держались сколько-нибудь сносно. Но чего можно было ожидать всему городскому сословію отъ присутствія при избраніи королей десяти или двѣнадцати городскихъ пословъ среди шляхетскаго сейма? Ясно, что это было лишь почетною формальностью. Въ этомъ заключается причина равнодушія и упомянутыхъ немногихъ городовъ къ своему праву участія въ избирательныхъ сеймахъ.

При всемъ этомъ, право городовъ Кракова, Вильны, Львова и Познани участвовать въ избраніи королей основано было только на милости шляхетскаго сословія; оно было только снисходительнымъ изъятіемъ изъ общаго правила. Общимъ же правиломъ остается: „Право

избранія королей принадлежитъ сейму, сеймъ представляетъ земскіе интересы; а земскимъ классомъ, со времени дарованія городамъ нѣмецкаго права, остается одно шляхетское сословіе". Дѣло идетъ не о томъ, имѣлъ ли *тотъ или другой городъ* право участія на сеймахъ, а о томъ — имѣло ли *городское сословіе* право участія въ общегосударственной законодательной дѣятельности. По справедливости, на такой вопросъ мы должны отвѣчать, что оно не имѣло и не могло имѣть этого права. Но если города не обладали этимъ правомъ, то съ своей стороны, и шляхетское сословіе не имѣло права вмѣшиваться въ законодательство городовъ. Города имѣли право постановлять свои „велькеры" (Willkuhren), имѣвшіе обязательную силу закона. Впрочемъ, между положеніемъ шляхетскаго сословія и положеніемъ мѣщанъ въ этомъ отношеніи была та разница, что шляхетскому сословію предоставлена была возможность развивать свободно законодательство; ему не былъ съ разу навязанъ какой-либо чужой кодексъ; города же, получая муниципальное право, вмѣстѣ съ этимъ получали кодексъ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ и форму общественнаго устройства, указанную для нихъ въ городахъ старѣйшихъ. Поэтому немногіе города воспользовались своимъ правомъ относительно измѣненія или по крайней мѣрѣ, лучшаго приспособленія саксонскихъ законовъ къ славянскому быту. Мы еще разъ напоминаемъ, что не можемъ и не намѣрены говорить о сущности этихъ законовъ и ихъ достоинствѣ по сравненію съ бытовымъ польскимъ или русскимъ правомъ; мы не хотимъ повѣрять, на сколько справедливы слова тѣхъ, кто утверждаетъ, что эти законы были даны для Саксовъ-дикарей и потому писаны кровью, и что безъ ужаса нельзя вообразить позорныхъ для человѣчества уложеній о наказаніяхъ и о средствахъ дознанія, которыя заключены въ „Саксонахъ". Мы указываемъ только, что законы эти были перенесены готовыми въ города Литовской Руси, вовсе не заключавшіе въ себѣ нѣмецкаго населенія, и представляли здѣсь совершенно чуждое право. Въ этомъ, думаемъ мы, заключается основная причина, почему муниципальное законодательство осталось въ Польшѣ почти неподвижнымъ отъ XIII до XVIII вѣка.

Другая причина безсилія законодательной власти городскаго сословія та, что сословіе это не выработало (и не могло выработать) общихъ сеймовъ, подобныхъ шляхетскимъ. Въ концѣ XVIII вѣка Коллонтай сожалѣлъ, что старыя времена Рѣчи Посполитой не оставили въ наслѣдство его времени какого-нибудь общаго городскаго парламента, чего-нибудь въ родѣ англійской палаты депутатовъ; онъ же-

лалъ бы, чтобы рядомъ съ шляхетскимъ сеймомъ была „Miejska Izba“, забывая при этомъ совершенно, что въ Англіи палата депутатовъ представляетъ совсѣмъ не одно мѣщанское сословіе, что эта палата совершенно соотвѣтствуетъ „посольской избѣ“ сейма, какъ польскій сенатъ соотвѣтствуетъ палатѣ лордовъ. Въ Польшѣ общеземскіе интересы представлялись земскими послами. Городская же Изба могла быть не частію общаго сейма, а совершенно отдѣльнымъ сеймомъ какъ бы другаго государства. Этого, конечно, не могло допустить земское государство. Поэтому, когда возникали вопросы о реформахъ, касающихся всего мѣщанскаго сословія въ государствѣ, то правительство въ древнѣйшее время хотя и созывало представителей городовъ, но не въ отдѣльное городское собраніе, а въ общій сеймъ. Такъ было, когда Казиміръ Великій хотѣлъ ввести новый порядокъ въ муниципальное судоустройство: собраніе, утвердившее реформу, состояло изъ епископовъ, аббатовъ и другихъ прелатовъ, каштелляновъ, воеводъ и земскихъ урядниковъ, бароновъ, рыцарей и шляхты, райцевъ, войтовъ и лавниковъ изъ городовъ [1]). Со времени же возникновенія правильныхъ сеймовъ ни разу не повторилось общее собраніе городскихъ представителей. Вопросы, касавшіеся городовъ всего государства, рѣшались шляхетскимъ сеймомъ; кодексы муниципальнаго права редактировались и издавались правительствомъ [2]).

Такимъ образомъ, законодательная дѣятельность предоставлена была каждому городу въ частности, а чрезъ это сокращалась сфера дѣйствія законодательства и уменьшалось достоинство самыхъ законовъ. Законы постановлялись прежде радою, а потомъ поспольствомъ каждаго города — пристрастные, своекорыстные, оскорбительные для одной стороны. Жалобы, возникавшія изъ такихъ новыхъ законовъ, вызывали вмѣшательство центральнаго правительства, короля и сейма; а это, въ свою очередь, оскорбляло и принижало независимость и компетентность законодательной власти въ городѣ. Мы будемъ имѣть случай указать, какъ городскіе велькеры въ городахъ подавляли право народнаго большинства, какъ въ русскихъ городахъ они истребляли и оскорбляли русскую народность и православную вѣру. Теперь же мы считаемъ достаточнымъ привести содержаніе одного акта, весьма характеристическаго относительно внутренняго городскаго законодательства: это актъ короля Сигизмунда I отъ 1526 года относящійся къ

[1]) Vol. leg., I, 146.

[2]) Ibid., 352 (статутъ Ласкаго).

Вильнѣ. Поспольство города не разъ жаловалось на раду въ томъ, что она управляетъ не по писанному праву, какъ въ другихъ городахъ, при чемъ поспольство представляло королю нѣкоторые пункты съ тѣмъ, чтобы король приказалъ городской радѣ управлять по этимъ пунктамъ. Король, какъ видно, исполнилъ эту просьбу. Съ своей стороны, Виленская рада представляетъ королю, что прежде никогда эти пункты не были въ употребленіи, что городъ управлялся по старымъ обычаямъ и привилегіямъ. Вслѣдствіе же введенія новыхъ пунктовъ, представленныхъ поспольствомъ, многіе богатые жители впали въ бѣдность и отказались отъ магдебургскаго права. Поэтому рада проситъ возстановить ее въ „полномъ урядѣ“, по давнему. Король, получивъ ходатайство въ пользу рады отъ духовныхъ и свѣтскихъ пановъ великаго княжества Литовскаго, разсуждаетъ такимъ образомъ: если бы предки короля находили для города полезными тѣ пункты, которые теперь представляетъ поспольство, то конечно, внесли бы ихъ въ свои привилегіи; но городъ не имѣетъ нужды ни въ какихъ новыхъ законахъ или въ измѣненіи прежнихъ, ни въ установленіи новыхъ урядниковъ; а потому король отмѣняетъ пункты поспольства, которое не должно ни въ чемъ противиться радѣ, и проч. [1]).

Въ другихъ случаяхъ и въ другихъ городахъ, короли не всегда склоняются на аристократическій консерватизмъ рады и даютъ больше правъ народному собранію; но всегда и вездѣ эти робкіе шаги на поприщѣ законодательства дѣлаются при помощи королевской или сеймовой власти.

Права городовъ на судебную и административную власть. Второй важнѣйшій пунктъ жалованныхъ грамотъ на муниципальное право — слѣдующій: „На вѣки освобождаемъ всѣхъ горожанъ отъ судовъ и власти всѣхъ воеводъ и пановъ и старостъ, судей и подсудковъ, намѣстниковъ и другихъ урядниковъ, такъ что горожане не будутъ обязаны отвѣчать передъ ними, о чемъ бы ни жаловались на нихъ“. Право это, безъ сомнѣнія, имѣетъ чрезвычайную важность: имъ устанавливается самоуправленіе и самостоятельный судъ въ городахъ. И въ этомъ правѣ города опередили шляхетское сословіе, которое получило свои сословные суды и своихъ шляхетскихъ урядниковъ позже, и именно вслѣдствіе дарованія этого права городамъ. По это же самое право навсегда отстранило города отъ участія въ общегосударственной судебной власти и управленіи. По уголовному про-

[1]) Собр. древн. гр. и ак. гор. Вильны и Трокъ, I, № 20.

цессу, установившемуся въ Польшѣ и Литовской Руси въ слѣдъ за введеніемъ нѣмецкаго права, всякій долженъ отвѣчать in forum competens, то-есть, предъ тѣмъ судилищемъ, которому подлежитъ подсудимый по своему состоянію. Уже давно возникали изъ этого различныя недоумѣнія. Такъ, еще въ Вислицкихъ статутахъ Казиміра Великаго была признана необходимость нарушить отчасти это право, потому что — говоритъ законъ — поджигатели и другіе преступники, чтобъ избѣжать руки правосудія, часто укрываются въ городахъ и деревняхъ, пользующихся нѣмецкимъ правомъ, и избѣгаютъ наказанія подъ покровомъ нѣмецкаго права: такихъ преступниковъ рѣшено извлекать extra forum [1]). Столкновенія между земскимъ и городскимъ (польскимъ и нѣмецкимъ правами) отразились и въ другихъ двухъ параграфахъ того же закона: „de illis, qui habentes jus teutonicum, utuntur polonico“ и „de illo qui citatur contra suum privilegium“. Такія же столкновенія обезпокоивали законодательную власть и во всѣ слѣдующіе періоды. Но общее правило о forum competens сохраняло свое значеніе. Въ силу этого правила мѣщанскій судъ не могъ судить шляхтича. Но такъ какъ въ городахъ продолжали жить еще многіе шляхтичи, и городъ былъ постояннымъ мѣстомъ собраній окрестныхъ землевладѣльцевъ на торги и ярмарки, на сеймики и суды, равно мѣстомъ убѣжища во время военныхъ нападеній, то во всѣхъ этихъ случаяхъ горожане могли быть жертвами многихъ преступныхъ дѣйствій со стороны шляхетскаго сословія. Къ этому особенно многіе поводы подавали названныя выше сходбища; а безнаказанность, почти гарантированная закономъ, служила дальнѣйшимъ поощреніемъ. Законъ рѣшился увеличить судебную власть городовъ. Торунская конституція 1521 года постановила: „Такъ какъ возникла вредная рознь между шляхетствомъ и городами относительно тѣхъ шляхтичей, которые подвергаются аресту на мѣстѣ преступленія въ случаѣ насилій въ городахъ и мѣстечкахъ, то постановляется такой временный уставъ (съ согласія сенаторовъ и земскихъ пословъ): если какой-нибудь шляхтичъ будетъ арестованъ городскимъ (мѣщанскимъ) урядомъ въ королевскомъ городѣ или мѣстечкѣ, или въ городѣ какого-либо частнаго владѣльца, то такой шляхтичъ, арестованный по обвиненію въ насиліи, долженъ содержаться въ городской ратушѣ. Совершивъ это, городской урядъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ ни производить суда, ни налагать наказанія на этого шляхтича, прежде чѣмъ

[1]) Vol. leg., I, 28.

явится въ засѣданіе городскаго суда мѣстный староста или вице-староста гродовый для рѣшенія, что̀ нужно сдѣлать съ такимъ шляхтичемъ за его насиліе. Если староста или вице-староста сойдется въ мнѣніи своемъ съ рѣшеніемъ городскаго уряда, то шляхтичъ долженъ быть приговоренъ и наказанъ согласно съ рѣшеніемъ старосты и городскаго уряда. Если же староста не согласится въ своемъ приговорѣ съ рѣшеніемъ городскаго уряда, то арестантъ долженъ оставаться въ городскомъ заключеніи до тѣхъ поръ, пока не придетъ королевское рѣшеніе по этому дѣлу. Но, если въ какомъ-нибудь городѣ или мѣстечкѣ городской урядъ покусится сдѣлать что-либо противъ вышеписаннаго, то староста, подъ властію и въ округѣ котораго находится такой городъ или мѣстечко, долженъ схватить наличнаго проконсула (бурмистра) вмѣстѣ съ однимъ изъ райцевъ и отрубить имъ головы“ [1]).

Это временное распоряженіе превращено позднѣйшими конституціями въ законъ постоянный [2]), но уже съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. Такъ, въ междуцарствія 1587, 1632, 1648, 1668 и 1674 годовъ было постановлено, что подобные смѣсные суды должны быть совершаемы въ городской ратушѣ судомъ каптуровымъ, вмѣстѣ съ городскимъ магистратскимъ, но такъ, чтобы въ составѣ суда было двѣ части судей каптуровыхъ и одна часть райцевъ [3]). Затѣмъ самое понятіе о насиліи, за которое шляхтичъ можетъ подвергнуться смѣсному суду, опредѣлено тѣсными границами самыхъ большихъ преступленій (наѣздъ съ убійствомъ и ранами, насиліе женщинѣ, набѣгъ на домъ или дворъ шляхетскій, стоящій на городскомъ грунтѣ). Если, по рѣшенію дѣла, окажется, что шляхтичъ былъ арестованъ несправедливо, то мѣщане подлежатъ оштрафованію въ 60 гривенъ въ пользу арестованнаго [4]) Далѣе, на рѣшенія такого суда дарована апелляція къ трибуналу или въ сеймъ.

По гражданскому процессу forum competens былъ тотъ судъ, которому подлежалъ отвѣтчикъ. Но тутъ возникали новыя затрудненія, потому что по имущественнымъ правамъ лицо мѣщанскаго сословія нерѣдко причислялось къ земству, и наоборотъ, лицо шляхетскаго сословія причислялось къ городу. Первое имѣло мѣсто въ томъ случаѣ, когда мѣщане владѣли земскими имуществами, то-есть, по-

[1]) Vol. leg., I, 396 — 397.
[2]) Vol. leg., II, 1014, 1241, 1399, 1449, 1450 и др., III, 796.
[3]) Vol. leg., II, 1059 и др.
[4]) Vol. leg., I, 521.

земельною собственностію на земскомъ правѣ; второе — въ томъ случаѣ, когда шляхтичъ владѣлъ въ городѣ имуществомъ на городскомъ правѣ. Мѣщанинъ, владѣющій недвижимою земскою собственностію, отвѣчаетъ предъ судомъ земскимъ. Но такъ какъ множество городовъ владѣли недвижимою земскою собственностію in commune, то-есть, цѣлому городу принадлежали деревни, фольварки и проч., то законъ рѣшился всѣ такіе города подчинить суду земскому, оставляя для городскихъ судовъ весьма незначительное число дѣлъ. Такіе города, по закону 1633 г., должны были подлежать вѣдомству земскихъ судовъ въ дѣлахъ и обидахъ земскихъ, какъ то: о выдачѣ крестьянина, о полученіи должнаго съ крестьянъ, въ дѣлахъ объ убійствѣ и кровопролитіи, въ дѣлахъ о захватѣ земской недвижимой собственности, о вырубкѣ рощь и лѣсовъ и во всякихъ другихъ несомнѣнно земскаго характера; здѣсь они должны отвѣчать совершенно такъ же, какъ шляхтичи, то-есть, съ правомъ апелляціи не въ ассессорію, а въ трибуналъ. Городской же юрисдикціи собственно подлежали только спеціально городскія дѣла, именно дѣла объ имуществахъ и грунтахъ въ городѣ, о полученіи должнаго съ мѣщанъ, о контрактахъ, долгахъ, торговлѣ и проступкахъ, сдѣланныхъ мѣщанами. По такимъ дѣламъ мѣщане подлежали дѣйствію магистратскаго суда съ апелляціею въ надворный судъ [1]). Законъ не разъ постановлялъ, что шляхтичъ, имѣющій въ городѣ собственность на городскомъ правѣ, обязанъ отвѣчать предъ магистратскимъ судомъ по тѣмъ дѣламъ, которыя касаются ихъ городскаго имущества. Но уже частое повтореніе этого закона показываетъ всю затруднительность привести его въ исполненіе. Мы видѣли, что въ Полоцкѣ король рѣшился пресѣчь всякія затрудненія этого рода насильственною мѣрою, повелѣніемъ, чтобы шляхтичи не владѣли имуществами въ городѣ. Но и это, конечно, никогда не исполнялось въ точности. Вслѣдствіе того установилось общее обыкновеніе, что всякій шляхтичъ отвѣчалъ предъ земскимъ или гродскимъ судомъ, а всякій мѣщанинъ — предъ магистратскимъ урядомъ. Но такое разграниченіе судопроизводства сначала было не къ выгодѣ шляхетскаго сословія. Чтобы объяснить это, необходимо обратиться къ общегосударственному судоустройству по муниципальному праву.

Задолго, болѣе чѣмъ за 200 лѣтъ, до возникновенія шляхетскихъ трибуналовъ) образовался высшій апелляціонный судъ нѣмецкаго

[1]) Vol. leg., III, 796.

права. Мы говоримъ объ общеизвѣстномъ учрежденіи Казиміра Великаго [1]), который, желая пресѣчь незаконныя и оскорбительныя для чести государства апелляціи за границу королевства и облегчить расходы процессовъ, на общемъ собраніи земскихъ и городскихъ представителей учредилъ „jus supremum theuthonicale provinciale“ въ замѣнъ магдебургскаго суда. При этомъ нѣмецкое право сведено въ одинъ кодексъ законовъ. Этотъ высшій судъ состоялъ изъ войта Краковскаго и семи пожизненныхъ присяжныхъ по выбору прокуратора замка Краковскаго вмѣстѣ съ войтомъ Краковскимъ, изъ войтовъ и лавниковъ городовъ Бохни, Велички, Ропшицы, Липпицы, Мыслипицы, Олькуша, Вольбрама, изъ войтовъ Липника, Служова, Ижмановицы, Пшечня, Сандвинана, Балина, Чибровицы, изъ королевскихъ солтысовъ Бодзанова, Иголомя, Лапшицы, Скавины, Рыбна, Лиски, изъ войтовъ и солтысовъ монастырей. Такой судъ былъ судомъ провинціальнымъ для земли Краковской, подобно тому какъ въ другихъ земляхъ (Познанской, Сандомирской, Русской) были свои провинціальные суды. Но провинціальный Краковскій судъ былъ относительно другихъ подобныхъ судовъ высшею инстанціей, такъ что апелляція отъ городскаго суда идетъ въ провинціальный (напримѣръ, Львовскій) судъ, оттуда въ высшій нѣмецкій судъ замка Краковскаго, оттуда къ королю, то-есть, въ коммиссарскій судъ райцевъ шести городовъ [2]). Провинціальные суды были вторыми инстанціями судовъ нѣмецкаго права. Отъ нихъ могла идти апелляція въ третью и послѣднюю инстанцію, къ королю. Но королевскій судъ по дѣламъ нѣмецкаго права организованъ былъ вновь: присяжными на королевскомъ судѣ были 12 райцевъ, по два изъ шести городовъ — Кракова, Сандеча, Бохни, Велички Казиміра и Олькуша. Въ актахъ сохранились рѣшенія этого суда по апелляціи отъ высшаго нѣмецкаго суда Краковскаго замка. Предсѣдателемъ этого суда, вмѣсто короля, былъ староста Краковскій [3]). Такимъ образомъ, судъ коммисарскій шести городовъ отдѣлялся болѣе и болѣе отъ королевскаго въ особый судъ. При перенесеніи столицы изъ Кракова въ Варшаву судъ королевскій (ассессорія) и судъ коммисарскій шести городовъ сдѣлались двумя совершенно различными родами судебныхъ учрежденій.

До тѣхъ поръ, пока нѣмецкое право не превратилось еще въ муниципальное, пока еще не была проведена рѣзкая граница между со-

[1]) Vol. leg., I, 144 — 149.

[2]) Pocz sądów miejskich.

[3]) C. D R. P., III, № 218.

словіями, вышеупомянутые апелляціонные суды были не муниципальными судами, а судами нѣмецкаго права, которымъ могли подлежать одинаково и землевладѣльцы, и другіе классы. Но когда нѣмецкое право превратилось въ спеціальное городовое, то и суды эти сдѣлались сословными, мѣщанскими, и шляхетское сословіе видѣло въ нихъ учрежденіе чуждое. Сословное пристрастіе этихъ судовъ, конечно, должно было равняться сословному пристрастію позднѣйшихъ земскихъ судовъ и трибуналовъ. Между тѣмъ, если возникалъ искъ со стороны шляхтича на мѣщанина, дѣло, неудовлетворительно рѣшенное въ городскомъ судѣ, поступало на апелляцію въ судъ Краковскаго замка и потомъ въ коммисарскій судъ шести городовъ; а когда возникалъ искъ мѣщанина на шляхтича, дѣло шло на апелляцію отъ земскихъ или городскихъ судовъ къ королевскому суду, чуждому сословныхъ пристрастій. Вотъ почему шляхетство настояло въ 1550 году, при Сигизмундѣ-Августѣ, чтобы дѣла мѣщанъ съ шляхтичами рѣшались въ ассессорскомъ судѣ [1]). Сюда же мало по малу перешла и высшая апелляціонная власть въ дѣлахъ собственно городскихъ, хотя коммисарскій судъ шести городовъ существовалъ еще до конца царствованія Владислава IV. Этотъ судъ не былъ уничтоженъ ни одною конституціей шляхетскаго сейма; онъ исчезъ самъ собою, потому что мѣщане сами прибѣгали къ суду короля, видя здѣсь бо́льшую силу и гарантію.

Только въ 1578 году шляхетское сословіе достигло того, что̀ имѣли города уже со временъ Казиміра, то-есть, добилось учрежденія шляхетскаго высшаго судилища, трибуналовъ, къ которымъ, конечно, не могли быть допущены депутаты отъ городовъ. Однако, хотя трибуналы по справедливости могли считаться высшими общегосударственными судилищами (подобно тому, какъ шляхетскіе сеймы сдѣлались общегосударственнымъ законодательнымъ собраніемъ), не только собственно мѣщанскія дѣла, но даже дѣла по искамъ шляхтичей на мѣщанъ не были присвоены трибуналамъ; напротивъ того, они остались при ассессоріи, которая изъ собственно надворнаго королевскаго суда превращалась все бо́лѣе и бо́лѣе въ особый трибуналъ, состоявшій въ XVIII вѣкѣ изъ канцлеровъ, подканцлеровъ обоихъ народовъ, великихъ секретарей, референдаріевъ, писарей, инстигаторовъ и вице-инстигаторовъ, регентовъ, писаря декретоваго, четырехъ сенаторовъ и двѣнадцати ассессоровъ изъ шляхетскаго сословія [2]). Такъ, безъ вся-

[1]) Zbiór praw, dowodów i uwag, IV, 9.

[2]) Ibid., 12

кой вины со стороны шляхетскаго сословія, города, прежде имѣвшіе болѣе обширную судебную власть, чѣмъ шляхетство, наконецъ очутились въ положеніи гораздо худшемъ и зависимомъ отъ шляхетскаго сословія, потеряли свой высшій трибуналъ и стали подлежать суду ассессоріи, которая состояла изъ членовъ, совершенно чуждыхъ мѣщанству. Основная причина такого явленія заключается въ той двойственности, которая проникла весь составъ государства со времени введенія нѣмецкаго права: два борющихся начала стремились стать одно на мѣсто другаго; если бы не взяло верхъ шляхетство, то взяло бы верхъ мѣщанство; средства примиренія между ними уничтожались самою существенностью муниципальнаго нѣмецкаго устройства; источникъ позднѣйшаго безправія городовъ лежалъ въ ихъ правахъ: какъ скоро сказано было, что города освобождаются отъ всякой власти воеводъ и проч., то неминуемо стали обнаруживаться тѣ самыя послѣдствія, на которыя такъ жаловались города въ позднѣйшія времена Рѣчи Посполитой. Судебная власть городовъ ограничилась одними стѣнами каждаго города.

То же самое произошло и съ административною властью. Жалованныя грамоты на муниципальное право изъяли города изъ вѣдомства не только старинныхъ славянскихъ административныхъ учрежденій, воеводской и каштелянской власти, но потомъ и отъ новыхъ, развившихся подъ вліяніемъ нѣмецкаго права, отъ старостинской власти [1]). Земскіе классы не могли ни вмѣшиваться въ выборъ городскихъ чиновниковъ, ни быть избираемы въ городскіе урядники, не входя окончательно въ сословіе мѣщанское. То же самое нужно разумѣть и обратно: жители городовъ не могутъ участвовать ни въ выборѣ земскихъ урядниковъ, ни въ земскомъ управленіи. Между тѣмъ въ концѣ XVIII вѣка мѣщане жалуются, что ихъ не допускаютъ до службы отечеству ни въ гражданскомъ, ни въ духовномъ, ни въ военномъ вѣдомствѣ, и справедливо заключаютъ, что они должны считать себя какъ бы пришельцами въ государствѣ.

При возраставшемъ сословномъ раздѣленіи мѣщане точно также не желали имѣть городскими урядниками шляхтичей, какъ шляхтичи не желали видѣть въ своихъ правительственныхъ мѣстахъ мѣщанъ. Во Львовѣ въ 1607 году произошелъ слѣдующій случай: тамъ между радцами были нѣкоторые шляхтичи, принявшіе городское право. Коллегія Сорока Мужей сдѣлала представленіе, чтобъ они оставили должности; мѣщанамъ казалось, что эти радцы, принадлежавшіе по рож-

[1]) Хотя, какъ мы увидимъ ниже, не всегда и не вполнѣ.

денію къ другому сословію, не будутъ съ такою заботливостію стараться о благоденствіи мѣщанъ, какъ лица изъ этого сословія; особенно боялись, чтобы шляхта не завладѣла вполнѣ радческими должностями [1]).

Ничего нѣтъ, слѣдовательно, удивительнаго, если шляхта настаиваетъ, чтобы гродовыя староства были раздаваемы шляхтичамъ, имѣющимъ осѣдлость въ той землѣ, гдѣ лежитъ староство; легко понять, какъ невозможно было для шляхты открыть доступъ мѣщанамъ къ занятію административныхъ должностей, если и шляхтичей они принимали съ разборомъ [2]). Намѣстники старостъ тоже должны были быть шляхтичами, потому что большею частію замѣняли старостъ на судахъ. То же нужно разумѣть и о всѣхъ другихъ административныхъ должностяхъ государства. Итакъ, шляхетство и мѣщанство дѣйствовали оба въ предѣлахъ строгой послѣдовательности и законности, исключая другъ друга изъ своихъ правительственныхъ учрежденій. Не вина шляхетства, если шляхетскія правительственныя должности были болѣе привлекательны, чѣмъ городскія.

Право городовъ на поземельную собственность. Говоря о правахъ, дарованныхъ по грамотамъ на нѣмецкое право, мы упоминали объ одномъ правѣ, имѣющемъ наиболѣе важныя послѣдствія, именно, объ освобожденіи поселенцевъ отъ военной повинности. Это право осталось и за тѣми поселеніями, которыя потомъ получили муниципальное устройство, то-есть, за городами. Жители городовъ собственно польскихъ изъяты были отъ обязанности являться на *посполитое рушенье;* но старая обязанность выставлять обозы для войска была возложена на города [3]) (вопреки жалованнымъ грамотамъ на нѣмецкое право). Такимъ образомъ, закономъ было установлено, что между тѣмъ какъ землевладѣльцы должны выходить поголовно, каждый сообразно съ количествомъ своего недвижимаго имущества, города обязаны доставлять войску возы и другія необходимыя принадлежности обоза [4]). Изъ позднѣйшихъ конституцій видно, что кромѣ этой обязанности, города должны были выставлять на войну и людей (въ 1544 году отъ 8.000 — одного всадника, и отъ 4.000 — одного пѣхотинца). Городъ представлялъ какъ бы коллективную личность одного землевладѣльца. Въ тѣхъ же странахъ, гдѣ нѣмецкое право распространялось преимущественно

[1]) Zubricki, Kronika miasta Lwowa, 237.
[2]) Vol. leg., I, 307, 389, III, 192.
[3]) Vol. leg., II, 1374.
[4]) Ibid., III, 420.

въ формѣ муниципальнаго, именно въ Литвѣ и Руси, жители городовъ не были изъяты отъ военной повинности; города великаго княжества Литовскаго должны были выставлять пѣхоту, тогда какъ конницу составляли землевладѣльцы [1]). Какъ въ коронѣ, такъ и въ княжествѣ, города, въ которыхъ были значительныя крѣпости, обязаны были только содержать крѣпость и защищать ее въ случаѣ опасности.

Выше было уже упомянуто, какую важность имѣетъ дарованіе такой льготы, и какъ эта льгота вліяетъ на политическія права пользующихся ею. Въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ указать на связь ея съ правомъ землевладѣнія. Исключительное право землевладѣнія есть основная черта польскаго шляхетства, такъ что шляхетство и землевладѣніе считались понятіями нераздѣлимыми, почти тождественными. Въ связи съ правомъ землевладѣнія стояли всѣ остальныя политическія права. Но это же право возлагало на шляхту ея единственную обязанность въ отношеніи къ государству, именно обязанность нести военную службу: землевладѣлецъ, не исполняющій этой обязанности, подвергается угрозѣ лишенія поземельной собственности. Городъ, по тому понятію, какое дало о немъ нѣмецкое право, предназначался для удовлетворенія не военныхъ, а финансовыхъ потребностей государства. Жители города тоже получаютъ, по жалованной грамотѣ, поземельную собственность, но обязаны платить съ нея чиншъ государству. Военному человѣку давалась земля въ частную собственность, городу давался участокъ земли, какъ поземельной единицѣ. При установленіи двухъ различныхъ судебныхъ и административныхъ вѣдомствъ, тѣ, которые владѣютъ частью городскаго участка, подлежали вѣдомству городскаго магистрата, по крайней мѣрѣ, во всемъ, что относится къ имуществу; тѣ же, которые владѣютъ частною поземельною собственностію, подлежатъ вѣдѣнію земскихъ (то-есть, шляхетскихъ) судовъ и административныхъ учрежденій.

Такъ въ Польшѣ установились два рода поземельной собственности: собственность, подлежащая муниципальному праву (bona juri civili supposita), и собственность земская, шляхетская (bona juri terrestri supposita). Законъ долженъ былъ провести между ними рѣзкую границу. Въ тѣ времена юридической неразвитости, права, основанныя на имуществѣ, почти всегда переходили въ личныя; человѣкъ, освобожденный отъ податей по земскому имуществу, считалъ себя

[1]) Vol. leg., IV, 673. Сличи Чацкаго, O hł i pol. praw., I, 219 (указанія на то, что мѣщане откупаются отъ военной повинности); A. З. P., II, № 13.

лицомъ, не подлежащимъ обложенію податьми ни въ какомъ случаѣ; наоборотъ человѣкъ, не подлежащій военной повинности по городскому имуществу, не хотѣлъ идти въ походъ и тогда, когда пріобрѣлъ бы земскую недвижимую собственность. Такъ это и было въ дѣйствительности: мѣщане, владѣющіе земскою собственностію, отказываются нести военную службу; шляхтичи, владѣющіе домами въ городѣ, не хотятъ платить податей. Сословія, и мѣщанское, и шляхетское, стремятся исключить другъ друга изъ землевладѣльческихъ правъ, принадлежащихъ тому и другому, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго закона короля Іоанна Альберта, 1496 года, касающагося польскихъ городовъ:

„Постановляемъ, что горожане и плебеи не могутъ покупать и держать на правѣ вѣчной собственности или въ залогѣ мѣстечекъ, селъ, луговъ и другихъ имуществъ, подлежащихъ земскому праву, потому что они не занимаютъ должныхъ мѣстъ между шляхтичами въ походахъ и войскахъ; они, владѣя такими имуществами, обыкновенно изыскиваютъ случай уклоняться отъ военныхъ походовъ, и сверхъ того, такъ какъ они сами не позволяютъ шляхтичамъ покупать домовъ и имуществъ, подлежащихъ муниципальному праву, то по справедливости, слѣдуетъ и имъ запретить покупку имуществъ, подлежащихъ земскому праву. Итакъ, земскіе и городскіе судьи не должны допускать записей (inscriptiones — купчихъ крѣпостей) такого рода въ пользу горожанъ; а если переступятъ это узаконеніе, то отнынѣ всѣ купчія, сдѣланныя противъ этой конституціи, будутъ считаться недѣйствительными и ничего не значащими, на основаніи этого статута. Горожане, захватившіе уже земскія имущества, обязуются продать ихъ въ такой срокъ, въ какой могутъ это сдѣлать, подъ опасеніемъ штрафа, который неопустительно будетъ взысканъ съ непослушныхъ, по нашему повелѣнію или по распоряженію мѣстнаго воеводы“ [1]).

Конечно, нельзя думать, чтобъ этимъ узаконеніемъ всѣ жители всѣхъ городовъ короны тогда же были лишены своихъ земскихъ имуществъ. Шляхетству не легко было привести свои цѣли къ практическому осуществленію. Было много еще мѣщанъ, владѣвшихъ частною недвижимою собственностію. Въ 1505 году, въ Радомскомъ статутѣ короля Александра сдѣлана была поэтому уступка со стороны шляхетскаго сословія: „Такъ какъ, говоритъ статутъ, купцы и горожане,

[1]) Vol. leg., I, 271.

которые имѣютъ большія средства разбогатѣть посредствомъ промышленности, и разбогатѣвши, присоединяютъ къ имуществамъ городскимъ земскія имущества, обыкновенно выхлопатываютъ увольненія отъ военной службы и такимъ образомъ хотятъ въ этихъ имуществахъ пользоваться бо́льшими привилегіями, чѣмъ шляхетство, и отнимаютъ у шляхетства, которое проливаетъ кровь за Рѣчь Посполитую и за общественное спокойствіе, его средства жизни,—то король, вмѣстѣ съ прелатами, совѣтниками, баронами и земскими послами, постановляетъ, что горожане, владѣющіе наслѣдственными земскими имуществами, обязанными военною службою, не могутъ быть изъяты и освобождены отъ военной службы; льготныя же грамоты королевскаго величества, отъ военной службы данныя или впредь имѣющія быть данными, не должны имѣть силы“ [1]).

Очевидно, что въ этомъ случаѣ законъ рѣшается признать существующій фактъ и только регулируетъ его. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ шляхетство вновь пытается привести въ дѣйствіе статутъ 1496 года еще съ большею рѣшительностію и суровостію. То же узаконеніе повторяется потомъ въ 1538 году. Король, на основаніи прежнихъ конституцій и „по настоянію подданныхъ своихъ“, то-есть, шляхтичей, грозитъ штрафомъ въ 100 марокъ тому судьѣ, который допуститъ заключеніе купчей въ пользу мѣщанина; земли, которыми уже владѣютъ мѣщане, должны быть проданы шляхтичу и обывателю королевства не позже какъ въ четыре года; въ противномъ случаѣ король конфискуетъ ихъ и продаетъ, а деньги обращаетъ на защиту государства. Это распоряженіе не простирается на города и общины, владѣющіе in commune имуществами по древнимъ привилегіямъ, то-есть, по привилегіямъ, дарованнымъ прежде статута короля Іоанна-Альберта [2]).

На это постановленіе, безъ сомнѣнія, ссылается 27-й параграфъ Піотрковской привилегіи Сигизмунда Августа (1550 г.), въ которомъ говорится: если мѣщане, владѣющіе земскими имѣніями, будутъ позваны къ суду съ чьей-либо стороны по предмету этихъ имѣній, то король обѣщается поступать сообразно закону [3]). Это однако не показываетъ признанія права мѣщанъ на земскія имущества, какъ же-

---

[1]) Vol. leg., I, 305.

[2]) ...Vigore privilegiorum antiquorum, secus de privilegiis, quae ante statutum Joannis Alberti regis concessa sunt. Vol. leg., I, 526.

[3]) Vol. leg., II, 596.

лали думать нѣкоторые [1]). Что шляхетство не отступало отъ своей цѣли, доказываетъ новое повтореніе статута Іоанна Альберта, сдѣланное въ 1611 году, съ исключеніемъ изъ общаго запрещенія мѣщанамъ владѣть земскими имуществами — гражданъ города Кракова и городовъ прусскихъ [2]). Прусскіе города никогда не теряли этого права (по причинѣ, уже указанной нами); но Краковъ, очевидно, попалъ въ исключеніе, потому что трудно было отнять имущества у многочисленныхъ и богатыхъ жителей столицы. Думать надобно, что и въ другихъ городахъ были еще землевладѣльцы-мѣщане: конституція о посполитомъ рушеньи 1621 года предписываетъ, чтобы мѣщане, владѣющіе наслѣдственными земскими имуществами, выходили на войну лично, за исключеніемъ членовъ магистрата [3]). Такое предположеніе по преимуществу относится къ городамъ великаго княжества Литовскаго, которые не были освобождены отъ военной повинности, а слѣдовательно, къ нимъ и не былъ примѣнимъ самый главный мотивъ польскаго закона 1496 года и послѣдующихъ распоряженій. Но и здѣсь горожане, подобно мѣщанамъ короны, старались уклоняться и откупаться отъ военной службы. Законъ 1611 года, безъ сомнѣнія, касается одинаково какъ городовъ короны, такъ и великаго княжества; но въ послѣднемъ онъ никогда не могъ быть примѣненъ со всею строгостію: такъ прочно укоренилось въ старыхъ русскихъ городахъ понятіе о правѣ всѣхъ классовъ общества на владѣніе поземельною собственностію. Безъ сомнѣнія, и здѣсь проявляется та разница между городами короны и великаго княжества, что въ первыхъ долго преобладало чуженародное населеніе, во вторыхъ же — никогда. Во всякомъ случаѣ въ 1775 году это различіе оказалось самымъ рѣшительнымъ образомъ: мѣщане великаго княжества получили полное право владѣть недвижимою земскою собственностію, а мѣщане короны не получили его.

Итакъ, начиная съ конца XV вѣка, шляхетство постоянно и съ успѣхомъ шло къ своей цѣли, то-есть, къ огражденію своего права землевладѣнія отъ чужаго вмѣшательства. Никто не скажетъ, что шляхетское законодательство дѣйствовало въ этомъ случаѣ только по праву сильнаго, и что здѣсь обнаружилось не право, а злоупотребленіе права. Одновременно съ такими дѣйствіями шляхетства противъ мѣщанъ, во всѣхъ городахъ мѣщане дѣйствуютъ въ томъ же

[1]) Zbiór praw, dowodów i uwag, VI, 6.
[2]) Vol. leg., III, 14.
[3]) Ibid., 420.

направленіи противъ шляхты. Мы видѣли, что въ Полоцкѣ мѣщане успѣли выхлопотать распоряженіе о совершенномъ запрещеніи шляхтѣ и боярамъ владѣть городскою собственностію. Въ другихъ городахъ мѣщане стремятся къ тому, чтобы шляхтичей, владѣющихъ городскою собственностію, обратить совершенно въ мѣщанское сословіе: въ 1539 году Виленскіе мѣщане получили привилегію короля Сигизмунда о томъ, что всѣ, купившіе домы мѣщанскіе, должны принять „право мѣстское“, и что всякъ, владѣющій городскимъ имуществомъ, хотя бы въ то же время владѣлъ земскимъ имуществомъ, не можетъ выламываться изъ-подъ городскаго права [1]). Такое же распоряженіе повторено и въ 1552 году королемъ Сигизмундомъ Августомъ [2]). Побужденіемъ къ этому служитъ всегда то, что шляхтичи и ихъ слуги уклоняются отъ податей, лежащихъ на городской собственности [3]).

4. Правительственныя учрежденія и лица въ городахъ.

Вышеизложенныя замѣчанія о правахъ городовъ, кажется, достаточно показываютъ, что муниципальное право лишило жителей городовъ политическихъ и гражданскихъ правъ въ государствѣ: каждое изъ правъ, дарованныхъ имъ, въ крайнемъ послѣдствіи своемъ, приводило къ безправію. Но цѣною лишенія политическихъ правъ было куплено внутреннее самоуправленіе и самостоятельный судъ въ городахъ. Можетъ-быть, намъ придется убѣдиться, что полученный результатъ не стоилъ такой жертвы, что дѣйствительно независимое и полное самоуправленіе невозможно безъ политическихъ правъ, что каждый городъ, предоставленный самому себѣ, былъ беззащитенъ противъ насилій постороннихъ властей, и что самое устройство муниципальнаго управленія далеко не можетъ считаться образцомъ самоуправленія.

Такимъ образомъ мы должны будемъ опредѣлить 1) отношеніе муниципальнаго управленія къ государственнымъ властямъ и 2) самую форму муниципальнаго управленія.

Отношеніе городскаго управленія къ государственной провинціальной администраціи. Хотя въ грамотахъ на муниципальное право всегда говорится, что мѣщане освобождаются отъ всякой власти воеводъ, старостъ и проч., въ тѣхъ же грамотахъ короли поставляютъ города въ разнообразныя отношенія къ государственнымъ провинціальнымъ властямъ. Чтобы показать, до какой степени были разнообразны

[1]) Собр. др. гр. и ак. гор. Вильны и Трокъ, I, 33.

[2]) Ibid., 52.

[3]) См. ibid , №№ 34, 78, 80, 86, Kronika miasta Lwowa, 85.

первоначальныя права на самоуправленіе въ городахъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ жалованныхъ грамотъ городовъ Литовско-Русскаго государства. Въ 1507 году Сигизмундъ подтверждаетъ жалованную грамоту на магдебургское право, данную городу Волковыйску королемъ Александромъ. Въ этой грамотѣ такъ опредѣляется отношеніе города къ королевскому уряднику Волковыйскому: „Отъ власти и судовъ урядника Волковыйскаго ихъ (мѣщанъ) его милость (король Александръ) освободилъ, за исключеніемъ того, что̀ касается гвалта, поджога, разбоя, насилія; это его милость на себя взялъ и на своихъ урядниковъ. Если какому мѣщанину будетъ дѣло до волостнаго человѣка, то судитъ державца Волковыйскій или намѣстникъ его въ нашемъ дворѣ съ войтомъ, а если волостному человѣку будетъ дѣло до мѣщанина, то судитъ войтъ съ намѣстникомъ на ратушѣ, по ихъ (магдебургскому) праву“ [1]). Такимъ образомъ здѣсь какъ бы возстановляется содержаніе древнѣйшихъ грамотъ на нѣмецкое право, до возникновенія еще муниципальнаго права. Впрочемъ это единственный случай, извѣстный изъ актовъ. Исключеніе уголовныхъ дѣлъ изъ судебной власти городскихъ чиновниковъ нигдѣ не повторилось, и вѣроятно, въ послѣдствіи было уничтожено въ самомъ Волковыйскѣ. Въ 1510 году тотъ же король подтверждаетъ грамоту на магдебургское право, данную Александромъ городу Высокому; въ ней говорится, что король Александръ не приказалъ намѣстнику Дорогицкому самому (одному) судить и рядить мѣщанъ, но намѣстникъ долженъ судить при войтѣ и при бурмистрахъ „для смотрѣнія вины“. Когда придется намѣстнику съ войтомъ вердунокъ грошей, то на намѣстника 8 грошей, а войту 4; отъ синей раны намѣстнику съ войтомъ $7^1/_2$ грошей; войту изъ этого третій пенязь. Также, когда случится судъ о гвалтѣ, разбоѣ, поджогѣ и воровствѣ съ поличнымъ, тогда долженъ судить намѣстникъ съ радцами; а когда воръ безъ поличнаго, то долженъ быть отданъ войту [2]): Здѣсь, очевидно, королевскому чиновнику поручается власть силезскаго и польскаго провинціальнаго войта.

Болѣе обширное приложеніе имѣлъ тотъ порядокъ суда и управленія, который въ 1581 г. Стефанъ Баторій установилъ въ Пинскѣ: „Даемъ и позволяемъ войту съ лавниками, а бурмистру съ райцами, установленнымъ въ городѣ, власть и право — всякія дѣла, подле-

[1]) А. З. Р., II, 13.
[2]) А. З. Р , II, 59.

жащія ихъ суду, выслушивать, изслѣдовать, судить, произносить приговоры и карать сообразно преступленію и уставамъ магдебургскаго права. Но всѣ вообще обыватели города Пинска и посторонніе люди, которые сочтутъ себя обиженными приговоромъ вышеименованныхъ радъ города Пинска, имѣютъ право апеллировать отъ декретовъ ихъ къ старостѣ Пинскому, отложивши въ городскую казну копу грошей, по закону магдебургскаго права; а потомъ отъ суда старосты — къ суду королевскому“ [1]). Но и подчиненіе городскаго суда суду старостинскому, какъ высшей инстанціи, имѣло мѣсто не во многихъ городахъ. Власть старинныхъ славянскихъ учрежденій (воеводской, намѣстничьей и пр) и новыхъ (старостинской) имѣла весьма обширное вліяніе на городское управленіе, когда должность городскаго войта соединялась съ должностью воеводы или старосты. Король, освобождая городъ Полоцкъ отъ власти воеводъ, при дарованіи магдебургскаго права, въ то же время поставилъ воеводу Полоцкаго городскимъ войтомъ: „Что касается войтовства въ Полоцкѣ, то какъ съ стародавнихъ временъ, — говоритъ Стефанъ Баторій въ жалованной подтвердительной грамотѣ 1580 года, по возвращеніи Полоцка отъ Россіи, — войтомъ бывалъ и войтовствомъ завѣдывалъ никто иной, какъ воевода Полоцкій; такъ и теперь нашъ воевода Полоцкій — теперешній и потомъ будущіе должны быть войтами въ Полоцкѣ, ставить лентвойта и отправлять всякія городскія дѣла по законамъ и обычаямъ магдебургскаго права“ [2]).

Но когда повсюду и въ Литовско-Русскомъ государствѣ возникли староства, то гораздо чаще войтовство соединялось съ староствомъ. Такъ какъ это были явленія однородныя, возникшія изъ однихъ и тѣхъ же началъ нѣмецкаго права, то соединеніе ихъ было до того легко и всеобще, что шляхетское законодательство сочло за нужное особымъ закономъ предупредить ихъ сліяніе (конечно, изъ своихъ сословныхъ выгодъ, чтобъ открыть доступъ къ кормленію для бо̀льшаго числа шляхты). Въ 1569 году Сигизмундъ-Августъ, даруя магдебургское право городу Дисна̀, пишетъ [3]): „Что касается войта тамошняго, ино мы урядъ войтовской возлагаемъ на старосту нашего Дисенскаго — теперешняго и будущихъ старостъ и этою привилегіею дѣлаемъ такое распоряженіе на вѣчныя времена: старосты наши Дисенскіе имѣютъ быть отъ насъ на мѣстѣ войтовскомъ,... а староста будетъ ставить

[1]) А. З. Р., III, № 125.
[2]) А. З. Р. III, № 121.
[3]) А. Южн. и З. Р., I, № 151.

лентвойта. Если случится какое великое дѣло, котораго бы лентвойтъ самъ рѣшить не могъ, то должны давать знать старостѣ, какъ главному войту; а староста, въ качествѣ войта, обязанъ явиться въ ратушу и такія дѣла судить и рѣшать по праву магдебургскому, но не по какому-либо другому, вмѣстѣ съ лавниками". Конституціею Варшавскаго сейма 1607 года было установлено: „Войтовства, которыя не соединены (inkorporowane) съ староствами, не будемъ соединять съ ними, чтобы не было убытка для военной службы людей заслуженныхъ какъ въ коронѣ, такъ и въ Литвѣ" [1]). Тотъ же законъ былъ еще разъ повторенъ въ 1620 году [2]) въ pacta conventa Сигисмунда III, который обязуется не раздавать привилегій старостамъ на войтовства, ходившія прежде отдѣльно, seorsive [3]). Здѣсь разумѣются многочисленныя сельскія войтовства въ староствахъ такъ же точно, какъ и войтовства въ городахъ. Но этимъ нельзя было предупредить слиянія многихъ войтовствъ съ староствами, когда такое слияніе совершалось при самомъ дарованіи магдебургскаго права городамъ или при самомъ учрежденіи староствъ. Кромѣ того, при продажѣ войтовствъ всего легче было купить ихъ мѣстному старостѣ, который и прежде былъ въ постоянныхъ экономическихъ отношеніяхъ къ войтовству. Такимъ образомъ, мы видимъ войтовства соединенными съ городовыми и негродовыми староствами въ городахъ Ковелѣ [4]), Кременцѣ [5]) (вслѣдствіе продажи), Барѣ (вслѣдствіе обращенія пожизненнаго староства въ вѣчное и потомственное при отдачѣ его Выговскому, гетману войскъ запорожскихъ) [6]) и во многихъ другихъ.

Тѣмъ не менѣе мы не можемъ смотрѣть на всѣ вышеизложенные случаи зависимости города отъ воеводской и старостинской власти иначе, какъ на исключенія. Было множество городовъ поставленныхъ, по словамъ жалованныхъ грамотъ, въ полную независимость отъ всѣхъ провинціальныхъ властей и учрежденій. Слѣдуетъ опредѣлить нормальное и всеобщее отношеніе городовъ къ воеводской и старостинской юрисдикціи. Воеводы и старосты, по закону, могли вмѣшиваться въ городское управленіе только въ сферѣ хозяйственной. Воеводы въ городахъ сохранили одну только отрасль власти, — именно, право

[1]) Vol. leg., II, 1607 г.
[2]) Ibid., III, 367.
[3]) Ibid., VI, 623.
[4]) Рукоп. Клевск. Центр. Арх., кн. 1477, л. 87.
[5]) Ibid., кн. 1973 л. 38.
[6]) Vol. leg , IV, 647.

устанавливать таксу на продукты въ городахъ. Это было поручено воеводамъ, конечно, потому, что такса могла по возможности держаться при единствѣ цѣны въ цѣломъ воеводствѣ, а не въ каждомъ староствѣ отдѣльно. Конституціи, поручающія воеводамъ наблюденіе за цѣною, мѣрами и вѣсомъ въ городахъ, начинаются съ половины XV вѣка и идутъ непрерывно. Такъ, въ 1451 году было постановлено: „Нерѣдко жители городовъ и мѣстечекъ, купцы и ремесленники притѣсняютъ и обижаютъ шляхтичей и пришельцевъ въ торговлѣ; поэтому постановляемъ, что воевода каждой земли имѣетъ власть умѣрять неумѣренныя цѣны и приводить къ доброму порядку. А если мѣщане окажутся непослушными распоряженію воеводы, то онъ имѣетъ власть наказать ихъ по старому обычаю“ [1]). То же распоряженіе повторено въ 1538 году, съ угрозою воеводамъ, не исполняющимъ своей обязанности, штрафа въ 100 марокъ, а мѣщанамъ непослушнымъ въ 40 марокъ [2]).

Въ 1560 году было постановлено, что воеводы должны два раза въ году устанавливать таксу жизненныхъ припасовъ, созвавъ старостъ или подстаростъ, чиновниковъ и урядниковъ земскихъ. Такса должна быть установляема въ главномъ городѣ воеводства или земли на ратушѣ, при городскомъ магистратѣ. Таксѣ подлежатъ всѣ произведенія ремеслъ и колоніальные товары (пряности, вино, ткани и проч.), но не хлѣбъ, конечно, потому что продукты перваго рода покупаются землевладѣльцами, а хлѣбъ продается ими въ городѣ; сохраняя за собою право назначать произвольную цѣну на произведенія почвы, шляхетство ограничиваетъ произволъ мѣщанъ въ назначеніи цѣны ихъ произведеніямъ. Впрочемъ, экономическое значеніе такой мѣры должно быть оцѣнено не въ этомъ отдѣлѣ нашего труда.

Законныя отношенія городовъ къ старостамъ были гораздо разнообразнѣе и приводили къ постояннымъ столкновеніямъ. Города, получивъ муниципальное право, не утратили для государства своего прежняго стратегическаго значенія; „miasto“ все еще продолжало быть „городомъ“. Правда, что кремли-цитадели отдѣлились отъ городовъ рѣшительно, и за ними исключительно осталось названіе „городовъ“; но и „мѣсто“ окружалось стѣнами и вмѣстѣ съ замкомъ составляло одну крѣпость. Староста былъ главнымъ образомъ хранитель замка, и въ тѣхъ городахъ, гдѣ не было особаго гарнизона, онъ былъ

---

[1]) Vol. leg., I, 158.
[2]) Ibid., 523.

военнымъ начальникомъ крѣпости. Это первый пунктъ столкновенія города съ гродомъ, магистратскаго управленія съ старостинскимъ. Далѣе староста былъ державцею (поссессоромъ) королевскаго имѣнія. Въ участокъ, данный ему, включался прежде всего городъ, пользующійся ли магдебургскимъ правомъ, или не пользующійся имъ. Въ томъ и другомъ случаѣ городъ подлежалъ экономическому вѣдѣнію старосты, который получалъ съ мѣщанъ денежные чинши и натуральные поборы и пользовался разными издѣльными повинностями въ предѣлахъ, назначенныхъ жалованною грамотой или общимъ государственнымъ уставомъ. Отсюда вытекали слѣдующія отношенія старосты къ городамъ:

1) Староста наблюдаетъ надъ исправностію городскихъ укрѣпленій; а такъ какъ содержаніе и ремонтъ ихъ должны были покрываться нѣкоторыми отраслями государственныхъ доходовъ, нарочно для этой цѣли предоставленныхъ городамъ, именно, чоповымъ и шосомъ, то староста долженъ былъ знать, сколько городъ получаетъ дохода, и на что употребляетъ его; отсюда рядъ узаконеній о томъ, чтобы старосты повѣряли городскіе доходы. Въ конституціи Піотрковскаго сейма 1565 года выражено именно то соображеніе, что привилегіи городовъ даны имъ не ради одного благосостоянія мѣщанъ, а съ тѣмъ, что на мѣщанъ возлагаются обязанности служилаго сословія. „Такъ какъ города наши основаны (fundowane) и пожалованы земскимъ имуществомъ отъ нашихъ предковъ не для однихъ только лицъ, живущихъ въ городѣ, а для блага Рѣчи Посполитой, то поручаемъ старостамъ нашимъ наблюдать, чтобы города поправлялись, и чтобы отдавался отчетъ предъ старостою и предъ тѣми, которыхъ мы присоединимъ къ нему. Обстройка и исправленіе городовъ должно быть произведено такъ, какъ мы прикажемъ, подъ наблюденіемъ старосты и тѣхъ, кого мы назначимъ къ нему“ [1]). Въ слѣдующемъ году обѣщанные комиссары были назначены [2]); еще въ слѣдующемъ году было опредѣлено, за какое время долженъ быть отданъ отчетъ въ податяхъ [3]); это распоряженіе было повторено въ 1613 году [4]) и окончательно формулировано въ 1620 году: отчетъ долженъ отдаваться каждый годъ предъ старостою или подстаростою о всѣхъ городскихъ доходахъ; непослушные мѣщане штрафуются 500 марокъ, по рѣшенію

[1]) Vol. leg., II, 694.
[2]) Ibid., 720.
[3]) Ibid, 726.
[4]) Ibid., III, 171.

дѣла въ задворномъ судѣ. Староста и королевскіе коммиссары должны смотрѣть, чтобы мѣщане привели въ исправность городскія стѣны, башни и валы, и имѣли орудія и количество пороху, сообразное съ потребностію [1]). Государство, возложивъ на города обязанность содержать крѣпости, не признавало уже нужнымъ употреблять для этой цѣли общегосударственныя средства (за временными и рѣдкими исключеніями) и только увеличивало городамъ льготы отъ податей, по мѣрѣ значенія той или другой крѣпости. Но очевидно, что вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалась и отвѣтственность городовъ. И это право сдѣлалось источникомъ новаго безправія. Важнѣйшія крѣпости, какъ напримѣръ, Каменецъ, имѣвшій значеніе не только для всей Польши, но и для цѣлой Европы, какъ „передовое укрѣпленіе христіанскаго міра", были освобождены отъ всѣхъ государственныхъ податей; но мѣстныхъ средствъ, конечно, не могло быть достаточно для содержанія такихъ крѣпостей. Это открывало свободный путь для старостъ ко вмѣшательству во всѣ части хозяйственнаго городскаго управленія. Такъ какъ при ревизіи городскихъ доходовъ естественно возникали недоразумѣнія и жалобы между мѣщанами, то судебное рѣшеніе этихъ жалобъ само собою переходило къ старостамъ. Вмѣшательство экономическое повело ко вмѣшательству юридическому.

2) Староста, какъ поссессоръ королевскихъ имѣній, конечно, былъ обязанъ наблюдать за цѣлостію и пріумноженіемъ доходовъ королевской казны. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ обязанъ особенно смотрѣть за распредѣленіемъ поземельной собственности въ городахъ и за тѣмъ, чтобы городскими преимуществами пользовались люди, имѣющіе на то право [2]).

Такимъ образомъ города вступали въ разныя отношенія экономической и полицейской зависимости отъ старостинскаго уряда. Нужно прибавить къ этому еще слѣдующія соображенія: старосты исполняли формальности при выборѣ магистратскихъ урядниковъ и отъ лица короля поставляли одного изъ выборныхъ королевскимъ бурмистромъ; старосты представляли единственную ближайшую власть, подъ защиту которой охотно прибѣгали обиженные магистратскимъ судомъ или распоряженіемъ [3]); по дѣламъ съ земскими людьми и даже съ собственными войтами шляхтичами мѣщане должны были обращаться къ суду гродоваго староства и такимъ образомъ привыкали видѣть

[1]) Vol. leg., II, 380.

[2]) Ibid., 690.

[3]) Рук. Кіевск. Ц. Арх. кн. 3.961, л. 36.

въ немъ судъ высшей инстанціи [1]); такимъ образомъ дѣлается понятнымъ, почему апелляція къ старостѣ вошла во всеобщее употребленіе посредствомъ обычая, и почему сами старосты предъявляютъ наконецъ свои притязанія на это, какъ бы на законное право [2]). Полная независимость городовъ отъ старостъ могла бы осуществиться только тогда, когда бы городъ (miasto) вмѣстѣ съ замкомъ (гродомъ) и округомъ былъ совершенно выдѣленъ изъ земли, то-есть, получилъ бы ту политическую форму, какую имѣли вольные города Германіи. Въ противномъ случаѣ, присутствіе двухъ разнородныхъ властей въ одномъ поселеніи должно было неминуемо кончиться рѣшительнымъ преобладаніемъ болѣе сильной. Такъ это и случилось въ Польшѣ, вслѣдствіе естественнаго развитія тѣхъ зародышей, которые были первоначально положены въ отношеніяхъ городовъ къ старостамъ. Законъ уже въ послѣдствіи закрѣпилъ то, что̀ сдѣлала сама жизнь; такъ, въ 1768 г. конфедераціонный сеймъ постановилъ: „Сохраняя въ цѣлости и неприкосновенности давнія узаконенія, касающіяся порядка и юрисдикціи, постановляемъ, чтобы мѣщане отвѣчали предъ своимъ магистратомъ, а потомъ, какъ мѣщане, такъ и магистратъ in civilibus предъ старостою“ [3]). Между тѣмъ, корыстныя дѣйствія старостъ, особенно пожизненныхъ, сдѣлались такъ тяжелы для городовъ, что въ концѣ существованія Рѣчи Посполитой и мѣщане, и публицисты, на трудный вопросъ: что̀ было причиною упадка городовъ, единодушно отвѣчаютъ: „старосты и Жиды“. Отвѣтъ, безъ сомнѣнія, близорукій, но тѣмъ не менѣе правдивый.

Форма муниципальнаго управленія и судопроизводства. Вмѣшательство государственныхъ чиновниковъ во внутреннее городское управленіе не всегда можетъ считаться явленіемъ зловреднымъ; оно вызывалось, между прочимъ, самими мѣщанами, какъ единственное средство защиты отъ злоупотребленій со стороны магистратской администраціи и судебной власти. Мы имѣемъ въ виду не временныя злоупотребленія тѣхъ или другихъ личностей, неизбѣжныя и при совершеннѣйшей формѣ общественнаго устройства, а разумѣемъ злоупотребленія, возникавшія изъ самаго устройства муниципальнаго управленія. Хотя форма муниципальнаго управленія принесена была въ Польшу, Литву и Русь готовою, сложившись окончательно въ Силезіи, хотя исторія городоваго устройства въ Польшѣ чрезвычайно бѣдна

[1]) Рукоп. Кіев. Ц. Арх., кн. 1.973, л. 1.
[2]) Рукоп. К. Ц. Арх. кн. 3.957, л. 110.
[3]) Zbiór praw., dow., etc , V, 21.

движеніемъ, тѣмъ не менѣе можно открыть въ ней три послѣдовательныя ступени: 1) при самомъ началѣ власть войта не принадлежитъ городской общинѣ; 2) потомъ, по усвоеніи городской общинѣ власти войта, она управляется замкнутою радою; 3) власть рады ограничивается представительными общинными учрежденіями. Но такой историческій путь проходили не всѣ города вмѣстѣ, а каждый городъ отдѣльно: одинъ началъ его въ XIV вѣкѣ, другой въ XVIII. Не всѣ города могли успѣть пройдти всѣ указанныя ступени: бо́льшая часть ихъ дошла до второй, весьма многіе остались на первой, и лишь главные и старѣйшіе города достигли третьей. Такимъ образомъ, всѣ три формы общественнаго устройства существовали одновременно, и три историческія ступени сдѣлались тремя родами общественнаго устройства городовъ.

Существеннѣйшая и важнѣйшая часть муниципальнаго управленія есть, безъ сомнѣнія, войтовская власть. Жалованныя грамоты на магдебургское право обыкновенно начинаютъ перечень новыхъ городскихъ порядковъ съ слѣдующаго: „войтовство въ первый разъ установляемъ“. Имѣя въ виду то, что́ было сказано о войтахъ по нѣмецкому праву вообще [1]), мы должны указать здѣсь только на то, какъ опредѣлилось значеніе войтовства позднѣйшими польскими узаконеніями. Вопросъ о войтовствѣ въ королевскихъ имѣніяхъ, и слѣдовательно, въ городахъ, былъ рѣшенъ польскимъ законодательствомъ совершенно обратно тому, какъ былъ рѣшенъ вопросъ о войтахъ въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ. Какъ здѣсь шляхетство понизило значеніе войтовъ до *хлопства* такъ тамъ старалось возвысить его до шляхетства, руководясь въ обоихъ случаяхъ сословными корыстными видами. Съ начала XVII вѣка начинается рядъ узаконеній, ограничивавшихъ право короля въ назначеніи войтовъ. Въ конституціяхъ 1607 [2]) и 1620 [3]) годовъ говорится еще въ общихъ выраженіяхъ, что войтовства могутъ быть раздаваемы только людямъ заслуженнымъ и жолнерамъ. Но въ 1662 г. было опредѣлено, съ рѣшительною ясностію, что король не долженъ давать привилегіи на войтовство людямъ плебейскаго происхожденія. Закону придано и обратное дѣйствіе: тѣ войтовства, которыя заняты лицами плебейскаго сословія

---

[1]) См. жалов. грам. на войтовство Владимірское и Литовижское въ А З. Р., I, 121.

[2]) Vol. leg., II, 1606.

[3]) Ibid., III, 367.

вопреки закону, объявляются вакантными и должны быть розданы заслуженнымъ жолнерамъ. Изъ этого распоряженія исключаются: 1) тѣ войтовства, которыя находятся въ экономическихъ королевскихъ имуществахъ, 2) тѣ, которыя государственными законами усвоены городамъ и мѣстечкамъ, 3) тѣ, которыя заняты судовыми старостами для поддержанія ихъ власти, и наконецъ 4) девять войтовствъ въ королевскихъ имѣніяхъ, на которыя король имѣетъ право назначать людей, остающихся въ его службѣ (actuali servitio) [1]). Конституція 1669 года окончательно рѣшила, что войтовства могутъ быть раздаваемы только шляхтѣ, а привилегіи, данныя плебеямъ, уничтожаются. Это распоряженіе распространено и на войтовства въ экономическихъ имѣніяхъ [2]). Только въ 1736 году позволено было давать войтовства и заслуженнымъ не-шляхтичамъ [3]).

При такой постановкѣ вопроса, войтовство, очевидно, не служитъ нисколько признакомъ самоуправленія въ городахъ. Съ перваго взгляда кажется даже, что это учрежденіе даетъ меньше гарантіи на самоуправленіе мѣщанъ, чѣмъ власть прежнихъ воеводъ и проч.; должность войта дается въ потомственную собственность лицамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ мѣщанскимъ сословіемъ, и не можетъ быть отнята у нихъ, какъ ихъ частная собственность. Между тѣмъ войту дается значительная и неопредѣленная власть надъ городскою общиною: „всѣ, живущіе въ городѣ, должны повиноваться войту во всемъ и быть ему послушными“ [4]). Собственно же войту принадлежитъ судебная власть; по опредѣленію кодекса магдебургскаго права [5]), названіе войта латинскимъ терминомъ „advocatus“ не вѣрно; „войтъ есть judex seu praefectus judicii“; поэтому у Нѣмцевъ войты подписываются не advocatus, а „judex juratus civitatis“. „Войтъ, по праву магдебургскому, не долженъ самъ постановлять приговора (sentencyę wynajdować), а долженъ спрашивать о сентенціи у присяжныхъ; не можетъ и хулить поданнаго ему мнѣнія, то-есть, если онъ несогласенъ съ мнѣніемъ присяжныхъ, то долженъ остановить исполненіе приговора и сказать присяжнымъ, чтобъ они лучше вдумались или отложили рѣшеніе до другаго времени, и при этомъ долженъ объявить имъ свое мнѣніе. Приговоръ объявляется въ слѣдую-

---

[1]) Vol. leg., IV, 844.
[2]) Ibid., V, 15.
[3]) Maciejowski, Hist. prawod. Slow., IV, 250 и слѣд.
[4]) A. З. P., I, № 165.
[5]) Pocz. sądów miejskich.

щей формѣ: „panowie daią za prawo y ja z nimi“ [1]). Но власть войта не всегда ограничивалась судебными дѣлами. Въ Полоцкѣ войтъ выбираетъ членовъ рады: „маютъ быти въ мѣстѣ перворѣченномъ завсегды двадцать радецъ, которыхъ будетъ обирати войтъ, половину закону римскаго и половину другую закону грецкаго, которые жъ радцы зъ войтомъ посполито маютъ обрати промежду себе, на каждый годъ, два бурмистры, одного закону римскаго, а другаго грецкаго, которыхъ же руками зъ войтомъ оба польно поспольство маетъ быти ряжено“. Даже болѣе: войту предоставляется власть рѣшать дѣла безъ бурмистровъ и радцевъ: „тежъ войтъ справедливости сказанья опричь бурмистровъ и радецъ, моцнѣ вчинити можетъ; але бурмистры и радцы безъ войта або безъ лентъ-войта ни одного сказанья вдѣлати не маютъ“ [2]). При такихъ порядкахъ самоуправленіе въ городѣ Полоцкѣ, послѣ 1498 года, было, конечно, ниже самоуправленія, бывшаго въ немъ до 1498 года, то-есть, до введенія въ городъ магдебургскаго права: городомъ сталъ управлять войтъ, назначаемый королемъ, именно, воевода Полоцкій; этотъ войтъ даетъ городу бурмистровъ и радцевъ, но можетъ рѣшать дѣла и безъ нихъ.

Таково было дѣйствительно состояніе весьма многихъ городовъ, получившихъ магдебургское право, до самаго конца существованія Рѣчи Посполитой. Но магдебургское право, какъ право нѣмецкое, заключало въ себѣ общія свойства нѣмецкаго права, между прочимъ, способность къ отчужденію государственныхъ должностей посредствомъ дара или купли. Съ покупкою войтовства, всѣ права, присвоенныя ему, переходятъ къ городской общинѣ. Многіе богатые города поспѣшили воспользоваться этою возможностію и уже рано скупили войтовства; но весьма многіе и изъ богатыхъ городовъ не могли этого сдѣлать по разнымъ причинамъ до конца XVI и начала XVII вѣка. Въ этотъ періодъ въ польскихъ городахъ началась инкорпорація вой-

---

[1]) Pocz. sądów miejskich.

[2]) А. З Р., I, 159. Но въ муниципальномъ правѣ господствовала такая запутанность, неопредѣленность и произволъ, что чрезъ десять лѣтъ послѣ дарованія первой жалованной грамоты Полоцку (изъ которой взяты вышеприведенныя мѣста о войтовской власти), въ подтвердительной гратотѣ тому же Полоцку король Сигизмундъ пишетъ слѣдующее: «Въ городѣ Полоцкѣ должны быть 24 радца, которыхъ должны выбирать войтъ и бурмистры; эти радцы, вмѣстѣ съ войтомъ, должны ежегодно выбирать двухъ бурмистровъ изъ своей среды. Также апелляцію «по ортель» войтъ можетъ допустить къ бурмистрамъ и радцамъ, а отъ бурмистровъ и радцевъ никакой апелляціи, только къ намъ». См. А. З. Р., II, № 61.

товствъ въ обширныхъ размѣрахъ. Кракову войтовство усвоено въ 1616 года съ условіемъ, чтобы чрезъ это не были уменьшены права „magnae procurationis“, то-есть, право wielkorządcy Краковскаго [1]) (обстоятельство, указывающее весьма рѣшительно на связь староства съ войтовствомъ); Варшавѣ то же войтовство усвоено въ 1609 г. („salvo jure moderni possessoris“) [2]), Львову съ 1388 г. (по привилегіи Ягелы, но можетъ-быть, и еще раньше) [3]), Люблину въ 1589 г. [4]), Величкѣ въ 1609 г. [5]), Піоткову въ 1633 г. [6]) (но опять отнято въ 1647 г.), Ленчицѣ въ 1589 году [7]), Сквирнѣ въ 1616 г. [8]), Велюню въ 1581 году [9]), Всховѣ въ 1589 г. [10]), Буску въ 1616 г. [11]), Шродѣ въ 1589 году [12]), Срему въ 1631 г. [13]) и проч. Города при покупкѣ войтовствъ встрѣчали затрудненія не въ однихъ только собственныхъ матеріальныхъ средствахъ, но и въ юридическомъ значеніи войтовствъ для государства: шляхетство не желало выпустить ихъ изъ своихъ рукъ, выставляя то основаніе, что чрезъ покупку ихъ городами умаляются средства служилаго сословія; въ 1647 г. было постановлено, что инкорпораціи войтовствъ, данныя нѣкоторымъ городамъ не по особымъ конституціямъ, а въ видѣ прибавленій къ другимъ конституціямъ, уничтожаются: войтовства объявляются вакантными и продающимися; инкорпораціи оставлены только за городами пограничными и за тѣми, которые получили ихъ по особымъ конституціямъ [14]). Въ имѣніяхъ же экономическихъ короли не всегда дозволяли инкорпораціи, потому что боялись уменьшенія личныхъ доходовъ; такъ, въ 1589 г. земскіе послы ходатайствовали предъ королемъ за пограничный городъ Кросно, чтобы король подтвердилъ authoritate praesentis conventus инкорпора-

[1]) Vol. leg., III, 886.
[2]) Ibid., II, 1.680.
[3]) Zubricki, Kr. M. Lw., 21.
[4]) Vol. leg., II, 1.290.
[5]) Ibid., 1.677.
[6]) Ibid., III, 821.
[7]) Ibid , II, 1.290.
[8]) Ibid., III, 303.
[9]) Ibid., II, 1.014.
[10]) Ibid., 1.290.
[11]) Ibid., III, 288.
[12]) Ibid., II, 1.290.
[13]) Ibid., III, 706... Впрочемъ, многія изъ указанныхъ здѣсь конституцій суть только сдѣланныя сеймомъ подтвержденія прежнихъ инкорпорацій. Время инкорпорации во многихъ городахъ совершенно неизвѣстно.
[14]) Vol. leg., IV, 108.

цію войтовства Кросненскаго, данную этому городу предками его, и приказалъ вписать ее въ конституцію; но такъ какъ, по справкѣ, королю дали знать, что эта инкорпорація будетъ сопровождаться ущербомъ доходовъ столовыхъ и кварты, то теперь король не позволяетъ инкорпораціи; впрочемъ, если къ будущему сейму будетъ показано, что убытковъ для стола и кварты не предстоитъ, то король обѣщается утвердить ее на будущемъ сеймѣ [1]).

Такимъ образомъ далеко не всѣмъ городамъ удалось усвоить себѣ войтовство. Но для тѣхъ, которымъ это удалось, наступила вторая степень въ исторіи внутренняго самоуправленія. Тогда въ нихъ на первый планъ выступаетъ рада. Рада въ польскихъ и литовско-русскихъ городахъ не имѣетъ того значенія, какъ въ городахъ силезскихъ. Такъ какъ города польскіе и литовско-русскіе не вырабатывали самостоятельно формъ общественнаго устройства, то въ нихъ понятіе о радѣ сливалось съ понятіемъ о коллегіи присяжныхъ въ общемъ представленіи о выборномъ урядѣ; обыкновенно и та, и другая разумѣлись подъ общимъ именемъ магистрата. Наиболѣе ясное разграниченіе рады отъ лавы представляетъ жалованная грамота на магдебургское право городу Пинску 1581 г. [1]): „Мѣщане должны отвѣчать и вести дѣла по праву магдебургскому только предъ войтомъ (который отъ насъ будетъ поставляемъ) и предъ бурмистромъ, выбраннымъ и постановленнымъ изъ среды мѣщанъ, по обычаю такихъ же городовъ великаго княжества Литовскаго. Предъ войтомъ и лавниками (присяжными) города они должны отвѣчать по дѣламъ уголовнымъ (кровавымъ), какъ то: по дѣламъ о воровствѣ, убійствѣ, поврежденіи членовъ, поджогѣ и по всѣмъ другимъ дѣламъ и преступленіямъ злостнымъ, подлежащимъ войтовскому суду, а передъ бурмистромъ и радцами города должны отвѣчать по дѣламъ и тяжбамъ всякимъ „поточнымъ“. Ясно, что присяжнымъ поручается судебная власть, а радѣ завѣдываніе текущими дѣлами и управленіе городомъ.

Значеніе и кругъ дѣятельности коллегіи лавниковъ кодексъ муниципальнаго права опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Присяжные или лавники суть особы, засѣдающія на судѣ, которыя, выслушавъ и хорошо изслѣдовавъ дѣло съ обѣихъ сторонъ, представляютъ судьѣ свою сентенцію (приговоръ), постановленную посредствомъ голосованія; они должны засѣдать съ непокрытыми шапкой головами, безъ перчатокъ, въ плащѣ, безъ всякаго вооруженія, на

[1]) Vol. leg., II, 1.290.

тощакъ. Впрочемъ, всѣ эти церемоніи можно не соблюдать вполнѣ, а слѣдуетъ соблюдать основныя вещи — справедливость и проч. Въ ихъ присягѣ говорится: я, NN, присягаю пану Богу Всемогущему, что на судѣ, на который я посаженъ, обѣщаюсь находить законный и справедливый ортель, по своему крайнему разумѣнію, сообразно съ правомъ магдебургскимъ, привилегіями и велькерами городскими". Число присяжныхъ въ Магдебургѣ 11, войтъ 12-й, по числу апостоловъ (кромѣ Іуды), а войтъ изображаетъ лицо Спасителя. Въ другихъ городахъ нѣтъ нужды въ такомъ количествѣ присяжныхъ, да и въ самомъ Магдебургѣ для суда достаточно бываетъ 7, или по меньшей мѣрѣ, 6 присяжныхъ. Въ другихъ городахъ бываетъ ихъ 6; а для судебнаго рѣшенія считается достаточнымъ 4, или по меньшей мѣрѣ, 3. Младшій присяжный, то-есть, нововыбранный, есть дѣлопроизводитель присяжныхъ (sprawca spraw); поэтому онъ долженъ постоянно находиться на лицо; кромѣ того, онъ — какъ бы подскарбій судовыхъ доходовъ, которые дѣлятся между присяжными. Въ Магдебургѣ каждому присяжному отъ каждаго рѣшенія платятъ по шелягу, а писарю — два. Но есть и другой, достойный уваженія обычай: все, что́ платится на судѣ, кладется передъ присяжными, потомъ послѣ суда дѣлится такъ: третій грошъ писарю, какъ человѣку, работающему на судѣ больше другихъ; остальное присяжные съ войтомъ дѣлятъ по ровну [1]).

Тотъ же кодексъ магдебургскаго права, дѣйствовавшій во всемъ королевствѣ (за исключеніемъ городовъ, имѣвшихъ кульмское право), такъ опредѣляетъ судоустройство по муниципальному праву. Роды муниципальныхъ судовъ слѣдующіе: 1) великій бургграбскій, 2) солтысскій, 3), выложоный и 4) поточный или potrzebny. Кромѣ того различаются еще: гостиный судъ и „горячее право" (судъ надъ преступникомъ, пойманнымъ на мѣстѣ преступленія). Три первые рода судовъ происходятъ въ извѣстные опредѣленные сроки; всѣ прочіе — каждый разъ по требованію необходимости. Составъ всѣхъ этихъ родовъ суда не всегда одинаковъ. Въ этомъ отношеніи особенно отличается великій бургграбскій судъ. Онъ происходитъ три раза въ году. На немъ, въ Краковѣ и Львовѣ, вмѣсто бургграбія, по старому обычаю, предсѣдательствуетъ бурмистръ или одинъ изъ рады, кого бурмистръ посадитъ на свое мѣсто; на мѣстѣ же магдебургскаго солтыса сидитъ войтъ, безъ котораго бургграбій не можетъ имѣть никакого суда. Такъ въ

[1]) A. Z. P. III, 125.

[2]) Pocz. sądów miejskich

польскихъ и русскихъ городахъ смѣшивается дѣятельность рады и лавы въ одномъ изъ важнѣйшихъ отправленій судебной власти; говоримъ: важнѣйшихъ, потому что бургграбскому суду, на которомъ предсѣдательствуетъ бурмистръ, подлежатъ дѣла наибольшей важности, какъ уголовныя, такъ и гражданскія: нападенія на дорогахъ, наѣзды на домъ, „гвалты панскіе“; здѣсь совершаются записи продажи (купчія) недвижимыхъ имуществъ, рѣшаются долговые иски, заключаются контракты; этотъ судъ изрекаетъ кару за явные проступки противъ религіи и уставовъ церкви, „а если грѣшникъ оказывается неисправимымъ, то изгоняется изъ общины, какъ паршивая овца“. Эта послѣдняя дѣятельность бургграбскаго суда имѣетъ особенную важность въ русскихъ городахъ, гдѣ рада была на половину или вполнѣ католическая. Кодексъ жалуется, что хотя этотъ судъ открывается съ необыкновенными церемоніями, на судѣ господствуетъ полный безпорядокъ: „иногда за большимъ и неприличнымъ шумомъ судья не знаетъ, кого прежде слушать, когда всѣ разомъ кричатъ — одинъ „zdawam in contumacyą!“, другой: „zdawam!“ „nie zdawam!“ „puszczam!“ „nie dopuszczam!“ „Panie sędzia! godzi się! nie godzi się!“. Спустя двѣ недѣли послѣ бургграбскаго суда бываетъ судъ солтысскій, также три раза въ году. Выложоный судъ (judicium expositum bannitum) есть обычный, постоянно продолжающійся, съ извѣстными каникулярными перерывами. Во всѣхъ этихъ судахъ присяжными бываютъ одни и тѣ же городскіе лавники [1]). Въ ихъ рукахъ вся судебная власть; но власть эта далеко не можетъ быть названа независимою: постоянная, пожизненная коллегія лавниковъ имѣетъ свои отдѣльные интересы, совершенно независимые отъ интересовъ общины; она гораздо ближе стоитъ къ своимъ предсѣдателямъ, временному бурмистру и постоянному войту. Не говоря уже о томъ, что предсѣдательство бурмистра какъ представителя администраціи, не даетъ никакихъ гарантій для безпристрастія въ судѣ, войтъ, постоянный предсѣдатель, такъ же мало, какъ и бурмистръ, годится быть безпристрастнымъ судьею, — будетъ ли онъ „наслѣдственнымъ судьею“, шляхтичемъ, или выборнымъ изъ числа радцевъ.

Нужно еще принять въ соображеніе, что въ большей части темныхъ и глухихъ мѣстечекъ лавниками были люди вполнѣ необразо-

---

[1]) Pocz. sąd. miejsk. Подобное же судоустройство по кодексу кульмскаго права см. въ изданіи 1745 г. «Jus Culmense» — liber secundus, titulus primus, secundus, tertius et seqq.

ванные (безграмотные), рѣдко трезвые и совѣстливые, что въ небольшихъ городахъ и мѣстечкахъ они стояли въ постоянныхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ подсудимыми, что апелляція въ провинціальные суды, въ судъ коммиссарскій и въ ассессорію почти вышла изъ употребленія и во всякомъ случаѣ требовала значительныхъ денежныхъ расходовъ, не всегда удобныхъ для подсудимаго, что такимъ образомъ приговоры лавниковъ сдѣлались почти безапелляціонными; тогда сдѣлается понятнымъ, до какихъ злоупотребленій доходилъ судъ по муниципальному праву, и почему мыслящіе люди въ Польшѣ съ ужасомъ и омерзѣніемъ говорили о дѣйствіяхъ этого суда. Ужасъ и омерзѣніе увеличиваются еще, если принять во вниманіе, по какимъ законамъ постановляются приговоры въ этомъ судѣ.

Сфера дѣйствія лавы, повидимому, рѣзко и опредѣленно разграничивается со сферою дѣйствія рады. По дѣйствовавшему кодексу, значеніе рады опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „Бурмистръ съ радою долженъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю или сколько разъ окажется надобность, сходиться въ ратушу, чтобы совѣщаться объ общественныхъ дѣлахъ, пріумножать общественное добро, предупреждать вредъ, угрожающій обществу, судить нововозникшія распри, смотрѣть, чтобы не было дороговизны въ пищѣ и питьѣ, карать перекупней, которые бы поступали вопреки распоряженію рады (чтобъ они не начинали продажи до опредѣленнаго срока). Далѣе рада должна смотрѣть за пекарями, ржечниками и шинкарями, за невѣрными мѣрами и вѣсами. Корцы и другія мѣры должны быть подъ городскимъ клеймомъ, которое долженъ осматривать городской „гетманъ“ или тотъ, на кого именно возложена эта обязанность, съ двумя членами рады, по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ. Рада обязана не допускать раздоровъ въ городѣ, оборонять отъ притѣсненія сиротъ и вдовъ, не позволять вредныхъ игръ—картъ, костей и пр. То, что постановлено въ ратушѣ, съ вѣдома и позволенія старшихъ изъ поспольства, прочіе должны исполнять подъ страхомъ установленнаго наказанія. Радцы должны каждый годъ отдавать предъ старшими изъ поспольства отчетъ во всѣхъ городскихъ суммахъ. Радцы присягаютъ каждый годъ, когда снова бываютъ избираемы, что будутъ стараться пріумножать благосостояніе и права городскія по мѣрѣ умѣнья и силъ, съ помощію и за совѣтомъ старшихъ.

Кажется, различіе между двумя коллегіями самое ясное и точное; къ тому же смѣшеніе между ними тѣмъ невозможнѣе, что коллегія лавниковъ пожизненная, а коллегія радцевъ — ежегодно избираемая.

Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. И государственная власть, и сами мѣщане смутно представляли себѣ различіе между бурмистрами, радцами и лавниками. Мы видѣли, какъ въ Полоцкѣ король приказываетъ выбрать 20 лицъ, которыхъ называютъ радцами, безъ всякаго упоминанія о присяжныхъ, и этимъ радцамъ поручаетъ и судебныя дѣла. Въ вышеприведенной грамотѣ городу Высокому говорится: „Если случится судъ о гвалтѣ, разбоѣ.... то намѣстникъ долженъ *судить съ радцами*“ [1]). Въ грамотѣ городу Бресту: „Староста нашъ Берестейскій не долженъ ихъ судить и рядить.... судить и рядить должны *войтъ и бурмистры и радцы* Берестейскіе“ [2]). Въ грамотѣ городу Минску: „Судъ (мѣщанамъ) долженъ производиться предъ войтомъ ихъ и бурмистрами и радцами“ [3]). Въ грамотѣ городу Могилеву: „*Лентвойтъ съ бурмистромъ* и съ особами, избранными по праву магдебургскому, въ небытность войта, каждаго, подлежащаго суду войтовскому, будетъ судить и приговаривать“ [4]). Въ грамотѣ подтвердительной городу Полоцку: „Дѣла городскія должны вѣдаться двумя *бурмистрами съ лавниками и присяжными городскими*“ [5]). Такое смѣшеніе коллегій судебной и административной сопровождалось въ польскихъ и литовско-русскихъ городахъ двумя весьма важными послѣдствіями. Первое важнѣйшее слѣдствіе — это обращеніе коллегіи радцевъ въ несмѣняемую (пожизненную), по подобію коллегіи лавниковъ; второе — присвоеніе радѣ высшей судебной власти. Эти два обстоятельства лишали поспольство всякаго самоуправленія и предали городъ въ руки десяти или двѣнадцати фамилій.

Когда войтовство было усвоено тому или другому городу, то всѣми выгодами этого воспользовалась рада:

1) Къ радѣ перешло назначеніе предсѣдателей ея, бурмистровъ. Прежде бурмистры назначались изъ числа радцевъ старостою и войтомъ. Сначала ихъ было обыкновенно два: одинъ „дворный“ (назначенный старостинскимъ урядомъ), другой „городской“, избранный войтомъ изъ числа представленныхъ ему кандидатовъ. Потомъ бывало большее число бурмистровъ: 4, 6 и болѣе, и каждый изъ нихъ правилъ по очереди. Наконецъ, рада совершенно уничтожила выборъ предсѣдателей и установила простую очередь между всѣми своими

---

[1]) Акт. З. Р., II, № 59.
[2]) Ibid., 73.
[3]) Акт. Юж. и З. Р., I, № 127.
[4]) Акт. З. Р., III, № 77.
[5]) Ibid., № 121.

членами. Назначеніе одного изъ нихъ королевскимъ бурмистромъ, другаго бурмистромъ общины, сдѣлалось только формальностію.

2) Рада присвоила себѣ право назначать новыхъ сочленовъ своихъ на мѣсто умершихъ или выбывшихъ по какому-либо случаю; то-есть, въ радѣ установилось избраніе per cooptationem. Мы видѣли, что прежде войтъ имѣлъ право изъ представленныхъ ему кандидатовъ избирать на должности радцевъ; теперь, при отсутствіи войта, право это перешло къ самой радѣ, а община города была лишена даже права представленія кандидатовъ. Лишь въ нѣкоторыхъ городахъ эта послѣдняя сохранила обыкновеніе „рекомендаціи“, то-есть, указанія радѣ, кого бы городъ желалъ видѣть на вакантномъ мѣстѣ въ радѣ, но безъ всякой гарантіи, чтобъ указанный кандидатъ былъ принятъ. Избраніе per cooptationem тѣмъ легче вошло въ обычай въ радѣ, что такой же порядокъ избранія, съ древнѣйшихъ временъ, былъ допущенъ въ коллегіи лавниковъ.

3) Рада присвоила себѣ право избранія на вакантныя мѣста лавниковъ. Прежде, какъ сейчасъ сказано, коллегія лавниковъ пополняла сама себя, но войтъ, какъ глава коллегіи, принималъ значительное участіе въ назначеніи лавниковъ. Теперь, по устраненіи власти войта, эта часть послѣдней перешла къ радѣ. Рада, пользуясь своимъ самодержавнымъ положеніемъ въ городѣ, дошла наконецъ до того, что совершенно лишила коллегію лавниковъ участія въ избраніи новыхъ членовъ въ нее.

4) По усвоеніи войтовской власти городу, должность войта не была уничтожена, а только сдѣлалась выборною; конечно, было всего естественнѣе предоставить ежегодный выборъ войта коллегіи лавниковъ, такъ какъ войтъ былъ собственно предсѣдателемъ этой коллегіи, и его власть есть власть судебная. Но рада присвоиваетъ это право себѣ. Сначала рада избираетъ войта на должность изъ лавниковъ; а потомъ устанавливаетъ, чтобы войтъ избирался поперемѣнно: одинъ годъ изъ лавы, другой изъ рады. Далѣе рада присвоиваетъ себѣ право назначать войта исключительно изъ своей среды; наконецъ совершенно уничтожаетъ избраніе, вводя годичную очередь на занятіе должности войта между радцами. Впрочемъ, это право утвердилось за радою не во всѣхъ городахъ; въ нѣкоторыхъ установился обычай, что войтъ избирается поспольствомъ (то-есть, общиною города), но непремѣнно изъ числа радцевъ. Притомъ же, избраніе войта общиною, при обширной власти и вліяніи рады, было лишь мнимымъ: войтомъ дѣлался тотъ, кого хотѣла избрать рада.

5) Всѣхъ такихъ правъ рада могла достигнуть легко, потому что ей принадлежала власть постановлять городскія узаконенія—велькеры, имѣвшія такую же обязательную силу, какъ государственные законы. Въ вышеприведенномъ мѣстѣ муниципальнаго кодекса законодательныя права рады ограничены неопредѣленнымъ замѣчаніемъ: „Съ вѣдома и позволенія старшихъ въ городѣ“. Но пока участіе общины въ законодательствѣ не было обезпечено никакими постоянно дѣйствующими учрежденіями, радѣ было легко получать „согласіе старшихъ“ и даже не спрашивать ихъ согласія.

Здѣсь-то и открывается полный просторъ для злоупотребленій со стороны рады, которая во многихъ городахъ получила права шляхетства; злоупотребленія эти идутъ по двумъ одинаково гибельнымъ направленіямъ, соціальному и національному. Во всѣхъ городахъ Рѣчи Посполитой рада подавляетъ общественную самодѣятельность, корыстно сосредоточивая власть и богатство городское въ рукахъ своихъ членовъ, и въ большей части городовъ Литвы и Руси стремится къ подавленію русской національности и православной вѣры. Примѣры злоупотребленій перваго рода такъ общеизвѣстны и многочисленны, что не представляя здѣсь частныхъ указаній на нихъ, мы отсылаемъ читателя къ заключительной части этого труда: „Объ управленіи юго-западныхъ городовъ“. Но менѣе извѣстны злоупотребленія втораго рода; думаютъ даже, что магдебургское право способствовало развитію въ городахъ особой силы для борьбы съ полонизмомъ и католичествомъ. Мы принуждены сказать совершенно обратное этому: въ Литовско-Русскомъ государствѣ и Галиціи католицизмъ и полонизація распространились прежде всего чрезъ магдебургское право и преимущественно чрезъ дѣйствія городскихъ магистратовъ и цеховое управленіе [1]).

Въ старѣйшихъ городахъ, получившихъ магдебургское право весьма рано, напримѣръ, во Львовѣ, рада естественно слагалась изъ католиковъ — Нѣмцевъ (протоколы городскихъ судовъ и магистратскаго уряда писались по нѣмецки); теряя въ послѣдствіи свою нѣмецкую національность, члены рады и вообще Нѣмцы-мѣщане не теряли своей религіи, и потому, въ замѣнъ нѣмецкой національности, принимали не русскую, а польскую. Они-то и составили главную массу польскаго населенія въ городахъ. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ большинство населенія было русское, жители едва успѣваютъ достигнуть того, чтобъ

[1]) О значеніи цеховъ и братствъ въ отношеніи къ русской національности и православной вѣрѣ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

устроить свой отдѣльный русскій магистратъ или получить равноправный доступъ въ польскую раду. Первое, то-есть, устройство особой русской рады, имѣло мѣсто во многихъ городахъ юго-западной Руси; второе, (то-есть, общая рада польско-русская съ равнымъ числомъ членовъ по національностямъ) господствовало въ сѣверо-западной Руси. По примѣру русской національности, изъ-подъ польской юрисдикціи высвобождались и другія — армянская и даже еврейская. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ городахъ было три или четыре рады, каждая съ своимъ войтомъ, съ своими лавниками и общинными представительными учрежденіями и съ своими актовыми книгами, писанными на армянскомъ, польскомъ или русскомъ языкахъ. Но не было равноправности между этими юрисдикціями. Во всѣхъ дѣлахъ, касающихся цѣлаго города, представителемъ его является рада или войтъ юрисдикціи польской. Изъ всѣхъ этихъ юрисдикцій наибольшая опасность угрожала русской, какъ ближе всего стоявшей къ польской по языку и національности. Поэтому польской радѣ удается уничтожить отдѣльную юрисдикцію русскую и присоединить ее къ своей, пока на правахъ равноправности, между тѣмъ какъ армянская юрисдикція существуетъ самостоятельно въ нѣкоторыхъ городахъ до самаго паденія Польскаго государства.

Въ русскихъ городахъ, получившихъ магдебургское право позднѣе, жалованныя грамоты приказывали составлять раду города непремѣнно изъ двухъ національностей, даже въ томъ случаѣ, если какой-либо городъ заключалъ въ себѣ едва замѣтную долю католическаго населенія. Напримѣръ, въ Полоцкѣ и Витебскѣ король, по уставнымъ грамотамъ XVI вѣка, обѣщается хранить неприкосновенно православную вѣру, господствующую въ этихъ земляхъ, и дозволяетъ въ нихъ обращеніе въ православіе Ляховъ и Литвиновъ; а между тѣмъ, еще ранѣе, въ жалованныхъ грамотахъ на магдебургское право постановлено: „Должны быть выбраны 20 радцевъ — половина закона римскаго, а другая половина закона греческаго“. Въ то время, когда бояре-землевладѣльцы, какъ очевидно изъ уставныхъ грамотъ, отстаиваютъ православную вѣру, когда нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы въ Полоцкѣ и Витебскѣ была половина населенія католическаго вѣроисповѣданія, — въ главный городъ земли вводится управленіе полукатолическое. Такое распоряженіе сдѣлалось общимъ для всѣхъ городовъ западной Руси [1]).

---

[1]) См слѣдующій отдѣлъ о городахъ юго-западной Руси.

Такъ установилась равноправность двухъ національностей въ городахъ, гдѣ не могло быть никакой равноправности. Но эта равноправность была лишь временная, мнимая. Польская и католическая часть рады нашла возможность въ нѣкоторыхъ городахъ совсѣмъ устранить отъ рады русскую національность, въ другихъ сократить ея права. Такъ это случилось уже въ началѣ XVI вѣка во Львовѣ. Въ извѣстной „Хроникѣ города Львова“ говорится, что отъ начала царствованія Александра, рада начала устранять Русскихъ отъ всякаго значенія въ городѣ [1]). Это можно было сдѣлать легко: когда русскій членъ рады принималъ католичество, соблазняемый бо̀льшими привилегіями, то онъ оставался членомъ русской половины рады. Стоило въ радѣ образоваться большинству членовъ католическаго вѣроисповѣданія, тогда уже и остальныя мѣста въ радѣ легко могли быть замѣщены католиками, потому что право избранія членовъ рады принадлежало самой радѣ. Тогда она употребляла всѣ мѣры къ удаленію изъ своей среды лицъ русскаго происхожденія, употребляла даже подлоги и искаженія въ грамотахъ королей, которыми установлена была равноправность народностей въ магистратѣ [2]). Стремленіе членовъ рады устранить Русскихъ отъ должностей въ магистратѣ сдѣлалось столь всеобщимъ и гибельнымъ, особенно въ XVII вѣкѣ, что само шляхетское правительство, напуганное казацкимъ возстаніемъ, сочло необходимымъ ограничить его. Въ коммиссіи Гадячской 1659 года было постановлено, что въ городахъ короны и великаго княжества Литовскаго, въ которыхъ есть церкви православнаго исповѣданія, греческая религія никому не можетъ быть препятствіемъ къ занятію магистратскихъ должностей [3]).

Когда же рада въ какомъ-либо городѣ составлялась окончательно изъ членовъ польской націи и католическаго вѣроисповѣданія, то она принимала всѣ мѣры, внушаемыя средневѣковымъ фанатизмомъ, къ искорененію православной вѣры и оскорбленію русской національности. Такъ какъ, говоря о славной поддержкѣ православія и русской народности со стороны мѣщанскаго сословія, прежде всего указываютъ на Львовъ, то приводимъ здѣсь рядъ свидѣтельствъ о дѣйствіяхъ рады этого города въ отношеніи къ Русскимъ по упомянутой выше „Хроникѣ“. Въ 1521 г. рада оскорбляетъ публичные религіоз-

---

[1]) Kron. miasta Lwowa, 144.

[2]) Рукоп. Кіевск.. Центр. Арх., кн. 1973, л. 10, см. ниже.

[3]) Vol. leg., IV, 639.

ные обряды Русскихъ и не признаетъ послѣднихъ годными къ свидѣтельству въ судахъ; по жалобѣ Русскихъ король рѣшилъ: 1) Русскіе могутъ такъ же, какъ и католики, быть свидѣтелями въ судахъ; 2) не должно ихъ принуждать къ присягѣ въ костелѣ или въ ратушѣ; они могутъ присягать въ церкви; 3) съ св. тайнами и съ покойниками можетъ ихъ капланъ идти по городу въ ризахъ, но безъ свѣчей и звонка; только вошедши въ русскую улицу, могутъ они зажигать свѣчи и звонить; 4) рада города имѣетъ право постановлять имъ капланов на церковныя бенефиціи, но должна обращать вниманіе на рекомендацію русской гмины; она можетъ брать не болѣе 2 копъ грошей за презентованіе на бенефицію [1]). Въ 1525 году, по ходатайству рады, дана королевская грамота слѣдующаго содержанія: „Русины не могутъ, кромѣ своей улицы, владѣть домами на рынкѣ и въ другихъ улицахъ, не могутъ заниматься ремеслами, которыми ихъ отцы не занимались, и принадлежать къ цехамъ, до которыхъ издавна не были допущены, не могутъ производить пропинаціи, какъ прочіе мѣщане, ни продавать сукна на локоть“. И въ тѣхъ цехахъ, въ которые были допущены Русскіе, они были притѣсняемы; требовали отъ нихъ, чтобъ они посѣщали костелы вмѣстѣ съ товарищами — католиками, бывали на процессіяхъ, участвовали въ складахъ на содержаніе алтаря и свѣчей, а если они отговаривались отъ того, то имъ грозили запрещеніемъ ремеслъ [2]). Въ 1550 году католическое духовенство (епископъ Краковскій) подговорилъ раду Львовскую занесть протестъ противъ духовенства русскаго [3]). Въ 1572 году Львовскіе Русины, будучи отстраняемы отъ всѣхъ правъ, которыя имѣли другіе обыватели, просили короля объ уравненіи ихъ въ правахъ съ Поляками; король уравниваетъ ихъ съ Поляками и за притѣсненія ихъ назначаетъ штрафъ въ 20.000 марокъ [4]): очевидно, что это рѣшеніе короля осталось только на бумагѣ. Въ 1575 году Русины протестуютъ противъ рады, составленной изъ однихъ католиковъ, въ гродскій судъ; но рада не обратила на то вниманія, и когда, во время ярмарки, Русины хотѣли продавать свои товары публично, бурмистры приказали разрушить ихъ лавки, а купца Димитрія Красовскаго связать и оштрафовать [5]).

---

[1]) Kron. miasta Lwowa, 144.
[2]) Ibid., 148.
[3]) Ibid., 173.
[4]) Ibid., 194.
[5]) Ibid., 198.

Въ 1578 году, предъ королемъ, во Львовѣ, судятся Русины съ радою, но проиграли дѣло; рѣшено: Русины только во время ярмарки могутъ продавать свои товары на фунтъ и локоть, а пропинаціями и шинками заниматься не могутъ [1]). Еще въ 1595 году начали Русины съ радою процессъ въ надворномъ судѣ о притѣсненіяхъ; короли откладывали это дѣло съ года на годъ безъ разсмотрѣнія; эта отсрочка продолжалась сто слишкомъ лѣтъ, къ большому ослабленію русскаго народа, который былъ принужденъ ежегодно высылать своихъ аблегатовъ съ большими издержками. Въ 1599 году князь Острожскій ходатайствовалъ за нихъ предъ королемъ, но напрасно. Въ слѣдующемъ году отправили двухъ старшинъ въ Варшаву съ достаточнымъ капиталомъ; но посланные скоро написали, что денегъ мало, потому что одинъ инстигаторъ коронный требуетъ 100 дукатовъ; послали имъ сперва 666 злотыхъ, потомъ заняли 1510 зл., но все это было напрасно, и депутація воротилась безъ успѣха [2]). Въ 1604 году нѣкто Антоній Вихтъ владѣлъ имѣніемъ на Кульпарновѣ; когда узнали, что онъ не католикъ, отобрали у него имѣніе, оцѣнили и отдали католику [3]). Въ 1632 г. умеръ одинъ изъ богатыхъ Русиновъ; его тѣло сопровождали по городу съ зажженными свѣчами и процессіею; за это урядъ рады посадилъ старшинъ русскаго народа подъ арестъ, началъ съ ними процессъ и осудилъ ихъ на уплату 60 гривенъ штрафа [4]). Въ 1628 году костелы и кляшторы были освобождены отъ податей; только Русины платили отъ своей церкви [5]); рада городская за плату представляла и ставила капланов въ русскую городскую церковь. Въ 1634 году, во время присутствія Владислава IV во Львовѣ, братство русское склонило его просьбою и дарами къ тому, чтобъ онъ грамотой своею даровалъ ему право выбирать себѣ пастырей духовныхъ по собственному желанію; рада, не желая утратить доходъ отъ раздаванія плебаній, позвала братство къ надворному суду; но Русины опять обратились къ королю, и онъ второю привилегіей 1637 г. утвердилъ это право за ними [6]). Въ 1642 г. ненависть рады къ городскимъ Русинамъ обнаруживалась при каждомъ случаѣ: приходилось дать королю

[1]) Kron. miasta Lwowa, 201.
[2]) Ibid., 227.
[3]) Ibid., 232.
[4]) Ibid , 259.
[5]) Ibid., 267.
[6]) Ibid., 283.

донативу съ города — 6000 злотыхъ; изъ нихъ урядъ рады наложилъ на Русиновъ (которыхъ было только 20 осѣдлыхъ хозяевъ) 2.000 злотыхъ, то-есть, третью часть всего, что̀ слѣдовало со всего города; Русины занесли протестъ въ гродскій судъ и жалобу къ королю; но это не помогло: деньги должно было отдать [1]). Въ 1649 году, когда Янъ Казиміръ, возвращаясь изъ-подъ Зборова, прибылъ во Львовъ съ татарскимъ посломъ, которому слѣдовало выплатить 10.000 злотыхъ, то это возложено было на городъ; при раскладкѣ оказалось слѣдующее: „Панъ бурмистръ Мартинъ Анчевскій (говоритъ рукопись ставропигіальнаго архива) немилосердно съ нами поступилъ: созвавши насъ всѣхъ къ себѣ въ каменицу чрезъ своихъ слугъ и заперши въ нижнемъ этажѣ, не выпускалъ до тѣхъ поръ, пока не вынудилъ 3.000 злотыхъ съ разу, что̀ мы съ великою нуждою въ одинъ день собрали и отдали Татарамъ. Паны Римляне на себя возложили 4.000, а Армяне 3.000“. Послѣ, когда государственное казначейство возвратило городу эти 10.000, то Поляки не отдали Русинамъ ихъ части [2]).

Подобными средствами католическая рада распространяла въ городахъ полонизмъ и католичество между поспольствомъ на столько успѣшно, что̀ ко временамъ казачины, въ русскомъ Львовѣ осталось только двадцать осѣдлыхъ хозяевъ русской національности. Въ другихъ городахъ, стоявшихъ ближе къ Украйнѣ, успѣхъ былъ меньшій. Роль, которую играли города во время освобожденія Малороссіи и войнъ царя Алексѣя Михайловича, недостаточно выяснена, и здѣсь пока мы не имѣемъ права говорить о ней; но для того чтобъ указать взглядъ нѣкоторыхъ городовъ на казацкое возстаніе, достаточно припомнить, что регентъ Сорока Мужей во Львовѣ Андрей Чеховичъ, въ своемъ дневникѣ подъ 1648 г., называетъ казацкое возстаніе „szalone chłopstwo, przeklęta schizma“, а Богдана и его сподвижниковъ „tyrany i mordercy niepohawowani“ [3]). Цѣлая городская община, соглашаясь на окупъ во время приступа Хмельницкаго, выразила свое рѣшеніе въ слѣдующей формѣ: „для спасенія жизни, а особенно для того, чтобы спасти cultum romanae religionis, по крайней мѣрѣ, въ стѣнахъ города“ [4]). Но и въ тѣхъ городахъ, гдѣ большинство жителей

---

[1]) Kron. miasta Lwowa, 289.
[2]) Ibid., 324.
[3]) Zubricki, Kronika miasta Lwowa, 295.
[4]) Ibid., 303.

были еще русскаго происхожденія, гдѣ даже рада не успѣла совершенно устранить отъ себя русскихъ сочленовъ, народно-русское дѣло не могло встрѣтить сильной поддержки: консервативный духъ, свойственный торговому классу, соединялся здѣсь съ сословнымъ мѣщанскимъ духомъ, который не уступалъ шляхетскому въ презрѣніи къ хлопству. Города были связаны съ польскимъ правительствомъ такими же тѣсными узами, какъ и шляхетство, именно, своимъ привилегированнымъ положеніемъ; правительству легко было наказать ихъ, лишивъ привилегій, то-есть, магдебургскаго права. Такъ было поступлено съ Полоцкомъ послѣ убіенія Іосафата Кунцевича и со всѣми городами Украйны во время казацкихъ возстаній, когда правительство отдало ихъ подъ власть старостъ [1]). Страшась такой судьбы, города склонялись туда, гдѣ видѣли силу и гарантію для сохраненія своихъ привилегій: одинаково переходили отъ Русскихъ къ Полякамъ и обратно. Съ своей стороны, и казаки видѣли въ городскихъ жителяхъ классъ близкій къ ненавистному шляхетству и потому „не только Жидовъ губили и шляхту, але и посполитымъ людямъ, въ тѣхъ краяхъ (Острогѣ, Заславлѣ, Луцкѣ, Владимірѣ, Кобринѣ и др.) живучимъ, таяжъ бѣда была. Многіе въ неволю татарскую пойшли, а найбарзѣй ремесники молодые, которые головы себѣ голили по польску, чуприну пускаючи по верхъ головы. Але предся Русь христіяне въ тыхъ повѣтахъ въ городахъ позаставали, и ежели якого Поляка межи собою закрыли, то тотъ живъ“ [2]).

Какъ злоупотребленія рады въ національномъ отношеніи вели къ учрежденію въ городахъ нѣсколькихъ особыхъ радъ, такъ злоупотребленія рады въ отношеніи соціальномъ повели къ учрежденію во многихъ городахъ новыхъ правительственныхъ коллегій и должностей, исключительно для посполства. Города, въ которыхъ посполство получало право имѣть свою особую коллегію, независимо отъ рады и лавы, вступили въ третью и послѣднюю ступень развитія своего самоуправленія. Но такихъ городовъ было немного. Къ XVI вѣку можно отнести то явленіе, что правительство, склоняясь на постоянныя жалобы городскихъ общинъ противъ рады, разрѣшило имъ выбрать своихъ представителей въ опредѣленномъ числѣ (7, 20, 30, но большею частію 40, отчего эта коллегія и называлась септемвиратъ, вигинтовиратъ, квадрагинтовиратъ и проч.). Коллегія эта получила власть законода-

[1]) По конституціи 1607 года.

[2]) Лѣтопись Самовидца, 12.

тельную; она собиралась въ извѣстныя времена года и имѣла своего представителя — регента. Въ городахъ, имѣвшихъ право участвовать на сеймѣ, она посылала особаго посла, независимо отъ пословъ рады. Но прочность и полезность демократическаго учрежденія были еще меньшія, чѣмъ успѣхъ разнонародныхъ радъ. Такъ какъ за радою оставлена была прежняя власть, то новое учрежденіе не могло приладиться къ старому. Взаимныя отношенія между радою и представителями поспольства приняли характеръ постояннаго тяжебнаго процесса. Процессъ этотъ, производимый предъ королевскими коммиссіями, повелъ къ полному вмѣшательству во внутреннюю организацію городовъ со стороны шляхетскихъ правительственныхъ властей. Мѣры, принимаемыя коммиссіями, конечно, имѣли всѣ свойства случайныхъ, наскоро принятыхъ средствъ; съ прекращеніемъ дѣятельности коммиссіи прекращался и всякій надзоръ за исполненіемъ уставовъ, положенныхъ ими; опять возникали споры, за ними процессъ, за процессомъ коммиссія и т. д. Но уставы коммиссій тѣмъ не менѣе заслуживаютъ полнаго уваженія; среди тяжелой безурядицы городскихъ дѣлъ, или вѣрнѣе, смутъ, они представляютъ единственныя отрадныя явленія. Неудивительно, что правительство, наконецъ, признало вредность муниципальнаго (магдебургскаго и кульмскаго) права. Видя, что оставить право уголовнаго суда въ рукахъ необразованныхъ и нетрезвыхъ лавниковъ каждаго города такъ же раціонально, какъ „оставить ножъ въ рукахъ сумашедшаго“ (по выраженію одного польскаго писателя), видя, что управленіе рады эксплуатируетъ города въ экономическомъ отношеніи и что представительныя учрежденія общинъ ведутъ только къ постояннымъ процессамъ, правительство въ 1776 г. рѣшилось уничтожить въ Литвѣ магдебургское право во всѣхъ городахъ, кромѣ одиннадцати большихъ и старѣйшихъ (Вильны, Лиды, Трокъ, Ковна, Новогрудка, Волковыйска, Пинска, Мозыря, Минска, Бреста Литовскаго и Гродна). Возрожденіе и новая организація муниципальнаго права, предпринятыя на четырехлѣтнемъ конституціонномъ сеймѣ, возбудили надежды, которымъ, какъ извѣстно, не суждено было осуществиться.

Такъ какъ внутреннее устройство городоваго управленія въ Польшѣ и Литвѣ разнообразилось чрезвычайно въ каждомъ городѣ [1]), то огра-

---

[1]) Съ городскимъ управленіемъ Кракова (образцоваго города Малой Польши) можно ознакомиться по сочиненію *Межержинскаго*: «O magistratach miast polskich» 1845 года,—Познани (образцоваго города Великой Польши) по сочиненію *Лука-*

ничиваясь здѣсь вышеприведенными замѣчаніями, мы представимъ въ образецъ довольно подробное изложеніе управленія нѣкоторыхъ городовъ югозападной Руси, въ томъ видѣ, какъ это управленіе сложилось окончательно къ XVIII вѣку.

V.

Общественное устройство городовъ Юго-Западной Руси съ исхода XVII вѣка.

Въ предыдущей главѣ мы указали три послѣдовательныя историческія ступени, по которымъ восходило развитіе городскаго самоуправленія по магдебургскому праву. Но на каждой изъ этихъ ступеней формы магдебургскаго права были весьма разнообразны и едва-ли могутъ быть, безъ ущерба истинѣ, подведены подъ систематическія рубрики. Обыкновенно принято дѣлить всѣ города, пользовавшіеся магдебургскимъ правомъ, на города съ полнымъ магдебургскимъ правомъ и города съ неполнымъ магдебургскимъ правомъ. Но съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду и другаго различія городовъ, именно—городовъ королевскихъ отъ городовъ частно-владѣльческихъ. Поэтому мы при изложеніи управленія городовъ Юго-Западной Руси (какъ оно сложилось окончательно къ началу XVIII вѣка), жертвуя системою ради истины, будемъ говорить: а) объ управленіи королевскихъ городовъ съ полнымъ магдебургскимъ правомъ, б) объ управленіи такихъ же городовъ съ неполнымъ магдебургскимъ правомъ, в) объ управленіи городовъ владѣльческихъ и г) о тѣхъ сторонахъ городскаго управленія, которыя были общи всѣмъ этимъ разрядамъ городовъ.

1. Управленіе городовъ съ полнымъ магдебургскимъ правомъ.

Говоря о городахъ перваго разряда въ Юго-Западной Руси, мы будемъ имѣть въ виду одинъ только Каменецъ. Въ тотъ же разрядъ включается и Кіевъ; но такъ какъ онъ вошелъ въ составъ Россіи въ самомъ началѣ періода упадка городовъ Рѣчи-Посполитой, то дальнѣй-

---

шевича: «Obraz miasta Poznania», — Львова (образцоваго города Галиціи) по сочиненію *Зубрицкаго:* «Kronika Miasta Lwowa», — Варшавы (образцоваго города Мазовіи) по сочиненіямъ *Голембёвскаго* и *Собѣщанскаго,* — Вильны (образцоваго города Литвы) по сочиненіямъ *Балинскаго* и *Крашевскаго.*

шая его судьба опредѣлялась уже другими историческими обстоятельствами. Изъ другихъ городовъ Юго-Западной Руси ни одинъ не имѣетъ такого управленія, которое заключало бы въ себѣ всѣ признаки полнаго магдебургскаго права. Признаки эти, состоящіе въ отношеніи города къ старостинской власти и другимъ государственнымъ учрежденіямъ, равно какъ во внутренней организаціи правительственныхъ мѣстъ и лицъ городскаго управленія, были уже указаны въ общихъ чертахъ, а точнѣе и подробнѣе будутъ опредѣлены изложеніемъ управленія въ Каменцѣ.

Каменецъ принадлежитъ къ числу городовъ Юго-Западной Руси, получившихъ магдебургское право въ наиболѣе отдаленное время. По общепринятому мнѣнію, магдебургское право существовало въ немъ съ XIV вѣка. По памятникамъ оно извѣстно съ 1374 года, то-есть, со времени дарованія городу привилегіи Александра Коріатовича. Въ этой привилегіи дается обыкновенное въ то время неполное магдебургское право, а именно, суды между мѣщанами, съ одной стороны, и князьями, землянами и дворянами, съ другой, поручаются смѣшанному вѣдомству: воеводѣ съ войтомъ, даже и тогда, когда отвѣтчикъ — мѣщанинъ; права князя на наслѣдство безпотомственныхъ гражданъ ограничиваются постановленіемъ, что имущество умершаго находится въ распоряженіи войта и города въ теченіе одного года и шести недѣль и поступаетъ въ распоряженіе князя только тогда, когда въ означенный срокъ не отыщется никакого родственника покойному. Далѣе князь отказывается въ пользу города отъ слѣдующихъ ему $^2/_3$ судебныхъ пошлинъ, а остальная $^1/_3$ идетъ въ пользу войта; но князь требуетъ уплаты чинша по прошествіи 20 льготныхъ лѣтъ. Думать надобно, что этими привилегіями первоначально воспользовались только Поляки и Нѣмцы; Русскіе же и Армяне оставались подъ двойною властію княжескихъ чиновниковъ и польскихъ войтовъ. Русскіе и Армяне имѣли въ XIV вѣкѣ своихъ войтовъ и лавниковъ (но не бурмистровъ и радцевъ) безъ всякой опредѣленной силы и власти. Княжескіе войты и католическая рада притѣсняла Русскихъ до того, что послѣдніе начали выселяться изъ города, а иногда случалось, что ихъ выгоняли насильно. Городъ началъ пустѣть и упадать. Чтобы предупредить упадокъ города, король Казиміръ, въ 1491 году, далъ русскимъ жителямъ Каменца особую привилегію, по которой учреждается, въ видѣ временной мѣры, особая самостоятельная русская юрисдикція; выборный войтъ этой юрисдикціи получаетъ власть судить всѣхъ гражданъ русской націи и гостей (пріѣзжихъ) русскихъ по всѣмъ дѣламъ

(съ правомъ меча), и что особенно важно,—по русскимъ законамъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ городомъ, устроеннымъ по нѣмецкому праву, возникъ городъ русскій, освобожденный отъ всякой власти воеводъ, каштеляновъ, старостъ и другихъ королевскихъ чиновниковъ. Но совмѣстное существованіе двухъ совершенно самостоятельныхъ юрисдикцій въ одномъ городѣ было невозможно, и возникли новыя злоупотребленія со стороны польской рады (русская юрисдикція не имѣла своей рады); поэтому въ слѣдующемъ столѣтіи потребовались новыя узаконенія для того, чтобы точнѣе опредѣлить отношенія Русскихъ къ бурмистрамъ и радцамъ польскаго народа: въ 1549 году Сигизмундъ Августъ совершенно изъялъ Русскихъ изъ-подъ власти бурмистровъ и ратмановъ польскихъ. Но почти двухсотлѣтнее преобладаніе католической рады не прошло безслѣдно; польское населеніе въ городѣ увеличилось; польская рада пріобрѣла большія средства для притѣсненія Русскихъ; не смотря на привилегію Сигизмунда Августа и даже вслѣдствіе дарованія этой привилегіи, притѣсненія Русскихъ со стороны польской рады увеличились: Поляки были озлоблены этою привилегіей. Возникли новыя жалобы Русскихъ, и тотъ же король въ 1557 году принужденъ былъ вновь запретить бурмистру и раднымъ польской юрисдикціи вмѣшиваться въ дѣла Русскихъ и назначилъ штрафъ въ 14 гривенъ за каждый случай обиды Русскимъ со стороны польской рады. Тѣмъ не менѣе законъ никоимъ образомъ не могъ установить полной самостоятельности двухъ юрисдикцій; въ дѣлахъ внутренняго управленія и судопроизводства была еще возможна полная отдѣльность, хотя далеко не всегда, но въ отношеніяхъ города къ правительству требовалась общность дѣйствій всего города. Въ такихъ случаяхъ выгода должна была оставаться на сторонѣ болѣе сильной. Поэтому въ слѣдующемъ столѣтіи (1557 — 1670 гг.) распри между двумя юрисдикціями продолжались и даже усиливались, такъ какъ въ означенный періодъ религіозныя событія Европы возбудили въ Польскомъ государствѣ сильный фанатизмъ среди католическаго населенія. Правительство, со временъ Сигизмунда III зараженное тѣмъ же фанатизмомъ, а со времени Владислава и Яна Казиміра напуганное казацкими возстаніями, перестало поддерживать русское населеніе въ городахъ противъ польскаго. Въ 1670 году, по постановленію сейма, Каменецъ получилъ новыя права, такія, какими не пользовался ни одинъ городъ Юго-Западной Руси; но за то тѣмъ же постановленіемъ русская юрисдикція была уничтожена, или по официальному выраженію, совершилась инкорпорація русской юрисдикціи въ

юрисдикцію польскую, съ равенствомъ правъ обѣихъ націй въ магистратѣ и общинныхъ учрежденіяхъ. Но это мнимое равенство было полнымъ уничтоженіемъ самостоятельности русскаго населенія въ Каменцѣ. Съ тѣхъ поръ Русскіе изрѣдка и напрасно обнаруживаютъ попытки возстановить свою юрисдикцію. Въ 1702 году лавники и „мужи", отправляя депутата на сеймъ, поручили ему хлопотать, чтобы Русь по давней и теперешней конституціи *была послушна праву польскому*. Въ 1703 году въ гродскій Каменецкій судъ занесена регентомъ протестація отъ имени *магистрата и всего поспольства* города Каменца противъ трехъ членовъ рады греческаго исповѣданія: Опученка, Филиповича и Хвостика. По словамъ протестаціи, эти радцы

„презирали и презираютъ привилегіи и конституціи, дарованныя городу королями, конституціи, по которымъ Русскіе присоединены къ одной юрисдикціи (то-есть, польской); они, будучи выбраны на радство, сами самовольно отдѣлились (отъ польской юрисдикціи), чѣмъ обнаружили неблагодарность къ республикѣ; а неблагодарныхъ слѣдуетъ лишать дарованныхъ имъ благодѣяній. Они составляютъ по домамъ измѣнническія собранія безъ вѣдома польскихъ консуловъ и къ тому же въ городѣ, стоящемъ на границѣ; почему нужно опасаться, чтобы не открылась въ городѣ какая измѣна, особенно во время нынѣшнихъ бунтовъ и разныхъ безпорядковъ" [1]).

Но эти три радца принадлежали къ числу уже немногихъ гражданъ, дорожившихъ своею народностью. Остальная масса городскихъ жителей подъ вѣковымъ преобладаніемъ католическаго управленія успѣла уже сдѣлаться индиферентною и въ національномъ, и въ религіозномъ отношеніи. Въ то время, когда религіозныя вѣрованія служили еще знаменемъ народностей, находящихся въ борьбѣ, религіозное равнодушіе обнаруживаетъ не благородную терпимость, а жалкое разслабленіе національнаго духа. Въ 1716 году радца Опученко говорилъ лавнику Вызинскому: „Ты не ходишь въ церковь; тамъ тебя никогда не видно; ты чаще ходишь въ костелъ, чѣмъ въ церковь". Вызинскій отвѣчалъ: „Одинъ Богъ въ костелѣ и въ церкви, въ костелѣ можно также помолиться Богу, исполнить должное въ отношеніи къ Нему и возблагодарить за пресвятые Его дары" [2]). Но съ другой стороны, у небольшаго остатка русскихъ патріотовъ религіозность превратилась въ такой же фанатизмъ, какой прежде обнаруживали Поляки; любовь къ религіи проявляется палочными ударами [3]).

Замѣчательно, что польская рада обнаружила менѣе вражды къ

---

[1]) Рук. Кіев. Центр. Арх., кн. 3957, л. 166.

[2]) К. Ц. Арх., кн. 4442, л. 427.

[3]) Ibid.

другой народности, жившей въ Каменцѣ — къ Армянамъ, и судя по количеству и содержанію королевскихъ привилегій, само правительство было благосклоннѣе къ Армянамъ, чѣмъ къ Русскимъ. Армяне, заселявшіе Червонную Русь еще со временъ господства князей Рюриковичей, составляли богатое и многочисленное населеніе городовъ Подоліи. Имъ покровительствовала династія Романа Великаго. Вслѣдствіе погрома, произведеннаго на востокѣ Тамерланомъ, выселеніе Армянъ въ Червонную Русь увеличилось; они сдѣлались полноправными туземными гражданами. Въ Каменцѣ, начиная съ 1443 года, ихъ гражданскія права была уравнены съ правами Поляковъ и Русскихъ цѣлымъ рядомъ привилегій. Подобно Русскимъ, Армяне еще въ XIV вѣкѣ имѣли своего собственнаго войта, но безъ опредѣленной власти. Въ 1496 году король Янъ Альбрехтъ, исполняя просьбу Армянъ, образовалъ для нихъ въ Каменцѣ особую юрисдикцію, именно приказалъ, чтобъ Армяне Каменецкіе были судимы не иначе, какъ своимъ войтомъ во всѣхъ дѣлахъ, и чтобы никакая шляхетская и городская юрисдикція не могла имѣть власти надъ ними. Права эти подтверждались и распространялись потомъ каждымъ королемъ: въ 1506 году Александромъ, въ 1507 году Сигизмундомъ I, въ 1548, 1557 и 1567 годахъ Сигизмундомъ Августомъ, въ 1574 году Генрихомъ Валуа, который вновь подтвердилъ, чтобы ни старо̀сты, ни магистратъ не распространяли своей власти на Армянъ: Армяне должны судиться предъ собственнымъ войтомъ и лавниками съ свободною апелляціей къ ассессорскимъ судамъ. Въ 1576 году Стефанъ Баторій выдалъ Каменецкимъ Армянамъ три привилегіи (въ одной изъ нихъ опредѣляется порядокъ ежегоднаго выбора войта и четырехъ лавниковъ). Сигизмундъ III, Владиславъ IV и Янъ Казиміръ, не смотря на разницу своихъ религіозныхъ убѣжденій, были одинаково благосклонны къ Армянамъ; во время смутъ царствованія послѣдняго изъ этихъ королей собственные интересы Армянъ заставляли ихъ крѣпко держаться за существующее правительство; никакія симпатія не связывали ихъ, конечно, съ возставшимъ русскимъ населеніемъ; поэтому, въ награду за вѣрность и мужество во время казацкихъ наѣздовъ, Каменецкіе Армяне были надѣлены новыми привилегіями 1658 и 1665 годовъ и по послѣдней привилегіи получили важное право „красновосковой печати“. Такъ какъ въ 1666 году совершилась унія армянской церкви съ римскою, то довѣріе и благосклонность польскаго правительства къ Армянамъ не уменьшались, не смотря на то, что при Михаилѣ Вишневецкомъ они подверглись обвиненію за вмѣша-

тельство въ политическія дѣла Польши (за попытку низложить короля Михаила). Со временъ турецкаго владычества въ Каменцѣ армянская юрисдикція здѣсь ослабѣла, и бо́льшая часть Каменецкихъ Армянъ выселилась навсегда въ другіе города Червонной Руси. Тѣмъ не менѣе эта отдѣльная юрисдикція уцѣлѣла до 3-го февраля 1790 года, когда всѣ три соединенныя юрисдикціи должны были подчиниться вѣдомству одного магистрата, съ равными правами при выборѣ чиновниковъ.

Не смотря на ясную разницу между положеніемъ Русскихъ и Армянъ относительно господствующей польской націи, Поляки не всегда жили въ мирѣ и съ армянскою юрисдикціей; въ послѣдующемъ изложеніи Каменецкаго управленія мы увидимъ постоянныя тяжбы между польскою и армянскою юрисдикціями. Взаимныя преслѣдованія ихъ должны быть признаны одною изъ важныхъ причинъ упадка Каменца, какъ и вообще городовъ Червонной Руси.

Итакъ, къ началу XVIII вѣка въ Каменцѣ составились двѣ самостоятельныя юрисдикціи: а) соединенная польско-русская и б) армянская [1]). Каждая изъ нихъ имѣла свое независимое управленіе. Поэтому о каждой изъ нихъ мы должны говорить отдѣльно.

а) *Юрисдикція польско-русская.*

Общественныя учрежденія Каменца, какъ и вообще внутренняя организація городовъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, развивались несамостоятельно. Каменецъ заимствовалъ свое устройство отъ своего старѣйшаго города Львова. Львовское право дѣйствовало во всей такъ-называемой Руси; сюда, кромѣ Галиціи (воеводства Русскаго), относилась и Подолія. Львовскій магистратъ былъ высшимъ апелляціоннымъ судомъ для всего этого округа. Въ книгѣ „Porządek sądów miejskich“ [2]) говорится:

„На Руси изъ городовъ и мѣстечекъ аппелируютъ къ членамъ Львовской рады, потому что Львовъ есть главный городъ всей Руси, а отъ рады Львовской къ праву высшему магдебургскому Краковскаго замка, и наконецъ къ королю или къ коммиссарамъ шести городовъ“.

Зубрицкій увѣряетъ, что хотя и полагалась апелляція отъ Львовскихъ войтовскихъ судовъ ad supremum jus Magdeburgiense castri

[1]) Двѣ остальныя народности, многочисленныя въ Юго-Западной Руси, Евреи и Цыгане, по конституціи 1670 года, не могутъ жить не только въ городѣ, но и за три мили отъ города, подъ угрозою конфискаціи.

[2]) Въ статьѣ объ апелляціяхъ.

Cracoviensis, но что во Львовѣ это никогда не было въ обычаѣ; напротивъ того, ко Львовскому магистрату шла апелляція отъ всѣхъ другихъ русскихъ городовъ tanquam ad supremum jus Russiae [1]). Въ актахъ Кіевскаго центральнаго архива есть дѣйствительно документы, указывающіе на то, что апелляція отъ подольскихъ городовъ во Львовъ была въ обычаѣ даже въ XVIII в.; напримѣръ, въ 1712 году войтовскій Каменецкій судъ, въ присутствіи бургграбія и регента Сорока Мужей, рѣшаетъ споръ между однимъ изъ цеховыхъ кузнечнаго цеха и самимъ цехомъ. Тяжба ихъ уже разсматривалась въ войтовскомъ судѣ прежде, и на прежнее постановленіе суда цехъ получилъ право апелляціи во Львовъ, сообразно древней „нормѣ и закону". Но такъ какъ цехъ не воспользовался положеннымъ для этого четырехнедѣльнымъ срокомъ, то судъ остается при прежнемъ рѣшеніи [2]).

Кромѣ высшаго апелляціоннаго значенія, Львовъ имѣлъ значеніе для цѣлой Руси, какъ старѣйшій городъ (Mutterstadt), и вслѣдствіе этого, какъ образецъ общественнаго устройства для всѣхъ городовъ округа (Musterstadt) и источникъ вейстумовъ. Но общественное устройство сообщалось другимъ городамъ изъ Львова не въ полномъ видѣ; для того чтобы получить Львовское устройство во всей широтѣ его правъ, требовалась особая королевская привилегія; такую привилегію получилъ, напримѣръ, Каменецъ въ 1670 году. Если младшій городъ, вслѣдствіе какихъ-нибудь великихъ и долговременныхъ бѣдствій, утрачивалъ не только документы о бывшемъ въ немъ устройствѣ, но и самую память о бывшихъ обычаяхъ, то онъ снова обращался ко Львову съ просьбой изложить порядокъ управленія и судопроизводства, дѣйствующій во Львовѣ. Такъ, это случилось съ Каменцемъ во время турецкаго господства въ этомъ городѣ (1672—1699 годовъ), и по очищеніи Каменца Турками, Львовское право было подтверждено Каменцу Августомъ II въ 1703 году; а въ 1716 году Каменецкій магистратъ обращался къ консуламъ Львова съ тринадцатью вопросами относительно избранія городскихъ властей, взаимныхъ границъ ихъ правъ, городскихъ податей и проч. [3]). Вслѣд-

[1]) Kron. miasta Lwowa, 24 — 25.

[2]) Рук. К. центр. арх., кн. 4437, л. 295. Во всѣхъ послѣдующихъ цитатахъ мы будемъ ссылаться на рукописныя актовыя книги Кіевскаго центральнаго архива, при чемъ первая цифра будетъ означать № книги (по каталогу архива), а вторая нумерацію листовъ, именно № того листа, съ котораго начинается приводимый актъ или отрывокъ изъ акта.

[3]) Кн. 4430, л. 20 и дал.

ствіе этого въ общественномъ устройствѣ городовъ, пользовавшихся Львовскимъ правомъ, мы находимъ сходство въ существенныхъ пунктахъ, хотя есть и многочисленныя различія въ частностяхъ.

Правительственныя коллегіи въ такихъ городахъ слѣдующія: магистратъ, скабинатъ и квадрагинтовиратъ; кромѣ того, были разныя полицейскія и канцелярскія должности.

Магистратъ (Рада). Въ тѣсномъ смыслѣ подъ словомъ магистратъ разумѣлась коллегія радцевъ („консуловъ“) съ войтомъ. Число консуловъ не вездѣ и не всегда было одинаково; въ Каменцѣ число ихъ колебалось между 11 и 9 и даже меньше [1]). Рада составляла пожизненную [2]) коллегію, которая сама себя пополняла (per cooptationem). Но нѣкоторые акты, относящіеся къ устройству администраціи въ Каменцѣ, повидимому, наводятъ сомнѣніе, дѣйствительно ли здѣшняя рада пополняла сама себя: каждый годъ въ протоколахъ выборовъ стоитъ списокъ радцевъ, какъ будто избранныхъ общиною, собравшеюся для этой цѣли [3]); никакихъ спеціальныхъ привилегій на права рады избирать своихъ членовъ Каменецъ не имѣетъ (кромѣ привилегіи объ усвоеніи Каменцу Львовскаго права). Такъ какъ это обстоятельство имѣетъ огромную важность для оцѣнки всего муниципальнаго устройства и для пониманія тѣхъ отношеній между городскими учрежденіями, которыя будутъ изложены ниже, то мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь слова протокола первыхъ выборовъ въ Каменцѣ по удаленіи изъ него Турокъ. „По истеченіи двухъ лѣтъ послѣ освобожденія Каменца отъ Турокъ, во время консульства (sub consulatu) Ад. Святовича, единственнаго Каменецкаго консула, оставшагося послѣ сдачи города, въ присутствіи воеводы Кіевскаго, генерала Подольскаго (то-есть, старосты), подстарости и судьи (гродскаго), консулъ Святовичъ созвалъ въ ратушу всю Каменецкую общину *для выбора войта*. По документамъ прежнихъ выборовъ и по книгамъ поспольство знаетъ что по королевской привилегіи, только право выбора войта принадлежитъ цѣлому городу, а право избирать консуловъ (радцевъ) и лавниковъ принадлежитъ магистрату. Но такъ какъ, вслѣдствіе недавняго освобожденія отъ непріятеля, магистратъ находится не въ должномъ составѣ, то поспольство приступаетъ къ выбору *войта и лавниковъ*

---

[1]) Въ Каменцѣ не разъ было заявляемо желаніе, чтобы магистратъ, остающійся въ весьма небольшомъ составѣ, былъ укомплектованъ; см. кн 4562, л. 1187.

[2]) «Consules advitales»; см. кн. 4440, л. 41, 42, 81, 88 и др.

[3]) Кн. 4438, л. 21, 37, 60, 93 и др.

съ оговоркою что дѣлаетъ это не въ ущербъ древнимъ правамъ и обычаевъ, которые должны сохраняться нерушимо какъ относительно самаго избранія, такъ и времени выборовъ, праздника св. ап. Матвѣя ежегодно [1]). Привилегія, о которой здѣсь упоминается, есть, безъ сомнѣнія, королевская привилегія объ усвоеніи Каменцу Львовскаго права. Община такъ уважаетъ права рады, что не рѣшается выбирать радцевъ даже тогда, когда вся рада состоитъ изъ одного человѣка, а выбираетъ только лавниковъ и войта, предоставляя имъ и единственному консулу укомплектованіе рады.

Во Львовѣ коллегія раздѣлялась на двѣ части (въ каждой по 6 радцевъ); эти двѣ части чередовались въ управленіи погодно, при чемъ правящая половина называлась consules residentes (то, что въ нѣмецкихъ городахъ называлось sitzender Rath), а не правящая — consules antiqui. Въ Каменцѣ рада не раздѣлялась на двѣ коллегіи, а правила въ полномъ составѣ ежегодно. Закономъ не опредѣлялось, кто имѣетъ право быть выбраннымъ въ члены рады; но обычаемъ утвердилось выбирать въ нее изъ лавниковъ [2]). При избраніи должно принимать во вниманіе происхожденіе избираемаго; незаконнорожденные не имѣютъ права быть выбранными [3]). Кромѣ того, должна приниматься во вниманіе прошлая жизнь избираемаго и его нравственность. На практикѣ это рѣдко соблюдалось. Община Каменецкая жалуется королевской коллегіи, что

„консулы принимаютъ въ раду даже не умѣющихъ писать, не справлялись съ закономъ и королевскими привилегіями, не обращая вниманія на субъекты и ихъ репутацію, не справляясь съ метрикою (о законности происхожденія), не уважая заслугъ людей, испытанныхъ въ городѣ и хорошо знающихъ законы, и руководясь только пристрастіемъ, а главное, денежнымъ мамономъ, не вѣдая происхожденія избираемыхъ“.

Тутъ же указывается, что нѣкто „радца Боровскій допущенъ въ раду не за заслуги, а за деньги, не смотря на многія оппозиціи при выборѣ“ [4]). Во Львовѣ изъ взятокъ съ кандидатовъ на бурмистров-

[1]) Кн. 4562, л 79.

[2]) Кн. 4438, л. 93. Въ 1707 году двое изъ лавниковъ были выбраны на мѣсто двухъ выбывшихъ консуловъ

[3]) Когда въ Каменцѣ, на выборахъ 1703 года, одинъ изъ невыбранныхъ, Вильчекъ, заявилъ въ видѣ публичной брани о незаконномъ происхожденіи другаго выбраннаго, Василевскаго, то была занесена жалоба; магистратъ вошелъ въ разсмотрѣніе законности происхожденія Василевскаго, и убѣдившись въ этомъ присягою шляхтичей, наказалъ обвинителя; см кн. 4437, л. 166—167, также кн. 4562, л. 79, 1187.

[4]) Кн. 4562, л. 878, 1187.

ство составился особый постоянный и правильный доходъ рады: суммы шли въ общую радскую кассу и дѣлились поровну между консулами, хотя иногда не всѣ единодушно соглашались на выборъ. Въ Каменцѣ, по закону, одна половина членовъ рады должна была быть католическаго вѣроисповѣданія, а другая православнаго [1]); но мы уже видѣли, что это установленіе не моглось облюдаться, когда избраніе въ члены рады зависѣло отъ самихъ радцевъ; при большинствѣ же радцевъ католическаго исповѣданія избраніе православнаго въ раду было дѣломъ весьма труднымъ. Что такъ дѣйствительно и было, показываетъ приведенный выше актъ протеста *всего магистрата* противъ трехъ радцевъ православнаго исповѣданія; изъ этого же акта можно заключать, что въ 1703 году были только три русскіе радца. Самое избраніе производилось въ опредѣленный день общихъ городскихъ выборовъ: въ Каменцѣ въ день св. ап. Матвѣя (по римско-католическому календарю 24-го февраля) [2]). Всѣ нововыбранные (и консулы, и лавники) приносили присягу предъ королевскимъ чиновникомъ [3]).

---

[1]) Кн. 4562, л. 1187.

[2]) По словамъ Зубрицкаго, выборы во Львовѣ происходили слѣдующимъ образомъ. Приглашался старо̀ста на выборы, а прелатъ на *мшу* de Spiritu Sancto. Послѣ мши въ ратушѣ произносилась молитва Св. Духу, и поспольство созывалось ратушнымъ звономъ. Старо̀ста (или его намѣстникъ), находившійся уже въ особой комнатѣ ратуши, входилъ и занималъ среди рады первое мѣсто. Входилъ войтъ со скипетромъ (berłem) въ рукѣ, съ лавниками, актами, печатью и ящикомъ (puszką) и слагалъ предъ старо̀стою и радою свою должность; бурмистръ два раза благодарилъ его и лавниковъ за исправленіе должности. Потомъ подходилъ дозорца воротъ и стражи (proconsul nocturnus) съ своими подчиненными и воротниками и полагалъ на столъ предъ радою ключи отъ городскихъ воротъ; потомъ надсмотрщики гошпиталей и костеловъ и цехмистры каждаго цеха и братства, склонивъ голову, отдавали свои знаки и печати; наконецъ, то же дѣлали войты предмѣстій. Бурмистръ благодарилъ всѣхъ порознь за исполненіе ихъ обязанностей. Затѣмъ, если войтъ не былъ въ числѣ радцевъ, то уходилъ вмѣстѣ съ лавниками и поспольствомъ въ переднюю залу; а если былъ въ числѣ рады, то занималъ свое кресло, лавники же, Сорокъ Мужей и поспольство уходили. Тогда бурмистръ (proconsul senior, по выраженію Львовскаго магистрата въ отвѣтѣ на 1-й вопросный пунктъ Каменецкаго магистрата; см. К. Ц. Арх., кн. 4430), съ согласія всей коллегіи консуловъ, представлялъ старо̀стѣ трехъ членовъ (изъ числа тѣхъ шести, которымъ приходилось управлять на тотъ годъ), для того чтобы старо̀ста выбралъ одного изъ нихъ королевскимъ бурмистромъ. Тогда вновь входило поспольство; бурмистръ провозглашалъ имена очередныхъ консуловъ; старо̀ста одного изъ представленныхъ ему трехъ именовалъ *королевскимъ бурмистромъ* (proconsul regius), который долженъ былъ начинать годъ; изъ остальныхъ двухъ кандидатовъ поспольство выбирало одного своимъ бурмистромъ (proconsul communitatis), а третій назывался бурмистромъ пановъ

Права рады опредѣляются слѣдующими отвѣтами Львовскаго магистрата Каменецкому:

„Повиновеніе магистрату въ дѣлахъ, касающихся управленія и полицейскаго надзора (in causis regiminis et boni ordinis), обязаны оказывать всѣ городскіе жители, — граждане и поселенцы, мѣщане и предмѣщане, находящіеся и не находящіеся на лавничьемъ урядѣ. Люди, позванные къ суду по такимъ дѣламъ, обязаны отвѣчать какъ магистрату, такъ и проконсулу“ [1]).

Рада раздаетъ городскіе грунты, заключаетъ контрактъ на аренду доходовъ и городскихъ имуществъ [2]), вмѣстѣ съ замковымъ урядомъ устанавливаетъ таксы на продукты потребленія [3]), утверждаетъ всякія гражданскія сдѣлки касательно имущества (что̀, впрочемъ, могло дѣлаться и въ войтовскомъ урядѣ) и рѣшаетъ безспорные иски, когда не требуется присяги и ввода свидѣтелей. Рада выбираетъ собственныхъ членовъ (какъ сказано выше), выбираетъ новыхъ лавниковъ и утверждаетъ выбранныхъ кандидатовъ на регентство. Она производитъ текущіе расходы. Она собираетъ сессіи общины и представляетъ ей пункты на разсмотрѣніе. Въ древнѣйшее время она одна пользовалась правами законодательства посредствомъ своихъ senatus-consultum. Уголовно-судебная власть ея выше судебной власти коллегіи лавниковъ; въ „реляціи“ Львовскаго магистрата говорится, что не должно запрещать апелляціи отъ декретовъ войтовскаго суда къ консульскому уряду какъ прямымъ войтамъ, такъ и высшимъ начальникамъ (præsides) магдебургскаго права въ городѣ [4]). Такъ дѣйствительно и случалось

радныхъ (proconsul dominorum consulum) и занималъ третье мѣсто. Послѣ такого выбора бурмистры занимали свои кресла въ вышеуказанномъ порядкѣ. Вся рада приносила присягу предъ королевскимъ коммиссаромъ (присягу читалъ радскій писарь). Послѣ присяги новый proconsul regius благодарилъ старо̀сту за присутствіе, а тотъ прощался съ радою, уходя, въ сопровожденіи двухъ консуловъ, въ армянскій костелъ для принятія присяги отъ армянскихъ старшинъ, очередныхъ въ этотъ годъ. Прошлогодняя рада представляла отчетъ доходовъ прошлаго года, а гмина выбирала 6 (послѣ 10) мужей для ревизіи отчетовъ, и эти выбранные принимали присягу. Оповѣщали ремесленниковъ и артистовъ, чтобъ они въ своихъ цеховыхъ собраніяхъ избирали цехмистровъ и ставили ихъ къ присягѣ на слѣдующій день; затѣмъ поспольство распускалось. Оставшаяся рада съ войтомъ, лавниками, армянскими старшинами и урядниками принимала присягу отъ новыхъ лавниковъ (если такіе были) и проч. (Zubr., Kr. M. Lw., 16—18).

[3]) Кн. 4562, л. 79, кн. 4438, л. 21, 37, 60, 93.

[1]) Кн. 4430, пунктъ 11-й.

[2]) Кн. 4437, л. 314, 562.

[3]) Ibid., л. 695.

[4]) Кн. 4430, отвѣтъ на пункты 5-й и 6-й.

на самомъ дѣлѣ [1]). Даже и въ тѣхъ родахъ дѣлъ, которыя несомнѣнно принадлежали войтовскому уряду, рада принимала рѣшительное участіе. Высшія уголовныя дѣла разбирались радою, и если виновность подсудимаго была доказана, отсылались въ войтовскій судъ для приговора и производства наказанія [2]). Личныя права радцевъ-консуловъ состояли въ слѣдующемъ: а) радцамъ присвоялся по должности титулъ шляхетныхъ (nobilium et spectabilium dominorum); дѣйствительными правами шляхетства радцы пользовались только въ тѣхъ городахъ, которые получали на то особую привилегію; Каменецкая же рада не имѣла такой привилегіи; б) домы радцевъ освобождались отъ податей и жолнерскаго постоя; если кто-либо изъ радцевъ имѣлъ нѣсколько домовъ и производилъ торговлю, то освобождался отъ податей и постоя только тотъ домъ его, въ которомъ онъ живетъ; съ прочихъ же домовъ и торговыхъ оборотовъ радца долженъ нести общія подати и повинности городскія:

„Подобнымъ образомъ никто изъ консульскаго магистрата не изъятъ отъ платежа государственныхъ податей, установленныхъ или на генеральномъ сеймѣ, или на сеймикѣ мѣстнаго воеводства; консулы обязаны нести бремя этихъ податей одинаково съ прочими гражданами даже съ тѣхъ домовъ, гдѣ они сами живутъ“ [3]).

Доходы рады были: а) опредѣленные и б) неокладные. Къ доходамъ перваго разряда относились доходы съ поземельныхъ имуществъ (деревень и хуторовъ), приписанныхъ къ радѣ, бо̀льшіе участки при раздѣлѣ общественныхъ полей (именно въ такой пропорціи: радные получали поле на 40 дней работы, лавники на 24, мужи на 12; сѣнокосные луга — радные на 12 косарей, лавники на 8, мужи на 5) [4]) и опредѣленное жалованье изъ общихъ городскихъ доходовъ [5]). Къ доходамъ втораго разряда принадлежали пошлины съ дѣлопроизводства (отъ внесенія документовъ въ актовыя книги и выписи изъ нихъ копій и справокъ, отъ апеллирующей стороны и проч.) и штрафы по судебному приговору консульскаго уряда.

Избраніе *per cooptationem*, обширная власть и довольно крупные доходы увеличили значеніе консуловъ до того, что имъ открылась возможность къ многоразличнымъ злоупотребленіямъ. Пользуясь правомъ распоряжаться недвижимымъ городскимъ имуществомъ, они

[1]) Кн. 4440, л. 779.
[2]) Zubr., Kr. Mias. Lw., 23.
[3]) Кн. 4430, Львъ. реляц., отв. на пунктъ 12.
[4]) Кн. 4490, л. 6 и 9.
[5]) Кн. 4562, л. 601.

присвоиваютъ его себѣ, обработываютъ въ свою пользу поля и сѣнокосы, остающіеся послѣ размежеванія и надѣла гражданъ, обращаютъ въ свою собственность движимое имущество послѣ умершихъ гражданъ (по закону, такое имущество должно храниться въ ратушѣ до отысканія наслѣдника) даже и тогда, когда наслѣдники на лицо [1]); освобождаютъ всѣ свои дома отъ платежа налоговъ и всѣ свои торговые обороты отъ уплаты пошлинъ [2]); измышляютъ разные налоги въ свою пользу въ видѣ добровольныхъ приношеній отъ мѣщанъ; вопреки закону одни распоряжаются установленіемъ и сборомъ податей; безнаказанно бьютъ и ранятъ мѣщанъ на улицахъ и въ самомъ засѣданіи суда [3]). Прямой отвѣтственности внутри города консулы не подлежали. Консульскій и войтовскій уряды признаны равными; отъ того и другаго апелляція идетъ въ задворный судъ, а отъ этого происходятъ постоянныя коллизіи: обиженный проконсуломъ или радою жалуется войтовскому суду; но проконсулъ срываетъ прибитый къ его дому позовъ [4]) или прямо отвѣчаетъ, что онъ не хочетъ подчиняться войтовскому суду [5]).

Община гражданъ не могла при такихъ порядкахъ найдти себѣ никакой защиты внутри города. Протесты инстигаторовъ и регентовъ противъ дѣйствій отдѣльныхъ членовъ магистрата и противъ цѣлой рады не находили въ городѣ компетентной власти для наказанія виновныхъ. Такъ, въ 1709 году инстигаторъ „totius communitatis“ заявилъ, что нѣкоторые мѣщане, большею частію судьи и радцы обѣихъ юрисдикцій, продаютъ вино и вишняки выше таксы. Протестъ этотъ разсматривали сами обвиненные судьи и радцы и принуждены были прибѣгнуть къ посредничеству гродскаго бургграбія [6]). Поэтому община гражданъ, вмѣстѣ съ лавою и квадрагинтовиратомъ, принуждена была постоянно призывать вмѣшательство постороннихъ властей: подавать протесты въ гродскій судъ или приглашать спеціальныя королевскія коммиссіи. Въ 1736 году лава именемъ всей общины протестуетъ въ гродскомъ судѣ противъ магистрата, заявляя, что члены его заботятся не объ общественномъ благѣ, а только о своихъ частныхъ выгодахъ, общину же утѣсняютъ и обижаютъ: а) Проконсулы

---

[1]) Кн. 4562, л. 527.
[2]) Ibid., л. 878.
[3]) Ibid., также кн. 4438, л. 339.
[4]) Кн. 4438, л. 340.
[5]) Ibid., л 327.
[6]) Кн 4440, л. № 398.

и радцы захватили усадьбы, пашни и сѣнокосы, издревле составляющіе частную собственность города, и нѣкоторые лаы, составляющіе наслѣдственную собственность гражданъ; они уже нѣсколько лѣтъ собираютъ доходы съ посѣвовъ и сѣнокосовъ, построили на такихъ захваченныхъ земляхъ пасѣки и хутора, и выпуская оттуда скотъ, опустошаютъ остальныя поля гражданъ. б) Рады покровительствуютъ незаконнымъ дѣйствіямъ Армянъ. в) Не защищаютъ городъ отъ обидъ со стороны гарнизона, но устраняя лишь себя, слагаютъ всю тяжесть постоя на гражданъ; не участвуютъ ни въ какихъ податяхъ и расходахъ, получая большіе доходы отъ торговли и промысловъ. г) Допустили въ городъ Жидовъ изъ другихъ городовъ, а Жиды, распродавая свои товары, получаютъ за нихъ золотыя монеты надлежащаго вѣса, но потомъ обрѣзываютъ ихъ, обрѣзанныя обмѣниваютъ хитрыми жидовскими способами и оставляютъ въ городѣ; видя во очію такой обманъ, проконсулы и радцы не обратили на то никакого вниманія и дозволили Жидамъ безнаказанно уйдти изъ города. д) Радцы не приводятъ въ исполненіе лаудумовъ общинныхъ, постановленныхъ радою, лавою и Сорока Мужами, и произвольно измѣняютъ распредѣленіе податей, назначенное въ ратушѣ [1]). Протестація лавы осталась, какъ видно, безъ всякаго послѣдствія; поэтому въ 1739 г. регентъ и вицерегентъ, опираясь на жалобу 1736 года, именемъ всей общины вновь протестуютъ противъ рады предъ судомъ особой королевской коммиссіи. Содержаніе этой новой протестаціи почти такое же, какъ и предшествующей. Община жалуется, что радцы, пользуясь городскими имуществами, не отдаютъ отчета въ доходахъ городу или регенту Сорока Мужей, не смотря на многократныя требованія; прежде радцы не хотѣли отдавать въ аренду имѣніе Кормильче, а теперь отдали его за 7.000 флориновъ, тогда какъ доходы съ этого имѣнія простираются до 20.000 флориновъ; и эти 7.000 радцы обратили въ свою пользу; радные притѣсняютъ городъ незаконными поборами и едва не пьютъ крови изъ бѣдныхъ гражданъ; присвоили себѣ многія движимыя имущества, оставшіяся послѣ умершихъ въ прошлую эпидемію гражданъ, хотя послѣ нихъ остались законные наслѣдники; захватили въ свою пользу общественныя поля, оставшіяся послѣ размежеванія; не хотятъ отдать въ аренду мѣръ, мельницъ и воскобоенъ, тогда какъ такія аренды были въ обычаѣ съ давнихъ временъ и приносили городу болѣе 400 флориновъ; не заботятся о возвращеніи городскаго

[1]) Кн. 4562, л. 394 и 402.

имущества, захваченнаго постороннимъ людьми или растраченнаго членами рады; чрезвычайныя притѣсненія наличнаго проконсула разогнали крестьянъ изъ с. Кормильча; вино, купленное для королевской коммиссіи за 15 зол. венг., радцы обратили въ свою пользу, не отдавъ его коммиссарамъ. Къ этимъ пунктамъ, продолжаетъ протестація, могутъ быть присоединены и другіе, если того потребуетъ судъ; все это можетъ быть доказано слѣдствіемъ и подтверждено письменными документами [1]). Королевская коммиссія выдала позовъ. Когда отвѣтчики явились къ суду, то коммиссія потребовала, чтобы магистратъ представилъ отчетъ въ городскихъ доходахъ съ 1727 года. Рада просила, чтобы представленіе отчета было отсрочено до засѣданія задворнаго суда, то-есть, не хотѣла подчиниться суду коммиссіи. Но коммиссары, не внимая этой просьбѣ, назначили ближайшій срокъ для представленія отчетности. Тѣмъ не менѣе отчетъ былъ представленъ лишь въ 1741 году [2]). Коммиссія признаетъ отчетъ правильнымъ, потому что единственнымъ средствомъ повѣрки была признана присяга членовъ рады; но чтобы не возникали подобные споры на будущее время, коммиссія устанавливаетъ должныя отношенія общины къ магистрату: 1) Въ Сорокъ Мужей избираются люди доброй славы и достаточные. 2) Регента Сорока Мужей избираетъ не магистратъ, а коллегія Сорокъ Мужей; магистратъ уже утверждаетъ того, кто выбранъ. 3) Жалованье регенту ежегодно назначается въ 100 флориновъ. 4) Регентъ съ приданными ему люнарами отъ магистрата, лавы и Сорока Мужей распоряжается всѣми городскими доходами, но предъ концомъ срока своей должности отдаетъ отчетъ предъ выборными изъ магистрата, лавы и Сорока Мужей. 5) Подати устанавливаются не магистратомъ, а собраніемъ Сорока Мужей и лавниковъ, съ согласія общины, на сходкѣ; лаудумы податей должны быть заявлены въ книгахъ проконсульскихъ или войтовскихъ, прежде чѣмъ начнется взиманіе. 6) Для выслушанія отчета въ доходахъ и податяхъ, представляемаго регентомъ и люнарами, назначается по два депутата отъ рады, лавы и Сорока Мужей; отчетъ долженъ быть произведенъ за двѣ недѣли до св. Матвѣя. 7) Проконсулъ и радные, занимающіеся торговлею, равно какъ и тѣ изъ нихъ, которые владѣютъ двумя или тремя домами, должны платить городскія подати съ торговли и домовъ, за исключеніемъ одного дома, въ которомъ сами живутъ. 8) Цехмистры поступаютъ по своимъ правамъ

[1]) Ib., л. 527.
[2]) Ib., л. 603.

и привилегіямъ, производятъ выборы и постановленія, наблюдаютъ за сохраненіемъ установленной таксы, нарушителей же примѣрно наказываютъ; проконсулы и радцы не должны брать подъ свою протекцію пришлыхъ мастеровъ. 9) Всякіе доходы съ имѣнія Кормильча, съ арендъ и проч. должны быть записываемы подробно съ именами и фамиліями тѣхъ, отъ кого поступаетъ хотя малѣйшій взносъ доходовъ; доходы эти обращаются на общественныя нужды; для исполненія этого коммиссія настоящимъ декретомъ своимъ назначаетъ регента съ депутатами и Сорока Мужами, опытными въ такихъ дѣлахъ. 10) Городская община должна оказывать всякое повиновеніе проконсулу и раднымъ; съ своей стороны, проконсулы и радцы не смѣютъ произвольно наказывать общину штрафами, но должны приговаривать ее къ штрафамъ по суду; должны защищать общину отъ обидъ и заботиться объ общемъ благѣ; доходы, назначенные имъ старинными привилегіями и декретами, утверждаются и этимъ декретомъ. Все это должно быть исполняемо подъ угрозою штрафа въ 1.000 марокъ польскихъ. Остальные спорные пункты будутъ разрѣшены въ слѣдующей коммиссіи будущаго 1742 года [1]).

Неизвѣстно, была ли назначена коммиссія въ 1742 г., и что́ она постановила но несомнѣнно, что декретъ; boni ordinis 1741 г. не привелъ къ желанной цѣли. Рада продолжала дѣйствовать по прежнему, утѣсняя гражданъ; опять радные уклоняются отъ взносовъ пошлинъ съ городскихъ доходныхъ статей, растрачиваютъ суммы, ввѣренныя имъ городомъ, и проч., и это вновь вызываетъ хлопоты о томъ, чтобы была назначена коммиссія; для этой цѣли посылаются депутаты (большею частію радные) въ Варшаву, имъ вручаются значительныя суммы на расходы; они затрачиваютъ эти суммы на свои надобности, забывая о городскомъ дѣлѣ или намѣренно отстраняя его [2]). Если пріѣзжаютъ коммиссіи, то на содержаніе ихъ городъ ассигнуетъ новыя суммы; но радные, распоряжаясь и этими суммами, обращаютъ ихъ въ свою пользу; возникаетъ новая тяжба о растратѣ денегъ, назначенныхъ для коммисіи; та же самая или другая коммиссія разбираетъ эту новую тяжбу и т. д. до безконечности.

Сессія общины 1753 года напоминаетъ радѣ о декретѣ прошлой коммиссіи и жалуется, что декретъ не исполняется; декретъ постановляетъ, чтобы не только домовладѣлецъ, но ни одинъ мѣщанинъ, „даже самый подлѣйшій“, не подвергался заключенію подъ ратушею

[1]) Ib., л. 601.
[2]) Ibid., л. 729.

(что̀ назначено только для крайнихъ гультяевъ и т. под. людей), между тѣмъ радные волочатъ самыхъ лучшихъ мѣщанъ изъ домовъ черезъ городъ и оскорбляютъ ихъ; мартовское подымное отдано въ руки радца Шагина, а онъ неизвѣстно куда дѣвалъ эти деньги [1]). Такъ какъ представленія общины остались безъ вниманія, то въ томъ же 1753 году подана обширная протестація на раду въ новую королевскую коммиссію. Предметы жалобы поспольства слѣдующіе: 1) Магистратъ, не обращая вниманія на строгость декрета прошлой коммиссіи, не допускаетъ общину до выборовъ въ число Сорока Мужей. 2) Магистратъ выбираетъ въ радные людей негодныхъ, за деньги. 3) Самъ выбираетъ на должность регента и завѣдываетъ хозяйственнымъ управленіемъ безконтрольно. 4) Самъ устанавливаетъ подати безъ согласія поспольства. 5) Радцы и проконсулы, равно и годовой писарь, состоящій на жалованьи, не заботятся о порядкѣ въ архивныхъ актахъ: акты находятся не въ архивѣ, какъ слѣдовало бы, а въ домахъ пановъ радныхъ; когда общинѣ потребуется какой-нибудь актъ, то нужно вспотѣть, пока отыщешь его среди актовъ, валяющихся по землѣ. 6) Радные не платятъ ничего со всѣхъ домовъ, состоящихъ въ ихъ владѣніи. 7) Вопреки декрету коммиссіи bonі ordinis, магистратъ держитъ въ своей протекціи нѣкоторыхъ ремесленниковъ; ни одинъ цехмистръ не можетъ имъ ничего сказать, потому что если который цехмистръ скажетъ что-либо, то его тотчасъ сажаютъ за рѣшетку подратушную, которая существуетъ для преступниковъ, а не для частныхъ людей; поэтому цехмистры если и видятъ что-нибудь нехорошее въ городѣ, молчатъ. 8) По декрету ни одинъ мѣщанинъ не долженъ подвергаться наказанію безъ правильнаго суда; а тутъ дѣлается иначе, потому что нѣкоторые изъ пановъ радныхъ, не выслушавъ виновенъ ли мѣщанинъ или нѣтъ, вторгаются въ его домъ и приказываютъ бить и вязать хозяина; такъ, недавно Радзиловскій билъ, тиранилъ и окровавилъ одного мѣщанина, который имѣлъ хартію неприкосновенности (list salvi conducty); то же самое Радзиловскій дѣлалъ и съ другими мѣщанами. 9) Паны радные, засѣдая въ судѣ, обыкновенно бьютъ и ранятъ людей: напримѣръ, одинъ мѣщанинъ удостоился такого счастія отъ радцы Зеленскаго. 10) Радца Боровскій, который допущенъ въ раду не за заслуги, а за деньги, публично въ городѣ, безъ всякой причины, ударилъ кулакомъ въ лицо мѣщанина; онъ же, напавъ на собственный домъ другаго мѣщанина, съ людьми,

[1]) Ibid., л 871.

билъ его по головѣ палкою, отчего тотъ былъ боленъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль; далѣе безъ всякаго права разрушилъ (zrójnował) его имущество и самовольно забралъ солодовни; тотъ же радца побилъ палкой и выгналъ за двери третьяго мѣщанина, который напомнилъ ему объ уплатѣ за его работу. 11) Требуя отъ поспольства уваженія къ себѣ, паны радные не имѣютъ уваженія другъ къ другу: недавно Зеленскій билъ, кровавилъ и ранилъ неподобнымъ образомъ жену Маркевича и учинилъ такой поступокъ, о какомъ нельзя говорить ради приличія; когда это дѣло дошло до суда въ магистратѣ, то одинъ изъ радцевъ, ради сана, другой — ради пріязни, склонились на сторону Зеленскаго; Маркевичъ не получилъ удовлетворенія; какой же справедливости можетъ ожидать убогій мѣщанинъ, прибѣгающій къ суду, когда радцы и между собою не наблюдаютъ правды? 12) Шляхетный Герштъ (радца), дѣйствуя какъ независимый панъ, недавно приказалъ городскимъ слугамъ взять съ самаго рынка пару лошадей съ возомъ у Чернокевича безъ всякой причины; коней Чернокевичъ получилъ назадъ, но возъ остается до сихъ поръ у Гершта; владѣлецъ воза и вспомнать о немъ боится, потому что Герштъ грозилъ посадить его за рѣшетку. 13) Радцы Охановичъ и Рохольскій въ 1748 году, взявъ у одного мѣщанина три улья пчелъ, не отдаютъ ихъ обратно до сихъ поръ и не платятъ за нихъ, и даже вмѣсто уплаты приказали посадить мѣщанина за рѣшетку. 14) Шагинъ, будучи посланъ депутатомъ отъ города въ Варшаву, чтобы похлопотать о городскихъ интересахъ, получилъ на это сумму изъ кровныхъ мѣщанскихъ денегъ и выхлопоталъ себѣ привилегію на новое поселеніе, названное Шагиновкою, что̀ соединяется съ ущербомъ для городскихъ грунтовъ, тогда какъ, по привилегіямъ, городскіе грунты должны идти на общественную пользу, и изъ нихъ городъ долженъ удѣлять и своимъ крестьянамъ; Шагинъ же присвоилъ городскіе грунты себѣ. 15) Радные присвоили себѣ послѣ мора разныя имущества, особенно же серебряныя и золотыя вещи одного мѣщанина, цѣнность которыхъ простирается на нѣсколько тысячъ; эти вещи, еще до смерти мѣщанина, были отправлены имъ въ польско-русскую ратушу и отданы на храненіе цѣлому городу; по смерти же этого мѣщанина радные, къ обидѣ наслѣдниковъ, раздѣлили вещи между собою. 16) Радцы Зеленскій и Герштъ, содержа корчемную аренду на польскихъ фольваркахъ, не представили ни отчета, ни доходовъ регенту, какъ слѣдовало бы по смыслу декрета коммиссіи bonі ordinis. 17) Магистратъ, вопреки привилегіямъ, которыя даны цехамъ королями, принуждаетъ цехи къ незаконнымъ работамъ, то-есть,

барщиннымъ; у нихъ же радные берутъ лошадей и посылаютъ послѣднихъ болѣе чѣмъ за 100 миль; а крестьянъ съ фольварковъ, кто понравится или заплатитъ, увольняютъ отъ всякихъ работъ и принимаютъ in corpus civitatense. 18) Паны радные, получая жалованье по декрету boni ordinis, требуютъ еще большихъ пенсій будто бы за свою дѣятельность; а когда придетъ къ нимъ какой-либо убогій человѣкъ, то они тотчасъ отговариваются, что имъ некогда, они-де имѣютъ жену, дѣтей и проч. и желаютъ сидѣть дома спокойно, а не выслушивать разныя жалобы; такъ отговариваться они не должны, потому что составили большое состояніе на городскихъ имуществахъ пріобрѣли палаты или въ награду за должность, или посредствомъ покупки; когда же возникаетъ какое-либо дѣло, то паны радные не хотятъ ничего знать, а сваливаютъ все на регента или вице-регента. 19) Радные приказали регенту и поспольству составить сессію для займа денегъ; а когда городъ занялъ у Каменецкаго капитула 4.000 польск. злотыхъ, у іезуитовъ 1.000 тынфовъ, у базиліанъ 1.500 зл. и у іезуитовъ же бочку венгерскаго вина за 30 червонныхъ злотыхъ, то радные обратили и деньги, и вино въ свою пользу, не давая никакого отчета. 20) Радца Радзиловскій захватилъ домъ, купленный другимъ, взялъ вводную и до сихъ поръ держитъ его. Можно бы (продолжаетъ протестація) написать втрое больше пунктовъ объ обидахъ поспольству отъ магистрата, если бы было время [1]).

Мы выписали содержаніе этой протестаціи, рискуя утомить читателя ея неисторическими подробностями, потому что только въ такихъ *неисторическихъ* документахъ выражается смыслъ великаго историческаго явленія; только при пособіи такихъ актовъ можно оцѣнить по достоинству знаменитое самоуправленіе въ славянскихъ земляхъ по нѣмецкому праву. Но счастливъ историкъ, описывающій великія битвы и славныхъ героевъ! Отблескъ ихъ славы отражается на самомъ писателѣ... Наши же герои бьются палками по головамъ, а трофеями ихъ служатъ три улья пчелъ или пара лошадей съ возомъ...

Коммиссія 1753 г. опять не достигла цѣли: отношенія между радой и общиной остались прежнія. Въ 1757 г. опять заносится протестація противъ рады лавою, вице-регентомъ и Сорока Мужами. Рада обвиняется въ кражѣ, утайкѣ, подлогѣ документовъ и присвоеніи денегъ; именно радные украли изъ подлинныхъ актовыхъ проконсульскихъ и лавничьихъ книгъ королевскія привилегіи на село Кормильче, ре-

[1]) Ibid., л. 878.

скрипты и декреты ассессоріи и коммиссій; неизвѣстно куда дѣвали декретъ Радомскаго трибунала по дѣлу съ гарнизономъ; заставили регента подписаться на чистой бланкѣ при заключеніи контракта на корчемную аренду, а потомъ записали на ней меньшую сумму; похитивъ изъ канцеляріи подлинные документы, вписали въ книги гродскаго суда фальшивую реляцію декрета, направленную противъ общины, въ смыслѣ, совершенно противоположномъ подлиннымъ комиссарскимъ декретамъ, за что и подверглись обвиненію въ Варшавскихъ ассессорскихъ судахъ; обратили въ свою пользу большія суммы, полученныя отъ разныхъ кредиторовъ [1]).

Не слѣдя далѣе за подробностями этой утомительной борьбы, скажемъ однимъ словомъ, что борьба продолжалась непрерывно, истощала средства города и не вела ни къ какимъ существеннымъ улучшеніямъ въ отношеніяхъ рады къ общинѣ. Такъ, въ 1769 г. мы находимъ въ городѣ опять коммиссію, которой и магистратъ, и община представили, по обоюдному согласію, свои общія желанія и указали средства, которыми, по ихъ мнѣнію, можно умиротворить общество. Бо́льшая часть пунктовъ этихъ „желаній“ направлена противъ дѣйствій магистрата [2]). Что „желанія“ остались только какъ pia desideria, доказывается тѣмъ, что въ 1773 г. гмина постановила отправить въ Варшаву депутатовъ съ тѣмъ, чтобъ они просили министровъ о назначеніи коммиссіи для установленія порядка въ городѣ, пришедшемъ въ упадокъ отъ неурядицы [3]). Однако, никакія коммиссіи и никакіе декреты ассессорій не могли пресѣчь зла, которое коренилось въ самой основѣ муниципальнаго устройства городовъ. Зданіе рушилось отъ ошибки въ планѣ, и только близорукіе видѣли въ этомъ постороннія и временныя причины.

Проконсулы. Консульскій урядъ засѣдалъ постоянно въ опредѣленные дни недѣли въ ратушѣ. Засѣданіе состояло изъ полнаго или неполнаго числа правящихъ консуловъ. Предсѣдательствующій между ними назывался проконсуломъ, президентомъ или бурмистромъ. Въ предсѣдатели поступали всѣ консулы поочередно. Первоначально, вѣроятно, было обыкновеніе имѣть правящими бурмистрами только четырехъ; почему и годъ былъ раздѣленъ на 4 части; каждый бурмистръ поочередно засѣдалъ въ продолженіе одной четверти года и потому назывался *квартальнымъ*. По миновании своего срока (kadencyi)

[1]) Ibid., л. 963.
[2]) Ibid., л. 1187.
[3]) Ibid., л. 1261.

этотъ квартальный бурмистръ сдавалъ предсѣдательство слѣдующему за нимъ, при чемъ въ актахъ записывалась, напримѣръ, слѣдующая форма: „Spectabilis Bas. Fostik Spectabili Joh. Opuczenko officium proconsulare resignavit, claves a curia et acta reposuit“ [1]). Въ концѣ года каждый бурмистръ долженъ былъ представлять отчетъ въ израсходованныхъ имъ суммахъ. Проконсулъ рѣшаетъ небольшія тяжбы и производитъ полицейскую расправу одинъ внѣ засѣданій консульскаго уряда, у себя на дому; это составляло officium proconsulare, въ отличіе отъ officium consulare.

Проконсульскій урядъ подавалъ такіе же поводы къ жалобамъ, какъ и консульскій; здѣсь злоупотребленія были даже чаще, хотя, конечно, сфера ихъ дѣйствія была ограниченнѣе. Жалобы на несправедливости и жестокости проконсуловъ идутъ постоянно. Такъ, въ 1704 г. жена одного мѣщанина жалуется предъ войтовскимъ судомъ на бурмистра Зволенскаго: въ отсутствіе ея мужа бурмистръ разрѣшилъ ея сосѣду построить ворота въ ея углѣ, и когда она этого не дозволила, то бурмистръ обругалъ ее непристойно; боясь дальнѣйшихъ притѣсненій отъ Зволенскаго, какъ бурмистра, она извинилась передъ нимъ чрезъ достойныхъ шляхтичей, въ его домѣ; тогда бурмистръ какъ будто удовлетворился, но недавно, безъ всякой причины и дѣла, нѣсколько разъ звалъ ее въ свой домъ черезъ городскаго слугу; такъ какъ она была занята гостями и не могла прійдти, то послала своего сына узнать, по какому дѣлу ее зовутъ; когда сынъ ея, прійдя къ Зволенскому, отдалъ должную честь бурмистру, то бурмистръ сначала обругалъ его, а потомъ приказалъ заковать въ кандалы; въ это время вошла мать, и когда она кланялась бурмистру, то онъ ударилъ ее ногою въ животъ, такъ что чуть не сбилъ съ ногъ; потомъ началъ ругать безчестными словами, оскорбительными для женскаго пола, и приказалъ отправить въ ратушу. Въ ратушѣ и мать, и сына впихнули въ казематъ, назначенный для преступниковъ [2]). Въ томъ же году въ войтовскій урядъ занесена жалоба на того же бурмистра однимъ мѣщаниномъ и его женою: Зволенскій, засѣдая на судѣ, потребовалъ къ себѣ сына истца, котораго тогда не было дома; жена истца, желая узнать, въ чемъ дѣло, пошла сама; бурмистръ началъ ругать ее и приказалъ взять въ ратушу; когда она стала сопротивляться, то бурмистръ велѣлъ слугѣ ударить ее „обухомъ“ нѣсколько разъ; когда

---

[1]) Ibid., л. 79 и проч.

[2]) Кн. 4437, л. 228.

сынъ ея, воротившись, пошелъ справиться, что̀ дѣлается въ урядѣ, то бурмистръ приказалъ взять и его въ ратушу безвинно, а слуга, по его же приказу, началъ бить „обухомъ“ и сына [1]). Такіе случаи постоянны, и приводить дальнѣйшіе примѣры излишне, тѣмъ болѣе, что изъ вышеприведенной жалобы поспольства на раду уже достаточно видно обращеніе бурмистровъ съ мѣщанами на судѣ. Читая такіе акты, невольно спрашиваешь себя: чѣмъ такое управленіе отличалось отъ знаменитаго воеводскаго управленія сѣверно-русскихъ городовъ?

Seniор. Seniоr былъ особымъ чиновникомъ въ Каменцѣ. Львовскій магистратъ въ своей „реляціи“ Каменецкому магистрату опредѣляетъ значеніе сеніора во Львовѣ слѣдующимъ образомъ: „Достоинство сеніора не дается у насъ по выборамъ, а остается за тѣми лицами, которыя прежде другихъ были призваны къ консульскому магистрату (или другимъ субселліямъ и оффиціямъ города). Сеніоръ консульскаго магистрата имѣетъ у спеціальную привилегію, что если въ какихъ-нибудь выборахъ городскихъ чиновниковъ случится равенство голосовъ, то сеніоръ имѣетъправо рѣшить это равенство; въ такомъ случаѣ его голосъ считается за два [2]). Но въ Каменцѣ сеніоръ былъ постояннымъ должностнымъ лицомъ въ составѣ магистрата, и подпись его слѣдуетъ за подпись юпроконсула, а иногда стоитъ и выше ея (если сеніоръ не былъ въ то время проконсуломъ). Сеніоръ является по преимуществу представителемъ города предъ высшими государственными властями; чрезъ него подаются просьбы королю [3]). Званіе сеніора доставалось не по выбору и не по старшинству: одинъ изъ годичныхъ консуловъ дѣлался сеніоромъ на цѣлый годъ и такимъ образомъ представлялъ собою постоянный охранительный (консервативный) авторитетъ въ то время, когда проконсулы быстро смѣнялись [4]); въ этомъ значеніи онъ былъ предводителемъ магистрата. Упоминается и *вице-сеніоръ* [5]).

Войтъ. Войтъ (въ Каменцѣ выборный) есть постоянный членъ рады и въ то же время предсѣдатель коллегіи лавниковъ. Во Львовѣ войтъ сдѣлался постояннымъ членомъ рады вслѣдствіе того, что

---

[1]) Ibid., л. 237.

[2]) Кн 4430, отв. на пун. 13-й.

[3]) Кн. 4490, л. 47.

[4]) Въ одномъ пунктѣ «желаній» города Каменца, поданныхъ въ королевскую коммиссію, говорится. «Относительно всѣхъ постановленій, клонящихся къ охраненію общественнаго блага, наличный сеніоръ особенно долженъ заботиться о выполненіи ихъ, подъ угрозою наказанія за неисполненіе». Кн. 5562, л. 1187.

[5]) Кн. 4490, л. 32.

рада, которой принадлежало право выбора войта, установила въ 1642 г. закономъ, чтобы войтъ выбирался только изъ рады, а senatus consultum 1650 г. уничтожилъ выборы и установилъ между радцами очередь для занятія войтовской должности [1]). Въ „реляціи“ Каменецкому магистрату, Львовская рада объясняетъ такой порядокъ замѣщенія должности войта слѣдующимъ образомъ:

„Войтъ per turnum назначается на годъ. Рядъ начинается отъ старѣйшаго консула и идетъ до младшаго или послѣдняго, который въ то время заключаетъ начатый рядъ въ консульской коллегіи. Если умретъ какой-либо консулъ, то рядъ войтовства прерывается на 12 лѣтъ. Новоизбранный консулъ не входитъ въ начатый и незаконченный рядъ, но долженъ ожидать новаго ряда, начинающагося отъ старѣйшаго консула, и въ этотъ уже рядъ включается и онъ“ [2]).

Въ Каменцѣ не было закона объ очередномъ войтовствѣ; при общихъ выборахъ одинъ изъ консуловъ назначался войтомъ. Большею частью онъ оставался въ этой должности не одинъ, а два или три года съ ряду [3]); а потомъ чрезъ два, три или болѣе лѣтъ избирался снова. Безъ сомнѣнія, долговременность должности войта вызывалась необходимостію оставить судебную власть въ рукахъ человѣка, уже знакомаго съ кодексомъ и юридическою практикой. Въ Каменцѣ это нужно было въ особенности при недостаткѣ людей образованныхъ. Избранный въ войты выходилъ изъ коллегіи консуловъ, то-есть, не входилъ въ очередь квартальныхъ проконсуловъ. Въ засѣданіяхъ же рады онъ участвовалъ какъ консулъ. Впрочемъ войтъ, какъ членъ рады, имѣлъ, повидимому, только совѣщательный голосъ; въ заглавіи войтовскаго засѣданія магистрата обыкновенно значится: „Coram... (перечисляются проконсулъ, сеніоръ и консулы) praesente etiam...“, или: „una cum advocato...“ [4]). Значеніе войта относительно рады опредѣляется слѣдующимъ отвѣтомъ Львовской реляціи Каменецкому магистрату:

„Первенство и преимущество (potioritatem) во Львовѣ имѣетъ проконсулъ, какъ облеченный правительственною властью (uti regale tenens brachium); управленіе городомъ принадлежитъ ему и всему магистрату, а не войту, ко-

---

[1]) Zubr., 22.

[2]) К. Ц. Ар., кн. 4430, л. 20, отв на вопр. 2-й.

[3]) Напр. въ Каменцѣ въ 1700 — 1702 гг. войтомъ былъ Ад. Святовичъ, въ 1703 — 1704 Ник. Павличъ, въ 1706 — 1707 М. Венгриновичъ, въ 1709 — 1712 опять Ник. Павличъ и т. д.

[4]) Кн 4437, л. 562 и др.

торый поэтому называется не ректоромъ города, а только судьею (judex ordinarius)“ [1]).

Въ Каменцѣ войтъ избирался „вольными голосами“ общины, напримѣръ, такимъ образомъ:

„Въ ратушѣ, въ присутствіи бургграбія и регента гродскаго, прежняго войта русско-польскаго и прежняго войта армянскаго, новаго войта армянскаго, лавниковъ и консуловъ (юрисдикцій польско-русской и армянской), прежняго регента, многихъ другихъ людей, достойныхъ вѣры, и всего поспольства города, вольными голосами выше упомянутыхъ особъ выбранъ nobilis et spectabilis.....“ [2]).

Но въ дѣйствительности избраніе его вполнѣ зависѣло отъ рады. Знакомъ достоинства войта былъ серебряный скипетръ, съ которымъ онъ предсѣдательствовалъ на торжественныхъ judicia necessaria bannita.

Скабинатъ (Лава). Коллегія лавниковъ прежде была тоже замкнутою, сама себя пополняющею. Потомъ обычай и законъ утвердили право выбора лавниковъ за радою — во Львовѣ съ 1661 г. [3]), а въ Каменцѣ со времени полученія львовскаго права. Въ Каменцѣ признаніе этого права за радой обнаружилось въ особенности тогда, когда по удаленіи Турокъ въ первый разъ было приступлено къ общимъ выборамъ: поспольство знаетъ по документамъ прежнихъ выборовъ и по книгамъ, что согласно съ королевскими привилегіями, право выбора лавниковъ принадлежитъ магистрату, но такъ какъ за недавнимъ освобожденіемъ отъ непріятеля и по недостатку людей магистратъ не можетъ быть въ прилячномъ составѣ, то поспольство приступаетъ къ выбору войта и лавниковъ, оговариваясь, что это не должно быть въ ущербъ древнимъ правамъ и обычаямъ [4]).

Число лавниковъ во Львовѣ было постоянное — 12. Число же Каменецкихъ лавниковъ было неодинаково; кажется, что законнымъ считалось число 11: именно столько было выбрано въ первый разъ по очищеніи Каменца отъ Турокъ. Но такъ какъ изъ лавы поступали въ консулы, то въ 1704 году лавниками остались только шесть [5]); въ слѣ-

---

[1]) Ibid. 4430, л. 20, отв. на 5 и 6 пункты. Когда въ Каменцѣ однажды войтъ приговорилъ мѣщанина къ аресту, то этотъ послѣдній сказалъ ему: «Я не слушаюсь твоего декрета, я имѣю своихъ пановъ радцевъ». Кн. 4437, лл 345 и 346.

[2]) Кн. 4438, л. 60.

[3]) Кн. 4562, л. 72.

[4]) Кн. 4562, л. 79. О злоупотребленіяхъ рады при выборѣ лавниковъ кн. 4562, л. 394 и 402.

[5]) Кн. 4438, л. 21.

дующіе годы число это пополнялось, но не доходило до нормальной цифры [1]). Избирались лавники то изъ числа Сорока Мужей, то изъ цехмистровъ и поспольства; во Львовѣ, гдѣ были школы, и образованныхъ людей было больше, закономъ 1661 года было предписано не изъ числа Сорока Мужей выбирать въ лавники только тѣхъ, кто имѣлъ степень доктора правъ, медицины или философіи, или тѣхъ, кто былъ городскимъ писаремъ и синдикомъ. Въ Каменцѣ такое узаконеніе не могло имѣть мѣста.

Отношенія лавы къ радѣ опредѣляются слѣдующими положеніями Львовской „реляціи“ 1716 года:

„Частныя дѣла войта и лавниковъ ex actoratu sive reatu подлежатъ вѣдѣнію какъ консульскаго уряда, такъ и городскаго магдебургскаго суда (judicii civilis Magdeburgiensis); если же дѣло касается должности войта и лавниковъ, то разсмотрѣніе его принадлежитъ радѣ, per viam recursus, потому что отъ рады, какъ бы постояннаго войта, они заимствуютъ власть войтовскую и судебную“ [2]).

Но съ другой стороны, сами консулы въ случаѣ своихъ проступковъ, частныхъ или по должности, должны были подвергаться какой-нибудь отвѣтственности. Мы видѣли, что они часто заявляютъ себя неподсудными суду лавниковъ; тѣмъ не менѣе войтовскому суду постоянно подаются жалобы на проконсуловъ и консуловъ, и дѣла по нимъ производятся въ войтовскомъ судѣ [3]) или въ судѣ магдебургскомъ (judicium civile). Это въ особенности было нужно тогда, когда община замѣчала за радою покушеніе на права и привилегіи города, потому что ближайшаго и постояннаго компетентнаго суда не было. Напримѣръ, въ Каменцѣ одинъ консулъ вложилъ въ инструкцію, данную послу къ королю, листокъ, написанный по латыни и содержавшій въ себѣ покушеніе на права городскія; онъ же говорилъ публично, что добьется того, чтобы войтомъ былъ шляхтичъ, а бурмистра судилъ замокъ. Представители городской общины жалуются на него предъ Каменецкимъ магдебургскимъ судомъ [4]).

---

[1]) Ibid, л. 37.

[2]) Кн. 4430.

[3]) Въ 1709 году консулъ Ал. Домбровскій жалуется предъ войтовскимъ судомъ на проконсула Вас. Хвостика, который, безъ согласія своихъ товарищей, удалилъ Домбровскаго отъ должности консула, какъ незаконно (будто бы) выбраннаго, послѣ долговременной совмѣстной службы съ нимъ (К. Ц. Арх., 4430, л 495). Въ 1703 году въ войтовскій судъ подается жалоба на всю раду за превышеніе власти, а въ 1704 году — на проконсула за незаконное распоряженіе, брань и побои женщинѣ и несправедливый арестъ (кн. 4437, лл. 180, 228 и 237).

[4]) Кн. 4437, л. 202.

Отношеніе коллегіи лавниковъ къ войту были столь же запутаны. Жалобы на войта подавались въ войтовскій судъ; въ такомъ случаѣ войтъ изъ судьи становится отвѣтчикомъ; мѣсто предсѣдателя занимаетъ одинъ изъ лавниковъ или постоянный вице-войтъ (субделегатъ). Поэтому въ иныхъ засѣданіяхъ войтовскаго суда одно дѣло рѣшается войтомъ, какъ предсѣдателемъ, въ другомъ же дѣлѣ, въ то же засѣданіе, войтъ является истцомъ или отвѣтчикомъ, а намѣстникъ — судьею его [1]). Но случалось, что войтъ, злоупотребляя властью, не хотѣлъ уступать мѣста субделегату и являлся въ одно и то же время и судьею, и отвѣтчикомъ, „приказывалъ цѣлому суду, какъ dominus absolutus, ругалъ истца предъ лицемъ цѣлаго суда и при многихъ постороннихъ людяхъ“ [2]).

Главный родъ дѣятельности лавниковъ есть судъ, и по преимуществу уголовный; но какъ сфера уголовнаго права не была ясно разграничена съ сферою дѣйствія гражданскаго права, а эта послѣдняя съ дѣлами администраціи и полицейскаго надзора, то возникаютъ постоянныя столкновенія городскаго магдебургскаго суда съ урядомъ магистратскимъ. Judicium civile Magdeburgiense, по львовскому праву, состояло изъ двухъ родовъ суда: а) judicia necessaria bannita и б) judicia exposita bannita. Вопреки общему закону магдебургскаго судопроизводства первый родъ судовъ (судъ *поточный* или „potrzebny“) сдѣлался изъ случайнаго постояннымъ. Сообразно съ этимъ, родъ дѣлъ, подлежавшихъ ему, сталъ уже не тотъ, что въ судахъ выложныхъ (exposita). Судъ поточный ограничивался судебною властію нынѣшнихъ мировыхъ судовъ; онъ рѣшалъ дѣла по личнымъ обидамъ, небольшимъ долгамъ и проч. Съ другой стороны, мы видѣли, что тяжбы по личнымъ обидамъ и денежнымъ спорамъ принадлежали и суду консульскому, и проконсульскому. „Реляція“ 1716 года хочетъ постановить слѣдующее разграниченіе судебной власти двухъ урядовъ: тѣ дѣла, которыя касаются городскаго и цеховаго благоустройства и не требуютъ документовъ и ввода свидѣтелей, судятся въ проконсульскомъ урядѣ; всѣ же прочія дѣла, требующія представленія документовъ, ввода свидѣтелей и присяги, производятся въ войтовскомъ судѣ [3]). Второй родъ судовъ, суды выложные (judicia exposita bannita), отправляются съ особенными церемоніями, со звономъ ратушнымъ и проч. чрезъ каждые 15 дней (вопреки общимъ постановленіямъ магдебург-

[1]) Кн. 4435, л. 12.
[2]) Кн. 4440, л. 158
[3]) Кн. 4430, отв на пункты 5 и 6.

скаго права и обычаямъ другихъ городовъ). „Реляція“ опредѣляетъ гражданскія дѣла, подлежащія ad judicium expositum, слѣдующимъ образомъ: наслѣдства, juris retractus, successiones et resignationes, большіе долги и контракты; къ тому же суду относились и уголовныя дѣла. Судъ великій бургграбскій имѣлъ, по львовскому праву, такой же характеръ, какъ и повсюду. На немъ предсѣдательствовалъ бурмистръ. Этотъ судъ отправлялся три раза въ году и рѣшалъ дѣла наибольшей важности, какъ гражданскія, такъ и уголовныя.

Кромѣ собственно судебной власти, коллегіи лавниковъ принадлежало право производить предварительное слѣдствіе. Собственно говоря, слѣдственная часть процесса не была отдѣлена отъ судебной; дознаніе производилось на судѣ чрезъ свидѣтелей, акты и присягу. Но если одна изъ тяжущихся сторонъ требовала дознанія на мѣстѣ (visiones), то судъ отправлялъ нѣсколькихъ лавниковъ, и результаты ихъ дознанія записывались въ книги лавничьяго суда. Впрочемъ одна изъ сторонъ могла потребовать слѣдователей изъ коллегіи консуловъ; въ такомъ случаѣ акты дознанія заносились въ книги рады [1]). Лавники имѣютъ право въ особой коммиссіи (dom. juris fidelium) дѣлать завѣщанія на дому, по требованію больнаго; они же производятъ раздѣлъ наслѣдства вмѣстѣ съ публичнымъ нотаріусомъ [2]). Но завѣщанія, составленныя лавниками, и раздѣлы, ими произведенные, должны быть представлены въ раду для утвержденія. Если завѣщаніе сдѣлано противъ формы закона или привилегій города, то консулы, какъ стражи городскихъ привилегій, могутъ не одобрить его. Если которая-нибудь сторона будетъ недовольна раздѣломъ войта или его субделегата и лавниковъ, то имѣетъ право просить раду объ измѣненіи раздѣла. Далѣе лавникамъ принадлежала и исполнительно-судебная власть: вводъ во владѣніе имуществомъ [3]), присутствіе при исполненіи уголовныхъ приговоровъ и проч. Личныя права лавниковъ были почти такія же, какъ и консуловъ. Они получали содержаніе изъ поземельныхъ имуществъ, приписанныхъ къ лавѣ, судебныхъ пошлинъ и штрафовъ и извѣстной платы отъ каждаго нововыбраннаго члена.

Субделегатъ войтовскій (вице-войтъ). Въ прежнее время должность эта не была постоянною; мѣсто войта, въ случаѣ его отсутствія, бо-

---

[1]) Ibid

[2]) Ibid.

[3]) Кн. 4437, л. 340. Но случается вводъ во владѣніе per plenariam officii praesentis residentiam proconsularis, consularis, advocatialis scabinalisque; см. кн. 4436, л 18.

лѣзни или подсудности, занималъ одинъ изъ лавниковъ. Но съ теченіемъ времени лава получила особаго чиновника, субделегата войтовскаго, засѣдавшаго непосредственно за войтомъ. Это былъ постоянный предводитель коллегіи лавниковъ, тогда какъ войтъ, въ качествѣ члена рады, нерѣдко становился противоборствующею ей властію. Съ того времени, какъ должность субделегата стала постоянною, онъ назначался, кажется, на годъ.

Изба гминная (Сорокъ Мужей). Выше было представлено, къ какимъ злоупотребленіямъ могли повести обширныя права рады. А такъ какъ и лава завпсѣла отъ рады и по способу выборовъ, и по объему правъ, то собственно говоря, городъ не имѣлъ никакого самоуправленія. Даже болѣе: правительственныя коллегіи города служатъ для него тяжкою и обременительною властію. Поэтому общины ведутъ съ своими чиновниками постоянныя тяжбы въ королевскихъ судахъ и предъ коммиссіями. Эта „борьба плебеевъ съ патриціями“ продолжалась до Стефана Баторія, который въ 1577 году ввелъ во Львовѣ новое общинное представительство. Община выбирала коллегію сорока мѣщанъ (20 изъ купцовъ и 20 изъ ремесленниковъ), которая на тогдашнемъ юридическомъ языкѣ называлась *квадрагинтовиратомъ*. Это учрежденіе было перенесено и въ Каменецъ со времени усвоенія львовскаго права. Не должно думать, чтобы количество членовъ гминной избы всегда соотвѣтствовало названію Сорока Мужей: въ Каменцѣ бывало ихъ 24, 25, 26 [1]) и даже 15 [2]). Въ началѣ XVIII вѣка въ Каменцѣ самая коллегія называлась коллегіею Двадцати-Четырехъ, но потомъ опять было возстановлено прежнее названіе Сорока. Хотя выборы Сорока Мужей происходили во время общихъ городскихъ выборовъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вся коллегія перемѣнялась ежегодно: большинство оставалось постоянно; „высаживали“ изъ гмины только людей подозрительныхъ, подсудимыхъ и проч. Въ Каменцѣ выбирались гминные не по классамъ (какъ во Львовѣ), а по различію вѣроисповѣданій: половина закона римскаго и половина вѣры греческой. По распоряженію коммиссіи bonі ordinis 1741 года, въ Сорокъ Мужей избираются общиной и квадрагинтовиратомъ люди честнаго имени и достаточнаго состоянія [3]). Но такъ какъ собранія городской общины не имѣли ничего опредѣленнаго и постояннаго, то коллегія Сорока являлась такою же замкнутою, какъ и рада съ лавою, то-есть,

[1]) Кн. 4438, л. 21, 60.
[2]) Кн. 4490, л. 13.
[3]) Кн. 4568, л. 601.

сама себя пополняла. Впрочемъ, это право ея оставалось только въ законѣ, на практикѣ же и послѣ распоряженія коммиссіи boni ordinis выборы въ число Сорока попали въ руки рады, какъ это видно изъ новой жалобы гмины:

„Послѣ изданія декрета коммиссіи boni ordinis, магистратъ, не обращая вниманія на строгость этого декрета, не допускаетъ поспольство до выборовъ для пополненія комплекта Сорока Мужей; самъ магистратъ, не спрашивая у гмины, назначаетъ всякаго, лишь бы тотъ далъ деньги“ [1]).

Регентъ и вице-регентъ. Во главѣ гминной избы стоялъ регентъ, иногда называемый также *маршаломъ*. Онъ избирался изъ числа Сорока Мужей или изъ лавы ежегодно. По „реляціи“ Львовскаго магистрата, famatus regent honoratae communitatis избирается въ день обыкновенныхъ выборовъ городскихъ чиновниковъ; въ выборахъ регента сохраняется преемственность; во Львовѣ одинъ годъ регентъ избирается изъ купцовъ, другой годъ — изъ ремесленниковъ. Избранный регентъ представляется общиной магистрату, и въ присутствіи того и другой приноситъ присягу на свою должность [2]). Въ Каменцѣ и въ этомъ случаѣ было примѣнено раздѣленіе не по классамъ, а по національностямъ и вѣроисповѣданіямъ, такъ что одинъ годъ регентъ выбирался изъ польской національности, а другой годъ — изъ русской. Въ то время, когда регентъ былъ католическаго вѣроисповѣданія, вице-регентъ былъ православный, и наоборотъ. Сначала поспольству принадлежало только избраніе кандидатовъ, а утвержденіе кого-либо изъ этихъ кандидатовъ регентомъ и вице-регентомъ принадлежало магистрату. Напримѣръ:

„Ихъ милость панове мужи вмѣстѣ съ поспольствомъ города Каменца, сошедшись на обычное мѣсто ратушное, на сессію генеральную для выборовъ, единогласно выбрали кандидатовъ на регентство и шафарство и подали на аппробацію шляхетному магистрату, милостивымъ панамъ своимъ“ [3]).

При этомъ было выбрано 6 кандидатовъ на регентство и вице-регентство. Но королевская коммиссія 1741 года опредѣлила: регента Сорока Мужей выбираетъ не магистратъ, а квадрагинтовиратъ, а магистратъ только утверждаетъ выбраннаго [4]). Поэтому на слѣдующихъ выборахъ „мужеская (то-есть, гминная) изба“ представляла выбранныхъ ею трехъ кандидатовъ на регентство и трехъ на вице-регентство не магистрату, а поспольству. Послѣднее большинствомъ зна-

[1]) Ibid., л. 878.
[2]) Кн. 4430, отв. на пунктъ 8.
[3]) Кн. 4562, л. 517.
[4]) Ibid, л 601.

ковъ кончало выборъ [1]). Впрочемъ рада не скоро уступила свои права. Выбранный регентъ приносилъ слѣдующую присягу предъ радой и гминою:

„Я, NN, присягаю Богу Всемогущему, въ Троицѣ Св. Единому, королю его милости пану нашему милостивому, также шляхетному магистрату и всей радѣ. теперешней и имѣющей быть, и всему поспольству, что на должности своей регентской, на которую я выбранъ, буду вѣрнымъ радѣ и послушнымъ; буду оберегать по силамъ моимъ права, привилегіи и вольности, дарованныя этому городу, чтобъ онѣ ни въ чемъ не терпѣли ущерба и уменьшенія; на сколько достанетъ у меня умѣнья, буду пріумножать общественное имущество, выслушивать по совѣсти и отбирать отчеты въ податяхъ и городскихъ складкахъ отъ экзакторовъ и такой же отчетъ въ податныхъ суммахъ, взятыхъ мною, отдавать по совѣсти панамъ консуламъ и депутатамъ отъ сословій (ordines); тайнъ городскихъ никому не объявлять, исключая, если это потребуется предъ высшимъ судомъ его королевской милости; составлять квартальныя сессіи Сорока Мужей каждую четверть года съ вѣдома бурмистра и радныхъ, соглашаться на подати, на какія согласятся чины (ordines) города по большинству голосовъ, или поддерживать благоразумнѣйшую сторону; для совѣщаній въ ратушѣ, по объявленію (intymacyi) пана бурмистра и пановъ радныхъ общину обсылать (то-есть, приглашать) и самъ въ назначенный часъ буду исправно приходить. Если сдѣлается что-либо противъ правъ, декретовъ и привилегій города, также если мѣщане потерпятъ обиду отъ кого-либо безъ суда и безъ достаточной причины, то не прежде приступлю къ протестаціи или манифестаціи въ актахъ „peculariа“, пока не упомяну объ этомъ панамъ радным разъ и другой. Старательно буду заботиться о томъ, чтобы въ городѣ процвѣтало повсемѣстное спокойствіе и согласіе между мѣщанами. Отъ всего этого обѣщаюсь не отступать ради даровъ, карьеры, пріязни, родства, страха, гнѣва, ненависти или чего-либо другаго. Такъ да поможетъ мнѣ Богъ и Святая Его Матерь“ [2]).

Приводимъ здѣсь эту форму присяги, потому что она обнимаетъ почти всѣ роды дѣятельности и гмины, и въ частности регента. Регентъ, очевидно, имѣлъ двоякое значеніе: какъ предводитель гмины и какъ трибунъ народный. Гминная изба собиралась четыре раза въ годъ на ординарныя сессіи, которыя потому и называются квартальными; сессіи открывается однако съ вѣдома и разрѣшенія рады, слѣдовательно, при оппозиціи рады она можетъ быть и не собрана [3]). Рада посылаетъ регенту списки лицъ, имѣющихъ право уча-

[1]) Кн. 4490, л. 39.

[2]) Кн. 4430, отв. на пунктъ 8

[3]) Кн.4490, л. 47. Регенты съ поспольствомъ и гминными просятъ раду о выдачѣ проекта на квартальную сессію; заявляютъ, что и безъ того есть много нуждъ, о которыхъ слѣдуетъ поразмыслить, напоминаютъ радѣ, что она, принимая присягу, обѣщала собирать сессію каждый кварталъ

ствовать въ собраніи; людей же подозрительныхъ для нея она подводитъ подъ судъ и такимъ образомъ сокращаетъ число членовъ иногда до 15 [1]). Обыкновенно на сессіяхъ коллегія Сорока засѣдала вмѣстѣ съ лавою; въ такомъ случаѣ глава лавы, субделегатъ войтовскій, становился въ противорѣчіе съ войтомъ, какъ членомъ рады. Бываютъ, но гораздо рѣже, сессіи безъ участія лавы. На сессіяхъ же избирательныхъ къ лавѣ и Сорока Мужамъ присоединялось еще и посполство въ произвольномъ составѣ. Кромѣ квартальныхъ сессій были сессіи экстраординарныя. Когда возникали вопросы, требующіе немедленнаго рѣшенія, или непредвидѣнные случаи, регентъ обращался къ радѣ съ просьбою созвать экстраординарную сессію. Порядокъ квартальной сессіи былъ слѣдующій. Рада составляла „пропозиціи“, проекты законовъ (билли); сюда включались проекты новыхъ податей для покрытія текущихъ или новыхъ потребностей, принятіе мѣръ къ огражденію правъ или интересовъ города (посылка депутатовъ къ королю и на сеймъ, назначеніе адвокатовъ для веденія или начатія процессовъ съ сосѣдями-шляхтичами), назпаченіе суммъ въ вознагражденіе членамъ рады, проекты новыхъ построекъ и проч. Эти пропозиціи представлялись въ началѣ сессіи и служили главнымъ предметомъ ея разсужденія. Но гминная изба, въ свою очередь, имѣла право представлять радѣ свои предположенія о какихъ-либо, по ея мнѣнію, необходимыхъ мѣрахъ, жалобы на недѣятельность или медленность самой рады и проч., что̀ и составляло такъ-называемый „additament“ къ постановленіямъ сессіи. Такимъ образомъ, постановленіе (лаудумъ) сессіи состояло: а) въ рѣшеніи вопросовъ, предложенныхъ радою, и б) въ аддитаментѣ. Написанный по пунктамъ результатъ сессіи представлялся радѣ; предложенія рады, принятыя сессіею, обращались въ законъ; на предложенія избы рада должна была отвѣтить тотчасъ же. Но изба не рѣдко имѣла причины жаловаться, что рада медлила отвѣтомъ; въ такомъ случаѣ на слѣдующей сессіи изба повторяла свои предложенія [2]).

Въ случаѣ необходимости принять какую-либо важную мѣру во время сессіи, происходило соединеніе городскихъ чиновъ (ordinum), то-есть, рада присоединялась къ лавѣ и коллегіи Сорока [3]), иногда съ участіемъ посполства. Многіе члены избы ходили на сессіи нерегулярно, а другіе совсѣмъ не ходили; это принуждало избу къ при-

[1]) Кн. 4490, л. 13.
[2]) Кн. 4562, л. 729.
[3]) Кн. 4490, л. 37.

нятію понудительныхъ мѣръ: по примѣру города Варшавы виновный за третьимъ разомъ теряетъ свое званіе [1]). Рада напоминаетъ избѣ въ своихъ пропозиціяхъ, чтобъ она отправляла свои засѣданія „въ тихости духа и спокойствіи сердца“ [2]). Что спокойствіе сердца могло легко нарушиться, видно изъ того, что въ городскихъ отчетахъ нерѣдко читаемъ: „На пиво или на горѣлку для пановъ гминныхъ — столько-то“. Обстоятельство впрочемъ не чуждое и панамъ раднымъ, и вообще всякимъ засѣдающимъ коллегіямъ. Ясно, что избѣ принадлежала власть законодательная, какъ радѣ исполнительная, а лавѣ судебная. Такъ, это ясно указано въ постановленіяхъ коммиссіи boni ordinis:

„Подати, говорится въ нихъ, устанавливаются не консулами, а коллегіею Сорока Мужей и лавниковъ съ согласія общины, на сходкѣ, которая должна быть собрана anticipative. Лаудумы (рѣшенія) о податяхъ должны быть заявлены въ книгахъ проконсульскихъ или войтовскихъ, прежде чѣмъ начнется взиманіе“ [3]).

Изба во всѣхъ отправленіяхъ своей власти встрѣчаетъ постоянное противодѣйствіе рады; такъ,

„хотя всѣ подати должны быть налагаемы — жалуется Каменецкое поспольство — регентомъ Сорока Мужей и поспольствомъ, магистратъ налагаетъ подати proprio autoritate; кто прибѣгаетъ къ панамъ раднымъ, тотъ получаетъ протекцію, и съ него назначается меньшая сумма, отчего бываетъ уменьшеніе доходовъ“ [4]).

Или:

„Консулы не хотятъ приводить въ исполненіе лаудумы общинные, постановленные радою, лавниками и Сорока Мужами; мало того: многіе консулы тайно уносятъ въ свои дома распредѣленіе подымной подати, установленное въ ратушѣ и подписанное собственными руками засѣдавшихъ тамъ, и по своей волѣ и пристрастію съ однихъ сбавляютъ подати, а другихъ отягощаютъ несправедливою прибавкою“ [5]).

Чтобы представить нагляднѣе кругъ предметовъ, подлежавшихъ вѣдѣнію избы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ отношеній ея къ радѣ, приводимъ здѣсь въ извлеченіи протоколъ засѣданія одной Каменецкой квартальной сессіи:

Засѣдаютъ регентъ, вице-регентъ, субделегатъ, лавники и гминные. На засѣданіе рада представляетъ такіе пункты: а) рекомендуетъ ре-

---

[1]) Ibid, л. 43.
[2]) Кн. 4490, л. 13.
[3]) Кн. 4562, л 601.
[4]) Ibid., л. 878.
[5]) Ibid., л. 394 и 402.

гентамъ съ гминными произвести ревизію (obrachunek) броварской арендѣ, по поводу окончанія срока контрактовъ, равно обревизовать аренду Каменецкой мельницы и воскобойни; б) установить мартовскую подать; в) распорядиться объ уплатѣ жалованья городскимъ слугамъ; г) уплатить ремесленникамъ за работы около гауптвахты; д) напоминаетъ, чтобы нынѣшніе регенты отобрали у прежнихъ регентовскія книги и другія бумаги. — Гмина, въ своемъ постановленіи, отвѣчаетъ: а) Такъ какъ регенты съ лавой и избою не имѣютъ ни контрактовъ, ни инвентарныхъ книжекъ, ни свѣдѣній о недоимкахъ, если таковыя были за арендаторами въ прошлые годы, то бывшіе регенты обязываются представить инвентарныя книги (желтую, сѣрую и новоустановленную) и оригинальные контракты. Кромѣ того, они должны списать недоимки арендаторовъ, отдать списокъ ихъ теперешнимъ регентамъ и произвести, въ присутствіи нынѣшнихъ регентовъ, ревизію мельницы, воскобойни и броваровъ (винокурень). б) Хотя изба не имѣетъ никакой вѣдомости о городскихъ приходахъ и расходахъ, о долгахъ, лежащихъ на городѣ, и процентахъ съ нихъ, хотя поэтому она и не можетъ видѣть законности основаній, въ силу которыхъ мартовская подать была наложена на убогихъ мѣщанъ, но, обращая вниманіе на заявленія регентовъ, что имъ не чѣмъ платить на неизбѣжныя нужды города, изба съ сожалѣніемъ соглашается на подать; подать должна быть установлена лавниками и регентами съ гминными и посполствомъ, съ присоединеніемъ цехмистровъ всѣхъ цеховъ, безъ присутствія радныхъ; потомъ должна быть подписана тѣми, которые установляютъ подать, и внесена въ регентовскую и счетную книгу безъ всякой поправки; затѣмъ регенты съ гминными изберутъ люнара. в) Городскимъ слугамъ и ремесленникамъ, работавшимъ на гауптвахтѣ, будетъ заплачено; но впередъ расходы должны быть записываемы не въ черновыхъ книгахъ (raptularzach), а въ книгѣ счетной, формальной. Регенты, послѣ сдачи отчета бывшими регентами, должны ежегодно записывать приходы съ арендъ, податей, державъ имѣній и консенсы на грунты, равно какъ и расходы; на сессіяхъ должны показывать эти приходо-расходныя записи лавѣ и гминнымъ. Отвѣтивъ такимъ образомъ на пункты, предложеные радою, изба присоединяетъ свой *additament:* а) рада должна позаботиться о взысканіи податей съ не-мѣщанъ, живущихъ и торгующихъ въ городѣ; б) рада должна позаботиться о возвращеніи недоимокъ съ Каменецкихъ Армянъ; в) гминные мужи считаютъ для себя великимъ утѣсненіемъ то, что они должны ходить съ податями къ президенту (проконсулу),

либо экзактору подымнаго, и просятъ ихъ уволить отъ этого; впередъ будутъ собирать подымное цехмистры въ своихъ цехахъ и отдавать, кому слѣдуетъ; г) гминные жалуются, что судовой инстигаторъ, превышая права своей должности, вмѣшивается въ цеховыя дѣла, жалованіе беретъ свыше средствъ кассы и проч.; д) сессіональная изба проситъ, чтобы въ городское сословіе не принимались въ цеховые безъ рекомендаціи цехмистровъ, а прочіе безъ рекомендаціи регентовъ и высшихъ особъ [1]).

Въ этомъ протоколѣ и въ формѣ присяги регента довольно точно опредѣляется объемъ власти регента, какъ постояннаго чиновника. Предметы вѣдѣнія этой власти суть слѣдующіе:

1) Къ регенту отходитъ мало по малу вся хозяйственная часть управленія. По опредѣленію коммиссіи bonі ordinis, регентъ, съ приданными ему люнарами изъ рады, лавы и Сорока Мужей, распоряжается всѣми городскими доходами; но предъ концемъ своей должности онъ отдаетъ отчетъ предъ выборными изъ рады, лавы и квадрагинтовирата [2]). Хорошо ли исполнялась эта отчетность, видно изъ вышеприведеннаго акта и изъ другихъ [3]). Нѣкоторыхъ регентовъ даже королевская коммиссія не могла принудить къ представленію отчета. Хозяйственная сторона дѣятельности регента взяла перевѣсъ надъ всѣми другими, такъ что онъ иногда называется *экономомъ* [4]). До какой степени хозяйственная дѣятельность регента могла стѣсняться вмѣшательствомъ и распоряженіями рады, видно изъ слѣдующихъ жалобъ:

„Радные недозволенными средствами принуждаютъ регентовъ къ подписи ассекурацій разнымъ кредиторамъ; заключая аренду съ корчемнымъ арендаторомъ, которая отдавалась прежде за 1.500 польскихъ флориновъ, радные заставили регента напередъ подписаться на чистой бланкѣ, а потомъ на этой бланкѣ написали меньшую сумму, и взявъ потомъ деньги отъ арендатора, раздѣлили ихъ между собою“ [5]).

Въ лаудумѣ одной сессіи, изба заявляетъ, что собранная подать попала въ руки одного раднаго, и онъ неизвѣстно куда дѣвалъ эти деньги, „а на регентовъ, продолжаетъ лаудумъ, кричатъ и безчестно ругаютъ ихъ“ [6]). Хотя регенту Сорока Мужей (говорится въ одной жалобѣ Каменецкаго поссольства) коммиссіею bonі ordinis дана власть

---

[1]) Кн. 4490, л. 40.
[2]) Кн. 4562, л. 601.
[3]) Ibid., л. 1187, также кн. 4490, л. 21.
[5]) Кн. 4490, л. 134.
[5]) Кн. 4562, л. 967
[6]) Ibid., л. 871.

отбирать всякіе доходы и распоряжаться ими вмѣстѣ съ люнарами и лавниками, тѣмъ не менѣе магистратъ, поставивъ на регентство, кого ему угодно, а не по желанію поспольства, отбираетъ деньги въ свои руки и расходуетъ ихъ по усмотрѣнію; если какой регентъ и давалъ квиты, то дѣлалъ это по приказанію, ничего не видя и не вѣдая, боясь заключенія ратушнаго или подратушнаго [1]). Такъ какъ арендаторами доходныхъ статей (корчемъ и проч.) были большею частію радные, то такіе арендаторы совсѣмъ не представляли отчетовъ регенту вопреки смыслу декрета boni ordinis [2]). Законныя отношенія рады къ хозяйственному управленію регента состояли въ томъ, что проконсулъ давалъ ассигновки, а регентъ квиты, по которымъ слѣдовала выдача денегъ [3]).

2) Регентъ есть защитникъ правъ и привилегій цѣлаго города. Въ Каменцѣ гминная изба приказала регентамъ завести особую книгу для записыванія обидъ, дѣлаемыхъ городу и мѣщанамъ со стороны гарнизона [4]).

3) Регентъ, какъ представитель плебса, защищаетъ его права противъ рады, заноситъ протестаціи въ актовыя книги и ведетъ съ нею процессы.

Канцелярскія и полицейскія должности. Рада, лава и гминная изба обнимаютъ собою все судебное, административное и хозяйственное управленіе городомъ и составляютъ такъ-называемые „ordines“. Всѣ остальныя должностныя лица суть только наемные чиновники. Впрочемъ во Львовѣ была еще коллегія 10 мужей, или правильнѣе, *временная ревизіонная коммиссія* для отобранія отчета отъ приходорасходчиковъ прошлаго года. Четыре члена этой коммиссіи назначались радою и шесть—Сорока Мужами; такой порядокъ установился послѣ долговременнаго противодѣйствія рады, которая хотѣла назначать 6 членовъ, а избѣ предоставить назначеніе четырехъ. Въ Каменцѣ, по опредѣленію коммиссіи boni ordinis, ревизіонный комитетъ долженъ былъ состоять изъ шести членовъ, по два отъ рады, лавы и квадрагинтовирата. Ревизія должна была производиться за двѣ недѣли до святаго Матвѣя [5]) (до общихъ городскихъ выборовъ). И здѣсь рада заявляла покушеніе захватить право ревизіи въ свои руки [6]).

---

[1]) Ibid., л. 878.
[2]) Ibid.
[3]) Кн. 4490, л. 37.
[4]) Ibid., л. 2.
[5]) Кн. 4562, л. 601.
[6]) Ibid., л. 1269.

а) *Люнарь*. Пока экономическая часть управленія не сосредоточилась вся въ рукахъ регента, главнымъ чиновникомъ по части городскаго хозяйства былъ *господарь* города, иначе *люнарь* еще иначе *шафаръ*, или наконецъ *прокураторъ* [1]), его выбирала первоначально рада изъ Сорока Мужей; обыкновенно первый по списку Мужей, вѣроятно, старѣйшій и достойнѣйшій, становился люнаромъ Но случалось, что выбирали и не изъ числа Сорока Мужей [2]). Ему назначалось годичное жалованье въ 20 — 50 зл. При выборахъ сама рада оговаривала иногда, что никто изъ радныхъ, ни войтъ не должны вмѣшиваться ни въ какую доходную статью подъ штрафомъ 100 гривенъ [3]). Власть люнара сначала совершенно равнялась власти регента: онъ выдавать квиты, безъ которыхъ не могла совершиться никакая отдача денегъ По въ послѣдствіи шафары сдѣлались только помощниками регента. Сборщиками податей (экзакторами) назначались въ Каменцѣ не постоянные чиновники, а временные, отдѣльно при каждомъ случаѣ; для этого назначались иногда лавники [4]), иногда мѣщане, состоящіе въ муниципальной стражѣ, десятники [5]).

б) *Инстигаторъ* Какъ хозяйственная власть регента принадлежала прежде шафару, такъ другая сторона должности регента, именно обязанность защищать порядокъ и спокойствіе въ городѣ, была прежде въ рукахъ особаго чиновника, инстигатора. Значеніе этого чиновника, хотя чисто полицейское [6]), могло расширяться до неопредѣленныхъ границъ. Предупреждая безправіе, неблагочинніе и захватъ, онъ могъ отъ имени города начинать иски противъ всѣхъ лицъ, даже облеченныхъ высшею властію Это можно ясно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. Инстигаторъ протестуетъ противъ войта въ томъ что войтъ безправно овладѣваетъ чужими имуществами [7]). Это было въ то время когда по удаленіи Турокъ изъ Каменца оставшіеся граждане произ-

---

[1]) Кн 4440, л 126.

[2]) Ibid.

[3]) Кн. 4438, л. 60.

[4]) Кн. 4490, л 37.

[5]) Кн. 4440, л. 449.

[6]) Должность инстигатора по ординаціи Кременецкой (К. Ц. Арх , кн. 1973, л 46) опредѣляется такъ: 1) инстигаторъ долженъ удалять всякій шумъ во время отправленія судовъ въ ратушѣ; 2) онъ долженъ выдавать позовы, выправлять денежные судебные штрафы, побуждать людей являться къ суду и самъ всегда быть при судѣ; 3) каждую пятницу онъ обязанъ представлять судьѣ реестръ судовыхъ рѣшеній.

[7]) Кн. 4437, л. 322.

вольно овладѣвали грунтами въ разоренномъ и опустѣвшемъ городѣ, и люди, пользовавшіеся властію, производили захваты въ обширныхъ размѣрахъ; лицо, противъ котораго протестуетъ инстигаторъ, есть почти единственная власть въ городѣ; это единственный консулъ, переживній весь періодъ турецкаго владычества. Но и новые, только-что выбранные члены магистрата слѣдуютъ тому же примѣру: тогда же инстигаторъ города заявляетъ противъ нововыбраннаго лавника, что „онъ, захвативъ чужія имущества, позволяетъ себѣ много, не платитъ чинша три года и не доказываетъ правъ наслѣдія на занятый имъ домъ“ [1]). Инстигаторъ totius communitatis протестуетъ противъ одного мѣщанина въ томъ, что онъ не снесъ своей риги, согласно запрещенію ставить риги внутри города; отвѣтчикъ былъ даже предупреждаемъ объ этомъ запрещеніи, но не исполнилъ его; теперь рига его сгорѣла и едва не сожгла другихъ зданій[2]). Инстигаторъ жалуется, что нѣкто

„Гавричко переодѣвается въ одинъ день по три раза, что̀ служитъ конфузіей для всего города, потому что офицеры насмѣхаются надъ этимъ и представляютъ насъ, убогихъ мѣщанъ, енералу: они-де очень богаты, если по три раза въ день перемѣняютъ такія богатыя одежды“ [3]).

Изъ жалобы поспольства мы видѣли выше, что власть инстигатора могла сдѣлаться слишкомъ обременительною и тяжкою для города. Съ усиленіемъ власти регента инстигаторъ сдѣлался помощникомъ его [4]).

Писарь рады. При малограмотности, а иногда и полной безграмотности пановъ консуловъ, писарь дѣлается чиновникомъ наиболѣе важнымъ. Общее магдебургское узаконеніе обращаетъ на этотъ пунктъ преимущественное вниманіе. Писарь, по предписанію закона, долженъ быть человѣкомъ способнымъ и обязаннымъ присягою. Законъ принимаетъ самыя суровыя мѣры къ предупрежденію злоупотребленій со стороны писаря: писарь, написавшій невѣрную запись, теряетъ руку, а если онъ сфальшивитъ въ магистратскихъ книгахъ, то долженъ быть наказанъ огнемъ. Во многихъ мѣстечкахъ, продолжаетъ Porządek Sądów miejskich, радные съ войтомъ и лавниками замѣщаютъ писарскія вакансіи людьми, къ тому неспособными, клехами или пьяными школьными учителями. Лавники судовъ высшей инстанціи хорошо знаютъ, что

[1]) Кн. 4438, л. 15
[2]) Кн. 4440, л. 398
[3]) Кн 4437, л 888
[4]) Кн 4562, л. 1274.

иногда не могутъ взять никакой нужной справки по апелляціи, которая идетъ къ нимъ отъ мѣстечка. Гдѣ нѣтъ хорошаго писаря, тамъ всѣ судовыя справки и записи должны быть писаны подъ диктовку какого-нибудь болѣе образованнаго члена суда. Извѣстно, что весьма часто возникаютъ споры между не боящимися Бога прокураторами изъ-за неисправной латыни [1]). Всѣ эти жалобы вполнѣ прилагаются и къ большимъ городамъ, за исключеніемъ немногихъ такихъ, какъ Львовъ. О нечестности и нерадивости [2]) писарей свидѣтельствуютъ многія жалобы въ Каменцѣ, о ихъ неискусствѣ въ письменной части — всѣ акты, писанные безграмотною латынью или странною амальгамою латино-польско-нѣмецко-малорусской рѣчи. Должность писаря иногда соединялась съ должностію лавника и даже консула [3]), но большею частію она замѣщалась наемными грамотѣями, иногда выхтами темнаго происхожденія, которые оказывались въ послѣдствіи бѣглыми преступниками. Писарь получалъ годичную плату, которая иногда возлагалась на арендаторовъ городскихъ имуществъ по особому условію аренды [4]). Кромѣ того, онъ получалъ плату за каждую выпись и реляцію и участвовалъ въ раздѣлѣ судебныхъ штрафовъ. Ревизію архива производили регенты, и это было вызвано крайнею небрежностію въ завѣдываніи архивомъ, такъ что бумаги и книги лежали по домамъ радныхъ, валялись по полу и проч.

б) *Армянская юрисдикція.*

По удаленіи Турокъ изъ Каменца немногіе изъ разбѣжавшихся Армянъ возвратились на прежнее мѣсто жительства. По „каталогу“ 1704 г., численность всѣхъ Каменецкихъ мѣщанъ изъ Армянъ была слѣдующая: 1) judices (члены армянскаго уряда) — 8; 2) viri (члены общинной коллегіи, квадрагинтовирата съ регентомъ и вице-регентомъ — 11; 3) communitas (граждане домохозяева) — 36, 4) młodzieńcy — 15 [5]). Изъ такого перечисленія жителей видно, что армянская юрисдикція была безсильна въ борьбѣ съ юрисдикціей польско-русскою, болѣе многочисленною. Этимъ обстоятельствомъ воспользовалась сильнѣйшая юрисдикція и начала преслѣдованіе армянской. Въ 1702 году армянская юрисдикція (войтъ и 6 лавниковъ съ согласія квад-

[1]) Porz Sądów miejskich: о писарѣ города.
[2]) К Ц Арх, кн. 4562, л. 878.
[3]) Кн. 4490, л 11.
[4]) Кн. 4562, л. 818.
[5]) К Ц. А., кн. 4439, л. 128.

рагинтовпрата) постановляетъ лаудумъ такого содержанія: армянская община видитъ нерасположеніе къ себѣ польскаго магистрата и бывшей русской юрисдикціи, соединенной съ тѣмъ же магистратомъ, видитъ, что никакой справедливости не можетъ получить въ своихъ обидахъ; тѣ, которые оскорбляютъ честь Армянъ, остаются безнаказанными, и чиновники польско-русской юрисдикціи принуждаютъ людей армянской націи судиться въ польско-русскомъ судѣ; наконецъ, вопреки королевскимъ привилегіямъ, выхлопотали себѣ привилегіи, уничтожающія права Армянъ; поэтому община согласилась ходатайствовать, чрезъ старосту Каменецкаго, о назначеніи королевской коммиссіи для рѣшенія споровъ съ юрисдикціей польско-русскою, а также съ сосѣдними штяхтичами, отобравшими у Армянъ поля и луга; но какъ коммиссія не можетъ состояться безъ издержекъ, то армянская община обязуется покрыть ея расходы, сколько ихъ будетъ [1]) Неизвѣстно, состоялась ли эта коммиссія, и сдѣлала ли она что-нибудь въ пользу Армянъ. Но чрезъ семнадцать лѣтъ мы видимъ борьбу двухъ юрисдикцій въ полномъ разгарѣ. Въ 1719 году бурмистръ польско-русской юрисдикціи занесъ протестацію противъ Армянъ въ урядъ войтовскій и лавничій. Содержаніе этой протестаціи таково:

„Армяне берутъ перевѣсъ надъ здѣшними мѣщанами (*этимъ Армяне какъ бы не признаются мѣщанами Каменецкими*) и стараются погубить польскую юрисдикцію; захвативъ управленіе пограничнымъ городомъ, управляются независимо, сами собою, и вредятъ Полякамъ, гдѣ могутъ; свергнувъ съ себя (wyłamawszy się) власть здѣшняго магистрата (*выраженіе совершенно ложное, ибо независимость армянской юрисдикціи была утверждена закономъ*), желаютъ жить въ пограничномъ городѣ независимо, будучи чужеземцами (*намекъ на политическую неблагонадежность Армянъ*), хотя и знаютъ, что коронная конституція о сообщеніи Каменцу правъ города Львова повелѣваетъ имъ оказывать послушаніе и почтеніе шляхетскому магистрату, бурмистрамъ и радѣ, какъ примасамъ городовъ и викаріямъ священнаго королевскаго величества, слушаться ихъ распоряженій и во всѣхъ интересахъ сноситься съ ними (*такая спутанность отношеній, дѣйствительно, была введена самимъ закономъ, и законъ не могъ устранить ее, устанавливая два самостоятельныя управленія въ одномъ городѣ*); но они не только не уважаютъ магистрата и не повинуются ему, но власть, принадлежащую магистрату, присвоиваютъ себѣ: даютъ право гражданства въ городѣ, вопреки основному праву городовъ; судятъ и отправляютъ дѣла о грунтахъ, а такія дѣла подлежатъ юрисдикціи польской; даютъ интроммиссіи (вводъ во владѣніе) на такіе грунты; производятъ частныя сходбища (*выраженіе опять ложное*) и постановляютъ тайныя конституціи, Богъ вѣсть какія, вредныя не только городу, но и коронѣ польской. Чтобы погубить польскую юрисдикцію, а свою возвысить, Армяне стараются разогнать

[1]) Ibid л 55

и безъ того небольшую горсть польскихъ мѣщанъ, находящихся въ убогомъ состояніи *(мы видѣли, сколько было Армянъ въ Каменцѣ въ началѣ XVIII вѣка)* и завладѣть цѣлымъ городомъ. Отдѣльныя рѣшенія армянской юрисдикціи, безъ предварительнаго сношенія съ магистратомъ и поспольствомъ *(то-есть, польско-русскимъ; протестація часто забываетъ дѣлать эту прибавку, не признавая совершенно за Армянами права на отдѣльное управленіе)*, вводятъ въ хлопоты польскую юрисдикцію. На позоръ бурмистрамъ и радцамъ, паны Армяне, будучи инородцами, не умѣя не только читать и писать по польски, но и понимать польскій языкъ, не зная совершенно законовъ, въ великой надменности своей полагаясь только на деньги и большое состояніе и неразумно разчитывая, что польская юрисдикція уже не подниметъ головы, называютъ себя вездѣ бурмистрами и радцами. Магистратъ Армяне не признаютъ своимъ начальствомъ; поэтому отчислили своихъ ремесленниковъ отъ польскихъ цеховъ и установили свои цехи, не имѣя на то права отъ королей и вопреки обычаю другихъ городовъ *(вопросъ о принадлежности къ цехамъ былъ самымъ затруднительнымъ при разности юрисдикцій)*. Употребляютъ насилія для отнятія имущества у польскихъ мѣщанъ и средствъ къ жизни; тогда какъ, по давнимъ правамъ, они могутъ шинковать только мальвазіей и мушкатами, и то въ пивницахъ, они присвоили себѣ продажу всякихъ напитковъ: пива, меду, вина, горѣлокъ; публично открыли шинки въ домахъ и каменицахъ своихъ *(между тѣмъ, именно такое право даровано Армянамъ привилеемъ короля Яна Казимира, 1658 г.)*, производятъ торговлю не только турецкими и персидскими товарами *(въ рукахъ Армянъ находилась преимущественно восточная торговля)*, но и желѣзными вещами. Присвоили себѣ склепы и будки, находящіеся подъ ратушей, принадлежащіе по всѣмъ правамъ польской ратушѣ и уступленные Армянамъ послѣ удаленія Турокъ только на пожизненномъ правѣ; выдумали себѣ наслѣдственное право на нихъ, не хотятъ ни возвращать ихъ, ни платить съ нихъ чиншъ, отъ чего кровля и стѣны ратуши приходятъ въ упадокъ. Въ уплату контрибуцій, положенныхъ на городъ, съ трудомъ даютъ третій грошъ *(то-есть, третью часть контрибуціи съ цѣлаго города)*. Не довольствуясь этимъ, каждый отдѣльно, гдѣ можетъ, вредитъ польской юрисдикціи, презираетъ и унижаетъ ее. Такъ Ст. Мелькоповичъ, незаконно и вопреки коронным конституціямъ выбранный Армянами на должность войта, отнимаетъ власть у польскаго войта, который, по львовскому праву, долженъ предсѣдательствовать въ армянскомъ урядѣ и рѣшать дѣла, касающіяся этой націи *(опять неправда)*, армянскій войтъ присвоиваетъ себѣ городское управленіе, называетъ себя и войтомъ, и бурмистромъ, и радцою города, вмѣшивается въ дѣла, которыя, по существу своему, принадлежатъ бурмистру, и обращаетъ въ свою пользу чиншъ съ будокъ подъ ратушею. Недавно, когда, по распоряженію бурмистра, были запечатаны эти будки (съ цѣлію взысканія чинша), онъ сорвалъ печать. Противозаконно опредѣленный на такую должность, онъ къ тому же неисполняетъ ея, какъ слѣдуетъ: не удовлетворяетъ Поляковъ по жалобамъ ихъ противъ Армянъ, не препровождаетъ для исполненія приговоровъ, уже давно постановленныхъ имъ же самимъ, унижаетъ, гдѣ можетъ, людъ польскій, а своему покровительствуетъ и поблажаетъ въ очевидныхъ неправдахъ. Наконецъ, онъ старается довести до окончательной гибели не только Поляковъ, но и весь народъ: далъ одному Армянину пропускъ въ городъ на двѣ особы

и такимъ образомъ впустилъ въ городъ зараженнаго Армянина, чрезъ что̀ едва не заразилъ города и крѣпости пограничной“ [1]).

Разсматривая эту протестацію, находимъ, что злоупотребленія со стороны Армянъ, которыя вызвали ее, не могутъ быть названы особенно значительными, и что бо̀льшая часть обвиненій протестаціи несправедливы, а остальныя мелочны. Истинною причиною вражды между Поляками и Армянами остается разность двухъ городскихъ вѣдомствъ, установленная закономъ. А между тѣмъ, при организаціи городскаго управленія по магдебургскому праву, не было иной возможности сохранить равноправность городскаго населенія! Соединеніе юрисдикцій было порабощеніемъ одной изъ нихъ; это хорошо понимали и Поляки, и Армяне; примѣръ русской юрисдикціи былъ предъ глазами. Въ 1724 году г. Каменецъ (то-есть, польская юрисдикція), отправляя интернунція на Варшавскій сеймъ, рекомендуетъ ему „постараться на сеймѣ, чтобъ Армяне были присоединены къ нашей юрисдикціи по причинамъ, объясненнымъ ему устно“ [2]). Для прекращенія споровъ между юрисдикціями назначались частыя королевскія коммиссіи, постановлявшія рѣшенія, не всегда одинаковыя. Въ 1736 году лава польско-русской юрисдикціи протестуетъ противъ рады той же юрисдикціи, между прочимъ за то, что рада не дѣйствуетъ энергически противъ Армянъ, позволяетъ имъ строиться на грунтахъ польско-русской юрисдикціи, принимаетъ ихъ въ лаву и потомъ въ раду, „безъ всякихъ заслугъ съ ихъ стороны для юрисдикціи польско-русской“, небрежетъ взыскивать съ Армянъ третій грошъ на общественныя нужды (на мосты, мостовыя и крѣпостныя постройки) [3]). Вѣроятно, побужденная этою протестаціей рада выхлопотала коммиссію въ 1742 году. Рѣшеніе этой коммиссіи было неблагопріятно для Армянъ, а потому въ слѣдующемъ 1743 году, по ходатайству Армянъ, назначается новая коммиссія. Армяне объявляютъ, что польская юрисдикція, питая ненависть къ армянской, выхлопотала себѣ декретъ по ложному докладу коммиссаріальному суду, въ отсутствіе Армянъ, не имѣвшихъ въ то время документовъ, и въ противность королевскимъ привилегіямъ. Въ силу этого декрета отобрали у Армянъ имущество и выгнали ихъ изъ собственныхъ ихъ владѣній [4]). Въ свою очередь польско-русская юрисдикція заявляетъ, что Армяне не исполняютъ декрета коммиссіи 1742

[1]) Кн 4562, л 158.
[2]) Ibid , л. 222
[3]) Ibid , л 394 и 402.
[4]) Ibid , л. 780

года, то-есть, не платятъ чинша съ домовъ, стоящихъ въ циркулѣ польско-русской юрисдикціи, не взносятъ третьяго гроша, то-есть третьей части городскихъ податей, и трехъ флориновъ сбора съ каждаго крамника въ пользу магистрата польско-русской юрисдикціи. При этомъ были введены на Армянъ и другія обвиненія, не имѣющія никакой юридической цѣны [1]). Вслѣдствіе такихъ жалобъ декретъ коммиссіи 1743 года опять обвинилъ Армянъ. Но послѣдніе вновь начали дѣло и выиграли его въ томъ же 1743 году. Такимъ образомъ, въ два года (1742—1743) выдано три декрета королевскихъ коммиссій, взаимно уничтожавшіе другъ друга. Этимъ, конечно, не было предотвращено дальнѣйшее развитіе борьбы: въ 1744 г. находимъ новую протестацію польско-русской юрисдикціи противъ армянской [2]), а въ 1747 году новую королевскую коммиссію въ Каменцѣ для рѣшенія споровъ двухъ юрисдикцій [3]). Понятно, какъ дѣйствовала на городское благосостояніе эта хроническая тяжба, все болѣе разжигавшая взаимную ненависть. Одни расходы на содержаніе коммиссій и судебныя издержки доводили до истощенія средства обѣихъ сторонъ, о чемъ и заявляютъ протестаціи того времени [4]). Начало компетентности суда, требующее, чтобы судъ производился въ томъ вѣдомствѣ, къ которому принадлежитъ отвѣтчикъ, примѣнялось и въ отношеніи къ разнымъ юрисдикціямъ внутри одного и того же города. При взаимной враждѣ юрисдикцій, такой порядокъ велъ къ новымъ затрудненіямъ и къ безнаказанности преступленій [5]).

Наконецъ, къ упадку благосостоянія армянскаго населенія въ Каменцѣ вела и самая организація армянской юрисдикціи [6]). Изъ представленнаго выше „каталога“ Каменецкихъ мѣщанъ армянскаго происхожденія видно общественное устройство этой юрисдикціи, именно, что она есть снимокъ съ общественнаго устройства юрисдикціи польско-русской. Управленіе состоитъ изъ войта, коллегіи присяжныхъ съ писаремъ и коллегіи Сорока Мужей съ маршаломъ и вице-маршаломъ во главѣ. Войтъ избирается ежегодно присяжными и Сорока Мужами въ присутствіи поспольства изъ среды судей (присяжныхъ) „на основаніи

[1]) Ibid., л. 788.
[2]) Ibid., л. 770
[3]) Ibid., л. 731
[4]) Ibid., л. 770.
[5]) Кн. 4441, л. 1 и 2.
[6]) Устройство армянской юрисдикціи не можетъ быть положено здѣсь съ надлежащею полнотою, потому что цѣлая половина актовыхъ книгъ этой юрисдикціи писана на армянскомъ языкѣ, недоступномъ для насъ.

привилегій и старыхъ обычаевъ“ [1]). Избраніе производится въ день общихъ городскихъ выборовъ, день ап. Матвѣя [2]), въ присутствіи депутатовъ отъ польско-русской рады. Присяга приносится предъ бургграбіемъ (какъ намѣстникомъ старосты въ его отсутствіе), иногда въ присутствіи регента гродскаго и другихъ шляхтичей [3]). Король Владиславъ IV приказалъ Каменецкимъ Армянамъ представить ему правила объ избраніи войта на будущее время. Въ 1634 году Армяне представили слѣдующее постановленіе. Избраніе должно происходить ежегодно въ день св. Матвѣя; оно производится маршалкомъ съ Сорока Мужами и 50 лицами изъ посольства. Этимъ послѣднимъ за три или за четыре дня до выборовъ долженъ составить списокъ маршалокъ съ Сорока Мужами. Они должны быть добропорядочные и осѣдлые граждане (не имѣющіе недвижимой собственности не могутъ быть избирателями). Списокъ ихъ долженъ быть представленъ на разсмотрѣніе войту и раднымъ. Только послѣ утвержденія списка избиратели могутъ быть созываемы. Когда войтъ чрезъ слугу уряда оповѣститъ ихъ съ приглашеніемъ на выборы, то они, сошедшись, должны держать себя какъ можно скромнѣе и пристойнѣе, чтобы не нарушить уваженія къ ратушѣ и судовымъ раднымъ. По сложеніи войтомъ своей должности община, поблагодаривши войта за его труды, должна выйдти изъ избы на верхъ для совѣщаній; потомъ, въ засѣданіи, община именуетъ въ войты, кого Богъ укажетъ имъ, изъ числа радныхъ; избраніе рѣшается большинствомъ голосовъ. По закону и по сущности дѣла никто не можетъ занимать двѣ должности въ одно и то же время; поэтому отнынѣ намѣстники не должны быть избираемы на войтовство; намѣстникъ долженъ исполнять свою должность, а войтъ свою (должность намѣстниковъ въ послѣдствіи была уничтожена, и въ чемъ она состояла — намъ неизвѣстно). Также и радный не можетъ занимать двухъ должностей, то-есть, не можетъ быть раднымъ и писаремъ одновременно, а долженъ довольствоваться одною должностью. Такое постановленіе должно имѣть силу на вѣчныя времена. Это постановленіе, совершенное въ засѣданіи „намѣстника-войта“, пановъ радныхъ, маршалка и мужей, утверждено королемъ 22-го марта 1635 года [4]).

Судебная власть войта по королевскимъ привилегіямъ чрезвычайно обширна; апелляція отъ приговоровъ войта идетъ только въ ассес-

[1]) Кн. 4439, л. 135
[2]) Ibid л. 245
[3]) Ibid, л. 95
[4]) Кн. 4442, л. 477.

сорскіе суды. Въ его же рукахъ находится вся администрація армянской общины. Отношенія власти армянскаго войта къ магдебургскому суду (то-есть, войтовской власти польско-русской юрисдикціи) неопредѣленны: по закону, дѣйствія армянскаго войта подлежали контролю только высшаго правительства, но въ актахъ мы встрѣчаемъ случаи формальнаго суда надъ частными дѣйствіями армянскаго войта въ городскомъ магдебургскомъ судѣ. Напримѣръ, въ 1715 году одинъ Армянинъ жалуется предъ войтовскимъ урядомъ (польской юрисдикціи) на войта Т. Богдановича: Войтъ ночью пришелъ въ домъ жалобщика и ругалъ его словами, которыя неприлично повторять; обиженный снесъ это. Послѣ того жена его, услышавъ такія слова войта, сказала: „За что ваша милость мужа моего такими словами ругаетъ? Не слѣдовало бы тебѣ, подобно хвилѣ ночной, находить ночью на людей“. Войтъ, не уважая женскаго пола, ударилъ ее по головѣ палкой, такъ что она тотчасъ упала вся въ крови, полумертвою; но войтъ, не сжалившись, еще два раза ударилъ ее въ голову и ушелъ, говоря: „Мужу твоему еще лучше будетъ“. Войтовскій судъ польско-русской юрисдикціи вошелъ въ разсмотрѣніе этого дѣла и выслушалъ свидѣтелей, которые показали, что набѣгъ войта на домъ мѣщанина былъ совершенъ въ сообществѣ ксендза и двухъ шляхтичей. Причины и послѣдствія дѣла неизвѣстны [1]). Понятно, что при такихъ дѣйствіяхъ войта власть его въ средѣ общины не пользовалась, какъ и видно изъ актовъ, должнымъ уваженіемъ [2]). Таковы были войты; не лучше были и судьи.

Коллегія присяжныхъ или судей армянской націи состояла изъ восьми и менѣе пожизненныхъ членовъ: обстоятельство, приводившее къ тѣмъ же невыгоднымъ послѣдствіямъ, какія мы видѣли при изложеніи устройства польско-русской юрисдикціи. Судьи остаются при своей должности даже въ самую минуту совершенія ими возмутительныхъ дѣйствій. Въ 1705 году войтъ Ник. Ованесовичъ и весь урядъ протестуетъ противъ судьи Яна Кшыстофовича за то, что онъ во время производства суда, когда акты были уже открыты, и одинъ актъ записанъ, произвелъ безпорядокъ въ ратушѣ, крича и ругая другаго судью, Б. Исаевича, а потомъ нѣсколько разъ ударилъ его рукою. Урядъ считаетъ оскорбленною честь присутственнаго мѣста, а Б. Исаевичъ, съ своей стороны, заявляетъ, что у Кшыстофовича вошло въ обычай производить безпорядокъ въ ратушѣ, и что все схо-

[1]) Кн 4440, л. 430.
[2]) Кн 4439, л. 35

дило ему безнаказанно [1]). Между тѣмъ и въ этомъ засѣданіи (25-го іюня), и въ слѣдующемъ (27-го іюня), Янъ Кшыстофовичъ записанъ въ числѣ засѣдающихъ судей и продолжалъ быть судьею послѣ; мы встрѣчаемъ его и въ 1713 году. Въ то же время другой судья, Бр. Тумановичъ, произвелъ гвалтъ въ ратушѣ и былъ приговоренъ за то къ шестинедѣльному аресту и къ уплатѣ 70 гривенъ штрафу; но и онъ остается судьею, и его мы находимъ въ 1713 году. Пожизненность судейской должности располагала присяжныхъ къ нерадивому ея отправленію: судьи не ходятъ въ засѣданія, такъ что въ 1705 году армянскій урядъ былъ принужденъ возстановить лаудумъ 1658 года, по которому, кто не хочетъ принять должность, будучи выбранъ въ судьи, тотъ долженъ быть наказанъ уплатою фунта золота; судья же, который уже принесъ присягу, но не исполняетъ своей обязанности, долженъ быть наказанъ вдвое, двумя фунтами. Такъ какъ находятся судьи, которые или вовсе безъ причины не ходятъ на засѣданія, или представляютъ разные резоны къ неявкѣ, то такіе судьи должны подвергаться пенѣ въ 15 грошей за каждый разъ онущенія, и кромѣ того, лишаются своей части судебныхъ доходовъ, исключая случаи законной небытности въ судѣ [2]). Это постановленіе тотчасъ же нашло себѣ примѣненіе. Судья Бр. Аксентовичъ упорно не является на засѣданія; поэтому урядъ, потерявъ терпѣніе, примѣняетъ къ нему предшествовавшій лаудумъ, но по ходатайству нѣкоторыхъ особъ, смягчаетъ приговоръ, назначая виновному двухнедѣльный арестъ и взносъ 1/2 камня воску въ армянскій костелъ; въ случаѣ же неисполненія этого декрета, судья долженъ будетъ уплатить 200 гривенъ [3]). Неизвѣстно, исправился ли лѣнивый судья; но въ 1713 году мы находимъ его войтомъ. Актовыя книги наполнены преимущественно тяжебными дѣлами между членами коллегіи присяжныхъ; въ большей ихъ части являются отвѣтчиками, а нерѣдко и истцами, и отвѣтчиками — судьи, тяжбы простыхъ мѣщанъ, членовъ армянской общины, наполняютъ меньшее число актовъ. Судьи ведутъ между собою тяжбы преимущественно по дѣламъ о личномъ оскорбленіи и упущеніяхъ по должности. Эти дѣла, конечно, не столько важны, сколько дѣла о злоупотребленіяхъ, къ которымъ располагала также пожизненность судей. Такъ какъ войты и судьи распоряжались городскими доходными статьями безконтрольно, то возникали частыя злоупотребленія въ дѣлахъ эко-

[1]) Ibid., л. 225.
[2]) Ibid., л. 134.
[3]) Ibid., л. 135.

номическихъ. Такъ, въ 1704 году одинъ мѣщанинъ заявилъ на выборахъ, что бывшій войтъ Бр. Исаевичъ, распоряжавшійся доходами съ Карвасорскихъ мельницъ, долженъ былъ во время дороговизны получить по крайней мѣрѣ тысячъ семь, а онъ отдалъ отчетъ только въ 700 зл. На такое заявленіе мѣщанина не только не было обращено вниманія, но онъ подвергся суду, какъ нанесшій личное оскорбленіе судьѣ Исаевичу, и мѣщанину пришлось ограничиться замѣчаніемъ, что судьи поступаютъ противъ закона и обнаруживаютъ незнаніе магдебургскаго права, чѣмъ онъ еще болѣе отягчилъ свою вину [1]). Понятно, что коллегія судей не могла пользоваться уваженіемъ со стороны общины. Въ 1704 году судья Кшыстофовичъ жалуется на регента Сорока Мужей, Грибовскаго, объявляя, что регентъ публично въ урядѣ сказалъ ему: „Я не признаю тебя судьею“. Въ то же время Грибовскій жалуется на судью, что этотъ послѣдній публично въ ратушѣ сказалъ ему: „Я не признаю тебя маршалкомъ“ (регентомъ). Притомъ Грибовскій объясняетъ, что онъ уже въ отвѣтъ на слова Кшыстофовича сказалъ ему оскорбительныя слова. Дѣло возникло изъ-за того, что урядъ не выбралъ одного изъ четырехъ кандидатовъ на „мужество“, представленныхъ маршалкомъ. Судъ принялъ сторону судьи, который защищалъ дѣло цѣлаго уряда. Тогда Грибовскій заявилъ на судѣ: „Если вы не утверждаете одного изъ четырехъ (нашихъ кандидатовъ), то мы не будемъ вамъ кланяться, отдадимъ вамъ права и сами выберемъ себѣ на мужество“. Когда въ заключеніе судъ приказалъ Грибовскому представить свидѣтелей по дѣлу его съ Кшыстофовичемъ, то онъ, выходя изъ ратуши, сказалъ: „Не слушаю я васъ; въ другомъ мѣстѣ найдемъ управу“. Судъ приговорилъ Грибовскаго къ аресту, штрафу и извиненіямъ [2]). Изъ этого дѣла между прочимъ видно, въ какихъ отношеніяхъ коллегія Сорока Мужей стояла къ коллегіи судей.

Какъ видно изъ „каталога“ мѣщанъ армянской юрисдикціи, квадрагинтовиратъ армянскій былъ немногочисленъ (всего 14 членовъ); тѣмъ не менѣе избраніе на „мужество“ подчинялось разнымъ ограниченіямъ; мужемъ не могъ сдѣлаться мѣщанинъ, только-что поступившій въ число мѣщанъ города. Въ 1710 году маршалокъ Сорока Мужей, вмѣстѣ съ мужами, проситъ урядъ допустить къ присягѣ на гражданство и вмѣстѣ на мужество одного мѣщанина, который былъ прежде гражданиномъ Каменца (а потомъ, вѣроятно, уходилъ

[1]) Ibid, л. 102 и сл

[2]) Кн 4439, л. 95 и 96.

въ другой городъ). Урядъ считаетъ возможнымъ удовлетворить эту просьбу только ради недостатка людей въ общинѣ, но съ оговоркою, что впредь это не должно повторяться [1]). Дѣйствительно, около того же времени въ войтовскій урядъ польской юрисдикціи явились судьи армянской націи и просили записать въ акты слѣдующее публичное постановленіе регента и мужей армянской націи. Полная сессія Сорока Мужей вмѣстѣ съ польскимъ маршалкомъ, иначе регентомъ, собравшись по дѣлу мѣщанина Авг. Пижондовича и разсмотрѣвъ его, нашла, что Пижондовичъ былъ прежде мѣщаниномъ, мужемъ и радцею въ Каменцѣ, но когда къ городу подступилъ непріятель, то онъ, нарушивъ присягу, ушелъ, не имѣя уже намѣренія воротиться назадъ; пробовалъ счастія во Львовѣ, въ Люблинѣ, просился на войтовство въ Станиславовѣ, а потомъ воротился сюда и требуетъ прежняго мѣста въ радѣ. Сессія рѣшила не дозволить этого, но пусть онъ сначала приметъ присягу на jus civile, потомъ поступитъ въ число Сорока Мужей, и наконецъ, на радство, если будетъ выбранъ. Впрочемъ, сессія предоставляетъ магистрату польско-русскому дѣйствовать по его усмотрѣнію и по законамъ [2]). Урядъ армянскій относится съ этимъ дѣломъ къ уряду польскому, вѣроятно, вслѣдствіе жалобы заинтересованнаго лица. Армянскій урядъ не рѣшается исполнить постановленія Сорока Мужей своей юрисдикціи, признаетъ самъ свою зависимость отъ польско-русскаго уряда и отдаетъ дѣло на его разсмотрѣніе. Такимъ образомъ дѣятельность коллегій армянской юрисдикціи постоянно ограничивается и парализуется присутствіемъ болѣе сильной власти. Это въ особенности нужно сказать о коллегіи Сорока Мужей; ея дѣятельность есть преимущественно законодательная; но бо́льшая часть постановленій, и притомъ самыхъ важныхъ, должна касаться цѣлаго города. Власть дѣлать такія постановленія не можетъ принадлежать ни польско-русскому, ни армянскому квадрагинтовирату въ отдѣльности, но квадрагинтовиратъ польскій считаетъ себя истиннымъ представителемъ города и присвоиваетъ себѣ эту власть, а собранія армянскія считаетъ тайными сходбищами и постановленія ихъ незаконными; общія собранія обоихъ квадрагинтвиратовъ случаются очень рѣдко, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно хлопотать предъ высшимъ правительствомъ по тяжбамъ со сторонними шляхетскими вѣдомствами, или въ томъ случаѣ, когда постановляются таксы на предметы торговли. Такимъ образомъ, кругъ вѣдомства Сорока Мужей армян-

[1]) Кн 4411, л 22
[2]) Кн. 4442, л. 282.

ской націи ограничивается неважными и немногочисленными дѣлами: заключеніемъ контрактовъ на аренды общественныхъ доходовъ и имуществъ [1]), выборомъ регента, вице-регента и чиновниковъ экономіи, экзакторовъ и шафаровъ [2]). Выборъ регента производится послѣ общихъ городскихъ выборовъ; напримѣръ:

„1706 года 6-го марта пришедъ лично въ урядъ, мужи армянской націи представили, сообразно давнимъ правамъ и обычаямъ, выбраннаго на должность маршалка Сорока Мужей П. Гр. Миколаевича, а вмѣстѣ и экзакторовъ и шафаровъ, прося урядъ утвердить ихъ Урядъ, признавая ихъ просьбу законною и опираясь на права, данныя наяснѣйшими королями, силою и властію своею утверждаетъ.... [3]).

Такъ какъ коллегія Сорока Мужей армянской націи, очевидно, имѣетъ ничтожное значеніе, то и маршалокъ, представитель ея, пользуется крайне ограниченною властію. при широкихъ юридическихъ правахъ онъ является какъ бы прокуроромъ общины и возбуждаетъ иски отъ имени ея. Въ 1704 году регентъ Грибовскій возбудилъ искъ объ оскорбленіи мѣщаниномъ одного изъ судей; впрочемъ, обвиненный протестовалъ противъ такого поступка регента и говорилъ, что онъ будетъ отвѣчать только тогда, когда истцемъ явится самъ оскорбленный. но урядъ не принялъ этой отговорки [4]). Крайнее раздробленіе самоуправленія по городамъ, юрисдикціямъ, коллегіямъ и проч. лишаетъ великій принципъ самоуправленія всей его важности и полезности.

в) *Отношеніе города къ сторонним юрисдикціямъ.*

Раздробленіе городскаго управленія по разнымъ вѣдомствамъ парализовало благодѣтельныя дѣйствія самоуправленія и было причиною постоянныхъ взаимныхъ жалобъ и тяжебныхъ дѣлъ. Но кромѣ вѣдомствъ городскаго управленія, во всѣхъ городахъ, не исключая и тѣхъ, которые пользовались полнымъ магдебургскимъ правомъ, дѣйствовали административныя и судебныя учрежденія не муниципаль-

[1]) Кн 4439, л. 287 и др

[2]) Въ актахъ армянской юрисдикціи, писанныхъ по польски, нѣтъ протоколовъ сессій армянскаго квадрагинтвирата. По всей вѣроятности, они находятся въ актовыхъ книгахъ, писанныхъ на армянскомъ языкѣ. потому что «мужи» большею частію не знали по польски и подписывались на польскихъ актахъ по армянски Поэтому кругъ дѣятельности коллегіи Сорока Мужей не можетъ быть точно опредѣленъ нами.

[3]) Кн. 4439, л. 245, тоже л. 210 и др.

[4]) Ibid., л. 95 и 96.

ныя. Столкновенія между тѣми и другими были неизбѣжны; они вызывались отчасти самимъ закономъ, отчасти произволомъ властей. Выше было замѣчено, что при дарованіи магдебургскаго права, города никогда не освобождались вполнѣ отъ власти старостъ, какъ гражданскихъ чиновниковъ, отъ военныхъ комендантовъ и экономическихъ арендаторовъ. Въ городахъ съ полнымъ магдебургскимъ правомъ эта зависимость была меньше, чѣмъ въ остальныхъ; но и города перваго разряда стояли въ зависимости отъ замковаго уряда. Въ Каменцѣ должность распорядителя крѣпостію была отдѣлена отъ старостинской власти и поручена особому коменданту, начальнику гарнизона. Такимъ образомъ здѣсь устанавливаются особыя отношенія города: 1) къ замковому уряду и 2) къ гарнизону.

1. Судебная власть замковаго уряда относительно мѣщанъ, по закону, должна ограничиваться тяжбами между мѣщанами и землянами, когда эти послѣдніе являются отвѣтчиками. Чтобы показать, съ какою быстротой и съ какимъ успѣхомъ гродскій судъ оказывалъ справедливость мѣщанамъ по тяжбамъ ихъ съ шляхтичами, приводимъ здѣсь изложеніе одного любопытнаго процесса. Шляхтичъ Богушъ, помѣщикъ села Боришковца, безъ всякаго права перешелъ границу городскихъ земель и земель с. Боришковца (хотя она была ясно обозначена курганами, scopulis, и камнями, lapidibus) и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ городскія поля, луга и сѣнокосы до рѣчки Мукши, обработывалъ и собиралъ съ нихъ жатву и сѣно, присвоилъ себѣ мѣста для пасѣкъ, обнесенныя валомъ за рѣчкою Мукшей, и совершилъ „нечестивое“ дѣло: разметалъ курганы (scopulos), сдѣлалъ наѣздъ на мѣщанскія пасѣки и отнялъ нѣсколько ульевъ. Когда граждане подали жалобу на это въ гродскій судъ, Богушъ сталъ замышлять на ихъ жизнь и сдѣлалъ наѣздъ на домъ нѣкоего Хмѣля, жившаго у Лядскихъ воротъ, ругалъ его, направлялъ на него копье и покушался на жизнь. Послѣ этого Богушъ сдѣлалъ наѣздъ на поля истцовъ turmatim et armatim; пахавшіе мѣщане предались бѣгству, оставивъ плуги; онъ догналъ ихъ, захватилъ и оскорблялъ словами и ударами и ранилъ; между мѣщанами попался и одинъ радца (консулъ). Богушъ увезъ силою около 50 возовъ сѣна, гнался за Ив. Старымъ до самаго города, и догнавъ его, билъ и изранилъ, обѣщаясь подобнымъ же образомъ избить всякаго мѣщанина, гдѣ бы онъ ни попался. Наконецъ, Богушъ запретилъ поить скотъ въ р. Мукшѣ; нѣсколько разъ билъ за это пастуха въ кровь и загонялъ воловъ. Въ 1709 году на всѣ эти противозаконныя дѣйствія была подана жалоба въ гродъ

всѣмъ урядомъ польско-русской юрисдикціи и нѣсколькими мѣщанами, лично оскорбленными; но эта жалоба осталась безъ удовлетворенія. Тогда въ 1710 году высшіе сановники обѣихъ юрисдикцій подали новую жалобу на Богуша; вслѣдствіе того, въ томъ же 1710 году, это дѣло было въ первый разъ доложено суду, и судъ назначилъ инквизицію, то-есть, потребовалъ отъ тяжущихся сторонъ представленія свидѣтелей, rei gestae bene gnaros Во второе засѣданіе того же 1710 года отвѣтчики не представили свидѣтелей; за это Богушъ и его соучастникъ Паплинскій (шляхтичи) были приговорены къ уплатѣ истцамъ 14 польскихъ марокъ, и судъ приказалъ имъ, подъ угрозою вѣчной баниціи, представить свидѣтелей въ ближайшій судебный срокъ, то-есть, въ слѣдующемъ 1711 году. Въ это третье засѣданіе изслѣдованіе дѣла отложено было до ближайшаго срока, будто бы по согласію тяжущихся сторонъ, въ надеждѣ примиренія. Четвертое засѣданіе по этому дѣлу происходило въ томъ же 1711 году, и изслѣдованіе опять было отложено до будущаго срока, опять будто бы по согласію тяжущихся сторонъ. Въ пятомъ засѣданіи 1712 года присутствовали лично войтъ и проконсулъ польской націи, войтъ армянской націи, и проконсулъ „юрисдикціи греческаго исповѣданія“ (Василій Хвостикъ) отъ имени всего магистрата и юрисдикціи „польской, греческой и армянской“, за Богуша сталъ на судѣ земскій регентъ. Но такъ какъ въ это время Богушъ былъ посломъ на Варшавскомъ сеймѣ, то разслѣдованіе дѣла опять отложили до слѣдующаго засѣданія. Поэтому дѣло вновь было доложено суду въ засѣданіи 1713 года, когда явились въ судъ лично войты юрисдикціи польско-русской и армянской, съ одной стороны, и земскій регентъ, съ другой, за Богуша. Но какъ послѣдній былъ уже дома, то судъ потребовалъ, чтобъ онъ лично явился къ отвѣту. Отвѣтчики (Богушъ съ соучастникомъ) потребовали апелляціи въ Люблинскій трибуналъ; гродскій судъ не позволилъ апелляціи; противъ этого отвѣтчики протестовали, а судъ репротестовалъ, что онъ поступаетъ non temere, sed jure mediante. Когда истекъ срокъ, опредѣленный декретомъ суда для личной явки въ судъ Богуша, то судъ уже приказалъ тяжущимся явиться. Отвѣтчики опять потребовали апелляціи въ Люблинскій трибуналъ; этого судъ опять не дозволилъ, и отвѣтчики протествовали, а судъ репротестовалъ, что онъ дѣйствуетъ non temere, sed jure mediante. Поэтому, не входя въ обсужденіе главнаго дѣла, судъ назначаетъ за неисполненіе двухъ своихъ декретовъ (за неявку) двойной штрафъ съ отвѣтчиковъ, по 14-ти польскихъ марокъ съ каждаго, кромѣ уплаты штрафовъ по прежнимъ де-

кретамъ, и обязываетъ отвѣтчиковъ представить требуемую инквизицію въ ближайшій судебный срокъ, подъ угрозою вѣчной банниціи, которая будетъ объявлена въ тотъ же судебный срокъ. Отъ этого декрета отвѣтчики еще разъ потребовали апелляціи въ Люблинскій трибуналъ, и гродскій судъ еще разъ не допустилъ апелляціи, отвѣтчики протестовали, а судъ репротестовалъ, что онъ дѣйствуетъ non temere, sed jure mediante. Потомъ истцы обвиняютъ отвѣтчиковъ предъ гродскимъ судомъ въ томъ, что они не явились послѣ троекратнаго и даже четырекратнаго (что уже сверхъ формы общественнаго права) призыва ихъ предъ гродскій судъ по дѣлу о неуплатѣ штрафовъ, назначенныхъ предшествующимъ декретомъ, и просятъ, чтобы теперь, по смыслу прежняго декрета, была объявлена банниція. Судъ, признавъ это обвиненіе справедливымъ, постановляетъ банницію и назначаетъ для объявленія ея ministerialem regni generalem. Этотъ послѣдній, исполнивъ свою обязанность, явился въ судъ и донесъ, что онъ alta sua et sonorosa voce провозгласилъ банницію и довелъ до свѣдѣнія всѣхъ, какъ слѣдуетъ по закону и обычаю. Судъ увѣдомляетъ объ этомъ дѣлѣ старостъ, подъ вѣдѣніемъ которыхъ находятся отвѣтчики и ихъ имущества, pro faciendа et agendа [1]). Но какъ ни былъ громокъ и звученъ голосъ полицейскаго чиновника, онъ рѣдко обращалъ на себя вниманіе осужденныхъ; намъ извѣстно, что такое была банниція въ Польшѣ Притомъ же банниція была объявлена не за преступленія противъ мѣщанъ, которые остались безъ удовлетворенія, а за неповиновеніе судебнымъ декретамъ. Итакъ, напрасно городъ понесъ разныя обиды и убытки отъ шляхтича, и городскіе чиновники потеряли много времени въ безплодныхъ засѣданіяхъ пятилѣтняго процесса.

Судебныя дѣла между мѣщанами въ городахъ съ полнымъ магдебургскимъ правомъ не подлежатъ вѣдѣнію старостинскаго уряда. Но несостоятельность муниципальныхъ судебныхъ и административныхъ властей, постоянныя жалобы общины на магистратъ и магистрата на общину вызывали невольное вмѣшательство старосты Такъ, въ 1703 году одинъ мѣщанинъ пожаловался старостѣ Контскому на войта и лавниковъ за то, что войтъ, давно зная о страшномъ преступленіи нѣкоей мѣщанки Хшановской (кажется, отравленіи), длитъ дѣло въ судахъ, потворствуетъ преступникамъ противъ истца и вводитъ его въ расходъ, и за то, что войтъ не позволилъ истцу подать апелляцію въ старостинскій судъ.

---

[1]) Кн. 4023, л. 164

„Поэтому, говоритъ старо̀ста, вызываю тебя, войта, съ лавниками къ суду для наказанія за неисполненіе обязанности, а Хшановскую за преступленіе, по уложе́нію о наказаніяхъ, заключающемуся въ статутѣ, конституціяхъ и законѣ вашемъ".

Къ суду должны быть доставлены показанія, полученныя на слѣдствіи, ядъ со свидѣтельствомъ хирурговъ, которыхъ магдебургскій судъ посылалъ на слѣдствіе вмѣстѣ съ двумя лавниками, за подписью рукъ ихъ [1]). — Въ 1707 г. староста Контскій объявляетъ, что ему подаются „законныя просьбы и другія донесенія о безпорядкахъ и ссорахъ между обывателями города Каменца, особенно же о томъ, что иные обыватели не хотятъ быть послушными уряду и не уважаютъ судовъ"; съ дру́гой стороны, обыватели жалуются на урядъ, что терпятъ отъ него незаконныя притѣсненія и что урядъ злоупотребляетъ властью и производитъ незаконные аресты. Старо̀ста, исполняя просьбу обиженныхъ людей и предупреждая дальнѣйшіе безпорядки, назначаетъ свою коммиссію (урядниковъ гродскихъ: судью, бургграбія и регента съ однимъ ксендзомъ); коммиссары должны, не обращая вниманія на отсутствіе одного или двухъ изъ нихъ, приказать тяжущимся явиться предъ ними и потомъ судить по правдѣ и наказывать виновныхъ. Далѣе, они должны приказать магистрату, чтобъ онъ представилъ реестръ доходовъ: старо̀стѣ донесли, что магистратъ собралъ значительныя суммы за грунты, а между тѣмъ не видно поправокъ ни на ратушѣ, ни на бойницахъ (basztach); кромѣ того магистратъ получаетъ доходы отъ пива, чинши, мыты; куда все это употребляется — старо̀ста хочетъ знать подробно, „потому что, говоритъ Контскій, это мое право" и единственное средство предотвратить законныя претензіи со стороны обывателей [2]).

Трудно угадать, на сколько такія дѣйствія старо̀сты были согласны съ закономъ. Тогда во всѣхъ отрасляхъ дѣлъ цѣлаго государства преобладалъ фактъ надъ правомъ. Но замѣчателенъ взглядъ старо̀сты, который смотритъ на свою власть относительно города съ полнымъ магдебургскимъ правомъ, какъ на власть, которая выше всякихъ магдебургскихъ учрежде́ній. Въ послѣднемъ изъ двухъ приведенныхъ случаевъ Контскій, производя ревизію городскихъ доходовъ и расходовъ, дѣйствуетъ по обязанности административно-хозяйственнаго чиновника: городъ есть часть королевскаго имѣнія, порученнаго е́му, и онъ считаетъ своимъ долгомъ заботиться о благоустройства

[1]) Кн. 3957, л. 81.
[2]) Кн. 3931, л. 36.

этого имѣнія. Но эта заботливость близко смежна съ злоупотребленіями и постоянно переходитъ въ нихъ. Въ пунктахъ объ обидахъ городу Каменцу (Praejudicia miasta J. K. M. Kamieńca Pod.), главною причиной упадка города считаются злоупотребленія со стороны городскаго уряда, именно:

а) Урядъ покровительствуетъ Жидамъ, не смотря на то, что они (по королевскимъ декретамъ 1447, 1598, 1602, 1654, 1663, 1665 гг. и по коронным конституціямъ 1659, 1670, 1699 гг., по лаудумамъ Подольскаго воеводства и пр.) не могутъ не только торговать, шинкарствовать или пріобрѣтать осѣдлость въ Каменцѣ, но и оставаться здѣсь больше трехъ дней и селиться ближе трехъ миль отъ города. Жиды, подъ покровительствомъ замка, поселились въ городѣ и на предмѣстьяхъ и все больше умножаются и вкореняются, такъ что въ самомъ городѣ уже больше 100 Жидовъ; они каждый день шинкарятъ всякими напитками къ крайнему разоренію христіанъ, производятъ куплю и продажу разныхъ товаровъ и занимаются ремеслами, чрезъ это христіане обнищали и продолжаютъ бѣднѣть окончательно. Замокъ отдаетъ свои доходы съ города въ аренду Жидамъ, такихъ арендаторовъ по закону должно быть только 4 (и то въ случаѣ недостатка арендаторовъ-хрпстіанъ); старости позволилъ имъ привести себѣ пятаго, раввина, позволилъ имъ устроить себѣ синагогу и поселиться домами на самомъ рынкѣ. Эти арендаторы замковыхъ доходовъ дѣйствуютъ съ обычными злоупотребленіями. Королевская коммиссія, разбиравшая тяжбу города съ старостою Потоцкимъ въ 1750 г., постановила въ 24 часа изгнать Жидовъ изъ города военною силою.

б) Староста и бургграбій вводятъ незаконныя и обременительныя пошлины: по привилегіямъ Юрія и Александра Коріатовичей 1379 (1374 г.?), Казиміра 1491 г., Сигизмунда 1525 года, Сигизмунда III 1592 г., Михаила 1670 г., Августа II 1703 г., Августа III 1735 г., и особенно по декрету королевскому 1549 года (когда рѣшенъ былъ споръ между Влодскимъ, тогдашнимъ старостою, и Каменецкими мѣщанами), старостѣ слѣдуютъ только пошлины отъ скота (по 1 гр. съ быка) и отъ рыбы (по три рыбы съ воза). Но послѣ турецкаго владычества возрастала власть и могущество старосты, и городъ изъ страха принужденъ былъ платить безчисленныя и обременительныя старостинскія пошлины отъ лавокъ, отъ всякихъ напитковъ и торговъ по табелямъ, назначеннымъ старостою. Напримѣръ, по закону, въ замокъ слѣдовала акцизная пошлина по 3 злотыхъ отъ котла, въ каждую четверть года (kwartał); но замковые аренданторы, со временъ турецкаго

владычества, кромѣ того начали собирать отъ каждой кварты привозной горѣлки по 3 гроша съ продавца, а послѣ начали брать четвертый грошъ съ покупателей; отъ винограднаго вина, привозимаго въ городъ, замку не слѣдовало никакой пошлины, но арендаторы начали брать отъ каждой бочки по 10, а послѣ по 18 злот., точно также и отъ меду. Доходъ отъ будокъ (крамовъ), стоящихъ на рынкѣ слѣдуетъ городу, но замковые арендаторы берутъ по 3 зл. отъ каждаго крамника; вышеупомянутую пошлину съ рыбы они увеличиваютъ произвольно, взимая отдѣльно на замокъ и отдѣльно на бургграбія, и распространяютъ эту пошлину на рыбу соленую, сушеную и пр. Коронныя конституціи пожаловали городу мостовщину, а замковые арендаторы отняли ее у города. Съ жизненныхъ припасовъ, ввозимыхъ въ городъ окрестными поселянами, не слѣдуетъ никакого мыта; замковые арендаторы ее ввели и тѣмъ произвели дороговизну. Безъ всякаго права взимается пошлина съ цеха рѣзниковъ. Наконецъ, сами мѣщане, освобожденные отъ мыта во всемъ государствѣ, оплачиваютъ его въ собственномъ городѣ. Независимо отъ этихъ поборовъ въ пользу замковой аренды, бургграбій производитъ въ свою пользу отдѣльно различные поборы. Всѣ эти злоупотребленія, вѣроятно, были исчислены и предъ коммиссіей 1750 года; коммиссія запрещаетъ ихъ впредь и постановляетъ, что законными пошлинами въ пользу старосты должны считаться, кромѣ пошлины со скота и рыбы, сборъ съ иноземныхъ (то-есть, не-Каменецкихъ) купцовъ, везущихъ что-либо въ городъ, именно по 6 грошей съ каждой лошади или вола; но изъ сего исключаются крестьяне Подольскаго воеводства, привозящіе въ городъ жизненные продукты Другія незаконныя дѣйствія старосты (постройка шинка на мѣстѣ бывшаго городскаго, сборъ съ мельницы, построенной самими мѣщанами, и др.) также уничтожены декретомъ коммиссіи [1]). Содержаніе коммиссіи стоило городу не дешево; по постановленіе коммиссіи еще ничего не значило: въ томъ же 1750 году городъ отправляетъ делегата на сеймъ, съ тѣмъ чтобъ онъ похлопоталъ объ утвержденіи этого декрета посредствомъ „визитаціи“ сенаторовъ и сеймовыхъ пословъ. На эту надобность вручается ему 600 польскихъ злотыхъ [2]). Если городъ не легко могъ одолѣть какого-нибудь шляхтича Богуша, то еще труднѣе было ему тягаться съ Потоцкимъ. Дѣйствительно, тяжба города съ старостою продолжается и послѣ, какъ и во всѣхъ королевскихъ городахъ, до самаго паденія Польши.

[1]) Кн. 4562, л. 652.

[2]) Ibid., л. 657.

в) Бурграбій заставляетъ городъ исполнять служебную роль при гродскомъ судѣ; онъ не содержитъ арестантовъ, подлежащихъ его суду, какъ слѣдуетъ по закону, въ замкѣ, а отправляетъ ихъ въ городскія тюрьмы, при которыхъ заставляетъ мѣщанъ держать караулъ; приказываетъ также цехамъ провожать въ вооруженіи преступниковъ на мѣсто казни Дѣйствительно, въ 1717 году войтъ польской юрисдикціи заноситъ въ войтовскій судъ протестацію противъ магистрата той же юрисдикціи, такого содержанія: Бурграбій Локучевскій заставляетъ мѣщанъ и предмѣщанъ стеречь арестантовъ, тогда какъ въ городѣ нѣтъ хорошей тюрьмы. Сначала прислалъ въ домъ войта Жида — вора, а потомъ и другихъ многихъ, которыхъ войтъ приказалъ стеречь и самъ стерегъ; стерегли предмѣщане, которые вслѣдствіе такого притѣсненія обнищали и всѣ хотѣли разбрестись врозь. Хотя они и стерегли, но арестанты разбѣжались, поломавъ гаки (запоры), двери и колодки. Не смотря на это, когда все было поломано, бурграбій приказалъ отвести въ домъ войта одного арестанта, представленнаго паномъ Паплинскимъ. Войтъ прислалъ стражи, но бурграбій сказалъ, чтобы стерегли городскіе цехи; поэтому, когда арестанта привели къ дому войта, то послѣдній не принялъ его, приказавъ запереть двери. Бурграбій пошелъ къ коменданту и просилъ, чтобы взять войта въ *индію* [1]) („лучше было бы попросить, чтобы туда взяли вора“, замѣчаетъ жалоба). Комендантъ не согласился на это, но выслалъ на экзекуцію 10 жолнеровъ, пока не поправятъ тюрьмы и не примутъ того арестанта; поэтому войтъ послалъ его къ пану Паплинскому. Наконецъ, недавно были отданы подъ арестъ два арестанта; войтъ не противился принять ихъ, лишь бы дали стражу; но бурграбій упорно стоялъ на томъ, что стеречь должны цехи. Арестантовъ этихъ препроводили въ домъ войта; жена его, въ его отсутствіе, выгнала ихъ изъ дому. За это бурграбій тянетъ войта къ гродскому суду, отзывается о немъ непристойно и говоритъ: „Если мѣщане не хотятъ принимать въ тюрьму воровъ, то, должно-быть, имѣютъ съ ними связи и мыслятъ за одно“. Войтъ, сшедшись съ радцами въ ратушѣ, требовалъ, чтобы была подана протестація противъ бурграбія отъ цѣлаго города, а радцы, какъ будто это дѣло до нихъ не относится, не хотѣли протестовать и выдаютъ войта; между тѣмъ къ войту это дѣйствительно не относится, войтъ не имѣетъ права распоряжаться ключами отъ ратуши и тюрьмы [2]).

---

[1]) Подземная тюрьма въ Каменцѣ.

[2]) Кн. 4442, л 560.

г) „Бургграбій (продолжаетъ жалоба) незаконно вмѣшивается въ бурмистровское управленіе, напримѣръ, каждый мѣсяцъ переводитъ пекарей съ мѣста на мѣсто“. Наконецъ, „онъ же вмѣшивается въ раздачу квартиръ гарнизоннымъ офицерамъ и жолнерамъ и назначаетъ квартиры у радцевъ“ (вопреки закону).

Послѣднее обстоятельство, именно отношенія города къ гарнизону, такъ важно и такъ ярко характеризуетъ безсиліе муниципальной свободы, что мы разсмотримъ его подробнѣе.

2. Присутствіе двухъ разнородныхъ властей въ одномъ и томъ же городѣ неминуемо ведетъ ко взаимнымъ столкновеніямъ между ними. Въ государствѣ, гдѣ каждая община и каждая корпорація пользовалась, повидимому, правомъ полной самобытности и была предоставлена собственнымъ средствамъ самозащищенія, такія столкновенія, конечно, были не къ выгодѣ стороны, обладавшей меньшею матеріальною силой. Въ Каменцѣ городское выборное начало было поставлено рядомъ съ солдатскою силою: подлѣ города (miasta) существуетъ крѣпость, гдѣ сидитъ гарнизонъ изъ жолнеровъ подъ начальствомъ коменданта. Каменецъ былъ важнѣйшею пограничною крѣпостью, оплотомъ христіанскихъ странъ отъ магометанскихъ государствъ (Крыма и Турціи); польское правительство дорожило имъ не какъ торговымъ городомъ, а какъ крѣпостью; благосостояніе мѣщанскаго народонаселенія было для правительства лишь средствомъ возвысить стратегическое значеніе города. Вслѣдствіе того понятно, что правительство не могло предоставить заботы о первоклассной крѣпости государства мѣщанамъ города и такимъ образомъ совершенно отказаться отъ своей первой обязанности, попеченія о защитѣ государства. Если бы Каменецъ былъ предоставленъ самому себѣ и относительно военной обороны, то онъ выдѣлился бы изъ государства и долженъ былъ бы образовать нѣчто въ родѣ вольнаго нѣмецкаго города. По всѣмъ этимъ причинамъ присутствіе въ одномъ городѣ двухъ совершенно разнородныхъ юрисдикцій было неизбѣжно, и слѣдовательно, неизбѣжно было столкновеніе муниципальнаго самоуправленія съ солдатскимъ произволомъ. Правительство старалось примирить свободныя городовыя учрежденія съ жолнерскимъ самоуправствомъ посредствомъ большаго числа королевскихъ привилегій, сеймовыхъ конституцій и особенно декретовъ Радомскаго трибунала. Такое множество постановленій, большею частью повторяющихъ старыя, показываетъ, что отношенія между гражданами и гарнизономъ, которыя старался установить законъ, постоянно нарушались de facto. Неизвѣстно, существовали ли прежде какія-либо

опредѣленныя узаконенія насчетъ отношеній гарнизона къ гражданамъ. Во всякомъ случаѣ, въ актахъ встрѣчаются ссылки на узаконенія только XVIII вѣка. Узаконенія эти были вызваны взаимными жалобами гарнизона и города. Отношенія Каменца къ его гарнизону опредѣлялись декретами Радомскаго трибунала: въ жалобѣ 1761 года опредѣленно пересчитываются декреты Радомскаго трибунала 1717, 1718, 1719, 1720, 1721 и особенно 1723 гг. Судя по этимъ декретамъ и по содержанію жалобъ, правительство желало оградить: а) личную неприкосновенность гражданъ: жолнерамъ запрещено брать мѣщанъ подъ стражу; б) имущества ихъ: военнымъ запрещено вытѣснять гражданъ изъ ихъ домовъ или совсѣмъ отбирать дома и требовать незаконной квартирной повинности; в) торговые интересы гражданъ: военнымъ запрещена торговля; г) общественные интересы города: запрещено принимать въ полки людей, присягнувшихъ городу. Какъ мало эти узаконенія обезпечивали права гражданъ, видно уже изъ того, что декреты Радомскаго трибунала ежегодно повторяются вслѣдствіе новыхъ жалобъ мѣщанъ; это обнаруживается еще болѣе изъ того, что граждане при назначеніи новаго коменданта должны были вступать съ нимъ въ частную сдѣлку, взаимный контрактъ, или какъ онъ называется въ актахъ, *композицію*. Эти композиціи составляютъ второй рядъ актовъ, изъ которыхъ можно вывести нѣкоторыя положенія о законныхъ отношеніяхъ гарнизона къ городу; притомъ въ декретахъ Радомскаго трибунала представляются только отрицательныя и односторонніе положенія; они говорятъ о томъ, чего не долженъ дѣлать гарнизонъ городу, но изъ нихъ не видно, что̀ должны дѣлать граждане въ отношеніи къ гарнизону, и обратно. Изъ композиціи 1723 года между городомъ и комендантомъ Шиллингомъ [1]) оказывается, что на долю коменданта досталась полицейская власть и охраненіе благочинія: 1) Комендантъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы въ праздничные дни не производились работы, чтобы не играла музыка до окончанія богослуженія въ каѳедральномъ костелѣ и послѣ пробитія вечерней зари, за исключеніемъ свадебъ, о которыхъ комендантъ долженъ быть предувѣдомленъ или отъ магистрата, или отъ того, у кого свадьба; нарушителей такого благочинія стража должна брать подъ арестъ, но для наказанія отдавать магистрату той юрисдикціи, къ которой они принадлежатъ. 2) Изъ интересовъ политическихъ вытекаетъ право коменданта надзирать за сношеніями гражданъ съ пограничными ино-

[1]) Кн 4562, л 207.

странными государствами. еще по композиціи съ комендантомъ Рипне граждане обязались не ѣздить ни за Днѣстръ (въ Молдавію), ни къ Днѣпру (вѣроятно, за турецкую границу), безъ комендантскаго паспорта Изъ комендантскихъ жалобъ оказывается далѣе, что комендантъ имѣлъ право и обязанность заботиться о безопасности города отъ заразы во время мора и отъ пожара, особенно если съ опасностію города соединялась опасность для крѣпости, такъ, въ одномъ случаѣ комендантъ заявляетъ, что мѣщане настроили броваровъ внутри самаго города, вопреки закону и обычаю, что̀ не допускается и въ мѣстечкахъ частныхъ владѣльцевъ (партикулярныхъ); что бровары построены даже близъ цейхгаузовъ, отъ чего можетъ произойдти гибель для всѣхъ живущихъ тутъ, въ случаѣ неосторожности. Потомъ комендантъ считаетъ своею обязанностью заботиться о чистотѣ города: тотъ же комендантъ жалуется, что весь городъ запруженъ навозомъ и нечистотами, которыхъ мѣщане не хотятъ очищать, не смотря на неоднократныя представленія со стороны коменданта; между тѣмъ отъ этого воздухъ дѣлается вреднымъ для здоровья. Съ другой стороны, изъ композицій видно, что городъ беретъ на себя хозяйственныя заботы о помѣщеніяхъ гарнизона: обязывается поправлять, если возможно, караульни и другія строенія, занимаемыя гарнизономъ, и строить новыя, если поправка невозможна; ремонтировать мосты, гауптвахты, шлагбаумы, цѣпи, сѣкиры и пр.; исполнять квартирную повинность, впрочемъ по распредѣленію самого города и съ нѣкоторыми ограничительными условіями: домы городскихъ урядниковъ освобождались отъ постоя.

Но эти законныя отношенія оставались только на бумагѣ. На дѣлѣ ни личность, ни собственность гражданъ, ни общественныя права города не были безопасны отъ солдатскаго произвола. Въ жалобѣ 1730 г. граждане говорятъ о комендантѣ Шиллингѣ, что онъ управляетъ магистратомъ и городомъ plus quam dominus haereditarius, absolute et independenter [1]). Что это не фраза, оказывается изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ 1762 года городъ жалуется на оберъ-лейтенанта какого-то Яна, что онъ безъ всякой причины, по личной ненависти, приказалъ среди бѣлаго дня взять подъ стражу президента города и магистрата, особу (какъ выражается жалоба), подчиненную только одной власти его величества короля; посадилъ его на „обвахъ“, въ камеру, назначенную для уголовныхъ преступниковъ, позволивъ жолнерамъ всячески

[1]) Ibid, л 307.

ругаться надъ нимъ, и во время трехдневнаго суроваго заключенія не допускалъ президента имѣть сношенія съ кѣмъ бы то ни было; по освобожденіи его изъ-подъ стражи, Янъ угнеталъ того же президента большою экзекуціей, а потомъ взялъ подъ стражу какъ преступника [1]). Въ актахъ 1720 года записанъ позовъ подполковнику Гловеру, гдѣ говорится, что Гловеръ отрядилъ огромную толпу гарнизонныхъ солдатъ, вооруженныхъ бомбардами, въ домъ проконсула, съ тѣмъ чтобъ они съ безчестіемъ привели его въ домъ оберъ-лейтенанта; исполняя этотъ приказъ, солдаты съ великимъ скандаломъ пришли въ его домъ и поволокли проконсула безъ шапки и верхней одежды; ведя его по городской площади, били бомбардами и кулаками; отъ солдатскихъ насилій разорвалась и нижняя одежда его; когда такимъ образомъ проконсулъ былъ приведенъ къ Гловеру, то этотъ послѣдній насмѣхался надъ нимъ и поносилъ его ругательски. Когда братъ оскорбленнаго президента, старшина (senior), заступился за него, то Гловеръ далъ первому пощечину и угрожалъ обоихъ заковать въ цѣпи, вѣроятно, эти городскіе сановники сказали ему, что они будутъ жаловаться предъ трибуналомъ Радомскимъ; въ отвѣтъ на это Гловеръ, смѣясь, говорилъ, что трибуналъ ничего не сдѣлаетъ ему за нихъ, и что онъ готовъ пожертвовать своимъ имуществомъ въ тяжбѣ противъ всѣхъ гражданъ [2]). За годъ передъ этою жалобой подана была другая на коменданта Риппе и того же оберъ-лейтенанта Гловера. Этотъ послѣдній дѣлалъ разныя насилія по поводу столкновеній съ гражданами относительно мѣны денегъ. Обстоятельство это на столько важно, что о немъ нужно сказать здѣсь нѣсколько словъ. Извѣстно, что въ Польшѣ не было однообразной государственной монеты, и что въ обращеніи были деньги чешскія, литовскія и старыя польскія. Въ самой Польшѣ различныя части Рѣчи-Посполитой обладали правомъ бить и выпускать свою монету; это право имѣли прусскія воеводства и Курляндскій герцогъ; наконецъ, королевскіе монетные дворы, отданные въ аренду частнымъ лицамъ, выпускали монету различной стоимости. Съ 1685 г. монетные дворы эти были закрыты, и въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, новой монеты совсѣмъ не выходило. Такая неурядица подавала поводы къ большимъ замѣшательствамъ при торговыхъ сдѣлкахъ и затрудняла обращеніе товаровъ; напримѣръ, Каменецкій гарнизонъ получалъ отъ королевскихъ экзакторовъ жалованье такою монетою (berlinki, orłówki), которая не имѣла обращенія

[1]) Ibid, л 1082.
[2]) Ibid., л. 180.

въ Подольскомъ воеводствѣ. Крестьяне окрестныхъ селъ, привозившіе въ городъ съѣстные припасы, не хотѣли брать у мѣщанъ эту монету, потому что у нихъ не брали ея паны; а такъ какъ наплывъ монеты изъ гарнизона былъ большой, и она вся мало по малу сосредоточивалась въ городѣ, то мѣщанамъ не чѣмъ было уплачивать за съѣстные припасы, подвозъ которыхъ уменьшился, и въ городѣ случилась дороговизна. Понятно, что мѣщане не захотѣли наконецъ брать у жолнеровъ эту монету и мѣнять ее на обычную, обращающуюся, или давали ей меньшую цѣнность противъ номинальной. Въ началѣ XVIII вѣка, по сеймовой конституціи 1717 года, былъ опредѣленъ слѣдующій курсъ: червонный злотый по 18 злотыхъ, талеръ битый по 8, тынфъ по 1 злотому и 8 грошей Въ 1729 году комендантъ Шиллингъ жаловался на мѣщанъ, что они не хотятъ мѣнять червонныхъ злотыхъ по курсу по 18 злотыхъ, а приняли за обычай мѣнять для гарнизона по $17^1/_2$ злотыхъ. Хотя комендантъ прибавляетъ при этомъ, что червонныезлотые, представляемые гарнизономъ, были надлежащаго вѣса, но очевидно, это неправда, ибо съ какой стати мѣщанамъ стѣснять свои торговыя сдѣлки изъ-за ребяческаго желанія сдѣлать непріятность ненавистному гарнизону? Конечно, и гарнизонъ не виноватъ въ этомъ случаѣ, потому что онъ принималъ монету отъ экзакторовъ по ея номинальной цѣнности. Обстоятельство это показываетъ только, что оба города, торговый и укрѣпленный, были во всемъ противоположны другъ другу, принадлежали какъ будто двумъ государствамъ. Но въ этомъ столкновеніи интересовъ страдаютъ опять таки граждане. Въ жалобѣ города, составленной въ 1719 году, сказано, что Гловеръ заставляетъ мѣщанъ брать гарнизонную монету посредствомъ сильныхъ военныхъ экзекуцій; одного члена рады нѣсколько дней держалъ подъ стражею въ его собственномъ домѣ, при чемъ солдаты вымогали себѣ всякіе напитки и кормы; по этому же поводу произвелъ онъ слѣдующій насильственный поступокъ съ одною родственницею лавника: приказалъ подчиненнымъ ему солдатамъ привесть ее на гауптвахту, и снявши съ нея одежду, положить подъ деревяннымъ конемъ, или — vulgo — подъ кобылою драгунскою; въ такомъ видѣ, совершенно обнаженную (между тѣмъ какъ шелъ снѣгъ), держалъ ее нѣсколько часовъ, оскорбляя самъ и подвергая смѣху и оскорбленіямъ со стороны мимоидущихъ разнаго званія людей. Когда члены магистрата дѣлали ему представленіе по этому случаю, то онъ не обратилъ вниманія и даже оскорбилъ ихъ самихъ неприличнѣйшими словами въ родѣ слѣдующихъ: „Не только эту шельму лавничиху, но и васъ, бурмистровъ

и радцевъ, прикажу запрятать въ индію". По другому поводу тотъ же Гловеръ оскорбилъ президента города; дѣло было въ томъ, что Гловеръ поставилъ нѣкоего Жида Мейерку лѣчить не только солдатъ, но и людей всякаго званія, между тѣмъ, съ одной стороны, въ Каменцѣ существуетъ цехъ хирурговъ, снабженный привилегіями королей; съ другой, этотъ Жидъ (partacz, то есть, неучъ) весьма не искусенъ въ хирургіи. Этимъ поступкомъ Гловера были нарушены интересы городскихъ хирурговъ, и оскорблена римско-католическая вѣра. На представленія, сдѣланныя ему по этому поводу магистратомъ, Гловеръ отвѣчалъ угрозами и ругательствами и отправилъ въ домъ проконсула двухъ офиціалистовъ, которые въ присутствіи вышеупомянутаго Жида произносили слѣдующія слова: „Жидъ, если какой-нибудь бурмистръ скажетъ тебѣ что-нибудь, то ты его въ рыло (я тебѣ такъ приказываю) и палкою бей его,... шельму" [1]). Въ 1709 году Гловеръ заставилъ городскаго проконсула исполнить роль палача надъ одною публичною женщиной въ собственномъ присутствіи, ради личной потѣхи [2]).—Такъ позорились античные титулы проконсуловъ, консуловъ и пр. Обманчивая классическая завѣса скрывала за собою палки, пощечины, позоръ. Вотъ что̀ значило вообще это мнимо-свободное самоуправленіе въ сопоставленіи съ военною силой! Личность остальныхъ, не-чиновныхъ мѣщанъ подвергалась не только оскорбленіямъ, но и прямой опасности, жизнь ихъ была мало обезпечена отъ солдатскаго произвола. Въ комендантство Шиллинга, въ 1730 г., случилось слѣдующее происшествіе. Въ гостинницѣ сошлись солдатъ Ганскій и сынъ Каменецкаго мельника — Ѳедоръ Мельниченъ; солдатъ безъ всякаго повода (по словамъ жалобы) нанесъ мѣщанину нѣсколько ранъ штыкомъ, отъ которыхъ онъ и умеръ по истеченіи 16 недѣль. Судъ, освидѣтельствовавъ трупъ, нашелъ дѣйствительно знаки ранъ на лѣвомъ боку, лѣвой рукѣ и пораненіе на бородѣ. Трупъ былъ законнымъ образомъ объявленъ чрезъ ministerialis regni generalis, на четырехъ обычныхъ мѣстахъ около Каменецкой ратуши. Протестующіе по этому поводу заявляютъ, что вообще начальники гарнизона распустили жолнеровъ, отъ которыхъ жизнь гражданъ въ постоянной опасности [3]). Въ 1741 году былъ подобный же, хотя не смертный случай: Солдатъ квартирантъ билъ своего хозяина, повалилъ его на землю, таскалъ за волосы и проч.; затѣмъ избитый домовладѣлецъ былъ приведенъ на

[1]) Ibid., л. 152.
[2]) Кн. 4440, л. 486.
[3]) Кн 4562, л. 312.

„обвахъ", гдѣ, по распоряженію капитана Шпмановскаго, солдаты нанесли ему еще разныя жесточайшія оскорбленія и побои въ разныя части тѣла, такъ что онъ возвратился домой еле живой; комендантъ не далъ ему никакого удовлетворенія въ этомъ дѣлѣ. Гродскій судъ, дѣйствительно, нашелъ у жалобщика двѣ раны надъ лѣвымъ глазомъ и проч. [1]).

Еще менѣе были обезпечены имущественныя права гражданъ отъ насилій гарнизона Поводами къ столкновеніямъ служили квартирная повинность, повинности города въ отношеніи къ помѣщеніямъ гарнизона, право торговли и торговыхъ пошлинъ; наконецъ, столкновенія происходили безъ всякихъ поводовъ, вслѣдствіе простаго перевѣса матеріальной силы на сторонѣ гарнизона; таковы принудительныя цѣны товаровъ, распоряженіе городскими землями и пр. Квартирная повинность подаетъ поводы къ постояннымъ жалобамъ со стороны города по закону (какъ было сказано выше), постою не подлежали дома городскихъ урядниковъ; кромѣ того, домовладѣльцы не были обязаны отапливать квартиръ для стоявшихъ у нихъ жолнеровъ. На дѣлѣ же жолнеры вымогали отопленіе себѣ и своимъ семействамъ. Далѣе распредѣленіе квартиръ принадлежало городскому управленію; гарнизонъ не уважалъ этого постановленія и вымогалъ себѣ произвольныя помѣщенія [2]) Количество и поведеніе жолнеровъ-квартирантовъ было таково, что хозяева бѣжали изъ своихъ домовъ и изъ города, отрекаясь отъ собственности [3]). Съ другой стороны, начальство гарнизона, по какимъ-либо причинамъ, покровительствовало однимъ въ ущербъ другимъ, и освобождая отъ квартирной повинности дома первыхъ [4]), этимъ самымъ увеличивало тягость ея для послѣднихъ. Обязанность гражданъ ремонтировать крѣпостныя и гарнизонныя постройки была еще сильнѣйшимъ поводомъ къ столкновеніямъ города съ гарнизономъ. Понятно, что расходы города увеличивались въ случаѣ небрежнаго отношенія къ крѣпостному имуществу со стороны гарнизона. Въ 1729 году комендантъ Шиллингъ жалуется, что караульни, особенно на гауптвахтѣ, пришли въ такой упадокъ, что жолнеры, отбывающіе стражу во время зимнихъ непогодъ, подвергаются болѣзнямъ; городъ же не хочетъ ихъ поправлять, не смотря на неоднократныя напоминанія со стороны гарнизоннаго начальства. Далѣе комендантъ говоритъ, что уже два

[1]) Ibid , л. 575.
[2]) Ibid., л. 1059.
[3]) Ibid., л. 152.
[4]) Ibid., л 1059

года какъ начали строить резиденцію для коменданта, но не кончаютъ, и Богъ вѣсть когда кончатъ; притомъ начали строить такъ, что не будетъ никакихъ удобствъ для коменданта и людей, находящихся при немъ; между тѣмъ, не поправляютъ и старой резиденціи, въ которой онъ теперь живетъ [1]). Въ отвѣтной протестаціи на эту жалобу граждане заявляютъ, что комендантъ злонамѣренно разрушилъ гауптвахту, которая могла бы простоять еще нѣсколько лѣтъ, если бы былъ присмотръ; комендантъ не обращаетъ вниманія на убогое состояніе города [2]). То же заявленіе о недостаткѣ заботливости въ отношеніи крѣпостнаго имущества повторено и въ жалобѣ 1762 года [3]). Повинность города относительно крѣпостнаго имущества, при возрастающемъ упадкѣ перваго, сдѣлалась столь тяжелою, что въ 1767 году, городъ, отправляя делегатовъ на сеймъ, поручаетъ имъ хлопотать о сложеніи съ него этой повинности на вѣчныя времена, такъ какъ граждане не имѣютъ на это никакого фундушу, кромѣ личныхъ рабочихъ силъ самихъ же убогихъ гражданъ и податей съ нихъ; между тѣмъ ремонтъ крѣпостныхъ имуществъ ежегодно стоитъ городу нѣсколькихъ тысячъ [4]). Такое требованіе было, конечно, основательно, потому что Каменецкая крѣпость имѣла значеніе для цѣлаго королевства, а не для одного г. Каменца. Правда, что въ старыя времена Каменецъ достигъ благосостоянія именно подъ защитою своихъ укрѣпленій, что смуты эпохи Хмельницкаго, когда другіе города подверглись конечному разоренію отъ Татаръ, казаковъ или польскихъ войскъ, мало коснулись благосостоянія Каменца: онъ не только не былъ ни разу взятъ, но и не платилъ контрибуцій. Однако, торговля его должна была надолго пріостановиться, когда повсюду рыскали шайки Татаръ и разбойниковъ, когда нельзя было выйдти за черту крѣпости для обработки полей, когда битвы происходили подъ самыми его стѣнами, когда наконецъ самая важность Каменецкой крѣпости была причиною того, что Каменецъ подвергался постояннымъ осадамъ непріятелей. Знаменитая крѣпость не спасла городъ въ 1674 году; съ тѣхъ поръ торговля его стала постоянно упадать, и возвращенная отъ Турокъ крѣпость со своимъ гарнизономъ сдѣлалась одною изъ важныхъ причинъ этого упадка. Мы видѣли, что законъ запрещалъ торговлю жолнерамъ, которые, конечно, не участвовали

[1]) Ibid , л 291.
[2]) Ibid., л. 307
[3]) Ibid., л. 1082.
[4]) Ibid., л 1090.

въ городскихъ повинностяхъ, и слѣдовательно, только подрывали своею конкурренціей торговлю мѣщанъ; между тѣмъ вотъ что пишутъ граждане въ своей жалобѣ 1730 года: Капитаны, унтеръ-офицеры, жолнеры и ихъ жены шинкарятъ всякими напитками, занимаются пекарствомъ и перекупствомъ (мелкою торговлей на рынкахъ). Та же жалоба повторяется потомъ во всѣхъ протестаціяхъ; такъ, въ жалобѣ 1761 года говорится, что жолнеры занимаются не только торговлею, но и ремеслами, что граждане остались только по имени мѣщанами, а если кто настойчиво занимается гандлемъ, свойственнымъ своему званію, то ему не избѣжать оплаты старшимъ чиновникамъ гарнизона; то же повторяется въ инструкціи Каменецкимъ делегатамъ на сеймъ 1762 года. Независимо отъ такой незаконной конкурренціи въ торговлѣ, гарнизонъ подрывалъ городскую торговлю прямыми стѣснительными мѣрами, къ которымъ подавали поводъ отчасти его полицейская обязанность блюсти военную осторожность на государственной границѣ, отчасти же простое злоупотребленіе силою. Такъ, комендантъ Шиллингъ запрещаетъ безъ вѣдома и воли своей впускать въ городъ и выпускать изъ города мѣщанъ, постоянныхъ жителей города, особенно городскихъ сановниковъ, а разнымъ неизвѣстнымъ людямъ, гультямъ, Жидамъ и ихъ парубкамъ, позволяетъ свободный выѣздъ изъ города безъ всякаго препятствія. Подъ предлогомъ охраненія города и крѣпости отъ заразы, тотъ же комендантъ не допустилъ гродскихъ судовъ и сеймика въ городъ, къ великому ущербу для послѣдняго (конечно, въ томъ отношеніи, что съѣздъ большаго числа людей на судъ и сеймики былъ весьма выгоденъ для городской торговли), а между тѣмъ допустилъ свадьбу жидовскую, на которой было много людей изъ разныхъ мѣстечекъ [1]). Самое право гарнизоннаго начальства давать паспорты купцамъ, ѣдущимъ за Днѣстръ и къ Днѣпру, должно было сдѣлаться весьма стѣснительнымъ для Каменецкой торговли при постоянной враждѣ города съ гарнизономъ. Злоупотребленія же въ этомъ отношеніи были непредвидимы и неисчислимы. Каждый день, говоритъ жалоба 1761 года, начальники гарнизона ставятъ стражу отъ утра до полудня въ мясныхъ рядахъ и посредствомъ этихъ стражниковъ принуждаютъ гражданъ продавать мясо жолнерамъ не по таксѣ, а по произвольной оцѣнкѣ стражниковъ. Совершенно противозаконно гарнизонъ беретъ торговую пошлину съ привозныхъ товаровъ, при чемъ употребляетъ насиліе, ставитъ товары подъ стражу, покро-

[1]) Ibid, л 307

вительствуетъ Жидамъ изъ какихъ-то своихъ видовъ, и не смотря на постановленіе коммиссіи, что Жиды только три дня могутъ оставаться въ городѣ, принялъ ихъ опять, особенно рѣзниковъ; далѣе, отбираетъ по полѣну дровъ съ воза у мѣщанъ, когда они даже не для торговли, а для личныхъ потребностей ввозятъ въ городъ дрова изъ окрестныхъ лѣсовъ, пріобрѣтя ихъ покупкою (хотя, по королевскимъ привилегіямъ, имъ дозволенъ свободный вывозъ лѣса изъ окрестностей для построекъ и отопленія). Гарнизонъ установилъ даже опредѣленные поборы въ городскихъ воротахъ; въ противномъ случаѣ онъ не впускаетъ въ городъ мѣщанъ, возвращающихся съ Дуная. Совершенно такое же противозаконное насиліе было употреблено со стороны гарнизона относительно городскихъ грунтовъ. Жолнеры заселили обширные городскіе грунты (на которыхъ могло бы помѣститься нѣсколько хозяевъ), не платя съ нихъ никакого чинша въ городскую казну и не исполняя общественныхъ повинностей; напримѣръ, на пожарѣ 1762 года, пропшедшемъ отъ неосторожности майора Мыцельскаго въ его квартирѣ, не было офицерскихъ возовъ, коней, бочекъ и проч., между тѣмъ на гарнизонѣ лежала прямая обязанность заботиться какъ о предупрежденіи, такъ и о погашеніи пожара; въ этомъ послѣднемъ случаѣ гарнизонъ заявилъ свое усердіе только тѣмъ, что ругалъ и билъ присутствующихъ мѣщанъ до тѣхъ поръ, пока они, оставивъ пожаръ, не ушли въ доминиканскій кляшторъ tanquam in locum immunem [1]). За рѣкою Смотричемъ одинъ гарнизонный начальникъ открылъ каменоломни къ великому ущербу для польско-русскаго магистрата, потому что камни продаетъ самъ, а мѣщанамъ не дозволяетъ вывозить ни камня, ни глины на собственныя ихъ нужды, между тѣмъ земля эта городская; окрестные городскіе грунты завалены обломками этой каменоломни и заняты кирпичными заводами Наконецъ, пользуясь силою, гарнизонъ ввелъ барщинныя повинности: а) повинность подводную (идя куда-нибудь по службѣ, насильно берутъ подводы изъ города и предмѣстій и убогихъ подводчиковъ бьютъ); б) личныя работы предмѣщанъ на гарнизонъ: предмѣщанъ берутъ на работы и погоняютъ посредствомъ жолнеровъ такъ, что они, лишенные отдыха, разбѣгаются; но и относительно самихъ мѣщанъ утвердился обычай нѣкоторыхъ барщинныхъ повинностей въ пользу гарнизона: мѣщане должны были ежедневно возить бочки съ водою на гауптвахту изъ криницы, лежащей около 1/2 мили отъ города, и каждый мѣсяцъ должны были достав-

[1]) Ibid., л. 1082

лять возъ дровъ въ 60 полѣнъ); в) повинность оброчную: нѣкоторыя натуральныя (конечно, незаконныя) повинности переложены были на деньги; каждую недѣлю городъ взноситъ 10 флориновъ взамѣнъ мяса и съѣстныхъ припасовъ [1]). Въ протестаціяхъ мѣщанъ все это называется шарварками (барщиною) [2]).

Первый изъ приведенныхъ нами фактовъ нарушенія правомѣрныхъ отношеній между гражданами и гарнизономъ (арестъ и безчестіе проконсула) и послѣдній изъ такихъ фактовъ (барщинныя повинности гражданъ) показываютъ уже, на сколько гарнизонъ уважалъ общественныя права города. Однимъ изъ важнѣйшихъ правъ городовъ было полное подчиненіе всѣхъ гражданъ городской юрисдикціи. Между тѣмъ гарнизонъ позволяетъ себѣ вербовать гражданъ, присяжныхъ городу, и потомъ не возвращаетъ ихъ по требованію [3]), хотя это прямо противорѣчитъ композиціи 1723 года. Гарнизонъ принимаетъ подъ свою протекцію и мѣщанъ, не поступившихъ на службу, и этимъ ограничиваетъ административную и судебную власть города. Наконецъ, распоряжаясь безъ всякаго уваженія съ проконсулами, радцами, войтами и лавниками, онъ естественно лишаетъ ихъ свободы дѣйствія въ дѣлахъ, въ которыя притомъ вмѣшивается военное начальство. Личныя оскорбленія, захватъ городскихъ имуществъ, отнятіе или ограниченіе права торговли, лишеніе самостоятельности городскихъ правъ, все это, конечно, вело къ быстрому упадку городскаго благосостоянія; мнимое городское самоуправленіе замѣнялось рабствомъ. Но едва-ли не хуже всего этого было то, что такія обстоятельства заставляли городъ вести постоянную тяжбу съ гарнизономъ; такая тяжба разоряла городъ окончательно. Мы видѣли уже, что въ началѣ XVIII вѣка декреты Радомскаго трибунала слѣдуютъ одинъ за другимъ ежегодно; слѣдовательно, ежегодно идутъ новыя тяжбы. Дѣйствительно, послѣ декретовъ 1717 и 1718 годовъ мы встрѣчаемъ въ 1719 году протестацію противъ гарнизона со стороны обѣихъ юрисдикцій [4]); въ 1720 году, за новой жалобой города слѣдуетъ позовъ начальнику гарнизона [5]); послѣ декретовъ 1721 и 1723 годовъ слѣдуетъ жалоба городскихъ властей 1728 года (о незаконной торговлѣ, производимой гарнизономъ) [6]); въ

[1]) Ibid , л. 152.
[2]) Ibid , л. 1059.
[3]) Ibid. 1082.
[4]) Ibid., л. 152.
[5]) Ibid ; л. 180.
[6]) Ibid., л 260.

1729 году жалуется комендантъ на магистраты русско-польской и армянской юрисдикцій [1]), въ 1730 году писарь рады заноситъ протестацію противъ гарнизона въ гродскій Владимірскій судъ [2]); далѣе встрѣчаются: въ 1731 году частная жалоба одного мѣщанина на гарнизонное начальство, поданная отъ имени городской общины ея представителями, регентомъ и вице-регентомъ [3]), въ 1741 году — протестація регентовъ польско-русской юрисдикціи отъ имени города противъ всего гарнизона (по частному дѣлу) [4]), въ 1761 году — протестація противъ гарнизона со стороны обѣихъ юрисдикцій [5]), въ 1762 году опять протестація обѣихъ юрисдикцій [6]), и въ томъ же году посольство на сеймъ, главнымъ образомъ, по тяжбѣ съ гарнизономъ [7]). Здѣсь перечислены случаи тяжбъ, слѣды которыхъ остались въ актахъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что они были гораздо чаще, судя по нѣкоторымъ указаніямъ [8]); мы можемъ сказать предположительно, что тяжба велась ежегодно и обратилась въ нормальный порядокъ вещей: въ 1773 году сессія Сорока Мужей постановила, чтобы регентъ завелъ постоянный протоколъ, куда бы вписывались всѣ обиды, дѣлаемыя мѣщанамъ со стороны гарнизона, съ показаніями свидѣтелей и изложеніемъ обстоятельствъ дѣла [9]).

Оканчивая этимъ обзоръ управленія одного изъ городовъ, пользовавшихся полнымъ магдебургскимъ правомъ, мы имѣемъ основанія сказать, что этотъ городъ не имѣетъ ни самоуправленія, ни независимости. Онъ не имѣетъ самоуправленія, потому что управляется не лицами, выбранными изъ общества и самимъ обществомъ, а небольшимъ числомъ богатыхъ фамилій, членовъ рады. Онъ не имѣетъ свободныхъ судебныхъ учрежденій, потому что судебная коллегія составляется не изъ лицъ, избранныхъ обществомъ. Слабою опорою само-

---

[1]) Ibid , л 291.
[2]) Ibid , л. 307.
[3]) Ibid , л. 312.
[4]) Ibid., л. 575.
[5]) Ibid., л. 1059.
[6]) Ibid., л 1082.
[7]) Ibid., л. 1090.
[8]) Лаудумы сессій гминной избы весьма часто заключаютъ въ себѣ протесты противъ рады за то, что она не защищаетъ города отъ гарнизона, или простыя указанія о необходимости принять мѣры противъ насилій гарнизона, напримѣръ, въ 1573 году (кн 5462, лл. 818 и 871), 1775 г (ibid., лл. 1274 и 1276, также кн. 4490, лл 6 и др.).
[9]) Кн 4490, л 2.

управленія служатъ представительныя учрежденія города (гминная изба); но и эти учрежденія не имѣютъ ни широкой власти, ни достаточной силы. Городъ лишенъ независимости, потому что и старо̀ста, и вообще замковое начальство, и военное управленіе безнаказанно распространяютъ на него свою власть. Кромѣ того, муниципальное право ввело внутрь городской общины неизлѣчимую язву разлада: раздѣлило общину на національности и классы и предоставило полную возможность сторонѣ болѣе сильной тѣснить слабѣйшую. Юрисдикція польская притѣсняетъ и наконецъ уничтожаетъ русскую; юрисдикція польско-русская притѣсняетъ армянскую; рада польско-русской юрисдикціи давитъ свою общину; войтъ и судьи армянской юрисдикціи обижаютъ армянское общество. Крайнее раздробленіе самоуправленія приводитъ къ праву сильнаго, къ свободѣ дикихъ.

2. Управленіе городовъ съ неполнымъ магдебургскимъ правомъ.

Управленіе городовъ юго-западной Руси, пользовавшихся не полнымъ магдебургскимъ правомъ, будетъ представлено здѣсь по актамъ Кременца, Ковеля и отчасти Бара и Выжвы. Первый изъ нихъ имѣетъ отдѣльное войтовство, во второмъ войтовство соединено со старо̀ствомъ; есть и другія отличія въ общественномъ устройствѣ этихъ городовъ; но существенныя черты его остаются сходными во всѣхъ.

Жалованная грамота Сигизмунда III, отъ 28-го ноября 1611 года, опредѣляетъ взаимныя отношенія и составъ властей въ городѣ Ковелѣ слѣдующимъ образомъ:

„Мѣщане наши Ковельскіе должны выбирать изъ среды своей восемь лицъ степенныхъ, честныхъ, расторопныхъ и образованныхъ на должности бурмистровъ и радцевъ ежегодно въ ближайшій понедѣльникъ послѣ Новаго года и представлять ихъ старо̀стѣ нашему Ковельскому или его намѣстнику; старо̀ста долженъ четырехъ изъ нихъ поставить на должность радцевъ, а изъ этихъ четырехъ одного назначить на должность бурмистра. Эти четверо на урядѣ своемъ должны, по закону и обычаю другихъ городовъ, вмѣстѣ съ поспольствомъ установлять добрый порядокъ въ городѣ, завѣдывать доходами, заботиться о нуждахъ города и отправлять всякія другія дѣла по обычаю другихъ коронныхъ городовъ. Назначенный бурмистромъ долженъ оставаться въ этой должности только мѣсяцъ; по окончаніи мѣсяца должность переходитъ къ старшему въ радѣ; этотъ передаетъ ее слѣдующему, и такъ во весь годъ до выбора новыхъ лицъ вышеизложеннымъ порядкомъ. Судъ городской долженъ быть таковъ: напередъ старо̀ста нашъ Ковельскій долженъ поставить одного изъ мѣщанъ, человѣка честнаго, богобоязненнаго и знакомаго съ законами, на должность лентвойта по собственному выбору

а мѣщане выберутъ изъ среды своей четырехъ лавниковъ; всѣ они должны принести присягу предъ бурмистромъ и радцами. Они будутъ оставаться въ своихъ должностяхъ до смерти, развѣ который изъ нихъ будетъ выбранъ въ раду. Если это случится, то на его мѣсто долженъ быть выбранъ другой, какъ можно скорѣе, какъ выше упомянуто. Лентвойтъ съ лавниками будетъ производить суды по кодексу магдебургскаго права и по обычаю другихъ коронныхъ городовъ; онъ можетъ судить всѣ дѣла, какъ большія, такъ и малыя; всѣ мѣщане, позванные къ его суду, обязаны являться и отвѣчать. Апелляція отъ рѣшеній суда присяжныхъ въ случаяхъ, не запрещенныхъ магдебургскимъ правомъ, когда одна какая-нибудь сторона считала бы себя обиженною, должна идти къ бурмистру и радцамъ; отъ бурмистра и радцевъ къ старостѣ нашему Ковельскому или его намѣстнику, а оттуда къ намъ и нашему суду. То же должно разумѣть и объ апелляціяхъ отъ бурмистровскаго и радецкаго суда. Штрафы, опредѣленные на основаніи магдебургскаго права въ судѣ лентвойта и лавниковъ, должны быть дѣлимы между ними. Также штрафы, слѣдующіе за непослушаніе и другіе проступки бурмистровскому и радецкому уряду, должны дѣлиться между бурмистромъ и радцами. Такъ какъ этотъ городъ имѣетъ для своихъ поправокъ очень малый общественный доходъ, то постановляемъ этою грамотою нашею, чтобы каждый крамарь, имѣющій на городскомъ грунтѣ крамики или клѣтки, также и перекупни, которые продаютъ на лавкахъ хлѣбъ и другіе продукты, должны ежегодно давать въ городскую скрыню то, что даютъ крамари и перекупни въ городѣ Брестѣ. Также ежегодно должны платить въ городскую скрыню торговцы солью, каждый по 15 грошей; равно должны платить по 15 грошей тѣ, которые имѣютъ винницы на городскомъ грунтѣ. Этотъ доходъ не можетъ быть употребленъ ни на что другое, кромѣ поправки города; а если издавна отъ упомянутыхъ крамарей и соляровъ поступало что-либо старостѣ нашему Ковельскому, тому не должно вредить теперешнее постановленіе наше. Позволяемъ кромѣ того бурмистрамъ и радцамъ, съ вѣдома и позволенія всего посполства, установлять и другіе доходы на поправленіе города, безъ обиды людямъ и безъ нарушенія правъ старосты. Кромѣ того подтверждаемъ имъ торги и ярморки обычные“.... [1])

Независимость магдебургскаго суда и апелляціонная власть старосты утверждены потомъ привилегіей Яна III 1689 года:

„Сословіе духовное и шляхетское, говоритъ король, привыкло тянуть мѣщанъ къ гродскому суду вопреки привилегіямъ и конституціямъ; потому сурово приказываемъ какъ тѣмъ, чтобы не смѣли тянуть ихъ къ ненадлежащему суду, такъ и имъ самимъ, чтобы не становились ни предъ какимъ судомъ гродскимъ, земскимъ, духовнымъ, трибунальскимъ, а только предъ магдебургскимъ, откуда апелляція къ старостѣ нашему Ковельскому.... а оттуда окончательно въ суды задворные ассессорскіе подъ карою evocationis extra forum incompetens на тѣхъ, кто позоветъ мѣщанъ куда-либо кромѣ суда магдебургскаго“ [2]).

---

[1]) Кіевск. Центр. Арх., кн. 1477, л. 87 и слѣд.

[2]) Кн 1477, л. 13 и сл.

Въ актахъ Кременца сохранилась привилегія Сигизмунда I (выписанная въ привилегіи Станислава Августа) 1636 года. Но эта привилегія не содержитъ въ себѣ никакихъ частныхъ опредѣленій о подробностяхъ суда и управленія; подобно всѣмъ грамотамъ на магдебургское право, она предоставляетъ судъ по гражданскимъ дѣламъ бурмистру и радѣ, а по уголовнымъ войту и лентвойту:

„Бурмистру и радцамъ властію нашею даемъ полную мочь и силу судить большія и малыя тяжбы (sprawy), въ дѣлахъ же криминальныхъ и некриминальныхъ, какъ то: воровствѣ, убійствѣ, поджогѣ и другихъ главныхъ преступленіяхъ даемъ мочь войту или лентвойту Кременецкому постановлять приговоръ и осуждать на смерть сообразно съ преступленіемъ и его обстоятельствами, исключительно по законамъ права магдебургскаго. Для такихъ дѣлъ должны быть избираемы разсудительные и мудрые мужи обѣихъ религій".

Отношеніе къ стороннимъ юрисдикціямъ опредѣляется слѣдующемъ образомъ:

„Увольняемъ (мѣщанъ) отъ всякихъ юрисдикцій воеводъ, князей, урядниковъ и шляхты: предъ ними и ихъ намѣстниками становиться не должны. Урядъ городскій не долженъ допускать, чтобы наши урядники притѣсняли, конфисковали (грабили) или иначе брали „дѣтское" (отъ мѣщанъ Кременецкихъ).

Апелляціонный порядокъ магдебургскаго суда опредѣляется такъ:

„Если мѣщане или обыватели Кременецкіе будутъ притѣсняемы въ судахъ бурмистромъ, радцами и войтомъ, то будутъ заносить апелляціи по всѣмъ дѣламъ въ городъ Львовъ, какъ къ высшей власти, или къ нашему королевскому величеству, и такія дѣла будутъ производимы по законамъ магдебургскаго права" [1]).

Въ 1615 году Сигизмундъ III дѣлаетъ дальнѣйшія распоряженія о городскомъ устройствѣ; но эта привилегія не сохранилась въ актахъ Кіевскаго архива [2]).

Старѣста. Хотя законъ въ томъ и другомъ городѣ ограждаетъ одинаково самостоятельность городскаго управленія и суда, хотя въ дѣйствительности городское управленіе и судъ, какъ увидимъ ниже, были равно несамостоятельны и въ томъ, и въ другомъ городѣ, — положеніе Ковеля, конечно, разнилось отъ положенія Кременца до тѣхъ поръ, пока и въ этомъ послѣднемъ войтовство не соединилось съ старѣствомъ посредствомъ покупки; тогда старѣста дѣлается почти владѣльцемъ города, получая въ свое завѣдываніе и хозяйственную часть его, и управленіе, и судъ. Собственно же старѣстѣ принадлежитъ пре-

[1]) Кн. 2026, л. 25.

[2]) Baliński Star. Pol , II, стр. 898.

имущественно хозяйственное управленіе городомъ и всѣ стороны управленія, связанныя съ хозяйствомъ. Поэтому:

1) Старостѣ принадлежитъ вся часть муниципальной законодательной власти, которая касается экономическаго быта. Такъ, въ Ковелѣ староста устроиваетъ цехи и наблюдаетъ за цеховымъ управленіемъ: Бона приказываетъ старостѣ, чтобъ онъ, вмѣстѣ съ городскимъ урядомъ, устроилъ цехи всякимъ ремесленникамъ [1]). Такъ, староста Лещинскій выдаетъ указъ объ установленіи новаго мостоваго сбора для поправленія ратуши, мостовъ и брамъ (воротъ) и о томъ, чтобы люди сословій свѣтскаго и духовнаго, скупающіе городскіе грунты, участвовали какъ въ цехахъ, такъ и во всякихъ складкахъ и податяхъ городскихъ [2]). Взаимные договоры, постановленные между разными классами жителей, напримѣръ, между мѣщанами и Жидами, получали силу закона не иначе, какъ съ утвержденія старосты; напримѣръ, въ 1667 году городской магистратъ и поспольство постановили договоръ съ Жидами о томъ, что расходы на содержаніе жолнеровъ, отправленіе рекрутовъ, снаряженіе депутацій отъ цѣлаго города и содержаніе городской стражи производятся поровну христіанами и Жидами; Жиды исключаются изъ пользованія поземельными доходами съ застѣнковъ, которые обращаются на нужды стороны христіанской; Жиды не имѣютъ права покупать христіанскія усадьбы какъ въ городѣ, такъ и въ предмѣстьяхъ, развѣ если это будетъ признано необходимымъ со стороны замковаго начальства; Жиды не должны тянуть христіанъ къ замковому суду, не обратившись сначала къ суду городскому, откуда апелляція въ замокъ. Депутаты отъ кагала допускаются къ участію на выборахъ магистратскихъ чиновниковъ и при сдачѣ отчетности отслужившими бурмистрами и шафарами. Это постановленіе утверждено старостой Лещинскимъ [3]). Но къ началу XVIII вѣка взаимныя отношенія договаривающихся сторонъ измѣнились: христіанская часть населенія умалялась; соотвѣтственно этому возрастало еврейское населеніе. Потому въ 1707 году экономъ староства измѣнилъ прежнія условія своимъ декретомъ, который, какъ кажется, не удовлетворилъ ни той, ни другой стороны. Тогда мѣщане и Жиды обратились съ жалобою къ старостѣ; но послѣдній утвердилъ декретъ эконома во всѣхъ пунктахъ; именно, часть христіанская должна платить $^1/_3$ государственныхъ и земскихъ податей, а часть

[1]) Кн. 1477, л. 91.
[2]) Кн. 1477, л 13.
[3]) Ibid., л. 96.

жидовская $^2/_3$, „такъ какъ часть жидовская въ г. Ковелѣ значительно превышаетъ часть христіанскую какъ по численности населенія, такъ и по средствамъ, производя разную торговлю въ границахъ польскихъ и въ чужеземныхъ государствахъ“.

Такъ же отбываются и войсковыя тридневки, потому что Жиды отобрали у христіанъ всю торговлю напитками, гиберна взносится пополамъ. Далѣе опредѣляются отношенія между еврейскимъ и христіанскимъ населеніемъ города [1]).

2) Изъ этихъ документовъ видно, между прочимъ, что наложеніе и раскладка податей производятся замковымъ урядомъ; напримѣръ, въ 1702 году гиберна наложена въ замкѣ Ковельскомъ, при полномъ урядѣ теперешней и старой рады, за директіей экономa, по оцѣнкѣ людей разумныхъ и пристойныхъ, выбранныхъ для этого ex plebe [2]). Въ одномъ случаѣ Ковельскіе бурмистры записываютъ въ протоколѣ актъ въ такихъ выраженіяхъ: бурмистры въ домѣ судовомъ выбирали гиберну по „суровому приказанію“ замковаго начальства [3]).

3) Замковое начальство наблюдаетъ надъ исправностію городскихъ мѣръ и вѣсовъ; напримѣръ, въ 1713 году экономъ Ковельскаго старо̀ства издалъ диспозицію такого рода: фальшь и подлогъ, очевидно, обнаружились въ общественныхъ городскихъ вѣсахъ; Жидъ-арендаторъ, откупивъ у уряда вѣсы, употребляетъ камни безъ всякихъ знаковъ, сколько какая штука вѣситъ; нѣтъ ни одного фунта, сдѣланнаго изъ мѣди или олова; Жидъ кладетъ какіе-то камушки и куски желѣза, и потому каждый вѣсящій подлежитъ произволу и милости жидовской; поэтому власть экономическаго начальства строго приказываетъ, чтобы „паны урядъ“ устроили надлежащіе вѣсы, подъ опасеніемъ утраты вѣсоваго дохода и обращенія его на замокъ. За допущеніе же безпорядка налагается на городской урядъ, то-есть, на 4-хъ пановъ бурмистровъ 8 гривенъ штрафа, а на арендатора ваги 16 гривенъ и недѣльный тюремный арестъ. Котлярамъ приказывается вѣсить не на своихъ безмѣнахъ, а на общественныхъ вѣсахъ подъ штрафомъ въ 30 гривенъ [4]).

4) Судебная власть старо̀стинскаго уряда, какъ высшей инстанціи въ Ковелѣ, опредѣлена закономъ; но въ Кременцѣ старо̀ста, по закону, не имѣлъ судебной власти; тѣмъ не менѣе замковый урядъ

[1]) Ibid., л. 139.
[2]) Кн. 1452, л. 311.
[3]) Кн. 1452, л. 193.
[4]) Кн. 1455, л. 91.

вмѣшивается въ судебныя дѣла, не обращая вниманія на привилегію магдебургскаго права. Такъ, въ 1744 году намѣстникъ Кременецкаго войта вельможный Е. М. Вишневскій жалуется на Кременецкаго губернатора Ярошевича: этотъ послѣдній отправилъ ночью двухъ вооруженныхъ жолнеровъ съ пахолками и приказалъ имъ взять арестанта Жида изъ-подъ городской стражи и привести въ замокъ. Когда лентвойтъ, бывшій въ ратушѣ, убѣждалъ, чтобы не дѣлали такой обиды магдебургскому уряду, и что этотъ преступникъ подлежитъ городскому суду, жолнеры стали ругать и бить лентвойта; потомъ взяли арестанта и отвели къ губернатору, и онъ за то былъ доволенъ ими [1]).

Вообще старòста, какъ временный владѣлецъ города, имѣлъ безчисленное множество случаевъ соприкасаться со всѣми частями управленія города и злоупотреблять своею властію; притѣсненія старòстъ сдѣлались общимъ мѣстомъ въ жалобахъ тогдашнихъ городовъ:

„Старòста и Жиды Кременецкіе, говорится въ экстрактѣ Кременецкаго архива 1795 года, въ беззаконномъ намѣреніи уничтожить городскія права и привилегіи, принуждали и теперь принуждаютъ городъ къ оборонѣ судебными процессами. Хотя королевскіе суды выдали много декретовъ, охраняющихъ городскія права, но городъ Кременецъ извлекаетъ ту только пользу изъ этихъ декретовъ, что они лежатъ въ архивѣ города, да городъ уплачиваетъ судебныя издержки“ [2]).

Въ самомъ дѣлѣ въ экстрактѣ архива упоминается много декретовъ ассессорскихъ и коммиссарскихъ судовъ между городами и старòстами: 1686 года—декретъ ассессоріи по тяжбѣ между городомъ и княземъ Чарторыйскимъ, старòстою Кременецкимъ; 1767 года—декретъ коммиссіи по дѣлу города съ княземъ Сангушкою, старòстою Кременецкимъ; 1777 года—декретъ по дѣлу города съ Іосифомъ и Янушемъ Сангушками, братьями, старостою и войтомъ Кременецкими. Этотъ декретъ, подтвердившій привилегіи города Кременца, уничтоженныя старòстою и войтомъ, освободилъ городъ изъ-подъ власти и управленія старосты, подтвердилъ, чтобы магистратъ въ трехъ сословіяхъ (ordinibus) существовалъ по силѣ правъ и привилегій; отдалъ предмѣстья подъ власть магистрата и установилъ чиншъ старòстѣ по люстраціи 1765 года; относительно принужденія горожанъ къ панщинѣ предоставилъ рѣшить коммиссіи; призналъ за городомъ право пропинаціи, вѣсчее, дегтевое, мостовое, корчму на мосту; уничтожилъ всѣ привилегіи, данныя старòстами Жидамъ вопреки город-

[1]) Кн. 1080, л. 65.

[2]) Кн 2026, л 8.

скимъ привилегіямъ; приказалъ выгнать Жидовъ изъ города на Жидовскую улицу; приказалъ перенесть ихъ домы съ рынка и принудилъ ихъ подчиниться городской юрисдикціи. Декретъ уничтожилъ выдеркафы, стражовщину, пчелиную десятину, жерновое, spasne miarki и т. д., незаконно взимаемые старостою, приказалъ, чтобы чиншъ и всякія подати собирали городскіе экзакторы и отдавали старостѣ огуломъ, и всѣ юрисдикціи отдалъ подъ управленіе города [1]). Кромѣ того, въ теченіе 12-ти лѣтъ (1778—1790 годовъ) состоялось 12 декретовъ въ ассессоріяхъ и коммиссаріальныхъ судахъ по тяжбѣ города со старостою и Жидами, покровительствуемыми имъ: въ 1777 — два, 1779 — два, 1780 — два, 1781, 1784, 1786, 1787, 1788, 1790 по одному.

И раньше начала этой непрерывной тяжбы города со старостою, мы встрѣчаемъ между ними не лучшія отношенія. Въ 1748 году городъ Кременецъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ охранительному королевскому листу (salvum conductum) такого рода:

„Даемъ нашу королевскую протекцію мѣщанамъ и всему поспольству города Кременца, и для большаго обезпеченія, даемъ этотъ нашъ протекціональный листъ на защиту отъ чрезмѣрной власти и силы вельможнаго нашего старосты Кременецкаго и всѣхъ правительственныхъ особъ въ городѣ... Чтобы мѣщане, не боясь никакихъ устрашеній и угрозъ какъ старосты, такъ и подчиненныхъ ему лицъ, могли отправлять свои суды, но такъ, чтобъ они не употребляли во зло этого листа, а пользовались имъ противъ тѣхъ, которые ихъ притѣсняютъ“ [2]).

Подобный же листъ получили мѣщане предъ назначеніемъ королевской коммиссіи въ 1767 году. Но въ свою очередь, при враждебности города къ старостѣ, нельзя было ожидать, чтобъ и мѣщане не злоупотребляли королевскимъ листомъ; получивъ листъ, мѣщане грозятъ экономамъ и распорядителямъ; городское начальство „поблажаетъ намѣреніямъ взбунтовавшихся противъ старостинской власти“. Это принудило короля выдать „напоминальный листъ“ мѣщанамъ [3]).

Отношенія между городомъ и старостою въ Ковелѣ были, конечно, не лучшія. Уже съ давнихъ временъ началась тяжба города съ старостами: еще королева Бона въ письмахъ своихъ къ Ковельскому старостѣ рекомендуетъ ему, чтобы мѣщане не платили лишнихъ пошлинъ, чтобы старосты не приказывалъ своимъ слугамъ дѣлать обиды мѣщанамъ, чтобы съ мельниковъ не брали помѣрнаго, чтобы старо-

[1]) Ibid., л. 1 и дал.
[2]) Кн. 1973 л. 18.,
[3]) Ibid., л. 120.

ста не требовалъ даромъ работъ у ремесленниковъ и пр. [1]). Въ 1556 году Сигизмундъ-Августъ въ своемъ листѣ къ старостѣ пишетъ:

„Пріѣзжали къ намъ войтъ и все поспольство, мѣщане и Жиды Ковельскіе, съ жалобою, что ты нарушаешь тѣ уставы, которые изложила въ своемъ первомъ листѣ къ бывшему старостѣ королева и наивысшая княгиня Бона, пани матка наша, и въ томъ особенномъ листѣ, который королева писала къ тебѣ; ты самъ и подстаросты твои Ковельскіе дѣлаете большія обиды мѣщанамъ и выдумываете новины; а потому они просили насъ, чтобы мы дали листъ къ тебѣ объ этихъ кривдахъ. Когда ремесленники тамошніе будутъ дѣлать что-нибудь на твои потребности и потребности слугъ твоихъ, то чтобы ты платилъ имъ настоящую и побожную цѣну и слугамъ своимъ приказалъ платить, когда рѣзники Ковельскіе будутъ покупать у крестьянъ въ Ковельскомъ старостве скоту, овецъ, козъ на зарѣзъ, то прикажи, чтобы десятники и войты (сельскіе) никакого оповѣднаго и мыта не брали; касательно судовъ, справъ городскихъ и всякихъ другихъ дѣлъ ты самъ, подстаросты и слуги твои должны поступать такъ, какъ постановила королева Бона въ своихъ листахъ, какъ бывало при предкахъ твоихъ, тамошнихъ старостахъ; кромѣ того ты не долженъ чинить никакой обиды и притѣсненій мѣщанамъ, чтобъ они не жаловались намъ ни въ какихъ обидахъ“ [2]).

Подобный же листъ къ старостѣ о нечиненіи обидъ какъ мѣщанамъ, такъ и цеховымъ, данъ былъ Сигизмундомъ III въ 1611 году [3]). Нарушеніе судебныхъ правъ города побудило Яна III издать въ 1689 году новый указъ о самостоятельности судовъ магдебургскаго уряда [4]). Но и эти уставы не привели въ должныя границы власть старостъ, и въ XVIII вѣкѣ продолжаются прежнія злоупотребленія со стороны замковаго начальства.

Наслѣдственный войтъ. Зависимость города отъ старости была конечно, тяжелѣе, когда староста въ то же время былъ и войтомъ. Но не нужно думать, чтобы самостоятельность городскаго управленія была обезпечена, когда городъ имѣлъ отдѣльнаго наслѣдственнаго войта. Въ Кременцѣ наслѣдственное войтовство продолжалось съ древнѣйшихъ временъ до 1766 года. Еще въ 1438 году великій князь Литовскій Свидригайло выдалъ Нѣмцу Юрку изъ Буска привилегію на войтовство Кременецкое [5]). Съ 1563 года это войтовство перехо-

---

[1]) Кн. 1477, л. 101.

[2]) Ibid., л. 94.

[3]) Въ экстрактѣ привилегій города Ковеля, хранящемся въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ, этотъ актъ приписанъ Сигизмунду-Августу; но это очевидная ошибка; ibid , л. 101.

[4]) Ibid , л. 13.

[5]) Кн. 2026, л. 1 и сл. Балинскій относитъ первое установленіе войтовства и да.ова.ія магдебургскаго права г. Кременцу къ 1431 году; см. Star. Pol , II, 893.

дитъ въ фамилію Новосилецкихъ; по крайней мѣрѣ, въ этомъ году Сигизмундъ-Августъ выдалъ привилегію на имя Тудора Новосилецкаго; затѣмъ, чрезъ нѣсколько фамилій, войтовство перешло въ XVIII вѣкѣ въ фамилію Малиновскихъ. Въ 1766 году послѣдній войтъ продалъ войтовство князю Сангушкѣ, старостѣ Кременецкому, за 18.000 со всѣми полями, грунтами, сѣнокосами и застѣнками, принадлежащими городу [1]). Тогда князь Сангушко, „актуальный войтъ Кременецкій", назначаетъ „присяжнымъ судьею Кременецкаго войтовства", то-есть, дѣлаетъ своимъ намѣстникомъ по войтовству хорунжаго пнфляндскаго, шляхтича Залѣсскаго, и даетъ ему „инструментъ" на эту должность: ему поручаются всѣ дѣла какъ уголовныя, такъ и гражданскія; онъ долженъ выбирать бурмистровъ, радцевъ, лентвойтовъ, писарей, лавниковъ, присяжныхъ изъ людей совѣстливыхъ, бого-боязненныхъ, и хорошо знающихъ „саксонъ"; вмѣстѣ съ ними онъ можетъ безапелляціонно рѣшать, по саксону, дѣла меньшей важности (iczynkowe), а дѣла большей важности отсылать къ князю и туда, куда указываютъ привилегіи и права города Кременца; присяжный судья можетъ приступить къ отправленію должности не прежде, какъ по принесеніи присяги, въ присутствіи гродскаго уряда, при радцахъ и посполствѣ, въ городской ратушѣ по формѣ, изложенной въ саксонѣ. Резиденція для него назначается въ войтовскомъ домѣ. Судья долженъ наблюдать за мѣрами, продажею хлѣба, рыбы и проч., — словомъ, за всѣмъ имѣть старательное смотрѣніе. Должность эта дается ему пожизненно [2]).

Права и привилегіи должности войта должны опредѣляться согласно съ общепринятыми указаніями во всей Рѣчи Посполитой: собственно войту принадлежитъ судебная власть и вся та часть законодательной власти, которая касается судопроизводства и общественнаго благоустройства; постановленныя закономъ границы войтовской власти были крайне неопредѣленны и смѣшивались съ границами хозяйственнаго и полицейскаго управленія. „Ревизія" Кременца 1563 г. говоритъ о должности войта слѣдующимъ образомъ:

„Войтъ долженъ смотрѣть за порядкомъ; управленіе его простирается на всѣ дѣла и нужды города; бурмистры и радцы должны во всемъ помогать войту и быть послушными ему во всемъ. Но войтъ не долженъ постановлять и отправлять ни одного дѣла безъ полнаго совѣщанія съ радцами и другими главнѣйшими мѣщанами въ городской рѣчи посполитой. За трудъ войту, по

[1]) Кн. 1973, л. 41 и сл.

[2]) Ibid, л. 38.

уставу королевскому, слѣдуетъ одна волока. Особенно же войтъ долженъ пріумножать доходы короля и смотрѣть, чтобы собираемы были правильные и полные королевскіе доходы, по уставу. Собравъ чиншъ съ подданныхъ его королевскаго величества въ городѣ, онъ долженъ отдавать ихъ замковому уряду, по обычаю, и производить отчетъ предъ старостою“ [1]).

Вышеприведенный „инструментъ“ Кременецкаго старосты и акты судебныхъ дѣлъ и администраціи показываютъ, согласно съ „ревизіей“, что „управленіе войта простиралось на всѣ дѣла“. Почти каждый актъ Кременецкихъ книгъ за сороковые годы XVIII в. начинается: „Предо мною, войтомъ Малиновскимъ“.... или: „Предъ уродз. ст. п. Вишневскимъ — pro tunc войтомъ.....“. Такъ, подъ предсѣдательствомъ войта производится разбирательство тяжбы между цехомъ и однимъ мѣщанином, совсѣмъ не имѣющей уголовнаго характера [2]); войтъ утверждаетъ продажу грунта [3]) и пр.

Порядокъ, установленный королевскою привилегіей 1536 года, не нашелъ себѣ примѣненія. Шляхетское достоинство войта и наслѣдственность его власти не позволяли городу положить ясные предѣлы этой власти. Поэтому городъ терпитъ различныя притѣсненія со стороны войта, а отсюда возникаютъ обременительныя для города тяжбы. Въ жалобѣ города, заявленной въ 1756 году предъ Луцкимъ гродскимъ судомъ противъ войта Іозефа Малиновскаго и его сына, рисуются вполнѣ отношенія города къ войту. Войтъ своею властію держитъ въ должности бурмистра Михаила Юркевича болѣе десяти лѣтъ, противъ желанія всего города — потому что Юркевичъ не дѣлаетъ никакого заявленія въ гродскомъ урядѣ объ обидахъ войта, даже не допускаетъ до того и другихъ мѣщанъ, когда они хотятъ занести въ городскіе акты манифестацію о частныхъ обидахъ или объ обидахъ всего города Кременца. Войтъ безъ всякаго основанія, насильственно осмѣлился отобрать грунтъ застѣнка, дарованный издавна городу королями, поставилъ дворъ, винокурню и нѣсколько хатъ; доходы съ застѣнковъ обратилъ въ свою пользу и не даетъ ни одного гроша ни городу, ни въ скарбъ старосты. Эти застѣнки нѣкогда отецъ войта, покойный Ст. Малиновскій, также отобралъ было и также безъ всякихъ правъ хотѣлъ заселить и уже построилъ винокурню и дворъ; но королевская коммиссія приказала ихъ подсѣчь, и для того были высланы отъ старосты Кременецкаго, князя Вишневецкаго, люди,

[1]) Кн. 1965, л. 55 и слѣд.
[2]) Кн. 1969, л. 14.
[3]) Кн. 1973, л. 24.

которые хотѣли уже подрубать и жечь. Но Ст. Малиновскій, тогдашній войтъ, упросилъ ихъ подождать нѣсколько часовъ до возвращенія его отъ старо̀сты. Проѣзжая черезъ городъ, Ст. Малиновскій вынудилъ у бурмистра и радцевъ ассекурацію (долговую росписку), будто они заняли у него на городскія потребности 900 польскихъ злот.; въ самомъ же дѣлѣ ничего не было взято и дано. Эту ассекурацію Малиновскій выпросилъ для того, чтобы, по его словамъ, не понести убытка, пока онъ самъ не разберетъ двора и винокурни, а по снесеніи ихъ онъ обѣщался возвратить ассекурацію. Съ нею, какъ бы съ дѣйствительною росписк̀ой, онъ поѣхалъ къ старо̀стѣ, и старо̀ста запретилъ подрубать дворъ и винокурню. Но войтъ не возвратилъ послѣ росписки и даже приказалъ записать ее въ городскія актовыя книги. Съ того времени и предшественники протестующихъ, умершіе и еще живущіе, и сами протестующіе не разъ требовали у покойнаго Ст. Малиновскаго и его сына Іозефа, теперешняго войта, эту ассекурацію, но не получили ея и до сихъ поръ. Пользуясь ею, Іозефъ Малиновскій, когда получилъ послѣ отца застѣнки, построилъ дворъ, винокурню, гумно, стодолы и поселилъ болѣе десяти хлоповъ; не отдаетъ ни ассекураціи, ни застѣнковъ, сгоняетъ плуги, не позволяетъ косить сѣно, сгоняетъ мѣщанъ Кременецкихъ, юницкихъ и запотоцкихъ (предмѣщанъ) съ ночлеговъ, самъ бьетъ и людямъ своимъ приказываетъ бить, приказываетъ забирать кожухи, возы и пр. и не отдаетъ; даже хочетъ продать застѣнки titulo haereditatis. Войтъ не позволяетъ отправлять депутаціи въ Дубно и во Львовъ, для принесенія жалобъ въ городскихъ обидахъ; не приказываетъ давать депутатамъ деньги на расходы и аттестацію отъ магистрата. Войтъ не допускаетъ протестующихъ мѣщанъ къ выборамъ бурмистра, радцевъ и писаря, вопреки правамъ, дарованнымъ королями; во время выбора войтъ ударилъ Яна Павловича раза три по головѣ окованною палкою; а Ѳедора Захарчика велѣлъ положить и самъ далъ нѣсколько ударовъ и выдралъ волосы съ головы; едва защитили его одна панна и шляхтичъ Вишневскій. Войтъ захватилъ и держитъ у себя декретъ коммиссіи, рѣшившій дѣло о застѣнкахъ не въ его пользу; затѣмъ взялъ другой документъ, дорого стоившій городу въ Варшавѣ. Городъ бралъ у Малиновскаго 50 черв. зл., съ процентами по 8 зл., и возвратилъ ему этотъ долгъ, а войтъ не возвращаетъ росписки до сихъ поръ. Сынъ войта перехватываетъ съ Варшавской почты письма отъ патроновъ (ходатаевъ по дѣламъ) къ мѣщанамъ и не отдаетъ ихъ. Мѣщанъ, по истинѣ, обратили въ крестьянъ: войтъ, выдумавъ необыч-

ныя толоки, беретъ шарварки отъ каждаго мѣщанина. Мѣщане одни поправляютъ дороги и двѣ гребли на Иквѣ, тогда какъ въ поправкѣ гребель должны участвовать и Жиды, и приселки, принадлежащіе къ старо̀ству; а исправленіе дорогъ должно производиться и всѣми юрисдикціями дворовъ шляхетскихъ. Берутъ съ мѣщанъ szpaszne (spasne) съ пчелиною десятиною, чего никогда не было. Затѣмъ перечисляются притѣсненія городу, производимыя не войтомъ, а сторонними властями — старо̀стою, духовными и шляхетскими юрисдикціями и жолнерами, но допущенныя войтомъ; такъ, съ мѣщанъ требуютъ въ разныхъ мѣстахъ оплаты мыта — съ порожняго воза болѣе, чѣмъ по 10 грошей, а съ товарнаго и оплатить не могутъ; въ такомъ случаѣ ихъ ловятъ, грабятъ и бьютъ. Торговое въ городѣ берутъ на всѣ стороны; мѣщанамъ едва остается четвертая часть отъ торговаго; заставляютъ мѣщанъ возить дрова и забираютъ по дорогамъ городскія подводы и т. д. Войтъ держитъ на пагубу города „при перѣ“ писаря Раздольскаго, который по прежнимъ дѣламъ его, дознаннымъ посредствомъ слѣдствія, не долженъ быть даже въ городѣ, не только при магистратской должности; войтъ не оказываетъ справедливости, когда этотъ писарь дѣлаетъ большія обиды мѣщанамъ [1]).

Въ слѣдующемъ году для во ѕворенія порядка въ Кременцѣ явилась королевская коммиссія; ей предстояло много занятій по тяжбамъ города съ старо̀стою, войтомъ и собственною радою. Но коммиссія занялась только дѣлами между радой и мѣщанами; мѣщане не могли вести процесса безъ документовъ, которыя захватила рада. Потому коммиссія, приказавъ бурмистрамъ представить акты, отложила свои засѣданія. Когда послѣ нѣсколькихъ отсрочекъ, собрались коммиссары въ послѣдній разъ 28-го ноября, то многіе изъ нихъ опять не явились, и коммиссія постановила лишь временный декретъ: чтобы войтъ Малиновскій ни въ чемъ не преступалъ правъ и королевскихъ привилегій, чтобъ онъ постарался привести мѣщанъ къ согласію, чтобы въ ту же недѣлю, исполняя ассессорскій декретъ, назначилъ срокъ для новыхъ выборовъ бурмистра и писаря, въ присутствіи своемъ или своего намѣстника, сохраняя обычай городскихъ выборовъ, безъ вынужденія съ своей стороны и принимая во вниманіе лишь большинство голосовъ; чтобы, по окончаніи выборовъ, приказалъ сдать нововыбранному бурмистру городскіе акты, права, привилегіи, люстрацію, протоколы и другія бумаги, а вмѣстѣ и отчетъ съ давнихъ лѣтъ въ

[1]) Кн. 1973, л. 1 и слѣд.

податяхъ и складкахъ; чтобы не препятствовалъ, а помогалъ устройству порядка въ городѣ, подъ опасеніемъ наказанія, опредѣленнаго декретомъ ассессоріи. Коммиссія же откладывается до такого времени, какое найдутъ для себя удобнымъ вельможные коммиссары [1]). Вельможные коммиссары видимо чувствовали себя неловко въ дѣлѣ съ такою вельможнѣйшею особою, каковъ былъ князь Сангушко; а потому откладывали и наконецъ совсѣмъ отложили рѣшеніе всѣхъ существеннѣйшихъ пунктовъ въ тяжбѣ города какъ со старостою, такъ и съ войтомъ. Земли, захваченныя войтомъ, остались за нимъ и перешли, въ силу продажи войтовства, во владѣніе старосты. Поэтому тотчасъ по совершеніи этой продажи мѣщане опять протестуютъ, уже предъ земскимъ Кременецкимъ судомъ, противъ бывшаго войта І. Малиновскаго и его сына. Протестація вспоминаетъ сначала старину, какъ І. Малиновскій вошелъ въ стачку съ шестью мѣщанами и держалъ ихъ на бурмистровской должности около сорока лѣтъ, хотя было много болѣе достойныхъ, какъ, безъ вѣдома и согласія города, продалъ Жидамъ крамы, склены, вѣсчее, дегтярное и пр., какъ допустилъ Жидовъ-шинкарей въ ратушные шинки, на которые Жиды стали смотрѣть, какъ на свою собственность, на томъ основаніи, что заплатили Малиновскому около 8 тысячъ, какъ онъ былъ мѣщанъ, когда они просили возвратить право свободныхъ выборовъ; потомъ протестація ссылается на приведенный выше декретъ коммиссіи, говоритъ, что послѣ этого декрета дѣйствительно произведены были новые выборы бурмистровъ, выбрали бурмистромъ Ѳедора Захарчика (того самаго, который главнымъ образомъ протестовалъ противъ войта въ 1756 — 1757 гг., и котораго войтъ билъ палкою на выборахъ), а писаремъ — Григорія Лобачевича; но и эти стали дѣйствовать за одно съ Малиновскимъ и не хотѣли окончить коммиссіи въ силу разныхъ интригъ, израсходовавъ однако на это болѣе 3 тысячъ. Также и два слѣдующихъ бурмистра, стакнувшись съ войтомъ, обижали городъ. Когда І. Малиновскій передалъ войтовство своему сыну Лукашу, то этотъ послѣдній тотчасъ перевелъ съ писарства на бурмистровство Лобачевича, который недавно поселился въ городѣ и еще не принялъ присяги на гражданство; Л. Малиновскій поступилъ такъ потому, что Лобачевичъ сдѣлалъ войту разные подарки. Войтъ приказывалъ таскать къ нему мѣщанъ за шею, принуждая ихъ, чтобъ они заквитовали Михаила Юркевича за его 18 лѣтъ бурмистровства безъ пред-

[1]) Ibid., л 7.

варительнаго отчета, даже безъ возвращенія 1.000 злот., которые были въ кассѣ, и которые онъ невѣдомо куда дѣвалъ. Потомъ, когда теперешній жалобщикъ, ставъ бурмистромъ, позвалъ къ суду своихъ предшественниковъ и жаловался ассессоріи на войта, прося, чтобы коммиссія была докончена, то войтъ Лукашъ Малиновскій приказалъ пахолкамъ привесть его и перваго присяжнаго къ своему двору и тамъ безъ причины билъ кіями немилосердно, таскалъ за волосы, такъ что разнаго званія люди, видя это, дивились. Потомъ Малиновскій въ темную и позднюю ночь ломился въ домъ того же бурмистра Павловича, съ людьми, снабженными разнымъ оружіемъ, намѣреваясь его убить, и исполнилъ бы свое намѣреніе, если бы тотъ не ушелъ въ конвиктъ. Войтъ позволилъ Каминскимъ, бургграбію гродскому и войскому Кременецкому, отнять у мѣщанъ грунты и сѣнокосы, болѣе чѣмъ на 300 косарей. Затѣмъ протестація возобновляетъ жалобу о захватѣ застѣнковъ. Прежніе войты — продолжаетъ она — по привилегіи, дарованной нѣкогда войту Новосплецкому, пользовались только двумя хлѣбными и сѣнокосными волоками, а не отбирали силою городскихъ грунтовъ (въ рукахъ войта были разнообразныя средства для увеличенія войтовскихъ земель на счетъ города; напримѣръ, въ 1711 году урядъ отдаетъ 1/4 волоки Ст. Малиновскому, войту, въ видѣ неустойки за неуплату въ срокъ 300 зл., занятыхъ у него въ 1710 году [1]); въ 1734 году городскій урядъ даритъ войту Іоз. Малиновскому на большихъ фольваркахъ волоку въ три руки, въ благодарность за одолженіе денегъ въ долгъ на покрытіе разныхъ податей и повинностей, во время тогдашней „инкурсіи“ [2]); войтъ скупаетъ участки, или можетъ-быть, получаетъ ихъ въ видѣ взятки, съ записью въ акты мнимой продажи: въ 1711 году радца продаетъ свою 1/4 волоки войту Ст. Малиновскому; въ тотъ же день продаетъ тоже одинъ предмѣщанинъ тому же войту) [3]). Лук. Малиновскій предъ пріѣздомъ люстраторовъ въ Кременецъ строго запрещалъ мѣщанамъ показывать, какія поля и сѣнокосы принадлежатъ войтовству, и какія городу, такъ какъ онъ незаконно владѣлъ многими городскими участками. Понятно, что городъ не могъ смотрѣть равнодушно, когда всѣ такія земли были проданы войтомъ старостѣ даже вмѣстѣ со спорными застѣнками. Бурмистры Павловичъ и Пулторацкій, вѣроятно, протестовали про-

---

[1]) Кн. 1973, л. 37.

[2]) Ibid, л. 35.

[3]) Ibid., л 36.

тивъ продажи; за это войтъ билъ ихъ и позвалъ къ суду ассессоріи [1]). Послѣ продажи войтовства открылось множество другихъ злоупотребленій бывшихъ войтовъ; городъ желаетъ возстановить по возможности свои растраченныя права и имущества и потому въ 1767 году еще разъ жалуется на бывшихъ войтовъ и бурмистровъ предъ гродскимъ Кременецкимъ судомъ: войты допустили незаконныя продажи и уступки по завѣщанію городскихъ земель панамъ, монастырямъ (францискапамъ, іезуитамъ, базиліанамъ и др.) и уніатскимъ священникамъ; они допустили въ ратушныя лавки Жидовъ. Всѣ такія сдѣлки городъ объявляетъ незаконными [2]).

Время, обнимаемое вышеприведенными протестаціями, простирается болѣе чѣмъ на полвѣка; это показываетъ, что злоупотребленія войтовъ не были явленіемъ временнымъ и случайнымъ. Но оставивъ въ сторонѣ эти злоупотребленія и принимая въ разчетъ одну законную сторону войтовской власти, мы получаемъ тотъ выводъ, что города были лишены всѣхъ существенныхъ правъ самоуправленія. Власть постановлять новые уставы принадлежитъ въ хозяйственныхъ дѣлахъ старостѣ, а въ общественныхъ — войту [3]). Этому же послѣднему при-

[1]) Ibid., л. 41.

[2]) Ibid., л. 62.

[3]) Приводимъ здѣсь въ сокращеніи текстъ «Ординаціи судовъ Кременецкаго войтовства», постановленной 26-го января 1767 года присяжнымъ судьею войтовства Залѣсскимъ. Она важна для насъ и въ томъ отношеніи, что съ достаточными подробностями изображаетъ порядки судопроизводства и общественнаго благоустройства въ городѣ Кременцѣ.

«Ординація судовъ войтовства Кременецкаго, разъ навсегда установленная 26-го января 1767 года.

«1. Войтовскіе суды должны происходить три раза въ недѣлю (въ понедѣльникъ, среду и пятницу), кромѣ большихъ праздниковъ; они начинаются ровно въ 8 часовъ утра, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, и продолжаются только до полудня.

«2. На большіе праздники (Рождество, Святая недѣля, Зеленыя Святки) и на заговѣнья должны быть отсрочиваемы по волѣ судьи. Во время косовицы и жнивы суды будутъ происходить только разъ въ недѣлю (въ среду); это имѣетъ мѣсто только въ теченіе шести недѣль.

«3. Такіе суды безъ судьи войтовскаго или его намѣстника (кого онъ попроситъ) не могутъ быть судимы.

«4. Суды тайные и частныя сдѣлки въ свѣжихъ преступленіяхъ и другихъ непристойностяхъ, влекущихъ за собою оскорбленіе величія Божія, совершенно уничтожаются; а тотъ, кто безъ вѣдома судьи осмѣлился бы дѣлать это, по жалобѣ инстигатора подвергается тѣлесной и денежной карѣ.

«5. На суды не долженъ приходить никто пьянымъ — какъ тяжущіеся, такъ и урядники, подъ штрафомъ 100 гривенъ на войта, временнымъ прекращеніемъ дѣла и удаленіемъ отъ урада.

надлежитъ вся высшая судебная власть и администрація. Что же остается для выборнаго уряда?

Лентвойтъ (ландъ-войтъ). Посредникомъ между войтовскою вла-

«6 Шума, брани и непристойныхъ словъ никто не долженъ производить и произносить, равно какъ и порываться къ дракѣ, подъ страхомъ немедленнаго заключенія въ тюрьму, а сохрани Боже, кто ударитъ урядника или бросится на него, тотъ долженъ будетъ потерять руку, и это должны предупреждать инстигаторъ и возный, равно какъ смотрѣть, чтобы при выходѣ не кричали, подъ штрафомъ 50 гривенъ на войта и тѣлесныхъ наказаній.

«7. Одинъ и тотъ же не можетъ быть судьею и свидѣтелемъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ.

«8. Никто не можетъ удалять отъ суда ни одного изъ засѣдающихъ, подъ штрафомъ въ 50 грив. на скарбъ войтовъ, развѣ если засѣдающій — отвѣтчикъ или истецъ; тогда онъ ставитъ на свое мѣсто хотя бы и неприсяжнаго мѣщанина.

«9. Прежде объявленія декрета нельзя объявлять сентенціи.

«10. Засѣдатели не должны ходить по шинкамъ, шумѣть, бывать въ непристойныхъ мѣстахъ, драться, участвовать въ тайныхъ сходкахъ ко вреду города и проч., подъ страхомъ потери чести.

«11. Продающій свой грунтъ или хоть малѣйшую часть грунта, садъ, пасѣку, поле, сѣнокосъ, долженъ напередъ взять отъ города консенсъ и записать его въ городскихъ книгахъ, равно какъ и все, касающееся этой транзакціи, долженъ записывать.

«12. По смерти или удаленіи отъ должности кого-либо изъ засѣдающихъ долженъ быть выбранъ другой.

«13. Если случится производить таксу зданій или грунтовъ, то засѣдающіе должны справедливо таксовать съ вѣдома судьи и записывать таксу въ книги вмѣстѣ съ ея причиною.

«14. Засѣдающіе должны справедливо производить измѣреніе грунтовъ и раздѣлы въ присутствіи судьи или за позволеніемъ его.

«15. Урядъ долженъ заботиться о сиротахъ и вдовахъ и доносить судьѣ объ обидахъ имъ.

«16 Урядъ долженъ заботиться также о томъ, чтобы не было пьяницъ, злочинцевъ, костарей, подозрительныхъ людей, также доносить объ этомъ судьѣ.

«17. Урядъ не долженъ принимать преступника, условившись и не взявъ установленной платы отъ стороны, представляющей арестанта, и безъ настоящаго инстигатора, который представилъ бы арестанта, и то до извѣстнаго срока; въ противномъ случаѣ арестантъ долженъ быть выпущенъ, а равно и въ томъ случаѣ, когда никто не будетъ его преслѣдовать; тогда этимъ самымъ арестантъ освобождается отъ ареста.

«18. Штрафы денежные, присужденные декретами, должны быть отдаваемы подсудимыми въ три дня, подъ страхомъ тюрьмы и секвестра.

«19. Урядъ долженъ записывать конфискаціи и по прошествіи 6 или не далѣе 8 недѣль справедливо отаксовать и продавать имущество.

«20. Когда по дѣлу назначено будетъ слѣдствіе, то реестръ свидѣтелей, под-

стію и городскимъ урядомъ былъ лентвойтъ, глава судебной коллегіи въ городѣ. По ясному смыслу вышеприведенныхъ королевскихъ привилегій, лентвойтъ есть намѣстникъ войта, лицо, замѣняющее его на

писанный одною стороной, отдается другой. При инквизиціи свидѣтели присягаютъ по закону, а подсудимые присягаютъ въ неподкупѣ свидѣтелей.

«21 Никто изъ мѣщанъ, предмѣщанъ и Жидовъ не долженъ дѣлать долговъ для города; сборщики не должны никому давать собранныя деньги на расходъ безъ вѣдома города и судьи.

«22. Не будетъ болѣе частныхъ поборовъ, ненужныхъ складокъ и выдуманной роковщины, развѣ за вѣдомомъ судьи и города, что̀ будетъ записано въ книгѣ, для какой причины взимается роковщина.

«23. Всякія транзакціи, какъ то: манифесты, реляціи, позвы, обдукціи, визіи, донаціи, прокламаціи, квиты и проч. бурмистръ съ урядомъ должны принимать и на нихъ подписываться.

«24. Городской писарь долженъ выдавать по первому требованію транзакціи, декреты и проч. съ предварительною наградой и удовлетвореніемъ.

«25. Писарь обязанъ записывать всякія транзакціи письмомъ польскимъ, не мѣшая латыни, яснымъ, не zawiłym языкомъ.

«26. Инстигаторъ долженъ удалять всякій шумъ во время отправленія судовъ въ ратушѣ.

«27. Инстигаторъ долженъ выдавать позвы, взыскивать денежные штрафы судебные, побуждать людей являться къ суду и всегда долженъ быть при судѣ.

«28. Онъ же долженъ каждую пятницу подавать судьѣ реестръ судебныхъ дѣлъ.

«29. Никто не можетъ безъ вѣдома судьи и всего уряда объявлять въ городѣ частною своею волей никакихъ транзакцій.

«30. Тяжущіеся должны заранѣе брать изъ книгъ манифесты, обдукціи и декреты, и съ ними являться къ суду; иначе не получатъ декрета.

«31. Всякія сдѣлки, компланаціи и квиты договаривающіеся должны представлять писарю для записи при извѣстной платѣ за то.

«32. Цехи должны вызывать того же писаря для писанія декретовъ, вписокъ, вызволинъ и проч., подъ штрафомъ 10 гривенъ на войта.

«33. Возный долженъ разносить позвы, производить публикаціи и прокламаціи, быть при таксахъ, визіяхъ, обдукціяхъ, кондесцензіяхъ и въ судѣ во время производства дѣлъ.

«34. Хорошо, чтобы каждый имѣлъ свой титулъ, всюду употребляемый; поэтому слѣдующіе титулы должны быть писаны сообразно съ достоинствомъ каждаго: мѣщанинъ — sławetny, предмѣщанинъ — uczciwy; возный — oprzrzny; крестьянинъ — roboczy, пахолокъ городской — posłuszny, Турокъ и Татаринъ — woienny, палачъ — wyzwolony, помощникъ палача (padkacik) — smieleczyniacy; Цыганъ — wrozliwy; Жидъ — niewierny.

«35. Пахолокъ городской долженъ на торгу объявлять цѣну зерновому хлѣбу, съ вѣдома бурмистра, объявлять, о потери вещи, заблудившемся скотѣ и во всемъ быть послушнымъ суду и уряду.

«36. Палачъ и подкацикъ безъ воли уряда не должны ни бить арестанта, ни мучить и грабить его, подъ страхомъ тѣлесной кары.

судѣ. Онъ есть предсѣдатель коллегіи лавниковъ, и слѣдовательно, не долженъ имѣть никакой власти въ радѣ. Должность его не избирательная; онъ назначается изъ мѣщанъ войтовскою властію и притомъ на всю жизнь. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ войтомъ былъ старòста, назначеніе постояннаго лентвойта изъ мѣщанъ обязательно для старòсты; въ городахъ же съ отдѣльнымъ войтовствомъ войтъ имѣлъ право назначать или не назначать лентвойта. Посмотримъ теперь, какъ бытовыми условіями измѣнились эти узаконенія. Когда войтомъ былъ старòста, то онъ не назначаетъ мѣщанина намѣстникомъ своей войтовской власти, а передаетъ лентвойтовскую власть эконому или администратору замка, то-есть, тому же лицу, которому поручалось и управленіе старòствомъ. Самое названіе войта присвоивалось въ такомъ случаѣ то самому ста-

---

«37. Палачъ и помощникъ его должны вывѣдывать о преступникахъ и доносить уряду, но въ судовой избѣ не должны быть безъ позволенія суда.

«38. Они же не должны производить экзекуціи осужденныхъ въ праздники русскіе и польскіе, равно какъ ловить собакъ и бить ихъ, хотя бы въ томъ была настоятельная потребность.

«39. Лентвойтъ долженъ смотрѣть за арестантами и за стражею, чтобъ она не спала и не напивалась.

«40. Цехи и Жиды должны быть послушны городу, давать стражу по давнему обычаю — по два, и стеречь арестанта до экзекуціи, о чемъ должны заботиться цехмистры, подъ страхомъ тѣлесной кары; малыхъ хлопцевъ не должны принимать въ стражу.

«41. Подскарбій долженъ имѣть свой ключъ, а бурмистръ—другой; скрынку городской казны должны запирать внутреннимъ замкомъ; никакихъ денегъ безъ ассигновки судьи и города не должны никому ни дарить, ни давать взаймы, ни расходовать; въ противномъ случаѣ должны возвратить изъ собственныхъ средствъ.

«42. Архивъ города и мечъ для экзекуцій должны быть подъ ключемъ бурмистра въ полномъ дозорѣ.

«43. По прошествіи года всякія дѣла должны быть пореестрованы, зашиты въ одинъ пакетъ и запечатаны городскою печатью. Если кто попроситъ выдать справку, то по выдачѣ, дѣла опять зашиваются и печатаются.

«44. Присяжные, съ вѣдома судьи и уряда, должны ходить на визію и ревизію подозрительныхъ особъ, за что имъ назначается по 8 гр. отъ стороны жалующейся.

«45. Присяжные и лентвойты должны назначать жолнерамъ станціи, разводить ихъ и назначать приписныхъ; считать сколько людей и коней у кого стоитъ, и по скольку должно ставить провіанту и сѣна на лошадей; при выходѣ же жолнеровъ посчитать съ Жидами, гдѣ чего и сколько набрали жолнеры.

«46. Пахолокъ городской долженъ брать каждую недѣлю по шелягу отъ возу и перекупокъ, а въ ярмарку — и отъ краму; палачъ — по грошу, не болѣе.

«Эти пункты должны быть всегда прибиты въ ратушѣ».

рòстѣ („мы, бурмистры, выбранные поспольствомъ, за утвержденіемъ вельможнаго князя Яблоновскаго, старòсты и войта нашего Ковельскаго, равно Выковскаго, генеральнаго экономa старòства и намѣстника князя-старосты....“) [1]), то экономy (выбранныхъ бурмистровъ утверждаетъ „Выковскій, экономъ старòства Ковельскаго и войтъ на мѣстѣ князя Яблоновскаго, старòсты“) [2]). Иногда же старòста назначаетъ для исправленія войтовской власти особое лицо изъ чиновниковъ замка или изъ постороннихъ шляхтичей, какъ мы видѣли это, говоря о продажѣ Кременецкаго войтовства; въ такомъ случаѣ дѣйствительный („актуальный“) войтъ, то-есть, старòста, давалъ своему намѣстнику названіе присяжна госyдьи войтовства. Этимъ чиновникамъ-шляхтичамъ поручалась вся власть, по закону назначенная для лентвойта. Если такой чиновникъ самъ не могъ быть въ городскомъ судѣ, то поручалъ своему намѣстнику временное исправленіе своей должности [3]). Когда же городъ имѣлъ отдѣльныхъ наслѣдственныхъ войтовъ,-то эти послѣдніе, въ свое отсутствіе или въ случаяхъ болѣзни и другихъ занятій, назначали своими намѣстниками („vice-advocati pro tunc“ или „ad presens“) [4]) шляхтичей, своихъ пріятелей, которые иногда долго завѣдывали всѣми дѣлами войтовства, производили уголовные суды, осуждали на смерть [5]) и проч., но тотчасъ теряли всякое отношеніе къ городскому управленію, какъ только являлся на лицо самъ войтъ. Такимъ образомъ высшая судебная и административная власть была постоянно въ рукахъ шляхтичей. Тѣмъ не менѣе и наслѣдственные войты, и чиновники старòства назначали лентвойтовъ изъ мѣщанъ; но такъ какъ они никогда не могли пользоваться уголовно-судебною властью, предоставленною имъ королевскими привилегіями, то имъ было придано другое значеніе. Такой лентвойтъ дѣлается главою рады, то-есть, главнымъ управителемъ города по всѣмъ дѣламъ, въ качествѣ помощника войта, какъ лицо, вполнѣ зависящее отъ послѣдняго. Въ войтовскомъ же судѣ лентвойтъ засѣдаетъ только какъ членъ его и лишь изрѣдка предсѣдательствуетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и способъ опредѣленія лентвойта на должность: пожизненность этой должности смѣнилась произвольною долговременностію, то-есть, назначенный въ лентвойты оставался на этой должно-

[1]) Кн. 1458, л. 170.
[2]) Кн. 1462, л. 180.
[3]) Кн. 1462, л. 233.
[4]) Кн. 1969, л. 42, 34, 91.
[5]) Ibid., л. 91.

сти иногда нѣсколько лѣтъ сряду, до тѣхъ, поръ пока угодно будетъ войту или эконому; наконецъ, должность эта совершенно утратила свой характеръ, когда войты и замковый урядъ стали поручать избраніе лентвойта городской общинѣ [1]). Но такое избраніе впрочемъ не доказываетъ расширенія правъ городской общины; нужно думать, что избирательныя права общины ограничивались одобреніемъ того, кого войтъ или замковый урядникъ представлялъ ей на должность лентвойта; напримѣръ, въ Кременцѣ въ 1745 году записанъ выборъ бурмистра и лентвойта въ такой формѣ:

„По дѣйствію Духа Св. (zabrawszy Duch. Sw.) и по согласію цехмистровъ, радцевъ, лавниковъ и всего поспольства, единогласно выбранъ Михаилъ Юркевичъ (тотъ самый, который такъ угнеталъ мѣщанъ!) на бурмистровство, равно и Василій Павловичъ на лентвойство — iako też y z łaski W. J. M. p. wojta“ [2]).

Послѣднее выраженіе, относящееся, очевидно, къ лентвойту, заключаетъ въ себѣ мысль о какомъ-то совмѣщеніи избирательныхъ правъ общины съ правомъ войта назначать лентвойта. Подобныя же выраженія встрѣчаются и въ другихъ случаяхъ; напримѣръ, Ковельскій магистратъ въ 1698 году жалуется на лентвойта,

„что онъ, забывъ страхъ Божій и строгость магдебургскаго права, не памятуя присяги на должность лентвойта, которую получилъ по волѣ Бога всемогущаго, в. е. м. старѣсты, а равно радныхъ и цехмистровъ, осмѣлился ломать присягу“... [3]) и т. д.

Можно бы подумать, что здѣсь участіе старѣсты въ выборѣ лентвойта принимается въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ оно приписывается и Богу всемогущему, то-есть, упомянуто, какъ предположеніе, что всякая власть истекаетъ изъ другой высшей власти, но дѣло объ этомъ же самомъ лентвойтѣ показываетъ противоположное: дѣло въ томъ, что лентвойтъ поссорился съ замковымъ начальствомъ и оставилъ должность; тогда администраторъ старѣства далъ приказъ (карту) на имя одного изъ старыхъ бурмистровъ:

„До дальнѣйшей воли и распоряженія в. е. м. старѣсты, становлю васъ за субститута на мѣсто выбывшаго. Получивъ должность, соблаговолите, в. м., отобрать актовыя книги, также crucyfix (распятіе); книги городскія осмотри, в. м., какъ слѣдуетъ, чтобы не валялись у васъ за городомъ. Рекомендую охранять порядокъ и справедливость....“ и т. д. [4]).

Дѣло это между прочимъ даетъ намъ поводъ показать, до какихъ

---

[1]) Кн. 1793, л. 45.

[2]) Кн. 1969, л. 71.

[3]) Кн. 1451, л. 86—87.

[4]) Ibid., л. 63.

злоупотребленій могла доходить власть лентвойта, и какъ ничтожно было городское самоуправленіе предъ властію замка. Обвиняемый лентвойтъ Семеновичъ управлялъ городомъ давно и управлялъ такимъ образомъ, что безъ вѣдома квартальнаго бурмистра распоряжался городскими имуществами, обращалъ городскія деньги въ свою пользу и обрабатывалъ городскія поля, не платя аренды; когда присяжный бурмистръ, выбранный городомъ и утвержденный старостою, по долгу своей службы, охраняя правду и права города, напоминалъ лентвойту о такихъ злоупотребленіяхъ, то послѣдній, въ присутствіи всего уряда, бранилъ бурмистра и весь урядъ унизительными словами, прогонялъ бурмистра изъ судоваго дома въ затылокъ болѣе десяти разъ и гдѣ ни встрѣчалъ бурмистра, ругалъ его и срамилъ, и т. д. [1]). Но дѣло не въ этихъ поступкахъ лентвойта, а въ томъ, что ни магистратъ, ни община въ продолженіе многихъ лѣтъ не жаловались на него до тѣхъ поръ, пока онъ не поссорился съ замковымъ начальствомъ. Послѣ же этого начинаютъ искъ на лентвойта, „по волѣ и приказу е. м. пана Архиповича, администратора старостваˮ, какъ откровенно выразился магистратъ въ своемъ протоколѣ. Быть можетъ даже, что нѣкоторыя обвиненія, возбужденныя противъ лентвойта, вымышлены „по волѣ и приказуˮ; но въ такомъ случаѣ дѣйствія магистрата являются еще менѣе самостоятельными, еще болѣе позорными. Судъ надъ опальнымъ лентвойтомъ былъ произведенъ самими обвинителями [2]), то-есть, магистратомъ; хотя такой порядокъ лишенъ всякой законности, но еще страннѣе то, что магистратъ, уже послѣ суда, самъ призналъ себя некомпетентнымъ въ этомъ дѣлѣ и по собственной инициативѣ отослалъ дѣло къ замковому начальству. Черезъ два года осужденный становится опять лентвойтомъ.

Если раболѣпныя дѣйствія Ковельскаго магистрата прикрываютъ отчасти сущность и мѣру злоупотребленій лентвойта, то въ актахъ другаго города, Выжвы, мы находимъ ясныя свидѣтельства, до чего доходили лентвойты, поставленные замкомъ. Въ теченіе цѣлаго ряда годовъ (1719, 1720, 1722, 1723, 1724) городскіе протоколы Выжвы наполняются разными жалобами противъ лентвойтовъ и притомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ противъ одного и того же, который тѣмъ не менѣе остается при своемъ урядѣ. Въ 1719 году предъ магистратскимъ судомъ заявлена частная жалоба на лентвойта Гр. Онушкевича [3]). Въ слѣдую-

[1]) Ibid., л. 86 — 87.
[2]) Ibid., л. 121.
[3]) Кн. 1294, л. 230.

щемъ году былъ поставленъ на должность лентвойта другой, Том. Ждановичъ. Самоуправство его достигло такихъ размѣровъ, что магистратъ не въ силахъ былъ больше терпѣть наносимыя ему оскорбленія и рѣшился жаловаться. Но кому же? Конечно, не замковому уряду, который поставилъ Ждановича лентвойтомъ. Въ такомъ затруднительномъ случаѣ, магистратъ собираетъ Выжевскую громаду, „чтобы было передъ кѣмъ записать протестацію“. Громада оговаривается, что она сдѣлала сессію не только по просьбѣ магистрата, а главнымъ образомъ принимая во вниманіе оскорбленія со стороны лентвойта всему обществу и правамъ, дарованнымъ королями. Жалоба магистрата была записана въ актовыя книги въ такой формѣ:

„Мы, урядъ, всегда готовы исполнять требованія всякаго, прибѣгающаго къ уряду, оставивъ всякую работу въ домахъ; а лентвойтъ, получивъ должность отъ замковаго начальства, рѣдко когда исполняетъ свою обязанность; всякій разъ, когда мы просили, чтобы намъ была оказана помощь отъ замковаго начальства, онъ не слушаетъ и всегда теряетъ время, отговариваясь работою. А потомъ на каждомъ мѣстѣ оскорбляетъ не только присяжныхъ нашихъ, но и насъ, бурмистровъ, и требуетъ своего дохода, порываясь къ намъ съ кулакомъ, и грозитъ побоями; и это трезвый, а въ пьяномъ видѣ оскорбляетъ на всякомъ мѣстѣ. Просимъ в. м., почтенныхъ особъ, громаду, записать эту протестацію для законной расправы, чтобы дальше намъ не нести этого ярма“ [2]).

Такъ какъ протестація не повела ни къ чему, и Ждановичъ остался лентвойтомъ въ слѣдующіе 1721 — 1724 г., а вѣроятно, и далѣе, то онъ имѣлъ случай обнаружить свой взглядъ на право городскаго самоуправленія. Въ 1722 году было донесено уряду, что лентвойтъ говорилъ слѣдующія слова: „Только за мною и живетъ городъ, а какъ я захочу, то мѣщане будутъ работать панщину, а я буду во дворѣ подстарòстою“ [2]). Въ 1723 году опять было засвидѣтельствовано въ урядѣ, что лентвойтъ, встрѣтившись съ однимъ мѣщаниномъ, безъ всякаго повода началъ говорить такъ: „Вы, хлопы, пойдете за плугъ (do roli); я сдѣлаю изъ города село, и вы будете мнѣ панщину работать“. Мѣщанинъ признается, что онъ не утерпѣлъ и выразился такъ: „Дьяволъ тебѣ будетъ работать: ты такой же мѣщанинъ, какъ и я“. Лентвойтъ отправился съ жалобою къ подстарòстѣ въ замокъ; туда потребовали мѣщанина, и лентвойтъ тутъ же и прибилъ его [3]).

---

[1]) Ibid., л. 229.
[2]) Ibid., л. 342.
[3]) Ibid , л. 390.

Не смотря на подобные поступки, Ждановичъ все остается лентвойтомъ и дерется съ мѣщанами въ корчмѣ въ 1724 году [1]).

Магистратъ. Изложенныя выше замѣчанія о старостинской, войтовской и лентвойтовской власти достаточно ясно указываютъ, какую роль долженъ былъ играть выборный урядъ.

Города съ неполнымъ магдебургскимъ правомъ имѣютъ повидимому то большее преимущество предъ городами съ полнымъ магдебургскимъ правомъ, что рада первыхъ не должна была составлять замкнутую коллегію, то-есть, члены ея не должны были пользоваться своею властью пожизненно, и избраніе ихъ принадлежало не радѣ, а поспольству. Конечно, этимъ преимуществомъ они были обязаны тому обстоятельству, что присутствіе власти старостъ и войтовъ не позволяло радѣ усилить свое значеніе на счетъ общины. Ежегодно въ опредѣленные сроки должны были происходить выборы бурмистровъ (такъ назывались вообще члены рады), обыкновенно четырехъ. Выборъ восьми кандидатовъ, какъ требуется по привилегіи, данной Ковелю Сигизмундомъ III, кажется, вовсе не былъ въ употребленіи. Въ Ковелѣ обыкновенно избирались четыре бурмистра; изъ нихъ замковое начальство утверждало двухъ; это не значитъ, чтобы рада состояла изъ двухъ только членовъ, утвержденіе замка значило то же, что въ Каменцѣ утвержденіе одного изъ радныхъ „королевскимъ бурмистромъ“ (proconsul regius). Но войтовская власть могла устранить кандидатовъ, представленныхъ ей общиною; напримѣръ, въ Ковелѣ въ 1756 году собралась сходка для выслушанія присяги выбраннаго на должность бурмистра Ст. Грабовца; но такъ какъ онъ не хочетъ исполнить замковаго декрета (выданнаго прежде по дѣлу его съ однимъ лавникомъ), то замокъ устраняетъ его отъ бурмистровства и назначаетъ временно лавникомъ, а на мѣсто бурмистра назначаетъ лавника. Нѣтъ сомнѣнія, что войтовская власть имѣла множество средствъ руководить выборами по собственному усмотрѣнію; въ самой формѣ протоколовъ избирательныхъ сессій заявлялась полная зависимость выборовъ отъ воли старосты и войта: „По волѣ и власти князя Дм. Яблоновскаго, старосты.... была собрана сходка для выбора новыхъ бурмистровъ“ [2]). Мы видѣли уже, что въ Кременцѣ войтъ собственною властію могъ держать на должности бурмистра болѣе 18-ти лѣтъ человѣка, противъ котораго вооруженъ весь городъ,

---

[2]) Ibid , л. 395.

[2]) Кн. 1462, л. 134.

и что войтъ могъ совсѣмъ устранить избирательное начало въ городскомъ управленіи. Такимъ образомъ, то самое обстоятельство, которое помѣшало радѣ образовать изъ себя замкнутую коллегію, приводило опять къ тому же послѣдствію, къ ослабленію избирательныхъ правъ города.

Помимо злоупотребленій войтовской власти, естественный порядокъ вещей ослабилъ права общины на ежегодное избраніе членовъ рады. Обычай, превратившійся послѣ въ законъ, установилъ, что отставленные отъ должности бурмистры не возвращаются въ посполъство, а образуютъ особую коллегію подъ именемъ *бурмистровъ старой рады*. Эта коллегія имѣетъ большія права и преимущества въ городѣ. Старая рада вмѣстѣ съ цехмистрами прежде всего именуется въ протоколахъ городскихъ выборовъ; напримѣръ, „собрана была общая сходка пановъ мѣщанъ, старой рады бурмистровъ и цехмистровъ, въ домъ судовый и всего поспольства города Ковеля на выборы“... [1]). Кажется, что прибавленіе словъ: „и всего поспольства“ сдѣлано какъ простая форма дѣловой бумаги, такъ какъ сказано, что въ домъ суда (ратушу) собрались только цехмистры и бурмистры старой рады. Такое предположеніе становится весьма близкимъ къ истинѣ послѣ того, какъ мы встрѣчаемъ въ актахъ указанія, что тамъ, гдѣ именуется поспольство, нужно разумѣть сходку бурмистровъ старой рады и цехмистровъ; напримѣръ: отчеты бывшихъ чиновниковъ должны быть представляемы поспольству, между тѣмъ въ 1756 году въ Ковелѣ бурмистры новой и старой рады и цехмистры выдаютъ бывшему лентвойту квитъ за все время его управленія [2]). Въ томъ же году составъ избирательной сессіи 2-го марта былъ: „бурмистры старой рады и цехмистры“ [3]). Такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ должна была образоваться замкнутая коллегія и здѣсь, съ тою разницею что здѣсь она раздѣляется на двѣ рады: одна, болѣе обширная, ста, рая рада, назначаетъ изъ своей среды меньшую, новую, правящую раду. Въ этомъ именно убѣждаетъ насъ личный составъ правящей

---

[1]) Ibid., л. 76.

[2]) Кн. 1462, л. 186.

[3]) Ibid , л. 180. Въ расходныхъ книгахъ бурмистровъ записывалось: «Абу (Жиду) заплатилъ за напитки для пп. бурмистровъ старой рады и цехмистровъ во время выборовъ бурмистровъ и присяги ихъ — 3 зл. 10 гр.». Таковъ же составъ сходокъ и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, во время сбора бурмистровъ старой рады и цехмистровъ по поводу ареста на домъ лентвойта, на водку и пиво 24 гр и т. п.

рады: въ Ковелѣ она состоитъ почти изъ однихъ и тѣхъ же лицъ, только избираемыхъ не каждогодно; напримѣръ, въ Ковелѣ въ 1679 году бурмистрами были: Янъ Гнѣвскій, Гр. Панасевичъ, Ал. Ивановичъ, Кондр. Лавриновичъ; въ 1682 году, послѣ нѣсколькихъ перемѣнъ опять—Гр. Панасевичъ, Ал. Ивановичъ, и двое новыхъ: Андрей Зноенскій и Сем. Макаровичъ; за то въ другіе годы первые смѣняются новыми, а вторые избираются вновь бурмистрами [1]).

Отставленные бурмистры, поступая въ коллегію старой рады, не переставали участвовать въ управленіи текущими дѣлами. Каждый изъ нихъ имѣлъ право участвовать въ засѣданіи рады, и почти въ каждомъ засѣданіи въ числѣ присутствующихъ упоминается одинъ или нѣсколько старыхъ бурмистровъ [2]). Каждый изъ правящихъ бурмистровъ въ свое отсутствіе могъ назначать на свое мѣсто бурмистра старой рады, даже если въ радѣ не могъ присутствовать ни одинъ бурмистръ правящей рады, то вмѣсто всѣхъ ихъ могъ засѣдать и рѣшать дѣла одинъ бурмистръ старой рады [3]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда истцомъ или отвѣтчикомъ становилась сама рада, то старая рада вступала въ полныя права судебной власти; напримѣръ, въ Ковелѣ въ 1702 г. правящая рада была оскорблена однимъ лавникомъ, который сдѣлалъ нападеніе на ратушу, при чемъ обругалъ весь магистратъ и прибилъ городскихъ слугъ. Тогда для суда надъ оскорбителемъ собирается старая рада, въ числѣ пяти членовъ, производитъ должный судъ, постановляетъ довольно строгій приговоръ и грозитъ еще болѣе строгимъ наказаніемъ, если онъ впредь будетъ оскорблять „гоноръ бурмистровскій“ [3]). Если отвѣтчикомъ являлся одинъ изъ правящихъ бурмистровъ, то старая рада рѣшала дѣло вмѣстѣ съ остальными членами правящей рады; напримѣръ, въ 1715 году въ Ковелѣ одинъ изъ правящихъ бурмистровъ былъ обвиненъ въ ложной записи расходныхъ денегъ; судъ надъ нимъ былъ составленъ изъ квартальнаго бурмистра, другаго бурмистра (не квартальнаго), бывшаго лентвойта, двухъ цехмистровъ и двухъ бурмистровъ старой рады; всѣ они вмѣстѣ названы радцами; этотъ судъ приговорилъ его къ удаленію отъ бурмистровской и цехмистровской должности на два года, къ аресту и пр. [5]). Это временное удаленіе отъ должности бур-

[1]) Кн. 1477, л. 6 и 7.
[2]) Кн. 1452, л. 41; кн. 1453, л. 66.
[3]) Кн. 1462, л. 192.
[4]) Кн. 1452, л. 198.
[5]) Кн. 1455, л. 156.

мистра показываетъ очень ясно, что должность эта оставалась постоянно за лицами, разъ выбранными въ раду.

Итакъ, помимо злоупотребленій со стороны войтовской власти, естественный порядокъ вещей привелъ и Ковель къ тому же, къ чему рада пришла въ Каменцѣ. Хотя въ Кременцѣ и въ другихъ городахъ втораго разряда старая рада не организовалась такъ, какъ въ Ковелѣ; но обычай ставить одни и тѣ же лица на бурмистровство господствовалъ повсюду. Понятно, что всѣ благія предначертанія, изложенныя въ королевскихъ грамотахъ, о выборѣ людей богобоязненныхъ, честныхъ, знающихъ и проч. остались безъ примѣненія; общество людей, умѣвшихъ сдѣлать себѣ состояніе въ должностяхъ бурмистровъ и лавниковъ на счетъ городскаго имущества, захватило въ свои руки власть и допускало въ свою среду только пріятелей или родственниковъ: между подписями радныхъ и лавниковъ на одномъ актѣ въ Кременцѣ находятся четверо Павловичей и двое Юркевичей [1]). Юридическая образованность, требуемая королевскими грамотами отъ членовъ рады, не получала никакого вѣса на выборахъ: вышеприведенный протестъ противъ Кременецкаго войта въ 1766 году подписанъ бурмистромъ, лентвойтомъ, двумя радцами и двумя присяжными; но изъ нихъ никто, кромѣ писаря, писать не умѣетъ [2]). При такомъ порядкѣ не могло быть исполняемо и то установленіе, по которому требовалось, чтобы въ радѣ были члены обоихъ вѣроисповѣданій (католическаго и православнаго). Наоборотъ, въ теченіе времени организовались преимущественно католическія рады: онѣ, для утвержденія на вѣкъ своей организаціи въ такомъ составѣ, посягнули даже на подлогъ въ королевскихъ грамотахъ. Мы видѣли, что Сигизмундъ I, въ привилегіи своей 1536 года, повелѣлъ чтобы въ радѣ были люди „obojga religii“; но въ 1664 году рада города Кременца представила люстраторамъ копію этой привилегіи, въ которой выборы въ рады будто бы ограничиваются слѣдующимъ условіемъ: „non nisi fidei romanæ viri eligi debent“ [3]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда произволъ войтовской власти не допускалъ развитія въ городѣ замкнутой коллегіи, какъ это было въ Кременцѣ, до продажи войтовства, также трудно было надѣяться найдти среди рады людей честныхъ и богобоязненныхъ; напротивъ того, Кременецъ представилъ блистательное доказательство того, что сопоставленіе выборнаго начала съ властью наслѣдственнаго войта

[1]) Кн. 1969, л. 71.
[2]) Кн. 1973, л. 41.
[3]) Кн. 1973, л. 10.

быстро деморализуетъ самыхъ лучшихъ избранныхъ: мы видѣли, что городъ долго протестовалъ противъ бурмистра Михаила Юркевича, котораго войтъ держалъ на мѣстѣ противъ воли города; во главѣ протестующихъ стоялъ Ѳедоръ Захарчикъ; его наконецъ выбрали бурмистромъ, но онъ тотчасъ оказался такимъ же, какъ и его предшественникъ; тогда выбрали другаго, но и этотъ началъ обижать городъ; выбрали третьяго, и тотъ также. При отсутствіи какой бы то ни было образованности, ничего иного и нельзя было ожидать. Злоупотребленія этихъ Кременецкихъ бурмистровъ имѣли весьма серіозный характеръ; такъ, одинъ изъ нихъ налагаетъ новыя пошлины въ свою пользу, продаетъ городскіе грунты и деньги беретъ себѣ; налагаетъ подати собственною властію, ежегодно по нѣскольку сотъ злот., безъ всякой нужды для города; когда нѣкоторые мѣщане попросили у него свѣдѣній относительно этихъ суммъ, то онъ обвинилъ ихъ и наложилъ на нихъ штрафъ въ 1000 гривенъ. Другой бурмистръ продаетъ старую ратушу съ 70 каменными лавками, когда городъ не имѣлъ ни малѣйшей нужды продавать ее, и тѣмъ приводитъ городъ въ нищету [1]). Подобныя же дѣйствія бурмистра встрѣчаются постоянно и въ актахъ Ковеля и другихъ городовъ; напримѣръ, въ 1725 году бурмистры правящей рады жалуются эконому старѣства на бывшаго бурмистра Теодоровича, за то, что онъ, исполняя должность правящаго бурмистра, велѣлъ записать въ акты купчую себѣ на городской грунтъ за такую цѣну, которую городъ могъ бы получать ежегодно въ видѣ аренды за этотъ грунтъ, и пользуется имъ уже пять лѣтъ; другіе два бурмистра, его товарищи (четвертый не участвовалъ), потворствовали ему, приняли запись, посылали на таксу этого грунта и ввели Теодоровича во владѣніе чрезъ лавника. Теодоровичъ оправдывался тѣмъ, что онъ тринадцать лѣтъ держалъ этотъ грунтъ, какъ правящій бурмистръ (слѣдовательно, онъ былъ безсмѣннымъ бурмистромъ въ продолженіе тринадцати лѣтъ), а потомъ, пять лѣтъ тому назадъ, собравъ своихъ сочленовъ, приказалъ записать себѣ грунтъ на вѣки, при помощи горѣлки. Замковый судъ, какъ и слѣдовало ожидать, не принялъ этихъ оправданій [2]).

Нужно ли послѣ этого удивляться, что городъ не чувствуетъ никакого уваженія къ своимъ выборнымъ сановникамъ? Намъ становятся понятны такія явленія, какъ возстанія на магистратъ цѣлыхъ цеховъ. Въ 1697 году цехъ сапожниковъ и кожевниковъ, подъ предводи-

[1]) Кн. 1973, л. 1 и сл.

[2]) Кн. 1477, л. 26.

тельствомъ своего цехмистра, явился въ ратушу, во время засѣданія тамъ всего магистрата; привѣтствовавъ членовъ магистрата названіями пьяницъ и разбойниковъ и сказавъ имъ: „вы ничего не дѣлаете, только пьете, пьяницы“, — цехъ привелъ весь магистратъ „въ такую конфузію, какой отъ заложенія города не было“. Магистратъ въ своемъ протоколѣ умолчалъ, какого рода была эта конфузія [1]).

Если отсутствіе всякой образованности въ членахъ магистрата отчасти объясняетъ для насъ ихъ беззаконный образъ дѣйствій и возмутительное поведеніе, то не менѣе понятно, почему не лучше дѣйствуютъ тѣ единственныя лица городскаго управленія, которыя владѣютъ какою-нибудь образованностію, то-есть, секретари рады. Рада, не находя въ своей средѣ лицъ, способныхъ къ этой должности, избираетъ ихъ изъ среды болѣе образованнаго шляхетскаго сословія. Но шляхетское сословіе презирало мѣщанство и постановило законъ, что тотъ теряетъ шляхетство, кто приметъ на себя должность городскаго чиновника; а потому шляхетство удѣляло для городовъ на мѣста писарей рады самые отверженные осадки своего общества, которое и само не далеко ушло на пути законности и честности. О дѣятельности писаря Кременецкой рады Роздальскаго (упомянутаго выше), до его вступленія на писарство, одинъ шляхтичъ свидѣтельствуетъ въ 1756 году слѣдующимъ образомъ:

„Въ прошлые годы Роздальскій, пришедъ въ Кременецъ, обокралъ трехъ Жидовъ и краденыя вещи спряталъ въ огородѣ. Когда его уличили, то онъ однѣ вещи вынулъ изъ скрыни, а другія выкопалъ на огородѣ и при всѣхъ отдалъ Жидамъ; за это его публично наказывали въ замкѣ при губернаторѣ Закшевскомъ, и былъ бы онъ на висѣлицѣ, еслибъ его не отпросили мѣщане-радцы“ [2]).

Подобно всѣмъ прочимъ предписаніямъ королевскихъ привилегій, осталось неисполненнымъ и то, по которому судебная власть въ городѣ должна быть рѣшительно отдѣлена отъ административной: кругъ дѣятельности лавниковъ — отъ круга дѣятельности радцевъ.

Всякія судебныя дѣла, уголовныя и гражданскія, производятся общимъ урядомъ, то-есть, лентвойтомъ, бурмистромъ, радцами и лавниками [3]). Съ другой стороны, лавники, наравнѣ съ радцами, участвуютъ въ дѣлахъ администраціи [4]). Должность лавника сдѣлалась низшею степенью должности радцы, ближайшею ступенью къ бурмистровству,

---

[1]) Кн. 1451, л. 51.
[2]) Кн 1973, л. 39.
[3]) Кн. 1969, л. 82 и 91.
[4]) Ibid., л. 33 и многд друг.

и подчинилась всѣмъ условіямъ должности члена рады. Вмѣсто пожизненности, установилось обычаемъ избирать лавниковъ на неопредѣленное время. Съ этимъ разрушилась послѣдняя гарантія независимости судебной власти, и эта послѣдняя подчинилась произволу администраціи, потому что избраніе на должность лавника принадлежало той же коллегіи, состоящей изъ бурмистровъ правящей рады, бурмистровъ старой рады и цехмистровъ [1]).

Сигизмундъ III въ 1615 году далъ Кременцу привилегію въ такомъ смыслѣ:

„Такъ какъ магистратъ не въ состояніи исполнить всѣхъ дѣлъ своихъ, то согласно съ обычаемъ другихъ городовъ, король позволяетъ выбрать изъ мѣщанъ 24 мужа, которые давали бы совѣтъ и помощь, не вмѣшиваясь однако въ суды, принадлежащіе бурмистру и радѣ“ [2]).

Хотя, по декрету ассессоріи 1777 года, магистратъ долженъ состоять изъ трехъ сословій (ordines) [3]), но въ актахъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ существованія въ Кременцѣ квадрагинтовирата. Нѣтъ сомнѣнія, что королевское распоряженіе 1615 года осталось безъ исполненія. Въ Ковелѣ квадрагинтовиратъ не существовалъ даже de jure.

Итакъ, если въ городахъ съ полнымъ магдебургскимъ правомъ самоуправленіе имѣло хотя не надежную опору въ представительныхъ учрежденіяхъ, то въ городахъ втораго разряда не было никакой опоры для самоуправленія. Власть наслѣдственныхъ или пожизненныхъ старостъ и наслѣдственныхъ войтовъ была такъ же тяжела для города, какъ и власть замкнутой рады городовъ перваго разряда. Но и въ городахъ втораго разряда вообще рада тоже стремится къ замкнутости, а въ нѣкоторыхъ и дѣйствительно достигаетъ этого.

3. Управленіе въ городахъ владѣльческихъ.

Частные владѣльцы, надѣляя свои города магдебургскимъ правомъ, имѣли въ виду полученіе такихъ же выгодъ, какими сопровождался тотъ же надѣлъ въ городахъ королевскихъ, и потому они копировали устройство городскаго управленія съ этихъ послѣднихъ; но положеніе владѣльческихъ городовъ должно было во многомъ отличаться отъ положенія городовъ королевскихъ. Черты, отличающія магдебургское право владѣльческихъ городовъ, суть слѣдующія:

---

[1]) Кн. 1451, л. 75.

[2]) Baliński, II, стр. 898.

[3]) К. Ц. А., кн. 2026, л. 1 и слѣд.

а) Полная зависимость существованія этого права въ томъ или другомъ городѣ отъ воли помѣщика: дарованіе магдебургскаго права въ этомъ случаѣ имѣло характеръ экономическаго распоряженія въ имѣніи, не обезпеченнаго правительствомъ. Правда, владѣльцы испрашивали у короля разрѣшеніе даровать магдебургское право тому или другому городу; но правительство, давая такое разрѣшеніе, не гарантировало городамъ дарованнаго имъ права на вѣчныя времена. Правительство никогда не признавало владѣльческихъ городовъ городами въ юридическомъ смыслѣ [1]). Когда на конституціонномъ сеймѣ поднятъ былъ вопросъ объ улучшеніи быта городовъ, то какъ сами города, такъ и сеймъ, и правительство подразумѣвали подъ этимъ только города королевскіе; владѣльческіе же не были призваны Варшавою на общій мѣщанскій съѣздъ и не получили никакихъ правъ по конституціи 18-го апрѣля. Нѣсколько болѣе прочны были права тѣхъ владѣльческихъ городовъ, которые, уже по дарованіи имъ магдебургскаго права, перешли въ частное владѣніе.

б) По польскимъ юридическимъ понятіямъ, городомъ признавалось такое поселеніе, которому было даровано право вѣчной поземельной собственности, и которое стояло на своей собственной землѣ. Но частные владѣльцы, даруя городу магдебургское устройство, никогда не давали ему такого права. Вслѣдствіе того выборный городскій урядъ не имѣлъ власти распоряжаться недвижимымъ имуществомъ города. Такъ, въ 1699 году князь Любомірскій въ своемъ городѣ Дубнѣ дѣлаетъ между прочимъ такое распоряженіе:

„Приказываю войту, бурмистрамъ и лавникамъ, чтобъ они подъ страхомъ смертной казни (gardłem) не допускали, безъ вѣдома замка, записывать въ городскихъ актахъ, подъ видомъ дарственной закладной или найма, усадьбъ и домовъ въ городѣ или на предмѣстьѣ ни одному шляхтичу А тѣ дарственныя, которыя уже совершены прежде, считаются недѣйствительными, такъ какъ, по закону, онѣ не могли быть совершены безъ моего согласія. Въ инструкціи, данной мною моимъ коммиссарамъ, уже была имъ поручена люстрація шляхетскихъ домовъ, а теперь прошу и рекомендую вторично узнать, какое и отъ кого владѣльцы имѣютъ на нихъ право“ [2]).

Перепродажа, залогъ, дарственная и отказъ по наслѣдству участ-

---

[1]) См А. З Р., т. I, № 191. Король отдалъ г. Пинскъ въ вотчинное владѣніе князю Ѳ. И. Ярославскому; князь не сталъ уважать правъ города; на жалобу мѣщанъ король отвѣчаетъ. «Коли есмо дали ему тотъ городъ у вотчину, маетъ его держати такъ, какъ то отчичъ, прибавляючи и разширяючи... какъ то господарь отчинный свое имѣніе».

[2]) К. Ц Арх , кн. 1337, л. 95.

ковъ, — словомъ, вообще распоряженіе общественными городскими участками, могли имѣть мѣсто только въ средѣ городской общины, между ея членами. Городъ, очевидно, не можетъ дѣлать займовъ и уплачивать ихъ безъ разрѣшенія владѣльца, о чемъ и сдѣлано, напримѣръ, въ Дубнѣ, точное распоряженіе князя Любомірскаго въ 1727 году [1]). Права города на пользованіе поземельною собственностію владѣльца нисколько не отличались отъ правъ крѣпостныхъ селъ того же владѣльца; напримѣръ, былъ установленъ обычай дозволять мѣщанамъ вывозить дрова изъ окрестныхъ лѣсовъ на отопленіе. Любомірскій въ Дубнѣ ограничиваетъ это право двумя днями въ недѣлю и позволеніемъ рубить дрова изъ лежачихъ и кривыхъ деревьевъ на одинъ возъ въ каждый разъ. Ослушникъ мѣщанинъ подвергается отъ княжескаго лѣсничаго наказанію въ 50 ударовъ палкою на мѣстѣ, а дрова забираются въ замокъ. Точно такое же право, въ томъ же распоряженіи, получаютъ и хлопы князя [2]).

в) При такомъ характерѣ магдебургскаго права во владѣльческихъ городахъ, самосудъ и внутреннее самоуправленіе ихъ были мнимые: какъ судъ, такъ и управленіе принадлежали собственно замку; а городскіе урядники были только низшими распорядителями, прикащиками, поставленными, главнымъ образомъ, съ полицейскою и фискальною цѣлями. Высшею судебною инстанціей остается замокъ, то-есть, губернаторъ, поставленный владѣльцемъ [3]). Выборъ городскихъ властей и раскладка податей утверждается замкомъ, и замокъ же повѣряетъ отчетъ въ городскихъ расходахъ. Въ судебныхъ пошлинахъ замокъ есть главный и первый участникъ; напримѣръ, въ 1713 году въ Дубнѣ одинъ мѣщанинъ публично при цехмистрахъ и цѣломъ поспольствѣ ругалъ лентвойта и весь магистратъ: „за такое нарушеніе правъ князя его мосци“ онъ приговоренъ урядомъ (кромѣ извиненій чрезъ достойныхъ людей и возмѣщенія судебныхъ издержекъ) къ штрафу на замокъ въ 10 копъ, а на урядъ въ 5 копъ [4]). Оскорбленіе городскаго магистрата считается здѣсь проступкомъ потому только, что есть нарушеніе правъ владѣльца, то-есть, неуваженіе къ его власти, во имя которой существуетъ урядъ. Важнѣйшее право городовъ, имѣвшихъ магдебургское устройство, есть право дѣлать постановленія, издавать законы для города. Такого права, конечно, не имѣли владѣльче-

[1]) Кн. 1340, л. 162.
[2]) Кн. 1337, л. 95.
[3]) Кн. 1340, л. 162.
[4]) Кн. 1340, л. 23.

скіе города. Владѣлецъ и замокъ опредѣляютъ и измѣняютъ взаимныя отношенія между городскими властями, издаютъ постановленія о порядкѣ выборовъ [1]), о вѣсахъ и мѣрахъ и обо всѣхъ мелочахъ внутренняго быта (о дозволеніи торговъ въ воскресные и праздничные дни, о сохраненіи порядка и чистоты на улицахъ и дорогахъ, о предупрежденіи пожара, о нехожденіи въ бани вмѣстѣ съ Жидами); отъ времени до времени владѣлецъ издаетъ письменныя узаконенія или „диспозиціи“ и приказываетъ „оглашать ихъ на базарахъ въ торговые дни, при звукахъ барабана чрезъ вознаго, и въ жидовской школѣ чрезъ школьнаго учителя“ [2]). Эти диспозиціи записывались потомъ, какъ обязательныя узаконенія, въ городскія книги [3]).

---

[1]) Кн. 1340, л. 162.

[2]) Кн. 1337, л. 49.

[3]) Приводимъ здѣсь содержаніе одной такой диспозиціи 1727 года, марта 29-го, въ Дубнѣ. «Диспозиція отъ яс. осв. к. е. м. добр. для утвержденія порядка между дубенскими мѣщанами.

«1. Власть пана войта въ судебныхъ дѣлахъ утверждается по давнимъ обычаямъ, всякое дѣло между мѣщанами не прежде идетъ до замка, какъ по рѣшеніи уряда и пана войта; сторонѣ, которая найдетъ себя обиженною, дозволяется апелляція отъ этихъ судовъ къ замковому начальству. Мѣщанинъ, который началъ бы дѣло въ замкѣ помимо войтовскаго суда, будетъ наказанъ двухдневнымъ арестомъ по жалобѣ уряда предъ тѣмъ же судомъ. Рагкапсу должны подлежать вполнѣ службѣ и суду замковому; а винницы и пивовары остаются вольными отъ службы замковой.

«2. Вѣдомству войта принадлежатъ дѣла по жалобамъ Жидовъ противъ мѣщанъ.

«3. Панъ войтъ не долженъ ни притѣснять, ни бить мѣщанъ или какъ нибудь вредить имъ, но долженъ наказывать виновнаго по закону. Въ урядовыхъ судахъ не должны быть накладываемы никакіе штрафы; можно наказывать только или арестомъ, или ударами (plagami), по справедливости.

«4. Выборы бурмистровъ производятся самимъ поспольствомъ; до элекціи принадлежитъ и Жидъ, назначенный отъ кагала. Панъ войтъ долженъ смотрѣть, чтобъ эти бурмистры были осѣдлые, трезвые и разумные, но вмѣшиваться въ выборы не долженъ; онъ только утверждаетъ тѣхъ, кого выбираетъ поспольство. Выборы ежегодно должны быть предъявляемы замковому начальству для свѣдѣнія и утвержденія. Но это утвержденіе дается sine ulla offerentia.

«5 Распоряженіе деньгами, «податковыми и *lemingowymi*», остается при бурмистрахъ, располагать ими долженъ каждый бурмистръ въ свой кварталъ (очередь). Доходъ и расходъ этихъ денегъ должны быть подписаны въ порядкѣ бурмистромъ и городскимъ писаремъ для полной достовѣрности; каждый мѣсяцъ бурмистръ долженъ отдавать отчетъ войту и уряду, а также и поспольству. Начальство же замка принимаетъ отчеты отъ бурмистра за каждый кварталъ. Для облегченія въ уплатѣ всякихъ податей учреждается еженедѣльная складчина, послѣ которой

Впрочемъ власть помѣщика и его замка во владѣльческихъ городахъ объяснится подробнѣе при обозрѣніи составныхъ частей городской администраціи.

еженедѣльно, не минуя никого, цехмистры должны вносить деньги тому бурмистру, котораго будетъ кварталъ.

«6 Вышеупомянутая складка должна продолжаться годъ; по прошествіи же года должна быть установлена подобная же на другой годъ, и такъ каждый годъ При установленіи ея должны быть всѣ цехмистры и поспольство; урядъ и цехмистры должны составлять таксу, сколько кто долженъ платить въ недѣлю пропорціонально имуществу своему. По составленіи таксы, каждый цехмистръ, получивъ реестръ, утвержденный урядомъ и замковымъ начальствомъ, обязанъ собирать деньги еженедѣльно (съ правомъ «грабить» непослушныхъ) и доставлять квартальному бурмистру. Эта первая складка будетъ постановлена моими коммиссарами въ присутствіи уряда и поспольства, а также при цехмистрахъ. На будущее время сами они должны справляться по настоящей инструкціи, съ тѣмъ, что если не дойдутъ до соглашенія при складкѣ предъ урядомъ, то должны представить о томъ замковому начальству и поступать по распоряженію пана губернатора.

«7. Не должны постановлять экстраординарной экзакціи, кромѣ случаевъ какой-нибудь крайней необходимости, съ вѣдома е. м. пана губернатора и пана войта.

«8. Панъ войтъ не имѣетъ права освобождать отъ уплаты складки. Отъ складки могутъ быть освобождаемы. погорѣльцы, новостроющіеся и новобрачные, пріобрѣтающіе осѣдлость; всѣ таковые, съ вѣдома замка, могутъ имѣть льготу въ уплатѣ до опредѣленнаго срока.

«9. Наблюденіе за порядкомъ въ городѣ принадлежитъ уряду: каждый бурмистръ долженъ смотрѣть въ свой кварталъ, чтобы гарнцы по корчмамъ и хлѣбъ на рынкѣ были установленной мѣры. Если же окажется что̀ противозаконное, то бурмистръ долженъ донести о томъ уряду; урядъ отдаетъ эти хлѣбы въ пользу госпиталя, а невѣрные гарнцы приказываетъ жечь, однако съ вѣдома замка.

«10. Для обезпеченія отъ огня и воровства каждую ночь должна быть наряжаема ночная стража, а на каждомъ домѣ или домикѣ должна быть лѣстница и бочка воды наготовѣ; въ домахъ печи должны быть хорошо осмотрѣны. За этимъ долженъ смотрѣть бурмистръ въ своемъ кварталѣ и ревизовать каждыя двѣ недѣли; и если гдѣ печи въ неисправности, онъ долженъ приказать, чтобы были исправлены, какъ можно скорѣе, а кто не послушается этого, тотъ долженъ быть наказанъ по закону трехдневнымъ арестомъ и потомъ, по приказанію уряда, долженъ все исправить, какъ можно скорѣе, подъ угрозою наказанія розгами (plagami). Въ каждомъ цехѣ должно быть по два крюка (haki): съ этими крюками, равно съ водою и съ чѣмъ кто можетъ, всѣ отъ своихъ цеховъ должны, какъ можно скорѣе, спѣшить, въ случаѣ пожара, подъ опасеніемъ вышеупомянутаго штрафа.

«11. Долги городскіе не должны быть выплачиваемы иначе, какъ за утвержденіемъ «J. o. xcia Imsci Dobr.»; равно городъ не долженъ дѣлать никакихъ долговъ безъ именной воли «J. o. xcia Imsci Dobr.».

«12. Городскія доходныя статьи (accidentia) должны находиться въ распоря-

Войтъ. Владѣлецъ, по примѣру королей, ставилъ въ своихъ городахъ войта, какъ верховнаго сановника города. Войтъ въ такомъ случаѣ могъ быть или шляхтичемъ, или мѣщаниномъ. Такъ, въ Дубнѣ въ 1695, 1696 и первую половину 1697 года былъ войтомъ мѣщанинъ, а во вторую половину 1697 года шляхтичъ (urodzony). Во всякомъ случаѣ отношенія его къ замку были весьма несамостоятельны. Войтъ шляхтичъ въ королевскихъ городахъ былъ государственнымъ чиновникомъ, лицемъ, облеченнымъ государственнымъ значеніемъ; войтъ городовъ владѣльческихъ есть частное лицо, поставленное другимъ частнымъ лицомъ. Бытовыя отношенія войта къ губернатору (замковому начальству) ярко рисуются изъ слѣдующаго случая въ городѣ Дубнѣ. 15-го апрѣля 1715 года шляхтичъ Изид. Стшешковскій, войтъ магдебургіи Дубенской, занимался дѣлами своей должности въ присутственномъ мѣстѣ. По заходѣ солнца пришли къ этому дому семь пахолковъ, посланныхъ къ войту Бурлетомъ, губернаторомъ. Вломившись съ великимъ шумомъ въ сѣни, они начали говорить войту. „Панъ губернаторъ проситъ васъ къ себѣ“. Войтъ, видя цѣлую толпу необычайныхъ пословъ, не отважился идти по такой просьбѣ, и вбѣжавъ въ избу, заперъ за собою двери. Тогда посланные начали ломиться въ двери, говоря, чтобы войтъ непремѣнно шелъ къ губернатору, потому что если онъ не пойдетъ добровольно, то губернаторъ приказалъ привесть его связаннаго, а другіе прибавили, что они имѣютъ приказъ даже разрубить его. Тогда одинъ изъ посланныхъ пошелъ къ губернатору съ извѣстіемъ, что войтъ заперся и не хочетъ идти. Войтъ, напротивъ того, умолялъ оставить его въ покоѣ и обѣщался тотчасъ идти къ губернатору; но пахолки, получивъ вторичный приказъ отъ губернатора, выломали дверь и начали выбивать окна саблями. Тогда войтъ, видя, что набѣгъ грозитъ кончиться тѣмъ, что его свяжутъ или убьютъ, хотѣлъ стрѣлять. Но разсудивъ, что при этомъ онъ можетъ убить невиннаго изъ подданныхъ князя (которые дѣйствовали не сами собою, а по приказанію губернатора), онъ поспѣшилъ убѣжать другими дверьми, скрывался по разнымъ

женіи пана войта; онъ можетъ отдавать ихъ въ аренду тому, кто больше дастъ, съ вѣдома замка. Эти доходы не могутъ быть употребляемы ни на что другое, кромѣ починки брамъ и мостовъ.

«13. Мѣщане не должны ходить въ баню вмѣстѣ съ Жидами; для этого назначаются особые дни для христіанъ (вторникъ и суббота) и особые для Жидовъ (четвергъ и пятница) За этимъ порядкомъ должны строго смотрѣть бурмистры въ свои кварталы; непослушные же изъ поспольства должны быть наказываемы четырехдневнымъ арестомъ». Кн. 1340, л. 162 и слѣд.

шляхетскимъ дворамъ, боясь ночной засады, и пришедъ на свою квартиру, всю ночь ожидалъ вторичнаго нападенія [1]). Положеніе его, какъ войта владѣльческаго города, лишало его возможности гдѣ-либо найдти законное возмездіе за такое оскорбленіе и законную защиту отъ повторенія того же. Дубенскій магдебургскій судъ, главою котораго былъ онъ самъ, не могъ судить своего владѣльца, лицо котораго представлялъ губернаторъ. Поэтому войтъ ограничился протестомъ предъ отвлеченнымъ „святымъ правомъ и привилегіями князя“ (Любомірскаго).

Вотъ къ какимъ страннымъ результатамъ вело смѣшеніе государственнаго и частно-владѣльческаго правъ въ магдебургскомъ устройствѣ владѣльческихъ городовъ. Правительство, утверждая за такими городами магдебургское право, только увеличивало власть помѣщиковъ, которые такимъ образомъ получали всѣ существенныя права государственной власти. Это представится намъ очень ясно, если мы вспомнимъ, что этотъ войтъ, поставленный замкомъ и во всемъ зависящій отъ замка, былъ, съ другой стороны, президентомъ суда, рѣшавшаго всѣ уголовныя дѣла, съ правомъ смертной казни, и всѣ гражданскія дѣла обывателей города. Порядокъ судебныхъ инстанцій таковъ: отъ уряда къ войту, отъ войта на апелляцію въ замокъ. Какъ судебная власть войта, такъ и этотъ порядокъ инстанцій устанавливаются прямыми распоряженіями помѣщика [2]). Какъ всѣ роды дѣлъ, такъ и всѣ лица городскаго сословія, подлежатъ судебной власти войта. Не подлежатъ ему только непосредственные подданные замка, обязанные разными натуральными повинностями; таковы, напримѣръ, parkancy. Иски Евреевъ на мѣщанахъ подлежатъ также войтовскому суду. По порядкамъ, установившимся въ городахъ магдебургскаго устройства, войту принадлежала только судебная власть; управленіе же городомъ предоставлялось уряду. Но мы видѣли, что королевскіе войты повсюду и постоянно вмѣшивались во внутреннее городское управленіе; во владѣльческихъ же городахъ, гдѣ помѣщикъ имѣлъ неограниченное право опредѣлять границы магдебургскихъ властей, войту была предоставлена законная власть вмѣшиваться въ управленіе городомъ. Въ Дубнѣ, по актамъ XVIII вѣка, нѣсколько опредѣленнѣе разграничена власть войта и уряда; по актамъ же XVII вѣка, почти все управленіе возложено на войта: въ диспозиціи князя Любомірскаго

[1]) Кн. 1370, л. 32.
[2]) Кн. 1340, л. 162.

въ Дубнѣ, въ 1699 году [1]), войту приказывается смотрѣть, чтобы въ городѣ была клеймленная хлѣбная мѣра, шинкари должны имѣть гарнецъ, клеймленный войтомъ, войтъ каждую недѣлю долженъ ревизовать шинки и сжигать неклеймленные гарнцы, а о виновныхъ (шинкующихъ такими гарнцами) доносить замковому начальству, подъ угрозою штрафа; замковое же начальство должно карать такихъ виновныхъ тюремнымъ арестомъ на извѣстные сроки. Крамари (лавочники) также должны имѣть правильный аршинъ, клейменный знакомъ замка, если не имѣется аршиновъ правильныхъ гданскихъ; ревизію лавокъ, для наблюденія за правильностію мѣры, должно производить какъ замковое начальство, такъ и войтовское. Наблюденіе за исправностію дорогъ, земляныхъ укрѣпленій и проч. поручается также войту вмѣстѣ съ бурмистрами; но отвѣтственность (и слѣдовательно, право) лежитъ на войтѣ вдвое бо́льшая, чѣмъ на бурмистрахъ; за недосмотръ Дубенскій войтъ подвергался штрафу въ 20 копъ, а бурмистры — въ 10. Городскія доходныя статьи находятся въ распоряженіи войта; онъ отдаетъ ихъ въ аренду съ торговъ, съ вѣдома замка, и употребляетъ эти доходы ни на что другое, какъ на ремонтъ брамъ и мостовъ.

Такимъ образомъ, изъ предыдущаго видно, что лицамъ, избираемымъ городомъ, оставалась весьма ничтожная доля власти, но съ большою отвѣтственностію, и что честь быть выборнымъ лицомъ близко граничила съ тяжкою повинностію, подобно тому какъ въ Московскомъ государствѣ выборная служба въ цѣловальникахъ, кабацкихъ головахъ и тому подобныхъ отвѣтственныхъ должностяхъ.

Лентвойтъ. Это было лицо, замѣняющее войта въ его отсутствіе, но вмѣстѣ имѣющее постоянную спеціальную должность. Онъ былъ хранителемъ городской печати, и слѣдовательно, безъ его скрѣпы не обходился никакой городской актъ. Въ отсутствіе войта онъ предсѣдательствуетъ въ магистратѣ и судебной коллегіи, а въ присутствіи войта занимаетъ второе мѣсто. Лентвойтъ или назначался войтомъ, или поставлялся самимъ замкомъ [2]). Такимъ образомъ первенствующій постоянный членъ уряда есть лицо несамостоятельное и стѣсняющее своею властію дѣятельность выборныхъ членовъ уряда.

Урядъ. Выборный урядъ составлялся изъ бурмистровъ или радцевъ. По коренному и важнѣйшему условію магдебургскаго права, выборы городскихъ должностныхъ лицъ должны быть самостоятельны и независимы. Въ королевскихъ городахъ существовала возможность этой

[1]) Кн. 1337, л. 95.
[2]) Кн. 4571, л 84.

независимости по крайней мѣрѣ въ идеѣ, хотя она рѣдко проявлялась на дѣлѣ. Въ городахъ владѣльческихъ, гдѣ самое существованіе магдебургскаго права было условно и ничѣмъ не гарантировано, выборы не могли быть независимы. Правда, нѣкоторые владѣльцы въ своихъ распоряженіяхъ обѣщаютъ эту независимость, но тутъ же и впадаютъ въ противорѣчіе. Князь Любомірскій постановляетъ [1]):

„Выборы бурмистровъ производятся самимъ обществомъ. Войтъ долженъ смотрѣть, чтобъ эти бурмистры были осѣдлые, трезвые и разумные, но вмѣшиваться въ выборы не долженъ, а утверждаетъ только тѣхъ, которыхъ выберетъ общество. Выборы должны быть ежегодно предъявляемы замковому начальству для введенія и утвержденія; но это утвержденіе дается sine ulla offerentia“.

Какимъ же образомъ войтъ можетъ отстранить отъ выборовъ людей нетрезвыхъ и неразумныхъ, когда онъ не долженъ вмѣшиваться въ это дѣло? Условность магдебургскаго права во владѣльческихъ городахъ была такъ ясна для всѣхъ, что каждый случай выборовъ представлялся какъ бы результатомъ особой милости или приказанія со стороны помѣщика, а не слѣдствіемъ постоянно дѣйствующаго права. Это видно изъ самой формы, въ которой записывались городскіе выборы въ магистратскихъ книгахъ:

„1696 года 22-го февраля. По именной (wyraźney) волѣ и приказанію вельм. ихъ м., комиссаровъ, присланныхъ въ Дубно отъ я. о. княгини, е. м., пани нашей милостивой и добродзѣйки, мы, урядъ, поспольство и громады города и предмѣстья, произвели выборы бурмистровъ, не нарушая великихъ и священныхъ правъ я. о. князей, ихъ м., нашихъ пановъ милост. и добродзѣевъ“ [2]).

Впрочемъ, должно оговориться, что вмѣшательство съ чьей бы то ни было стороны было крайне необходимо при выборахъ, особенно въ небольшихъ владѣльческихъ городахъ, гдѣ все общество состояло изъ людей неразвитыхъ и чаще всего нетрезвыхъ. Выборы во владѣльческихъ городахъ вызывали вмѣшательство въ особенности тѣмъ, что здѣсь избирательныя права принадлежали и Евреямъ. Въ королевскихъ городахъ Евреи были устранены отъ этого права, хотя не вездѣ [3]); владѣльцы же, особенно ими дорожившіе и получавшіе отъ нихъ бо̀льшія выгоды, чѣмъ отъ мѣщанъ, не могли и не хотѣли отказывать Евреямъ въ этомъ правѣ. Въ Дубнѣ, гдѣ уже въ концѣ XVII вѣка было ихъ больше, чѣмъ мѣщанъ-христіанъ, утвердился такой обы-

[1]) Кн. 1340, л. 162.

[2]) Кн. 1337, л. 23.

[3]) Въ Выжвѣ (гор. кор), по привилегіи кор. Боны, подтвержденной Сигизмундомъ-Августомъ въ 1547 году, при избраніи бурмистра засѣдаютъ и два Жида. Бон , 11, 891.

чай выборовъ: собственное еврейское общество, кагалъ, назначало отъ себя депутатовъ-избирателей въ городское общество. Кромѣ этого законнаго пути, Жиды употребляли предъ выборами разныя незаконныя средства для склоненія избирателей въ пользу своихъ кандидатовъ, дѣйствуя подкупомъ и составляя партіи. Магистраты составлялись изъ родичей; корчемные арендаторы спѣшили попасть на старшинство, чтобы вымогать произвольные и непосильные поборы отъ шинкарей. Прежніе члены оставались въ своихъ должностяхъ почти безсмѣнно, и наживъ достатокъ и пріятелей, а чернь запугавъ произвольными дѣйствіями, угнетали ее. Такія явленія, которыми владѣльческіе города обязаны главнымъ образомъ участію Жидовъ на выборахъ, неизбѣжно требовали вмѣшательства замковаго начальства. Отъ безпорядковъ управленія происходитъ обѣднѣніе города, отъ обѣднѣнія города ущербъ интересамъ владѣльца; слѣдовательно, владѣлецъ долженъ былъ вмѣшиваться въ выборы не ради выгодъ мѣщанъ, а ради собственныхъ интересовъ. Такъ, въ 1698 году [1]) при годичныхъ выборахъ въ Дубнѣ произошли именно описанные безпорядки со стороны жидовскихъ избирателей и вынудили губернатора представить протестацію въ городскія книги. Въ ней онъ положительно запрещаетъ на будущее время выбирать лицъ, бывшихъ членами магистрата въ предыдущемъ году, запрещаетъ одновременно избирать сына съ отцомъ или брата съ братомъ, не позволяетъ ставить на старшинство арендаторовъ и рекомендуетъ избирателямъ не поддаваться подкупамъ, имѣя предъ очами Бога и святость законовъ и правъ своихъ. Въ случаѣ нарушенія этихъ распоряженій на будущее время губернаторъ объявляетъ выборы недѣйствительными, и кромѣ того, грозитъ штрафомъ. Такова обѣщанная независимость городскихъ выборовъ. Ежегодно въ извѣстный день общество избирало четырехъ или пять бурмистровъ. Эти бурмистры управляли поочередно, поквартально. Кромѣ обыкновенныхъ бурмистровъ выбирался иногда особый бурмистръ для бурмистровства *ночнаго:* это — чиновникъ, завѣдывавшій ночною стражею [2]).

Власть магистрата, какъ замѣчено было выше, была очень неясно отграничена отъ власти войта. Безъ сомнѣнія, важнѣйшею стороною его дѣятельности было наложеніе податей и расходованіе общественныхъ суммъ. Но хозяйственныя права бурмистровъ подвергаются различнымъ ограниченіямъ. По диспозиціи 1727 года, приведенной выше въ примѣчаніи, магистратъ и цехмистры составляютъ предварительно

[1]) Кн. 1337, л. 49.
[2]) Кн. 1337, л. 23.

таксу, сколько кто можетъ платить пропорціонально имуществу. По составленіи таксы каждый цехмистръ получаетъ реестръ, утвержденный урядомъ и замковымъ начальствомъ, и обязанъ собирать деньги еженедѣльно (съ правомъ конфискаціи или, какъ говорилось, грабежа). Каждую недѣлю должны взносить по разчету слѣдующую часть податп тому бурмистру, чья очередь (кварталъ). Если мѣщане не дойдутъ сами до соглашенія при складкѣ предъ урядомъ, то должны представить замковому начальству; губернаторъ дѣлаетъ свое распоряженіе, которому городъ подчиняется безъ возраженій. Экстраординарныхъ налоговъ урядъ не можетъ назначать; при какомъ-нибудь неожиданномъ случаѣ, требующемъ экстраординарныхъ расходовъ, временный палогъ назначается съ вѣдома губернатора и войта. Урядъ не можетъ также освобождать кого-либо отъ взноса податей. Расходы общественныхъ суммъ ведетъ каждый бурмистръ въ свой кварталъ; доходы и расходы должны быть подписаны бурмистромъ и городскимъ писаремъ. Каждый мѣсяцъ бурмистръ долженъ отдавать отчетъ войту и уряду, а также и обществу; начальству же замка онъ отдаетъ отчетъ каждую четверть года. Итакъ, въ существеной части внутренняго управленія, денежной, бурмистры почти не имѣютъ никакой власти: опредѣленіе налоговъ принадлежитъ не имъ. Имъ предоставлена только отвѣтственная сторона, расходованіе и отчетность.

Далѣе, полицейскій надзоръ, какъ мы уже видѣли, раздѣляется между бурмистрами и войтомъ. Тѣмъ не менѣе обязанность эта и соединенная съ нею отвѣтственность лежатъ на нихъ и указываются прямыми постановленіями. Девятый пунктъ Дубенской диспозиціи 1727 года гласитъ, что наблюденіе за порядкомъ въ городѣ принадлежитъ уряду; каждый бурмистръ, въ свой кварталъ, долженъ смотрѣть, чтобы гарнцы по корчмамъ и хлѣбы на рынкѣ были установленной мѣры. Каждыя двѣ недѣли бурмистръ долженъ ревизовать печи и пожарныя принадлежности въ каждомъ домѣ; наблюденіе за ночною стражею лежитъ на бурмистрѣ.

Если войтъ поставляется замкомъ или помѣщикомъ, лентвойтъ поставляется войтомъ, и даже назначеніе радцевъ и лавниковъ находится въ рукахъ войта, — то о независимости суда не можетъ быть и рѣчи; право владѣльца на жизнь и смерть его подданныхъ еще болѣе утверждается магдебургскимъ правомъ. Инстанціонный порядокъ судопроизводства останавливается на управителяхъ имѣніями владѣльца; апелляція къ государственнымъ судамъ, то-есть, ассессоріи, или къ высшимъ городскимъ судамъ не допускается.

Такимъ образомъ магдебургское право измѣняетъ только форму отношеній владѣльца къ подданнымъ его; сущность остается та же. Возводя свое поселеніе въ городъ, владѣлецъ не утрачиваетъ своихъ правъ, а увеличиваетъ ихъ; а такъ какъ съ теченіемъ времени понятіе о городѣ смѣшивалось все болѣе и болѣе съ понятіемъ о магдебургскомъ правѣ, то владѣлецъ находитъ выгоднымъ даровать своему имѣнію это право. Въ такомъ случаѣ, сохраняя всѣ прежніе источники доходовъ, онъ пріобрѣтаетъ новые: городъ получаетъ право пропинаціи, слѣдовательно, владѣлецъ получаетъ самый важный доходъ, чоповое. Городъ получаетъ привилегіи на ярмарки, и владѣлецъ увеличиваетъ доходъ съ поземельныхъ участковъ. Вѣсчее, помѣрное и проч. владѣльцы иногда уступали городу условно, но съ правомъ отнять эти доходы, когда угодно, или распорядиться ими по собственному усмотрѣнію [1]). Между тѣмъ владѣлецъ продолжаетъ пользоваться чиншемъ съ усадебныхъ и полевыхъ участковъ и даже прежними натуральными повинностями. Дубенскій инвентарь 1695 года говоритъ:

„По давнему обычаю мѣщане должны, когда имъ прикажутъ, сжать и связать на панскихъ поляхъ съ дыму 1½ копы озимаго и 2 копы яроваго; должны справить двѣ толоки: одну на озимомъ, другую на яровомъ; косить сѣно на панскихъ лугахъ одинъ день; пахать одинъ день на озимомъ и одинъ на яровомъ“ [2]).

4. Цеховое управленіе.

„Сердце радуется (пишутъ издатели „Польскихъ Древностей“) при видѣ истинно-братской любви между ремесленниками, любви, которая была естественною опорою свободы: они относятъ на могилу тѣла умершихъ братьевъ, помнятъ о вдовахъ и сиротахъ ихъ, слушаютъ съ полнымъ почтеніемъ выбранныхъ старшинъ...“ [3]) и т. д.

Прежде нежели мы начнемъ повѣрять свидѣтельствами актовъ это лирическое восклицаніе, припомнимъ себѣ тѣ общія основанія, на которыхъ создались цехи въ Польшѣ вообще и юго-западной Руси въ частности.

Цехи вездѣ являлись, какъ промышленныя, національныя и религіозныя ассоціаціи. Мы видѣли, какую важную роль играли цехи въ исторіи происхожденія нѣмецкихъ городовъ: въ Германіи цеховое устройство является раньше городоваго; городъ есть сводъ и заключеніе цеховыхъ и другихъ корпорацій. Въ германскихъ цехахъ со-

---

[1]) Кн. 1337, л. 95

[2]) Кн. 1338. О жестокостяхъ при сборѣ чинша см кн 1370, л. 24.

[3]) Staroz. Pols., I, стр. 118.

вмѣщались всѣ три начала: цехи были союзомъ земляковъ, занимающихся однимъ ремесломъ и живущихъ въ одномъ приходѣ (около одной цеховой церкви). Въ Польшѣ цехи явились позже городоваго права и заведены Нѣмцами-горожанами, по примѣру нѣмецкихъ цеховъ. Ни въ устройствѣ цеховъ, ни въ дѣятельности ихъ нельзя видѣть остатковъ старой славянской общины; равно нельзя заключить и того, что эта община является въ цехахъ только въ новой формѣ, внесенной изъ Германіи: польскіе цехи — явленіе совершенно нѣмецкое, цѣлкомъ перенесенное въ Польшу изъ Германіи. Отсюда вытекаютъ значительныя особенности польскихъ цеховъ, и между прочимъ, ихъ безсиліе и незначительность ихъ роли въ исторіи развитія муниципальнаго права. Поэтому вредъ ихъ главнаго основанія, то-есть, промышленной монополіи ремесленнаго труда, не искупался въ польскихъ земляхъ благодѣтельными соціальными явленіями, какими сопровождалось цеховое устройство въ Германіи.

Въ Варшавскихъ статутахъ (1423 года) постановлено:

„Для пресѣченія развитія братствъ, которыя устраиваютъ ремесленники по городамъ, постановляемъ, чтобы воевода и старòста съ другими мѣстными земскими урядниками, каждый годъ въ извѣстный день, установляли и исправляли мѣры какъ съѣстныхъ припасовъ, такъ и матеріаловъ одежды и другихъ вещей, которыя привозятся на рынокъ крестьянами, а вмѣстѣ и таксу этихъ продуктовъ, сообразно съ обычаемъ, уже давно существующимъ, чтобы не было обмана относительно мѣръ и цѣны; если впредь, вопреки этой нашей конституціи, найдутся въ какихъ-либо городахъ между ремесленниками братства, то такіе ремесленники должны знать, что подвергнутся пенѣ въ 70 марокъ въ пользу нашей камеры“ [1]).

Итакъ, законодатели думаютъ, что стòитъ положить таксу на жизненные продукты, и существованіе братствъ прекратится само собою: слѣдовательно, братства эти основаны на стачкѣ, устроенной для пониженія цѣны сырыхъ произведеній и возвышенія цѣны обработанныхъ продуктовъ. Дѣйствительно, въ статутѣ Яна Альбрехта 1496 года прямо сказано:

„Король Владиславъ, предшественникъ нашъ, видя, что ремесленники производятъ торговлю не по совѣсти (venditione rerum non ex aequo utentes), установилъ особый законъ....“

Затѣмъ повторяется вышеприведенный законъ Ягеллы, назначающій штрафъ съ воеводы, который бы пренебрегъ или замедлилъ исполненіемъ этого распоряженія [2]). Такое неэкономическое соперниче-

[1]) Vol. leg , I, 36.
[2]) Ibid , 124.

ство производителей обработанныхъ продуктовъ съ производителями продуктовъ земледѣлія было слишкомъ чувствительно для землевладѣльцевъ и крестьянъ и побуждало земскихъ пословъ прибѣгать на сеймахъ къ принятію мѣръ тоже неэкономическаго характера: мѣры о таксахъ, о которыхъ мимоходомъ мы упомянули въ одной изъ главъ нашего изслѣдованія, были вызваны именно развитіемъ цеховыхъ стачекъ въ городахъ и продолжались потомъ непрерывно, нанося промышленности такой вредъ, размѣры котораго даже указать трудно. Итакъ, цехи и стачка ремесленниковъ съ перваго разу были признаны понятіями нераздѣлимыми: всѣ благотворныя дѣйствія, какія могли бы возникнуть изъ промышленныхъ ассоціацій, исчезали въ общемъ вредѣ. Цехи продолжали существовать, не смотря на статутъ Ягеллы. Въ такомъ положеніи засталъ дѣло Сигизмундъ I, король, наиболѣе независимый; онъ первый попытался отдѣлить мысль о цехахъ отъ мысли о стачкѣ и хотѣлъ парализовать вредныя дѣйствія цеховъ, не потакая однакожъ сословію землевладѣльцевъ. Въ конституціи Краковскаго сейма 1532 года говорится:

„Намъ и сенату не представляется нужнымъ измѣнять что-либо относительно общинъ, называемыхъ братствами или цехами, потому что такія братства, и послѣ постановленій прежнихъ статутовъ, существуютъ вездѣ и терпимы до сихъ поръ, укрѣпляясь новыми и старыми привилегіями, и *кажется*, что наши подданные какого бы то ни было сословія не будутъ терпѣть никакого неудобства отъ такихъ цеховыхъ привилегій, если только воеводы и другіе урядники не будутъ позволять цехамъ злоупотреблять оными“ [1]).

Далѣе король подтверждаетъ воеводамъ повелѣніе наблюдать за таксою жизненныхъ продуктовъ и ремесленныхъ издѣлій. Королю и сенату *казалось* только, что цехи могутъ быть безвредными; но земскимъ посламъ, стоявшимъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ этому вопросу, казалось совершенно обратное, и чрезъ шесть лѣтъ земскіе послы заставили короля оставить прежнюю надежду.

„Побуждаемые (говоритъ Сигизмундъ въ 1538 году) частыми жалобами всего шляхетства и его пословъ и *всѣхъ подданныхъ нашихъ*, мы постановляемъ: цехи и все выдуманное въ нихъ ко вреду и обидѣ нашихъ подданныхъ, во всѣхъ городахъ нашего королевства, должны быть уничтожены“ [2]).

Вопросъ о томъ, на сколько виновно землевладѣльческое сословіе въ преслѣдованіи цеховъ, усложняется по мѣрѣ движенія экономической исторіи Польши. Польскіе писатели-демократы видятъ въ преслѣдованіи цеховъ одно только опасеніе со стороны шляхты, чтобы

---

[1]) Ibid , 249.
[2]) Ibid., 263.

ремесленники не сравнялись со шляхтичами по политическому значенію:

„Цехи дѣлали ремесленное сословіе сильнымъ и стойкимъ противъ шляхты, поэтому шляхта и начала кричать объ уничтоженіи цеховъ“ [1]).

Мы говорили уже, что появленіе цеховъ въ городахъ Рѣчи Посполитой ни мало не было вызвано соціальными причинами, и потому цехи нисколько не могли повести ремесленниковъ къ политическому соперничеству со шляхтою: права городовъ были опредѣлены заранѣе, до развитія цеховъ, жалованными грамотами на магдебургское право; слѣдовательно, съ этой стороны цехи ничѣмъ не угрожали шляхетскимъ правамъ. Очевидно, что въ началѣ правда была на сторонѣ шляхетскаго сословія. Но съ теченіемъ времени, когда мѣры, принятыя шляхетскимъ законодательствомъ противъ цеховъ (таксы), обратились въ постоянныя, оказалось, что землевладѣльцы вошли во всеобщую взаимную стачку противъ ремесленнаго сословія; тогда дѣйствія цеховъ изъ наступательныхъ сдѣлались оборонительными, и цехи стали *необходимымъ зломъ* въ государствѣ; обвиненія, которыя справедливо падали на ремесленниковъ, теперь съ такою же основательностью должны быть обращены противъ землевладѣльцевъ. Въ послѣднемъ постановленіи Сигизмунда о цехахъ (1543 года) слышится уже отголосокъ просто сословной борьбы:

„Такъ какъ городскія братства оскорбляютъ свободу шляхты, то повелѣвается воеводамъ, чтобы не было этихъ братствъ, которыя наносятъ ущербъ земской вольности“.

Въ сущности дѣла виновата была не шляхта и не цехи, а тотъ порядокъ вещей, занесенный въ Польшу, по которому всякое сословіе, промыселъ и профессія должны были дѣйствовать только самозащищеніемъ и враждебно стоять въ отношеніи къ другому сословію, промыслу и т. д.

Не смотря на строгія конституціи сеймовъ, цехи продолжали существовать и вновь возникали во всѣхъ городахъ; тѣ самые короли, которые запрещали цехи на сеймахъ, въ то же время давали привилегіи городамъ на устройство цеховъ. Такъ, въ привилегіи, данной Кременцу Сигизмундомъ I, въ 1536 году, позволяется ремесленникамъ имѣть свои „zgromadzenia“ или цехи [2]). Особенно покровительствовали развитію цеховъ старосты, вѣроятно, изъ личныхъ экономическихъ выгодъ; они давали цехамъ уставы, которые послѣ утвержда-

[1]) Staroz Pols., I, 119.

[2]) Кіев. Цен. Арх., кн. 2026, л. 25.

лись королями [1]). Поэтому каждый цехъ имѣетъ королевскую привилегію: напримѣръ, въ Кременцѣ цехъ кузнецовъ (съ присоединеніемъ къ нему столяровъ, шорниковъ, оружейниковъ, сѣдельниковъ и мѣдниковъ) имѣетъ привилегію Стефана, 1578 года, и Сигизмунда III, 1616 года. Цехъ сапожниковъ имѣетъ привилегію Владислава IV, 1650 года; цехъ ткачей — привилегію Сигизмунда-Августа, 1572 года; цехъ портныхъ — его же, 1576 года; эта привилегія есть подтвержденіе правъ, данныхъ цеху Кременецкимъ старостою и магистратомъ еще въ 1521 году. Цехи умножались не столько вслѣдствіе увеличенія числа ремесленниковъ, сколько вслѣдствіе все большей и большей спеціализаціи ремеслъ. Въ Каменцѣ, напримѣръ, мы находимъ до десяти цеховъ [2]). Не только ремесла, но и учено-практическія профессіи заключались въ цехи, такъ что можно было опасаться, что со временемъ всѣ отрасли не только экономической, но и умственной дѣятельности, будутъ удалены отъ свободной конкурренціи; такъ, мы упоминали при случаѣ, что Каменецъ отстаиваетъ привилегію своего цеха хирурговъ на исключительное право лѣчить мѣщанъ.

Но не здѣсь должны мы коснуться обширнаго вопроса о значеніи цеховъ въ исторіи экономическаго быта польской Рѣчи Посполитой; здѣсь отмѣчаемъ мы только основанія, на которыхъ опиралось цеховое устройство.

Второе начало (кромѣ монополизаціи промышленнаго труда), лежавшее въ основаніи цеховъ, было землячество, или въ обширномъ смыслѣ, національность; цехи дѣлились иногда на нѣмецкіе и польскіе, на литовскіе и коронные. Но въ городахъ юго-западной Руси мы находимъ весьма неясные слѣды этого начала: въ городахъ, въ которыхъ было нѣсколько почти равноправныхъ національностей, имѣвшихъ свои особые магистраты, цеховое устройство было тѣмъ не менѣе общимъ для всѣхъ національностей; попытки какой-либо національности устроить отдѣльные цехи встрѣчали противодѣйствіе національности, господствующей, то-есть, польской. Такъ, мы видѣли, что польская юрисдикція жалуется на армянскую за то, что эта послѣдняя отписала своихъ ремесленниковъ отъ польскихъ цеховъ и устраиваетъ свои, вопреки закону. Трудный вопросъ о принадлежности къ общимъ цехамъ мѣщанъ разныхъ юрисдикцій такъ и остался вопросомъ не рѣшеннымъ. Въ 1708 году цехмистры портняжьяго цеха въ Каменцѣ жаловались армянскому войтовскому уряду на одного мастера,

[1]) Ibid., л. 54; кн. 1477, л. 91.

[2]) Кн. 4440, л. 124, 125 и др.

Армянина, что онъ обижаетъ словами цѣлый цехъ и не исполняетъ цеховыхъ обязанностей. Войтовскій судъ обвинилъ отвѣтчика въ томъ, что онъ паносилъ оскорбленія, и приговорилъ за это къ наказанію, что же касается до цеховыхъ обязанностей, то войтовскій урядъ различилъ два рода ихъ: обязанности религіозныя („относящіяся ко славѣ Божіей“) долженъ нести всякій, и отвѣтчикъ обязанъ становиться со свѣчею въ каѳедральномъ костелѣ (польскомъ); касательно же собственно цеховыхъ повинностей, цехмистры должны еще показать узаконенія о томъ, какъ армянская нація должна относиться къ цехъ (то-есть, польскимъ) цехамъ, и потому съ этой стороны войтовскій урядъ освобождаетъ позваннаго отъ отвѣтственности, на томъ основаніи, что decreta procedunt, non retrocedunt [1]). Русскіе въ Каменцѣ не имѣли своихъ цеховъ никогда, даже и въ то время, когда имѣли еще свою отдѣльную юрисдикцію; въ привилегіи портняжьему цеху въ Кременцѣ, данной еще въ 1521 году, говорится:

„Каждый портной Русинъ долженъ исполнять цеховыя обязанности, особенно касающіяся хвалы Божіей“ [2]).

Но если Армяне, соединенные въ XVII в. съ католиками полною уніей, соглашались исполнять религіозныя обязанности и не соглашались на собственно цеховыя, то Русскіе греческой вѣры стояли къ польскимъ цехамъ совершенно въ обратномъ отношеніи: соглашаясь исполнять цеховыя обязанности, они тяготились (и не могли не тяготиться) исполненіемъ католическихъ религіозныхъ обрядовъ; совѣсть ихъ, конечно, должна была испытывать насиліе при каждой католической церемоніи и процессіи, въ которой, по цеховымъ правиламъ, они были обязаны участвовать. Цехи были столько же религіозными корпораціями, сколько и промышленными. Обязанности, „служащія ко славѣ Божіей“, были важнѣйшими условіями принадлежности къ цехамъ. Но въ южно-русскихъ городахъ было два вѣроисповѣданія православное и католическое. Какое же изъ нихъ должно лежать въ основѣ цеховъ? Цеховые уставы хотѣли соблюсти право того и другаго. Но какъ это оказывалось вполнѣ невозможнымъ, то въ основаніе цеховъ легла господствующая религія, то-есть, католическая. Каждый цехъ имѣлъ свой цеховой костелъ, или по крайней мѣрѣ, капличку, въ пользу которой шли разные цеховые поборы и штрафы (обыкновенно воскомъ). Въ этомъ костелѣ всѣ братья должны быть

---

[1]) Кн. 4439, л. 306.

[2]) Кн. 2026, л. 54.

на чтеніи евангелія во всякій праздникъ [1]); кромѣ того въ извѣстные праздники (Boże Ciało, Рождество Христово и др.) и церемоніи (погребенія кого-либо изъ цеховыхъ католиковъ) мастера цеха обязаны быть въ процессіяхъ въ каѳедральномъ католическомъ костелѣ [2]); не исполняющіе такихъ предписаній штрафуются деньгами, а при постоянномъ уклоненіи удаляются изъ цеха. Хотя законъ хотѣлъ соблюсти равноправность въ цехахъ двухъ вѣроисповѣданій, русскаго и польскаго, и въ нѣкоторыхъ городахъ постановлялъ, что „когда цехмистръ будетъ римской вѣры, то ключникъ долженъ быть вѣры греческой, и наоборотъ“ [3]), но это постановленіе съ теченіемъ времени теряло свою силу, подобно постановленію о равноправности народностей въ радѣ. Такъ, въ Каменцѣ постановленъ декретъ:

„Въ каждомъ цехѣ должны имѣть старшинство (то-есть, быть избираемы на должность цехмистра) два года мѣщане польской вѣры, а третій годъ — вѣры греческой; такъ, и въ этомъ (1714) году, хотя по выбору пало старшинство на Якуба Козяровскаго, но онъ долженъ уступить первенство п. Дмитру“ [4]).

Кажется, что первый изъ нихъ былъ католикъ, а второй православный; если такъ, то на дѣлѣ цехмистры избирались изъ католиковъ болѣе чѣмъ два года сряду. Но были ли цехмистры русской вѣры или польской, отъ этого не измѣнялось третье начало, лежавшее въ основаніи цеховъ, именно католико-религіозная основа, и цехмистръ русской вѣры обязанъ былъ охранять его цѣлость.

Наконецъ, нѣкоторымъ изъ русскихъ горожанъ удалось основать свои цехи (братства); побужденіемъ къ ихъ основанію служилъ тотъ же духъ корпораціи, который господствовалъ въ городахъ и даже въ цѣломъ государствѣ. Организація этихъ новыхъ братствъ совершенно подобна организаціи прежнихъ братствъ (fraternitatum), то-есть, цеховъ [5]). Однако братства скоро стали различаться отъ цеховъ; въ русскихъ братствахъ не были допущены промышленныя цѣли; это, конечно, зависѣло отъ того, что ни въ одномъ городѣ рада не дозво-

---

[1]) Ibid., л. 51. Каменецкій магистратъ позволяетъ кузнецамъ устроить цехъ съ исполненіемъ обычныхъ цеховыхъ условій, и вопервыхъ, съ тѣмъ, чтобы цеховые являлись въ формѣ (zbroja) въ костелъ св. Антонія, въ процессіяхъ участвовали со свѣчами, дали въ каплицу кузнечнаго цеха два камня воску, а въ церковь св. Яна — одинъ; см. кн. 4437, л. 954.

[2]) Ibid., л. 54.

[3]) Ibid.

[4]) Кн. 4440, л. 125.

[5]) См. ниже организацію цеховъ.

лила бы основанія національныхъ ремесленныхъ цеховъ. Въ новыя братства вошли далеко не всѣ горожане, принадлежавшіе къ русской народности, потому что большинство ихъ разсуждало такъ, какъ лавникъ Вызинскій, слова котораго мы привели въ началѣ этой главы. За то, вслѣдствіе отстраненія всѣхъ промышленныхъ цѣлей, братства открыли въ себя доступъ лицамъ разныхъ не-городскихъ сословій, особенно лицамъ духовнаго сословія. Сообразно съ такимъ расширеніемъ объема дѣятельности братствъ, распространяются и облагораживаются ихъ цѣли. Сначала цѣли братствъ были поставлены неясно; забота о церковномъ благочиніи является въ уставахъ братства точно такъ же, какъ въ уставахъ цеховъ; только въ послѣдствіи въ нѣкоторыхъ городахъ (напримѣръ, во Львовѣ), гдѣ долговременныя преслѣдованія католиковъ невольно вызвали стремленіе противодѣйствовать имъ въ защиту русской народности, задача братствъ становится опредѣленнѣе и выше. Но бо̀льшая часть братствъ не задавалась такими высокими цѣлями, и вотъ причина, почему мы видимъ, что братства существуютъ между уніатами, точно также, какъ и между православными; такъ, въ 1767 году въ магистратскія книги города Кременца вносится изъ „книгъ братскихъ монастыря Кременецкаго“ (базиліановъ) декретъ превелеб. ксендза-супериора братства. По этому декрету одинъ мѣщанинъ, членъ братства, обвиняется въ томъ, что онъ ругалъ въ церкви и самомъ алтарѣ другихъ членовъ братства, мѣщанъ, называя ихъ bękartami, (незаконно-рожденными). Духовный судъ приговорилъ его

„стоять пять недѣль въ церкви во время службы съ незазженною свѣчею, вытянувъ руку кверху, держать въ зубахъ kneбel (иначе, колодку), а по окончаніи службы, стоя въ церковныхъ дверяхъ, кланяться каждому изъ братій“ [1]).

Мы вовсе не желаемъ ослабить господствующее убѣжденіе въ высокомъ значеніи нѣкоторыхъ братствъ въ дѣлѣ воскрешенія національнаго самосознанія Русскихъ въ Польшѣ; но мы не можемъ смотрѣть на возникновеніе братствъ только какъ на явленіе русской общинной жизни; ихъ корень тамъ же, откуда происходятъ и цехи, то-есть, въ духѣ частныхъ корпорацій, внесенномъ въ Польшу нѣмецкимъ правомъ. Не смотря на разницу братствъ и цеховъ, связь учрежденія братствъ съ магдебургскимъ правомъ не подлежитъ сомнѣнію. Но къ магдебургскому праву братства примыкаютъ всѣмъ тѣмъ, что̀ было въ нихъ ограниченнаго, эгоистическаго; болѣе высо-

[1]) Кн. 1973, л. 53.

кое значеніе они стали получать тогда, когда переступали границы, опредѣленныя магдебургскимъ правомъ. Высокая патріотическая и просвѣтительная дѣятельность братствъ въ нѣкоторыхъ городахъ показываетъ, что̀ могли бы сдѣлать города въ пользу русской національности и просвѣщенія, если бы въ нихъ дѣйствовала не небольшая корпорація среди многихъ другихъ, враждебныхъ ей, но цѣлое городское населеніе, и если бы города не оторвали своихъ интересовъ отъ интересовъ земли.

Таковы были явленія, которыми сопровождались въ городахъ югозападной Руси три начала, лежавшія въ основаніи цеховъ.

Цехи, по своей исключительности, не всегда могли мириться съ обширною корпораціей, городомъ; иногда они хотѣли распространить сферу своихъ дѣйствій за предѣлы города (явленіе, имѣющее только кажущееся сходство съ подобнымъ явленіемъ въ братствахъ). Городъ требуетъ, чтобы всякій цеховой былъ присяжнымъ мѣщаниномъ города; цехи же, стремясь увеличить число своихъ членовъ, не всегда соблюдали это правило. Въ Каменцѣ въ 1713 году городской инстигаторъ доносилъ магистрату, что цехмистры принимаютъ въ число мастеровъ людей, не имѣющихъ права гражданства. Магистратъ потребовалъ къ отвѣту всѣхъ цехмистровъ. Судъ приговорилъ: такъ какъ не разъ магистратъ напоминалъ при выборахъ, чтобъ они никого не принимали въ цехи, пока кандидатъ не покажетъ записи о своемъ законномъ происхожденіи и пока не присягнетъ городу, то за каждаго незаконно принятаго цехмистры платятъ одну гривну и подвергаются трехдневному аресту; а принятые въ цехи не-граждане должны оставить ремесло. Тогда же десять цеховыхъ приняли jus civile и принесли присягу по формѣ, въ которой стоитъ между прочимъ:

„Если кто скажетъ что-либо несправедливое о радѣ, то буду сопротивляться по мѣрѣ силъ моихъ, а если не смогу противиться и оборонять, то обѣщаю объявлять радѣ“ [1]).

Но въ другихъ городахъ (напримѣръ, въ Ковелѣ) допускалось поступленіе въ цехъ не-гражданъ; цехмистры пользовались массою этихъ людей, не подчиненныхъ городу, для открытой борьбы съ магистратомъ, какъ это именно и случилось въ 1697 году въ Ковелѣ [2]). Противодѣйствіе цеховъ городу, какъ особой корпораціи, предвидѣлось самимъ закономъ. Сигизмундъ I въ своей привилегіи городу Кременцу говоритъ:

---

[1]) Кн. 4442, л. 82 и 137.

[2]) Кн. 1451, л. 51.

„Люди различныхъ ремеслъ, портные, сапожники и пр., могутъ имѣть свои особенныя общества (zgromadzenia) или цехи, по своимъ правамъ, однакожь безъ обиды и общаго вреда для того города“ [1]).

Съ своей стороны, цехи желаютъ, чтобы рада не преступала за границы цеховыхъ установленій, то-есть, не покровительствовала ремесленникамъ, не записаннымъ въ цехъ; мы видѣли, что одна протестація Каменецкаго поспольства указываетъ между прочими злоупотребленіями рады именно на это обстоятельство.

Главное основаніе цеховъ, состоявшее въ запрещеніи ремеслъ всѣмъ, не принадлежащимъ къ обществу, ставило цехи вообще во враждебное отношеніе ко многимъ лицамъ и вѣдомствамъ и вовлекало ихъ въ борьбу съ этими послѣдними. Въ городахъ, въ описываемое время, было множество жителей, не подчинявшихся магдебургскому управленію: во многихъ городахъ еврейское населеніе уже преобладало надъ христіанскимъ; было въ городахъ множество дворовъ шляхетскихъ, населенныхъ челядью пановъ; при замкахъ были люди, подчиненные непосредственно замковому (старостинскому) уряду; иногда цѣлыя большія предмѣстья были изъяты изъ-подъ вѣдомства магистратовъ. Всѣ такіе обыватели городовъ, не подлежа городскому управленію, не считали нужнымъ вписываться въ цехи. Законъ, поддерживая цехи, грозилъ имъ карою за занятіе ремеслами [2]). Но и между самими мѣщанами возникали постоянныя тяжбы за производство ремесла людьми, не принадлежащими къ цеху этого ремесла; даже женскій домашній трудъ подвергался преслѣдованію съ этой точки зрѣнія [3]). Въ большихъ городахъ ремесла спеціализировались чрезвычайно, и люди, занимавшіеся какимъ-либо изъ нихъ, стремились составить отдѣльный цехъ. Въ такомъ случаѣ возникало множество спорныхъ вопросовъ между двумя смежными цехами; напримѣръ, въ Каменцѣ въ 1702 году цехъ сапожниковъ ведетъ тяжбу съ цехомъ кожевниковъ, обвиняя его а) въ томъ, что кожевники продаютъ бараньи шкуры, и б) въ томъ, что зовутъ сапожниковъ къ войтовскому суду, тогда какъ дѣло ихъ подлежитъ рѣшенію рады. Сапожники принесли на судъ свои „права сапожничьи“ и привилегію короля Стефана. Вслѣдствіе того магистратъ рѣшаетъ дѣло въ пользу сапожниковъ и налагаетъ на кожевниковъ штрафъ. Цехъ кожевниковъ считаетъ себя обиженнымъ и подаетъ на апелляцію въ задворный судъ [4]).

[1]) Кн. 2026, л. 25.
[2]) Ibid., л. 54.
[3]) Кн. 4437, л. 916 — 918.
[4]) Кн. 4437, л. 319 — 320.

Въ томъ же году была подана обратная жалоба кожевниковъ на сапожниковъ [1]). Вообще акты оправдываютъ слѣдующія слова составителя статьи о цехахъ въ „Древностяхъ Польскихъ“: „Портной шелъ противъ суконника, мельникъ бился съ пекаремъ, кожевникъ дрался съ сапожникомъ за заработокъ“ [2]). Здѣсь слова: „бился“, „дрался“ и проч. нужно понимать не въ переносномъ смыслѣ промышленнаго соперничества, а въ буквальномъ. Взаимная борьба проникала наконецъ внутрь самихъ цеховъ, вслѣдствіе разныхъ стѣснительныхъ условій, лежавшихъ въ цеховой организаціи.

Такъ какъ каждый цехъ слагался изъ братьевъ и товарищей, то управленіе цеха состоитъ: а) изъ собранія братьевъ, съ цехмистромъ во главѣ, и б) изъ собранія товарищей, съ „отцемъ господы во главѣ“.

Цеховое братство. Братство цеха составляли всѣ мастера извѣстнаго ремесла. Поступленіе въ число братьевъ, то-есть, полученіе степени мастера, опредѣлялось слѣдующими правилами, постановленными частію въ королевскихъ привилегіяхъ, частію въ уставахъ, утвержденныхъ радою: [3]) каждый мальчикъ, записанный (при объявленіи предъ цехомъ [4]) въ ученье къ какому-либо мастеру, остается ученикомъ опредѣленное число лѣтъ, неравное въ каждомъ цехѣ и даже въ каждомъ ремеслѣ цеха: въ ремеслѣ золотыхъ дѣлъ мастеровъ хлопецъ долженъ оставаться хлопцемъ 7 лѣтъ, въ ремеслѣ оловянщиковъ — 3 года, въ ремеслѣ мѣдниковъ — 5 лѣтъ. Нужно согласиться, что это было наилучшимъ и въ то время едва-ли не единственнымъ способомъ распространенія ремесленнаго образованія, — способомъ, который и теперь господствуетъ въ городахъ. Но акты тѣхъ временъ (какъ и теперешній живой опытъ) показываютъ, до какихъ злоупотребленій можетъ достигнуть совмѣщеніе образованія съ злоупотребленіемъ промышленной предпріимчивости: мастеръ беретъ съ ученика гораздо болѣе, чѣмъ этотъ послѣдній долженъ былъ бы заплатить за выучку при другой организаціи ремесленнаго образованія. По суровымъ прежнимъ уставамъ цеховъ, ученикъ становился собственностью мастера на 5 — 7 лѣтъ. Только отецъ, мать, а иногда самъ цехъ рѣшался защищать мальчика, и то тогда, когда мастеръ совершалъ надъ ученикомъ вопіющія насилія. Такъ, въ 1718 году въ Каменцѣ цехъ портныхъ протестуетъ противъ одного изъ своихъ

[1]) Ibid, л. 340.
[2]) Star. Polsk., 118.
[3]) Кіев. Ц. Арх., кн. 2026, л. 54. и кн. 4442, л. 29.
[4]) Кн. 4440, л. 464.

мастеровъ, который, имѣя у себя для науки хлопца, честнаго происхожденія и должнымъ образомъ рекомендованнаго, избилъ и искалѣчилъ его: лѣвая лопатка сбита, жалуется онъ на боль въ лѣвомъ боку, лицо изуродовано [1]). Жалобы, записанныя въ актовыхъ книгахъ, убѣждаютъ насъ, что подобные случаи были весьма часты и почти обыкновенны. Мастеръ иногда не исполнялъ устава относительно хлопца, не записывалъ его въ цеховыя книги при поступленіи и такимъ образомъ увеличивалъ срокъ его ученія, для того чтобъ эксплуатировать его трудъ въ произвольно-продолжительное время [2]). Вообще тяжбы по дѣламъ между мастерами и учениками имѣютъ самый отталкивающій, мрачный характеръ [3]).

По окончаніи срока „ученикъ вызволяется“, то-есть, освобождается отъ науки такимъ образомъ: онъ долженъ поблагодарить мастера, и справивъ обѣдъ, долженъ купить бочку пива, а въ цехъ дать два безмѣна воску. Послѣ вызволенія ученикъ становится „młodzian“, юношею, и обязанъ служить у своего мастера опредѣленный срокъ, въ видѣ вознагражденія за науку, но съ небольшою платою отъ мастера. Срокъ этой обязательной службы мастеру въ различныхъ городахъ и въ различныхъ цехахъ былъ различный: по привилегіи Яна Казимира, данной Кременецкому цеху портныхъ — 12 недѣль; по Каменецкому уставу 1712 года, въ ремеслѣ оловянщиковъ — 2 недѣли, въ ремеслѣ мѣдниковъ — 6 недѣль, въ ремеслѣ злотницкомъ отслуживанія нѣтъ. Отслуживъ срокъ, „юноша“ дѣлается „товарищемъ“ (подмастерьемъ) и тотчасъ долженъ отправиться путешествовать по разнымъ городамъ съ цѣлью дальнѣйшаго усовершенствованія въ мастерствѣ, подъ руководствомъ иногородныхъ мастеровъ. Пришедъ въ какой-либо городъ, путешественникъ является къ тамошнему цехмистру (главѣ цеха того ремесла, которому онъ обучается), и цехмистръ назначаетъ ему мастера. Если же цехмистръ не исполнитъ этого, то „путешествующій товарищъ“ долженъ обратиться къ „отцу господы“ [4]), который обязанъ дать путешественнику 6 грошей и ѣды и питья, сколько нужно. Отходя изъ города, товарищъ долженъ взять свидѣтельство, у какого мастера, въ какомъ городѣ, онъ работалъ, и съ какимъ успѣхомъ. По возвращеніи въ свой городъ, онъ обязанъ представить въ свой цехъ такія свидѣтельства. Затѣмъ желающій поступить въ число масте-

[1]) Кн. 4442, л. 765.

[2]) Кн. 1453, л. 143.

[3]) Ibid., л. 238.

[4]) Объясненіе этихъ терминовъ будетъ представлено ниже.

ровъ, долженъ приготовить себѣ „misterium“, то-есть, образецъ своего искусства въ изучаемомъ ремеслѣ; онъ занимается этою работою въ домѣ своего цехмистра; чрезъ каждые три дня два мастера должны ревизовать, дѣйствительно ли онъ дѣлаетъ misterium собственными руками, безъ чужой помощи. По представленіи misterium'а мастеры разсматриваютъ его и признаютъ (или не признаютъ) работавшаго достойнымъ степени мастера. Однакожь и въ благопріятномъ случаѣ онъ не становится еще мастеромъ; для этой цѣли онъ обязанъ еще: а) внести вступное, то-есть, извѣстную сумму денегъ въ пользу цеха (въ нѣкоторыхъ цехахъ 1 злотый), б) справить „kolacyą“, то-есть, ужинъ, и в) внести опредѣленную сумму на матеріалы своего ремесла (въ цехѣ Кременецкихъ скорняковъ — 20 злот.) и въ общую кассу цеха — 40 злот.; если же онъ не исполнитъ всего вышеписаннаго, то удаляется отъ ремесла на одинъ годъ и 6 недѣль. Когда какой-нибудь мастеръ уйдетъ изъ города и послѣ годичнаго отсутствія опять прійдетъ, то обязанъ внести въ цеховую скрыню всѣ подати, которыхъ не давалъ со времени своей небытности, и купить бочку пива братству. Въ немногихъ городахъ находились умные радные, которые находили нехорошимъ, что „цехмистры берутъ съ хлопцевъ, какъ «вступное», такъ и «вызволины» напитками, тогда какъ лучше было бы сдѣлать что-нибудь „въ хвалу Божію“ [1]).

Всѣ мастера извѣстнаго цеха въ общемъ собраніи своемъ составляютъ высшее управленіе цеха, имѣвшее судебную власть. Границы этой власти опредѣляются въ законѣ такимъ образомъ:

„Даемъ право (говоритъ Янъ Казиміръ въ привилегіи цеху портныхъ въ Кременцѣ) судить всякія дѣла, кромѣ дѣлъ о ранахъ, убійствахъ и воровствѣ; дѣла же о воровствѣ-мошенничествѣ въ работѣ должны обсуживать и карать цеховые братья“.

Сходка братьевъ собирается разъ въ двѣ недѣли (по Кременецкой привилегіи) или въ 4 недѣли (по Каменецкому уставу). На этихъ сходкахъ происходятъ рѣшеніе тяжебныхъ дѣлъ и разсужденія о цеховыхъ дѣлахъ. Цехи имѣли свое уложеніе о наказаніяхъ, опредѣленное привилегіями и уставами; цехъ можетъ приговаривать къ штрафамъ денежнымъ и „восковымъ“: за первый проступокъ — одинъ фунтъ воску, за второй — два, за третій — камень воску. По родамъ проступковъ величина штрафовъ измѣняется: за разглашеніе цеховой тайны — два безмѣна воску; съ того, кто сманиваетъ челядь у другаго мастера, — безмѣнъ воску; съ того мастера, который не позволяетъ работать то-

[1]) Кн. 4571, л. 18.

варищу, — то же. Деньги, поступающія въ скрынку, обращаются въ пользу цеха, а воскъ — въ костелъ и церковь. Впрочемъ, цехъ налагаетъ иногда и тѣлесныя наказанія, хотя противозаконно [1]). Отъ приговоровъ цеха шла апелляція къ суду магистрата или войтовскому [2]). Кромѣ судебной власти собраніе братства пользовалось правомъ издавать постановленія, уставы для челяди своего цеха и т. д., но силу закона эти уставы получали не иначе, какъ съ утвержденія магистрата [3]).

Цехмистры. Во главѣ братства стоятъ два цехмистра, изъ которыхъ первый, главный, называется старшимъ; а второй — младшимъ [4]), или первый — цехмистромъ, второй — подцехмистромъ. Должность эта давалась по выборамъ цеховъ, происходившимъ ежегодно во время общихъ городскихъ выборовъ. Цехмистры въ отношеніи къ городскому управленію пользовались обширнымъ значеніемъ; мы видѣли, что въ Ковелѣ они входили въ составъ старой рады. Во многихъ случаяхъ цехмистры приглашаются въ засѣданія правящей рады [5]), а нѣкоторые изъ нихъ заявляютъ даже свое право на постоянное засѣданіе въ магистратѣ [6]). Впрочемъ, въ Каменцѣ, гдѣ рада слишкомъ возвысила свои права надъ общиною, цехмистры не имѣли этихъ привилегій. Бо́льшая часть членовъ рады и лавниковъ были въ то же время цехмистрами въ разныхъ цехахъ. Это обстоятельство увеличивало власть цехмистровъ надъ цехомъ, власть, и безъ того мало ограниченную закономъ.

Акты магистратскихъ и войтовскихъ судовъ наполнены жалобами цеховъ на своихъ цехмистровъ; напримѣръ, въ 1698 году Ковельскій цехъ сапожниковъ и кожевниковъ жалуется на своего цехмистра, который, безъ вѣдома цеха, для своихъ личныхъ потребностей забиралъ у Жида столько напитковъ, что Жидъ, взыскивая долгъ, довелъ до нищеты цѣлый цехъ, и кромѣ того, при взысканіи надѣлалъ большихъ обидъ людямъ: выбивалъ окна и двери и проч. [7]). Въ Барѣ ткачъ жалуется на своего цехмистра, что этотъ послѣдній „чинитъ большое сдирство въ цехѣ и напоевъ (поборовъ напитками) вымогаетъ свыше

---

[1]) Кн. 4562, л. 1033.
[2]) Кн. 1451, л. 84, кн. 1455, л. 41.
[3]) Кн. 4562. л. 774.
[4]) Кн. 4440, л. 124.
[5]) Кн. 1451, л. 75; кн. 1452, л. 155 и мног. др.
[6]) Кн. 4571, л. 40.
[7]) Кн. 1451, л. 111.

силы-мочи ихъ“ [1]). Въ Каменцѣ цехмистры бьютъ цеховыхъ мѣщанъ палками [2]), ругаютъ мѣщанъ диссидентовъ „пся вяра“ [3]); пользуясь властію, не исполняютъ предписаній, которымъ мастера должны подчиняться въ отношеніи къ ученикамъ; въ одной жалобѣ 1709 года заявляется, что цехмистръ (который въ то же время былъ субделегатомъ въ войтовскомъ судѣ), забывъ магдебургское право и цеховыя права, дарованныя цеху цѣлымъ магистратомъ, вписалъ одного хлопца, а другаго „вызволилъ“ безъ „отворенія скрыпки“ братской (то-есть, безъ общаго собранія братства); на тотъ случай въ цехѣ находился одинъ цеховой братъ, бывшій въ то же время Каменецкимъ радцею (консуломъ); онъ замѣтилъ, что вписываніе и вызволеніе хлопцевъ должно совершаться по законамъ цеха; но цехмистръ, вмѣсто отвѣта, началъ ругать его, такъ что онъ былъ принужденъ поскорѣе уйдти [4]). Въ 1744 году „отецъ господы“ и два безеццера отъ всей сапожничьей господы протестуютъ противъ своихъ цехмистровъ. Первый цехмистръ, когда была ему занесена одна частная жалоба со стороны втораго товарища господы, приказалъ собрать всю господу; когда такимъ образомъ вся челядь была собрана, цехмистръ, безъ всякаго разсужденія съ другими мастерами, увлекшись только злостію, приказалъ класть челядниковъ и наказывать, сколько ему было угодно; отецъ господы, видя неправду, ушелъ изъ цеха; паны же цехмистры такимъ поступкомъ разогнали почти всю челядь изъ города. Кромѣ того протестація прибавляетъ, что цехмистры ругаютъ самихъ протестующихъ, то-есть, представителей господы, и противозаконно вмѣшиваются въ урядъ господы. Магистратскій судъ по разслѣдованіи дѣла нашелъ, что по уставу господы 1734 года, данному ей цехмистрами и утвержденному магистратомъ, цехмистры могутъ наказывать товарищей и „юношей“ по дѣламъ о ссорахъ и дракахъ въ томъ случаѣ, если кѣмъ-либо занесена жалоба (исключая дѣлъ объ окровавленіи, которыя подлежатъ суду магистрата); но такъ какъ теперь дознано слѣдствіемъ, что цехмистры наказывали виновныхъ и невинныхъ мѣщанъ безъ занесенія жалобы и безъ совѣщанія съ братьями, то судъ приговорилъ цехмистровъ къ аресту, уплатѣ штрафовъ и проч. [5]). При такихъ порядкахъ неудивительно, что члены цеха оказываютъ постоянное непови-

[1]) Кн. 4571, л. 18.
[2]) Кн. 4562, л. 1033.
[3]) Кн 4437, л. 916 и слѣд.
[4]) Кн. 4440, л. 464.
[5]) Кн. 4562, лл. 768 и 774.

новеніе цехмистрамъ и даже вражду къ нимъ, что̀ подтверждается многочисленными и непрерывными тяжбами предъ судомъ магистратскимъ или войтовскимъ [1]). Въ Ковелѣ въ 1698 году пекарскій цехмистръ узналъ, что одинъ мѣщанинъ его цеха не очень уважаетъ торжественный праздникъ св. Духа, печетъ въ этотъ день крендели; за такую вину цехмистръ велѣлъ его „ограбить“ (то-есть, взыскать штрафъ); тогда виновный явился въ домъ цехмистра съ великимъ шумомъ, безчестилъ его не какъ цехмистра, а какъ какого-нибудь гультяя, побилъ, покалѣчилъ, окровавилъ младшихъ цеховыхъ и проч. [2]).

Товарищество и госпòда. Ремесленники, не поступившіе еще въ число братьевъ-мастеровъ, извѣстны вообще подъ именемъ „челяди“. Въ каждомъ цехѣ они образуютъ общество, „госпòду“. Такая община составляла отдѣльную корпорацію, подъ верховнымъ начальствомъ цехового братства. Въ главѣ госпòды стоитъ „отецъ госпòды“, назначаемый не изъ товарищей, а изъ мастеровъ; къ нему назначаются два „безеццера“ (Beisitzer). Кромѣ того, въ управленіи госпòды участвовали два товарища: изъ нихъ одинъ носилъ названіе „перваго“, другой — „втораго“. Права госпòды обыкновенно опредѣлялись особыми уставами, составленными въ цехѣ и утвержденными магистратомъ [3]). Въ городахъ съ наслѣдственнымъ войтовствомъ привилегію госпòдѣ давалъ войтъ. Такова, напримѣръ, привилегія, данная въ 1755 году Кременецкимъ войтомъ госпòдѣ одного цеха: 1) По примѣру другихъ городовъ челядь должна имѣть госпòду и въ этой госпòдѣ — отца госпòдняго. Отецъ госпòды долженъ вездѣ брать сторону челяди и не долженъ ей дѣлать обидъ. 2) Отцу госпòды и двумъ безеццерамъ, назначеннымъ къ той же госпòдѣ, дается власть разбирать дѣла, относящіяся до госпòды; большія же дѣла, подлежащія „сентенціи права магдебургскаго“, рѣшать воспрещается; по этимъ дѣламъ челядь должна отвѣчать предъ магдебургскимъ судомъ. 3) Челядь должна чтить „со всякою обсерваціей“ цехмистровъ, мастеровъ, отца госпòды, безеццеровъ, уступая мастерамъ первое мѣсто, и исполнять назначенную работу; если же какой челядникъ понесъ обиду отъ своего мастера въ уплатѣ за работу, то отецъ госпòды долженъ донести цехмистру о его обидѣ. 4) „Юноша“, поступающій въ товарищи, долженъ купить два гарнца горѣлки, заплатить „столковаго“

---

[1]) Кн. 4437, л. 321, 558, 561, 566, 621; кн. 4439, л. 306 и др.
[2]) Кн. 1451, л. 117.
[3]) Кн. 4437, л. 954; кн. 4562, л. 774.

два злотыхъ и проч. 5) На евангеліи у св. Николая должны быть всѣ неопустительно. 6) Сходка должна собираться чрезъ каждыя двѣ недѣли въ назначенной господѣ; на этихъ сходкахъ должно взносить „kwartniki“, то-есть, денежный сборъ, съ товарища — три гроша, съ „юноши“ — два. 7) Отчеты должны отдаваться каждую четверть года. 8) Послѣ сходки каждый челядникъ долженъ идти къ своему мастеру и отбывать свои повинности. 9) Кто не будетъ на евангеліи, тотъ платитъ штрафъ — три гроша; за нескорое прибытіе въ положенную господу — 1 грошъ; сходка должна быть только въ праздничные дни, по полудни, и начинается около третьяго часу по товарищескому знаку; кто не прійдетъ на сходку, тотъ долженъ внести штрафъ — 6 грошей. 10) Сынъ, переходящій отъ отца къ другому мастеру (при поступленіи на степень товарища), долженъ справить „вызволины“, а если остается при отцѣ, обязанъ внести „товарищеское“ и „столковое“. 11) Безецперы должны оставаться въ своей должности четверть года. 12) Челядникъ, находящійся подъ городскою юрисдикціей, не долженъ закладываться за пана, прибѣгать къ интригамъ и протекціи, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія и штрафа въ два фунта воску. 13) Челядникъ не можетъ идти ни къ какому мастеру безъ вѣдома цехмистра; отцы господъ должны давать знать цехмистру объ уходящихъ и приходящихъ челядникахъ; приходящій не можетъ поступить ни къ какому другому мастеру, кромѣ назначеннаго ему цехмистромъ. 14) Wakans (замѣщеніе вакансій) бываетъ только въ Рождество Христово, продолжаясь недѣлю. 15) Мастеръ не долженъ отговаривать челядниковъ отъ другаго мастера подъ штрафомъ въ 12 гривенъ. 16) Старшій и второй товарищи, два столовыхъ и шинкарь должны оставаться при должностяхъ своихъ четверть года, потомъ должны dziękować цехмистрамъ и отцу господы (то-есть, сдавать должность). 17) Если между челядниками найдется промышляющій воровствомъ или другими дурными дѣлами, то kwartniki его должны быть выброшены изъ скарба и изъ господы; если же на кого ложно донесено, то клеветникъ долженъ понести строгое наказаніе. 18) Ревизія челядниковъ относительно ихъ поведенія и ремесла, ревизія дѣйствій старшаго и втораго товарищей, безецперовъ, шинкаря и младшихъ товарищей должна производиться каждую четверть года. 19) Если найдется челядникъ, который сумѣетъ прочитать на сходкѣ эту привилегію, то онъ освобождается отъ взноса kwartnikow на ту сходку, на которой будетъ читать привилегію. 20) Тотъ не можетъ быть принятъ въ цехъ (то-есть, въ братство), кто, „вызволившись“ отъ мастера,

не принадлежалъ къ господѣ и не былъ „юношею“ (nie przebywszy gospody, oraz młódszego).

„Это право, во уваженіе къ просьбѣ отца господы, безецперовъ и другихъ мастеровъ и челяди, даю, и для лучшаго порядка между тою челядью ставлю старшимъ товарищемъ Яна Лозецкаго, вторымъ Ст. Юзинскаго, съ тѣмъ условіемъ, чтобы товарищество постаралось объ утвержденіи этого права у е. в. короля“.

Подъ всѣмъ этимъ подписался войтъ Іоз. Малиновскій [1]).

Одинъ изъ вышеприведенныхъ актовъ показываетъ, какъ злоупотребляло братство своею властію надъ товариществомъ (то-есть, цехъ надъ господою). Не лучше были частныя отношенія мастеровъ къ товарищамъ. Акты наполнены жалобами этихъ послѣднихъ на притѣсненія, побои и прочія оскорбленія со стороны первыхъ. Въ Ковелѣ однажды „юноша“ занесъ жалобу въ магистратъ на мастера, который былъ въ то время квартальнымъ бурмистромъ: жалобщикъ былъ записанъ въ науку шорнаго ремесла къ бурмистру на шесть лѣтъ и выполнилъ этотъ срокъ учтиво и вѣрно; потомъ, послѣ „вызволенія“, окончилъ законнымъ образомъ отслуживаніе и ушелъ отъ мастера. Бурмистру показалось обиднымъ, что челядникъ, не поблагодаривъ, ушелъ отъ него (какъ сознавался на судѣ самъ бурмистръ), и потому онъ взвелъ на челядника обвиненіе въ покражѣ матеріаловъ, прислалъ за нимъ городскаго слугу, оторвалъ отъ работы у панны (у которой онъ нанялся), приказалъ запереть въ хлѣвъ, ударяя его по лицу и таская за чупрыну, — едва защитила челядь бурмистра, — хвалился, что ему никто за это ничего не сдѣлаетъ, потому-де „я панъ и судья“. Судъ за ложное обвиненіе и за оскорбленія приговорилъ бурмистра къ уплатѣ двухъ гривенъ на замокъ и столькихъ же на магистратъ; истецъ же (оскорбленный) долженъ хранить уваженіе къ мастеру, и взявъ годнаго мѣщанина, поблагодарить пана мастера въ домѣ его за науку [2]). Такъ какъ товарищъ, поступивъ къ мастеру, непремѣнно заключалъ письменный контрактъ (давалъ на себя карту) на годъ, то не смотря на всякія злоупотребленія съ обѣихъ сторонъ, онъ не могъ уйдти отъ мастера. Напримѣръ, въ 1698 году возникла въ Ковелѣ тяжба между мастеромъ и товарищемъ: мастеръ жалуется, что товарищъ ругалъ его въ пьяномъ видѣ, и когда мастеръ ударилъ его за это рукою раза два, то на другой день товарищъ пожаловался въ цехъ и перешелъ къ другому мастеру; товарищъ жалуется, что ма-

[1]) Кн. 2026, л. 51.
[2]) Кн. 1455, л. 301.

стеръ нѣсколько разъ обижалъ его, и потому онъ рѣшился уйдти. Судъ приказалъ товарищу воротиться къ своему прежнему мастеру дослуживать годъ, а мастеру рекомендовалъ имѣть товарища въ должной обсерваціи [1]). Кабальная зависимость товарищей отъ мастеровъ вообще подавала многочисленные поводы ко взаимнымъ жалобамъ [2]).

Такимъ образомъ вмѣсто идиллической картины цеховой любви и согласія, приведенной нами въ началѣ, мы находимъ: а) что идетъ постоянная борьба городскихъ ремесленниковъ съ производителями сырыхъ сельскихъ продуктовъ, б) что цехи ведутъ борьбу съ разными національностями и религіями внутри города, в) что цехи идутъ противъ своего собственнаго города, какъ корпорація противъ корпораціи, г) что они находятся въ постоянной враждѣ съ нецеховыми обывателями того же города, д) что одинъ цехъ враждуетъ съ другимъ, и е) что внутри цеховъ идетъ постоянная борьба мастеровъ съ учениками: цехмистры притѣсняютъ братства, братства притѣсняютъ господы, мастера обижаютъ товарищей. Это подаетъ намъ поводъ сдѣлать общее замѣчаніе въ отвѣтъ на могущій возникнуть вопросъ. Мы основываемся исключительно на актовыхъ книгахъ различныхъ судовъ. Извѣстно, что предъ лицомъ суда является всегда только одна отрицательная сторона жизни. Не отъ этого ли зависитъ, что бо̀льшая часть сторонъ городской общественной жизни представляется намъ въ видѣ далеко не привлекательномъ? Но вопервыхъ, нужно немного опытности и историческаго такта, чтобъ отличить, должны ли мы приписать извѣстное частное явленіе вѣчной, во всѣхъ обществахъ повторяющейся наклонности отдѣльныхъ личностей къ порокамъ и злоупотребленіямъ, или должны объяснять это явленіе цѣлымъ ненормальнымъ складомъ общества; вовторыхъ, у насъ мало историческихъ памятниковъ другаго рода для изображенія внутренняго быта обществъ прошедшихъ временъ; намъ неизвѣстно, на чемъ основываются люди, приходящіе въ своихъ изслѣдованіяхъ къ противоположнымъ результатамъ.

Заканчивая этимъ бѣглый обзоръ цеховаго управленія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ заканчиваемъ и весь очеркъ управленія городовъ юго-западной Руси въ эпоху наибольшаго развитія тамъ муниципальнаго права.

---

[1]) Кн. 1451, л. 84.

[2]) Ibid., л. 49; кн. 4437, лл. 897 и др

При изображеніи цехового управленія мы оставили въ сторонѣ вопросъ о вліяніи цеховъ на экономическій бытъ государства; мы поступили такъ потому, что вообще экономическая сторона вопроса о городахъ была поставлена нами внѣ предѣловъ настоящаго изслѣдованія. Можетъ-быть, мы яснѣе другихъ сознаемъ важность этой послѣдней стороны вопроса; мы живо чувствуемъ неполноту представленнаго очерка, происшедшую отъ такого ограниченія. Самыя существенныя причины упадка городовъ остались нетронутыми; другія являются въ тѣни. Мысль, представляющаяся намъ столь ясною, мысль о разрушительномъ вліяніи, внесенномъ въ русскую общественную жизнь нѣмецкимъ правомъ, является теперь предъ читателемъ, можетъ-быть, не въ томъ видѣ непреложности, который мы могли бы придать ей. Но читатель пойметъ, почему мы останавливаемся пока на одной половинѣ труда, если приметъ во вниманіе, какъ тяжелъ бываетъ трудъ на невоздѣланной почвѣ, среди господства неясныхъ или ложныхъ воззрѣній на предметъ. Мы имѣемъ однакожь надежду окончить когда-нибудь вторую, болѣе тяжелую сторону нашей задачи; тогда, можетъ-быть, намъ удастся представить другой образъ народнаго экономическаго быта, отличный отъ того, на который литература западныхъ народовъ пріучила насъ смотрѣть, какъ на единственно-возможный.

Но оставивъ надежды, обратимся къ тому, что̀ уже сдѣлано. Мысли, заключающіяся въ нашемъ изслѣдованіи, могутъ быть сведены къ такому итогу:

Нѣмецкое право ослабило княжескую власть, сообщивъ княжескія права землевладѣльцамъ и землевладѣльческія права княжескимъ чиновникамъ, а именно: а) нѣмецкое право отняло у князей финансовыя права и права на повинности и б) отняло у князей судебную и административную власть, передавъ ее сначала войтамъ, потомъ землевладѣльцамъ, старо̀стамъ и общинамъ.

Нѣмецкое право водворило новыя юридическія и экономическія отношенія между землевладѣльцами и крестьянами: а) лишило крестьянскую общину самостоятельнаго управленія и суда; б) введеніемъ частнаго хозяйства понизило положеніе свободныхъ поселенцевъ сначала до положенія прикрѣпленныхъ къ землѣ цензуаловъ, а потомъ до положенія крѣпостныхъ, въ смыслѣ позднѣйшаго крѣпостнаго права.

Нѣмецкое право первоначально не было правомъ муниципальнымъ. Возникновеніе муниципальнаго права въ польскихъ земляхъ не было освобожденіемъ порабощенныхъ городскихъ общинъ. Поэтому муни-

ципальное право безъ нужды оторвало городское населеніе отъ земскихъ классовъ и такимъ образомъ ввело въ государство сословную рознь. Этимъ оно понизило общегосударственныя права городскаго сословія и содѣйствовало образованію идеи шляхетства, именно: а) лишило мѣщанъ права на законодательную власть въ государствѣ, б) отстранило ихъ отъ государственной службы и в) лишило ихъ права владѣть поземельною земскою собственностію.

Муниципальное право не могло дать городамъ свободнаго и независимаго управленія и судопроизводства: а) оно не освободило города отъ власти провинціальной администраціи; б) правительственныя учрежденія, введенныя муниципальнымъ правомъ, не обезпечивали городамъ свободнаго управленія. Фактическое доказательство этой послѣдней мысли представляетъ очеркъ управленія городовъ юго-западной Руси съ исхода XVII вѣка.

Предоставляя оцѣнку этихъ частныхъ выводовъ суду читателей, мы не можемъ не сказать, что весь ходъ настоящаго изслѣдованія и особенно нѣкоторые отдѣлы его должны бы навести читающаго на два общія соображенія, не составившія прямаго предмета этого изслѣдованія:

1) Первоначальное общественное устройство въ польскихъ земляхъ имѣло существенное сходство съ общественнымъ устройствомъ всѣхъ другихъ славянскихъ народностей. Мы не знаемъ основаній, на которыхъ опираются писатели, говорящіе о первоначальномъ доисторическомъ уклоненіи Лехитскаго племени отъ общаго славянскаго типа; причины дѣйствительнаго уклоненія Лехитскаго племени отъ общеславянскихъ началъ нужно искать не въ таинственномъ доисторическомъ мракѣ, а въ фактахъ, ближайшихъ къ намъ, въ явленіяхъ всѣмъ извѣстныхъ, до того простыхъ и ясныхъ, что нужно удивляться, почему они оставались не замѣченными. Но исторія, какъ и природа, отвѣчаетъ только вопрошающему ее.

Вездѣ въ польскихъ земляхъ мы находимъ княжескую власть съ тѣми же правами, какъ и у русскихъ племенъ; нигдѣ не видимъ первобытной аристократіи; даже позднѣе, съ успѣхами въ Польшѣ нѣмецкаго права, демократическій славянскій духъ преобразилъ идею германской аристократіи въ идею шляхетства (что̀, конечно, было еще хуже); вездѣ мы находимъ свободныхъ поселенцевъ съ общиннымъ хозяйствомъ, безъ юридическаго прикрѣпленія къ землѣ. Наконецъ, — что̀ всего важнѣе, — цѣлый строй общественной жизни въ польскихъ земляхъ былъ основанъ на связи старшихъ общинъ съ

младшими, на взаимныхъ отношеніяхъ городовъ, пригородовъ и волостей.

2. Такой строй общественной жизни существенно отличается отъ общественнаго устройства германскихъ племенъ. Первый относится къ послѣднему не какъ низшая ступень къ другой, высшей, а какъ видъ къ другому виду одного рода. Для поверхностнаго наблюдателя общественный строй славянскихъ племенъ имѣетъ большее сходство съ строемъ древне-классическихъ обществъ: напримѣръ, какъ въ Римѣ одна центральная община была окружена муниципіями и вполнѣ зависимыми провинціями, такъ въ польскихъ и русскихъ земляхъ городъ окруженъ полузависимыми пригородами и вполнѣ зависимыми волостями. Но сходство это не идетъ далѣе формы: строй классическихъ обществъ основанъ на договорахъ, постановленныхъ послѣ долгой борьбы, и потому центральная община тяготѣетъ надъ остальными: земля подавлена городомъ. Въ новой христіанской Европѣ понятіе о гражданинѣ вышло за предѣлы города и усвоено жителямъ земли: полноправными гражданами стали владѣтели земскихъ замковъ. За то городъ, то-есть, вообще общинная жизнь, былъ подавленъ владѣтелями замковъ: земля взяла перевѣсъ надъ городомъ. Новѣйшая исторія Европы начинается исторіею постепеннаго освобожденія городскихъ общинъ, за которымъ послѣдовало освобожденіе крестьянъ.

Мы не будемъ говорить о преимуществахъ славянскаго строя предъ германскимъ, не будемъ говорить о томъ, что вопросъ объ отношеніи земли къ городу, приводившій къ столь противоположнымъ и одинаково крайнимъ рѣшеніямъ въ классическомъ мірѣ и въ средневѣковой западной Европѣ, довольно удовлетворительно рѣшался первоначальнымъ славянскимъ устройствомъ общественной жизни. Suum cuique; только это и хотѣли мы показать всѣмъ нашимъ изслѣдованіемъ. Между тѣмъ исторія славянскихъ народовъ представляетъ печальное доказательство нарушенія этого мудраго правила.

Общественный строй, прирожденный Славянамъ, не выработался окончательно ни у одного изъ славянскихъ народовъ: многія разнообразныя причины замѣнили его у однихъ славянскихъ племенъ нѣмецкимъ общественнымъ устройствомъ, а у другихъ исказили его сильною примѣсью восточныхъ (азіатскихъ) элементовъ.

Надѣемся, что въ настоящемъ изслѣдованіи читатель найдетъ достаточно сильныя доказательства справедливости поговорки: „каждому свое“. Въ Германіи введеніе чиншеваго хозяйства повело къ освобожденію крестьянъ, въ Польшѣ къ порабощенію ихъ; въ Гер-

маніи муниципальное право возвысило права городскаго сословія и приготовило сближеніе и уравненіе сословій, въ Польшѣ понизило права городскаго сословія и приготовило разрывъ сословій; въ Германіи самостоятельное управленіе городовъ повело ихъ къ могуществу, республиканской независимости и богатству, въ Польшѣ было причиною упадка и обѣднѣнія городовъ.

Мы заранѣе слышимъ упрекъ, что замѣчанія наши не имѣютъ примѣненія къ настоящей дѣйствительности, что славянскій идеалъ общественнаго строя есть нѣчто въ высшей степени туманное, что въ настоящихъ обстоятельствахъ намъ остается заимствовать все хорошее, до чего додумались западные народы. Мы заявляемъ, что этотъ упрекъ къ намъ не относится: изслѣдованіе наше имѣетъ характеръ не публицистическій, а историческій; мы говоримъ не о томъ, что̀ должно быть, а что̀ было.

Не наше дѣло судить, цѣлы ли зародыши славянскаго устройства теперь, или погибли безвозвратно. Можетъ-быть, народы нашего удивительнаго племени такъ долго занимались усвоеніемъ чужаго худшаго, что теперь имъ остается поспѣшить усвоить чужое лучшее. Печальная исторія Рѣчи Посполитой служитъ въ этомъ отношеніи поучительнымъ примѣромъ: въ то время, когда Англія, Франція и Германія усиленно выбивались изъ-подъ феодальнаго строя, Польша заботливо усвоивала себѣ феодальные порядки. Когда Европа, къ концу XVIII вѣка, совершенно освободилась отъ остатковъ феодализма, въ Польшѣ феодализмъ достигъ полнаго разцвѣта. Слѣдовательно, ей предстояло бы начать свою исторію съ явленій XIV—XV вѣковъ, чтобъ опять дойдти до того, что̀ безъ всякихъ усилій она имѣла въ XII—XIII вѣкахъ!

Какъ ни печальна такая судьба, но нужно сказать, что народы, подчиняющіеся ей, не заслуживаютъ лучшей участи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предварительныя замѣчанія 1

ГЛАВА I. **Сфера дѣйствія нѣмецкаго права въ Польшѣ и Литвѣ** . . 2

ГЛАВА II. **Княжеская власть (jus ducale) по нѣмецкому праву** переходитъ къ землевладѣльцамъ и общинамъ, а именно 7

1. *Налоги, повинности и регаліи.* Княжескія финансовыя права по польскому праву. Военная повинность и ея значеніе. По нѣмецкому праву князья теряютъ право на общую поземельную подать, натуральные наборы, подводную повинность, торговыя пошлины, право на владѣніе водами, лѣсами и ископаемыми богатствами, отчасти право на выпускъ монеты; военная повинность получаетъ строгое ограниченіе: народное ополченіе уничтожается. Различіе грамотъ на нѣмецкое право отъ простыхъ жалованныхъ грамотъ относительно финансовыхъ правъ князей. Вѣкъ Людовика Венгерскаго—время торжества нѣмецкаго права надъ польскимъ 10

2. *Судъ и администрація.* Черты устройства судебной и административной власти въ Германіи во время перехода нѣмецкаго права въ Польшу: въ имѣніяхъ коронныхъ, монастырскихъ, епископскихъ. Существенная черта судебной и административной власти по польскому праву. Причины повсемѣстнаго учрежденія въ нѣмецкихъ колоніяхъ Польши войтовъ и солтысовъ 26

а) *Первая форма войтовства въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ:* перевѣсъ княжеской власти въ назначеніи войтовъ 31

б) *Вторая форма войтовства въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ (солтысство):* равновѣсіе власти князей съ властію землевладѣльцевъ въ назначеніи войтовъ и сущность отношеній солтысовъ къ землевладѣльцамъ. 33

в) *Провинціальные войты* получаютъ право „высшаго суда“; отношеніе ихъ къ судамъ землевладѣльческимъ и городскимъ по силезскимъ актамъ. Провинціальные войты существуютъ въ собственной Польшѣ, подъ названіемъ прокураторовъ, „wielkorządca“, старостъ. Частно-владѣльческій характеръ ихъ власти и слѣдствія этого 35

г) *Войты въ княжескихъ имѣніяхъ* получаютъ власть провинціальныхъ войтовъ, которая потомъ переходитъ къ общинамъ 41

Слѣдствія предыдущаго: полная судебная и административная власть землевладѣльцевъ, судебная и административная независимость городскихъ общинъ, образованіе старостинскаго уряда 44

СТРАН.

Взглядъ Мацѣевскаго и Ярошевича на феодализмъ въ Польшѣ и Литвѣ 50

ГЛАВА III. **Отношеніе землевладѣльцевъ къ поселенцамъ по нѣмецкому праву.** Важность вопроса 57

1. *Судебная власть землевладѣльцевъ.* Побѣда власти землевладѣльцевъ надъ властію солтысовъ въ собственной Польшѣ. Уничтоженіе общиннаго славянскаго суда нѣмецкимъ правомъ и ничтожество власти присяжныхъ 58

2. *Личныя и имущественныя права поселенцевъ по нѣмецкому праву (волочное хозяйство).* Положеніе крестьянъ по польскому праву. Нѣмецкое право фактически прикрѣпляетъ крестьянъ къ землѣ. Это необходимо слѣдуетъ за введеніемъ частнаго способа землевладѣнія на мѣсто общиннаго — славянскаго. Нѣмецкое право увеличиваетъ крестьянскія повинности относительно землевладѣльцевъ, соединяя чиншъ съ панщиною. Прикрѣпленіе къ землѣ переходитъ въ строгое крѣпостное право: ясные слѣды этого въ Вислицкихъ статутахъ, уставѣ о волокахъ Сигизмунда-Августа, инвентаряхъ частныхъ владѣльцевъ. Крестьянскій пролетаріатъ, какъ слѣдствіе нѣмецкаго способа хозяйства 64

ГЛАВА IV. **Городовое нѣмецкое право.** Великое значеніе городскихъ общинъ въ Германіи и противоположное значеніе ихъ въ Польшѣ . . 88

1. *Происхожденіе нѣмецкаго городоваго права въ польскихъ земляхъ.* Первоначально нѣмецкое право не отличало города отъ деревни, хотя стремилось централизировать въ городахъ ремесленное и торговое населеніе. *Weichbild* — смѣшеніе славянской идеи города съ нѣмецкою. *Совѣтъ:* развитіе муниципальнаго управленія разрываетъ связь города съ землею. Отчужденіе мѣщанскихъ городовъ отъ земли наиболѣе рѣшительно въ собственной Польшѣ и Галицкой Руси 95

2. *Городъ земскій и городъ мѣщанскій (введеніе муниципальнаго права въ Литовско-русскомъ государствѣ).* Различіе нѣмецкаго понятія о городѣ отъ славянскаго. Отношеніе города къ землѣ, составъ городскаго населенія и городское самоуправленіе въ русскихъ городахъ XIII—XIV вѣковъ. Ясное доказательство земскаго самоуправленія въ городахъ представляютъ земскія грамоты 109

Разрушеніе земскаго самоуправленія въ городахъ нѣмецкимъ правомъ. Возникновеніе мѣщанскаго сословія водворяетъ сословную рознь,— возбуждаетъ идею шляхетства и ухудшаетъ положеніе крестьянъ . . . 119

3. *Права городовъ.* Законодательныя: нѣмецкое муниципальное право лишаетъ города правъ на общегосударственную законодательную власть. Право нѣкоторыхъ городовъ на участіе въ сеймовыхъ засѣданіяхъ есть исключеніе, основанное на милости шляхетскаго сословія. Причины безсилія муниципальной законодательной власти 127

Права городовъ на судебную и административную власть: нѣмецкое муниципальное право лишаетъ города правъ на общегосударственную судебную и административную власть. Первоначально были устроены высшіе общегосударственные суды по нѣмецкому праву: королевскій судъ съ присяжными изъ 6 городовъ. Этотъ сословный мѣщанскій судъ замѣняется ассессоріею, состоящею изъ членовъ шляхетскаго сословія.

СТРАН.

Городскіе жители муниципальнымъ правомъ удаляются отъ общегосударственныхъ административныхъ должностей 136

Право городовъ на поземельную собственность. Связь этого права съ военною повинностію. Освобожденіе отъ военной повинности лишаетъ городскихъ жителей права владѣть земскою собственностію, которое сохраняютъ города только „in commune“. Стремленіе мѣщанъ лишить шляхетство правъ на владѣніе городскою собственностію (bona juri civili supposita) 143

4. *Правительственныя учрежденія и лица въ городахъ.* Отношеніе городскаго управленія къ государственной провинціальной администраціи: разнообразныя отношенія городовъ къ воеводской и старостинской власти. Всеобщія, установленныя закономъ и обычаемъ, отношенія городовъ къ воеводамъ и старостамъ. Источникъ преобладанія старостинской власти 148

Форма муниципальнаго управленія и судопроизводства. Три степени развитія муниципальнаго управленія превращаются въ три формы общественнаго устройства въ городахъ 155

Войтовская власть. Войтовства превращаются въ шляхетскій институтъ. Власть войтовъ въ городахъ обширна и неопредѣленна 156

Инкорпорація войтовствъ городамъ. Значеніе лавы. Роды судовъ. Смѣшеніе сферы дѣйствія рады съ сферою дѣйствія лавы. Слѣдствія такого смѣшенія — развитіе могущества рады. Злоупотребленія рады въ соціальномъ и національномъ отношеніяхъ 158

Учрежденіе представительныхъ собраній общины въ нѣкоторыхъ городахъ. Безсиліе представительныхъ собраній общины 172

ГЛАВА V. **Общественное устройство городовъ юго-западной Руси съ исхода XVII вѣка.** Порядокъ изслѣдованія 174

1. *Управленіе городовъ съ полнымъ магдебургскимъ правомъ.* Образецъ устройства управленія въ городахъ перваго разряда есть Каменецъ. Исторія его самоуправленія . . . . . —

а) *Юрисдикція польско-русская.* Отношенія каменецкаго городскаго управленія къ управленію города Львова 179

Магистратъ: Составъ, право избранія, права рады, доходы ея, злоупотребленія рады и радцевъ, жалобы поспольства 181

Проконсулы. Значеніе ихъ и злоупотребленія власти. 193

Senior. Его особое значеніе въ Каменцѣ 195

Войтъ. Его избраніе . . . . . —

Скабинатъ (лава): Составъ, отношеніе къ радѣ и войту. Кругъ дѣятельности лавы 197

Изба гминная (Сорокъ Мужей): Составъ, избраніе. 201

Регентъ и вицерегентъ: Избраніе, присяга. Значеніе коллегіи Сорока Мужей, отношеніе ея къ радѣ. Кругъ дѣятельности регента 202

Канцелярскія и полицейскія должности: ревизіонная коммиссія, люнаръ, инстигаторъ, писарь рады 208

б) *Армянская юрисдикція:* Составъ управленія, борьба съ польско-русскою юрисдикціею, власть и злоупотребленія власти войтовъ, судей; безсиліе армянскаго квадрагинтовирата. 211

стран.

в) *Отношеніе города къ сторонним*ъ *юрисдикціямъ:* Зависимость города отъ замковаго уряда; жалобы. Зависимость города отъ военнаго управленія: законныя отношенія города къ гарнизону; злоупотребленія со стороны гарнизона; жалобы 221

2. *Управленіе городовъ съ неполнымъ магдебургскимъ правомъ.* Образцами устройства городовъ втораго разряда служатъ Кременецъ и Ковель. Форма управленія по жалованнымъ королевскимъ грамотамъ . . 241

Стардста: Его отношеніе къ городскому управленію. Вражда городовъ съ старостами 243

Наслѣдственный войтъ: Права и привилегіи его власти. Злоупотребленія со стороны войтовъ; жалобы 248

Лентвойтъ (лядъ-войтъ): его законное положеніе; значеніе лентвойтовской власти на самомъ дѣлѣ; злоупотребленія со стороны лентвойтовъ 256

Магистратъ: Происхожденіе *старой рады* и ея значеніе; злоупотребленія рады; вражда къ ней общины; писарь рады, лава; слѣды существованія квадрагинтовирата 263

3. *Управленіе въ городахъ владѣльческихъ.* Отличіе правъ владѣльческихъ городовъ отъ правъ городовъ королевскихъ, — условность существованія магдебургскаго права во владѣльческихъ городахъ, ничтожество самоуправленія 269

Войтъ назначается владѣльцемъ, неопредѣленность его отношеній къ замку. 274

Лентвойтъ. 276

Урядъ. Зависимость выбора бурмистровъ отъ воли замка; ограниченность власти магистрата; крѣпостныя отношенія города къ владѣльцу . —

4. *Цеховое управленіе:* Три начала въ основаніи цехового устройства: ремесленная ассоціація, которая въ Польшѣ является стачкою и возбуждаетъ противъ себя законодательныя мѣры; національность, — вредныя явленія, возникающія отсюда въ русскихъ городахъ; религіозное начало; братства. Борьба цеховъ съ городомъ, борьба цеховыхъ съ нецеховыми жителями города; борьба цеховъ между собою 280

Цеховое братство. Условія поступленія, судебная власть братства 290

Цехмистры: ихъ значеніе; злоупотребленія властію; жалобы . . . 293

Товарищество и господда: Составъ, уставъ господы; отношенія братства къ господѣ и мастеровъ къ подмастерьямъ 295

Общій взглядъ на цеховое управленіе 298

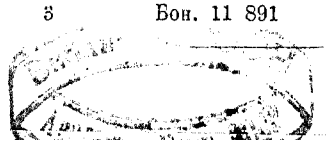
Выводы: прямые, косвенные:

1) Первоначальное сходство общественнаго устройства народовъ Лехитскаго племени съ общественнымъ устройствомъ другихъ славянскихъ племенъ. 2) Отличіе строя общественной жизни славянскихъ племенъ отъ общественнаго устройства германскихъ племенъ, взаимное отношеніе между ними . . . . . —

ОПЕЧАТКИ.

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
6	23	они сдѣлались	эти порядки сдѣлались
8	прим. 3 стр. 5	отъ	атъ
—	строка 6	ажъ	атъ
10	прим. 3 стр. 10	Гагенмейстеръ	Гагемейстеръ
14	6	умершаго, владѣльца король	умершаго владѣльца, король
24	прим. 1	Стыдливаго), послѣдняя 1256 года	Стыдливаго; послѣдняя 1256 года)
30	29	городское	шродское
45	7	кромѣ того имъ давалось еще особое	но полное право суда давалось имъ пока только какъ особое
48	34	городовые	гродовые
—	—	негородовые	негродовые
49	14	городовыя и негородовыя	гродовыя и негродовыя
—	27	неградовый	негродовый
56	1	ducale	ducali
60	прим. 2	Vol. leg. 40	Vol. leg 1. 40
61	прим. 1	Vol. leg. 79	Vol. leg. 1. 79
63	2	лавника	лавниковъ
—	прим. 2	Pocz.	Porz.
66	14	Хробріо	Хробрію
68	11	отдѣльный волокъ	отдѣльную волоку
—	14	волока	волоки
—	16	волока	волоки
69	26	волока	волоки
76	1	волокъ... пустъ	волока.... пуста
78	9	законодательства въ Литовско-Русскомъ государствѣ;	законодательства; въ Литовско-Русскомъ государствѣ
—	прим. 1	Памят. Т. 1. 209.	Памят. Т. II. отдѣл. 2. стр. 209.

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
79	прим. 1	Памят. 1, 21.	Памят. Т. II. отдѣл. 2. стр. 21.
—	20	имъ	ему
81	прим.	Памят. 1, 2, 174, 210	Памят. Т. II. отдѣл. 2. стр. 174, 210.
89	23	общественную	общеизвѣстную
91	19	съ и	и съ
97	33	Предсловъ	Предславъ
110	7	burgwrado	burgwardo
111	12	Полачане	Полочане
123	31	мактборскаго	маитборскаго
124	27	мактборскому	маитборскому
125	29	мѣдь	медъ
137	2	in forum competens	in foro competente
142	11	существенностію	сущностію
176	снизу 2	или по оффиціальному	или, по оффиціальному
182	1	древнимъ правамъ	древнихъ правъ.
183	прим. 1	4440	44442.
186	прим. 3 и 4	4438	4437.
190	23	частныхъ	честныхъ.
197	прим. 3	Кн. 4562. л. 72	Zubr. 22.
198	прим. 3	4430	4440
200	прим. 3	4436	4435
201	прим. 3	4568	4562
203	снизу. 3	сессіи	сессія
—	прим. 3	47	48
207	прим. 5	967	963
218	20	Бр.	Гр.
220	7	съ польскимъ маршалкомъ.	съ паномъ маршалкомъ
221	14	властію: при широкихъ юридическихъ правахъ онъ	властію при широкихъ юридическихъ правахъ: онъ
—	прим 1	287	286
225	прим 2	3931	3961
240	прим. 8	въ 1573 году	въ 1753 году
243	2	1636 года	1536 года
246	прим. 1	Кн. 1080 л. 65.	Кн. 1069 л. 42
259	прим 1	1458	1462
263	прим. 2	134	194
265	прим. 2	1452	1455
266	прим. 1	71	33
272	прим 2	49	95
275	прим. 1	32	52
277	прим. 3	Бон. II 891	Бал. II. 891



30.3.71